

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№2
2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 2/2026

дата публикации: 25.05.2026 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:

Экономические: 5.2.1. Экономическая теория

Социологические: 5.4.2. Экономическая социология

Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	А.Н. Олейник (Канада)
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Г.Д. Гловели	Л.И. Полищук
Р.С. Гринберг	В.М. Полтерович
В.Е. Дементьев	Т.Ф. Ремингтон (США)
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	А.Я. Рубинштейн
Л.В. Зеленоборская	М.Е. Симон
Р.И. Капелюшников	Н.Е. Тихонова
С.Г. Кирдина-Чэндлер	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

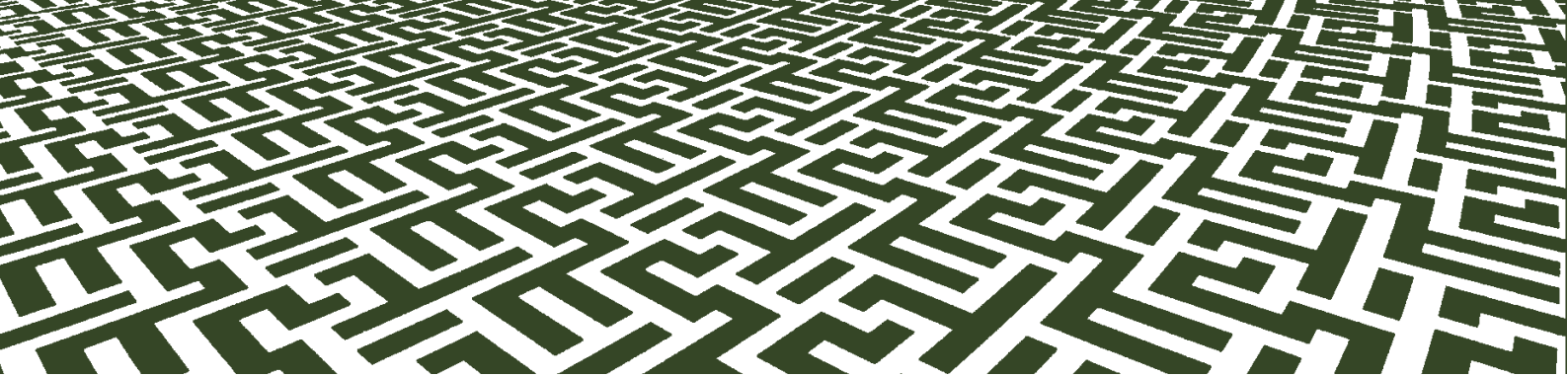
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

тел./факс: 8(499) 724-15-41

e-mail (издателя): ieras@inecon.ru

e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru

© Вопросы теоретической экономики, 2026

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**I S S U E S   O F
E C O N O M I C
T H E O R Y**

- **Economic Theory**
- **Methodology of economic science**
- **From Theory to Economic Policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary Studies**
- **Economic History**
- **Surveys & reviews**

**Nº2
2026**

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY
scientific journal

№ 2/2026

Publication Date: 25.05.2026

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	A.N. Oleinik (Canada)
M.I. Voyerikov <i>Deputy Chief Editor</i>	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
G.D. Gloveli	L.I. Polishchuk
R.S. Grinberg	V.M. Polterovich
V.E. Dementiev	T.F. Remington (USA)
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	A.Y. Rubinshtein
L.V. Zelenoborskaya	M.E. Simon
R.I. Kapelyushnikov	N.E. Tikhonova
S.G. Kirdina-Chandler	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@inecon.ru
© Issues of Economic Theory, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- А.Я. Рубинштейн, Е.Э. Чуковская**
Распространение знания и научные журналы в зеркале социологического исследования 7
- Заостровцев А.П.**
Крах либеральной модернизации и вызов «русской матрицы» 26
- Плущевская Ю.Л.**
Волны Кондратьева как фазы системных циклов накопления Д. Арриги: теоретические основы и эмпирическая верификация 46
- Плискевич Н.М.**
Концептуальное пространство исследования трансформационных процессов 68

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Тамбовцев В.Л.**
Преодоление экономического неравенства: все ли вопросы поставлены? 86

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

- Е.Е. Шестакова**
Есть ли перспективы у добровольного медицинского страхования или это путь в тупик? 99
- И.М. Бондарев**
Технологический суверенитет как поле консенсуса российской науки, государства и бизнеса: теоретические аспекты 114

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

- Н.М. Розанова**
Философия экосистемы человека и природы в работах С.Н. Булгакова 135

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Н. Медушевский**
Добродетель и порок: этические кодексы маргинальных сообществ современной России (Часть 2) 146

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Васильев С.А.**
Попытки стабилизации российской экономики в 1993-1998 гг.: пять правительств Виктора Черномырдина 165
- Фельдман М.А.**
Второй пятилетний план и его реализация в 1933–1937 гг.: многоликая судьба 194

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- О.М. Самойлов, А.Н. Татарко**
Социально-психологические факторы доверия искусственному интеллекту: состояние исследований 209

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

- A. Rubinstein, E. Chukovskaya**
Dissemination of Knowledge and Scientific Journals in the Mirror of Sociological Research 7
- A. Zaoztrovtssev**
The Collapse of Liberal Modernization and the Challenge of «Russian Matrix» 26
- Yu. Plushchevskaya**
Kondratiev Waves As Phases of Arrighi's Systemic Cycles of Accumulation: Theoretical Framework and Empirical Verification 46
- N. Pliskevich**
Conceptual Space for Researching of the Transformation Processes 68

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

- V. Tambovtsev**
Overcoming Economic Inequality: Have All the Questions Been Asked? 86

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

- E. Shestakova**
Is Voluntary Health Insurance a Promising Development or a Dead End? 99
- I. Bondarev**
Technological Sovereignty as a Consensus of Russian Science, State and Business: Theoretical Aspects 114

HISTORY OF THOUGHT

- N. Rozanova**
Ecosystem Philosophy of Nature and Human Beings in the Works of Sergei Bulgakov 135

INTERDISCIPLINARY STUDIES

- A. Medushevskiy**
Virtue and Vice: Ethical Codes of Marginal Communities in Modern Russia. Part 2 146

ECONOMIC HISTORY

- S. Vasiliev**
Attempts to Stabilize the Russian Economy in 1993-1998: Viktor Chernomyrdin's Five Governments 165
- M. Feldman** The Second Five-Year Plan and its Implementation in 1933–1937: a Multifaceted Fate 194

SURVEYS & REVIEWES

- O. Samoilov, A. Tatarko**
Socio-Psychological Factors of Trust in Artificial Intelligence: State of Research 209

А.Я. Рубинштейн

*д.ф.н., руководитель научного направления «Теоретическая экономика»,
Институт экономики РАН (Москва)*

Е.Э. Чуковская

*к.ю.н., директор Научно-образовательного центра интеллектуальной
собственности и цифровой экономики (Москва)*

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЯ И НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты исследований проблем распространения знания в области науки и публикационной активности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью объективной оценки качества научных журналов в сфере экономических наук и существующих механизмов их ранжирования. В современных условиях особую значимость приобретает проблема адекватности библиометрических показателей и экспертных оценок при определении статуса научных изданий. Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа и сравнительной оценки различных подходов к ранжированию научных журналов экономических институтов Российской академии наук (РАН), включая библиометрические показатели и экспертные оценки научного сообщества. Методология исследования базируется на сочетании социологических методов (экспертный опрос), библиометрического анализа (Science Index, импакт-фактор) и эконометрических инструментов (факторный, кластерный анализ). Исследование опирается на данные о 28 научных журналах экономических институтов РАН. Основные результаты демонстрируют существенные расхождения между различными системами ранжирования научных журналов. Проводится комплексный анализ рейтингов экономических журналов, учреждаемых институтами РАН. Авторы ставят под сомнение адекватность существующих систем оценки, основанных исключительно на библиометрических показателях (таких, как цитируемость), а также на непрозрачных административных решениях при формировании «элитных» нормативных списков. Выявлено, что экспертные оценки научного сообщества не всегда коррелируют с библиометрическими показателями. Установлено также, что значительная часть академических журналов не включена в ключевые нормативные списки («белый список», список ВАК), что снижает их видимость в научном пространстве. Научная новизна заключается в разработке комплексного подхода к оценке научных журналов, объединяющего библиометрические показатели, экспертные оценки и анализ индивидуальных предпочтений научного сообщества. Предложен метод построения общего рейтинга журналов на основе агрегирования различных факторов. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов для совершенствования механизмов оценки качества научных публикаций и формирования объективных критериев включения журналов в различные научные рейтинги. .

Ключевые слова: *социологические исследования, распространение знания, научные журналы, ранжирование, библиометрические показатели, экспертная оценка.*

JEL: A14, B23, C43

УДК: 001, 001.3, 004, 009

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_7_25

© А.Я. Рубинштейн, Е.Э. Чуковская, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. Распространение знания и научные журналы в зеркале социологического исследования // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 7–25. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_7_25.

FOR CITATION: Rubinstein A.Ya., Chukovskaya E.E. Dissemination of Knowledge and Scientific Journals in the Mirror of Sociological Research // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 7–25. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_7_25.

Введение

Анализируя сложившуюся ситуацию в процессе распространения знания¹, следует обратить внимание на то обстоятельство, что индикаторы цитируемости в лучшем случае являются «прокси-показателями», которые, вообще говоря, не имеют отношения к изучаемому процессу. Подчеркнём, что библиометрические метрики, основанные на цитируемости, не всегда свидетельствуют даже о знакомстве авторов с работами других исследователей и не отражают уровень журналов, где они опубликованы [Адлер, Эвинг, Тейлор, 2011; Waltman, 2016; Идеи и числа..., 2016. С. 40–41].

С учётом целей настоящего исследования повторим, что научные центры и институты Российской академии наук, основная задача которых — проведение фундаментальных исследований, выступают в двух ипостасях: как своеобразные «фабрики» по производству знания — 14 научных организаций и как учредители — 28 научных журналов, обеспечивающих распространение знания по тематике «Экономика. Экономические науки» [Рубинштейн, Чуковская, 2026]. При этом большая часть из 28 журналов институтов РАН не включены в «Белый список» (15 журналов), «список RSCI» (15 журналов) и «Ядро РИНЦ» (13 журналов). И даже в непомерно большой список журналов ВАК (более 400 изданий) не вошли 3 журнала институтов РАН (табл. 1)².

Таблица 1

Журналы институтов и научных центров РАН по тематике «Экономика. Экономические науки»

№	Наименование	Специальные списки журналов				Институты и научные центры РАН	№
		белый список (15)	ВАК (24)	ядро (15)	RSCI (13)		
		<i>B</i>	<i>V</i>	<i>Y</i>	<i>R</i>		
1	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз		V2	Y8		Вологодский научный центр	1
2	Проблемы развития территории		V1				
3	Современная Европа	B2	V1	Y22	R20	Институт Европы	2
4	Проблемы прогнозирования	B2	V1	Y2	R2	Институт народнохозяйственного прогнозирования	3
5	Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования		V1				

¹ Статья является продолжением работы, опубликованной в предыдущем номере журнала (см. [Рубинштейн, Чуковская, 2026]).

² Эта и все последующие таблицы данной работы построены на основе библиометрической информации, содержащейся в разделе «Экономика. Экономические науки» РИНЦ (на дату 30 апреля 2025 г.), и результатов интернет-социологического исследования, проведённого Институтом экономики РАН в период с 10 февраля по 15 мая 2025 года с использованием информационной системы НЭА, которые содержатся в открытом доступе URL: <https://www.econorus.org/socmon.phtml>.

№	Наименование	Специальные списки журналов				Институты и научные центры РАН	№
		белый список (15)	ВАК (24)	ядро (15)	RSCI (13)		
		<i>B</i>	<i>V</i>	<i>Y</i>	<i>R</i>		
6	Регион: Экономика и Социология	<i>B2</i>	<i>V1</i>	<i>Y27</i>	<i>R25</i>	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	4
7	ЭКО	<i>B3</i>	<i>V1</i>	<i>Y12</i>	<i>R11</i>		
8	Вопросы экономики	<i>B1</i>	<i>V1</i>	<i>Y1</i>	<i>R1</i>	Институт экономики	5
9	Журнал НЭА	<i>B2</i>	<i>V1</i>	<i>Y9</i>	<i>R8</i>		
10	Вестник Института экономики Российской академии наук		<i>V1</i>	<i>Y30</i>	<i>R28</i>		
11	Вопросы теоретической экономики		<i>V1</i>				
12	Уровень жизни населения регионов России		<i>V1</i>				
13	Вопросы политической экономии		<i>V2</i>			Институт научной информации по общественным наукам	6
14	Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право	<i>B2</i>	<i>V1</i>	<i>Y23</i>	<i>R21</i>		
15	Экономические и социальные проблемы России		<i>V2</i>				
16	Проблемы рыночной экономики		<i>V2</i>			Институт проблем рынка	7
17	Экономика и социум: современные модели развития						
18	Проблемы управления	<i>B4</i>	<i>V1</i>	<i>Y21</i>	<i>R19</i>	Институт проблем управления	8
19	Экономика региона	<i>B1</i>	<i>V1</i>	<i>Y4</i>	<i>R4</i>	Институт экономики УрО РАН	9
20	AlterEconomics		<i>V1</i>				
21	Пространственная экономика	<i>B1</i>	<i>V1</i>	<i>Y1</i>	<i>R1</i>	Институт экономических исследований ДВО РАН	10
22	Север и рынок: формирование экономического порядка	<i>B4</i>		<i>Y35</i>		Кольский научный центр	11
23	Мировая экономика и международные отношения	<i>B2</i>	<i>V1</i>	<i>Y7</i>	<i>R7</i>	Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений	12
24	Россия и новые государства Евразии		<i>V2</i>				
25	Анализ и прогноз		<i>V3</i>				
26	Экономическая наука современной России		<i>V2</i>			Региональная общественная организация содействия развитию институтов Отделения экономики РАН	13
27	Экономика и математические методы	<i>B3</i>	<i>V1</i>	<i>Y29</i>	<i>R27</i>	Центральный экономико-математический институт	14
28	Вестник ЦЭМИ						

Источник: составлено авторами.

Что же касается качества академических журналов, не попавших в тот или иной список, то их оценки должны быть результатом исследования, а не априорных суждений неких анонимных составителей этих списков, часто отстаивающих *только* собственные интересы. Мы полагаем, что сам факт издания журнала институтом РАН является достаточным аргументом для включения в журнальную базу, на основе которой проводятся разного рода исследования, включая ранжирование журналов.

Именно в этих научных организациях сосредоточен основной исследовательский потенциал, позволяющий обеспечивать необходимый уровень рецензирования и редакторской подготовки статей. С учётом сказанного должна быть определена и базовая совокупность анализируемых журналов по тематике «Экономика. Экономические науки».

Ранжирование научных журналов

Обычно журнальный рейтинг определяется в виде агрегата библиометрических показателей или экспертных оценок. Среди социологических опросов, измеряющих мнение экспертного сообщества в отношении научных журналов, известен ряд исследований, направленных на определение их рейтингов [Балацкий, Екимова, 2015; Балацкий, Юревич, 2016; Рубинштейн, Бураков, Славинская, 2017; Рубинштейн, Бураков, 2021]. В этой работе анализируются только экономические журналы, учредителями которых являются экономические институты РАН.

Каждый из них рассматривается в трёхмерном пространстве показателей, характеризующих научный уровень, престиж и интерес со стороны научного сообщества. С этой целью участникам социологического интернет-опроса было предложено выбрать один или несколько ответов на следующие вопросы: 1) «Какие журналы, по Вашему мнению, имеют высокий научный уровень?»; 2) «Какие журналы, по Вашему мнению, считаются в экономическом сообществе наиболее престижными?»; 3) «Какие журналы, по Вашему мнению, считаются в экономическом сообществе наиболее интересными?». Ответы на эти вопросы представлены в табл. 2. Выполненные расчёты показывают, что два журнала из 28 изданий, учредителями которых являются институты РАН, занимают по оценкам экспертов лидирующие позиции одновременно по каждому из трёх показателей.

Такова оценка экспертов, доля которых при выборе журнала «Вопросы экономики» составила, соответственно, 69, 74 и 59%, и при выборе журнала «НЭА» — 59, 45 и 46% респондентов. Полученные результаты, если и не объясняют полностью лидирующие позиции этих журналов, то всё же указывают на их важную особенность. Дело в том, что при их учредительстве Институтом экономики РАН, они являются *независимыми* от него автономными некоммерческими организациями, сохраняющими экономические свободы. Позиции других 26 журналов, которые в большинстве своём работают внутри академических институтов, функционирующих в форме бюджетных учреждений, далеко не одинаковы по каждому из используемых показателей (табл. 2).

Анализ приведённых данных даёт основание для предварительного вывода о том, что среди анализируемых академических журналов существуют их отдельные группы, различающиеся в целом по всем рассматриваемым показателям. Для проверки такого утверждения необходимо построить общий рейтинг журналов, представляющий собой линейную комбинацию частных показателей, полученных в результате социологического опроса экспертов.

Не вдаваясь в технику расчётов этого рейтинга, отметим, что эконометрическим решением данной задачи является факторный анализ, включая метод главных компонент, позволяющий определить композитный фактор в виде взвешенной комбинации частных показателей с последующим разбиением совокупности академических журналов на ряд кластеров, представляющих собой базу для ранжирования журналов. Здесь также применяются разные эконометрические методы, включая кластерный анализ, позволяющий разбить всю совокупность журналов на отдельные квартили. Результаты соответствующих расчётов представлены в табл. 3.

Таблица 2

Доля экспертов, указавших на высокий уровень показателей академических журналов, %, N = 255

№	Наименование журналов институтов РАН	Высокий уровень показателей		
		Научный уровень	Престиж	Интерес
1	Вопросы экономики	69	74	59
2	Журнал НЭА	59	45	46
3	Проблемы прогнозирования	35	34	26
4	Мировая экономика и международные отношения	33	32	28
5	Экономика региона	32	27	26
6	Экономика и математические методы	32	24	16
7	Вестник Института экономики Российской академии наук	30	23	15
8	ЭКО	22	17	26
9	Пространственная экономика	21	15	17
10	Вопросы теоретической экономики	20	13	14
11	Вестник ЦЭМИ	20	15	13
12	Проблемы управления	17	15	13
13	Регион: Экономика и Социология	16	11	13
14	Вопросы политической экономии	15	12	11
15	Экономическая наука современной России	15	13	11
16	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	14	7	12
17	Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования	14	10	8
18	Проблемы развития территории	11	9	7
19	Уровень жизни населения регионов России	11	8	9
20	AlterEconomics	11	7	8
21	Экономические и социальные проблемы России	10	4	8
22	Проблемы рыночной экономики	7	4	7
23	Экономика и социум: современные модели развития	7	3	9
24	Современная Европа	6	4	7
25	Север и рынок: формирование экономического порядка	6	3	4
26	Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право	5	3	4
27	Анализ и прогноз	5	2	4
28	Россия и новые государства Евразии	4	2	3

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Ранжирование журналов экономических институтов РАН

№	Наименование	Композитный фактор (W1)	Квартили рейтинга (Q)
1	Вопросы экономики	13,00	Q1
2	Журнал НЭА	9,90	
3	Проблемы прогнозирования	6,50	Q2
4	Мировая экономика и международные отношения	6,42	
5	Экономика региона	5,94	
6	Экономика и математические методы	5,07	
7	Вестник Института экономики Российской академии наук	4,83	
8	ЭКО	4,80	
9	Пространственная экономика	4,01	
10	Вопросы теоретической экономики	3,66	
11	Вестник ЦЭМИ	3,64	
12	Проблемы управления	3,50	
13	Регион: Экономика и Социология	3,21	Q3
14	Вопросы политической экономии	3,13	
15	Экономическая наука современной России	3,08	
16	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	2,81	
17	Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования	2,71	
18	Проблемы развития территории	2,47	
19	Уровень жизни населения регионов России	2,44	Q4
20	AlterEconomics	2,18	
21	Экономические и социальные проблемы России	2,12	
22	Проблемы рыночной экономики	1,96	
23	Экономика и социум: современные модели развития	1,88	
24	Современная Европа	1,83	
25	Север и рынок: формирование экономического порядка	1,57	
26	Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право	1,51	
27	Анализ и прогноз	1,46	
28	Россия и новые государства Евразии	1,33	

Источник: составлено авторами.

Выполненные расчёты обусловили выделение четырёх групп журналов, учреждённых экономическими институтами РАН. В первый и второй квартили Q1 и Q2 вошли, соответственно, 2 и 10 журналов, третий и четвертый квартили Q3 и Q4 составили, соответственно, 7 и 9 журналов. Следует подчеркнуть, что в основе такого ранжирования журналов институтов РАН лежат оценки экспертов, полученные в ходе социологического исследования и соответствующих эконометрических расчётов. И в этом смысле можно говорить, что указанное ранжирование является результатом построения «*Экспертного рейтинга*», в котором участвовали более 250 экспертов — экономистов высокой квалификации, 87% которых имеют степени доктора или кандидата наук, представляющих университетскую и академическую науку более чем из 60 российских городов [Рубинштейн, Чуковская, 2026].

Библиометрические рейтинги журналов

Выполненный анализ имеет смысл дополнить рейтингами, построенными на основе показателей цитируемости, которые предоставляет Научная электронная библиотека «eLIBRARY.RU» для любой выборки журналов, включая издания академических институтов. Свою выборку журналов в этой же базе определил ещё один участник — Высшая аттестационная комиссия (ВАК), которая стала рассматривать кандидатские и докторские диссертации только при наличии публикаций, входящих в её список журналов. Два года назад добавился и другой участник — Минобрнауки РФ, который ввёл ещё одну выборку журналов, названную «Белый список», который предполагается использовать для мониторинга и оценки публикационной активности российских учёных. Сопоставление этого *министерского* списка, созданного на основе решений некоей Межведомственной рабочей группы, установившей четыре категории (B1, B2, B3, B4), с четырьмя квартилями «Экспертного рейтинга» (Q1, Q2, Q3, Q4), представлено в табл. 4.

Таблица 4
Сопоставление Белого списка и Экспертного рейтинга

Белый список (V — ВАК)	Q (четыре квартиля)				Всего
	Q1	Q2	Q3	Q4	
B1, V1	1	2	0	0	3
B2, V2	1	2	1	2	6
B3, V3	0	2	0	0	2
B4	0	1	0	1	2
Всего	2	7	1	3	13

Источник: составлено авторами.

Расчёты показали, что в «Белый список» включены только 13 из 28 академических изданий. Большая их часть, в том числе два журнала ИЭ РАН: «Вестник Института экономики РАН» и «Вопросы теоретической экономики», а также «Вестник ЦЭМИ», входящие во второй квартиль «Экспертного рейтинга» (Q2), не вошли ни в одну категорию этого списка. При этом три журнала: «Современная Европа», «Север и рынок: формирование экономического порядка» и «Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право» из четвёртого квартиля (Q4) «Экспертного рейтинга» оказались включёнными во вторую категорию «Белого списка» (B2). Объяснить такие расхождения сложно; можно лишь зафиксировать, что оценки экспертов отличаются от интерпретации комиссии Минобрнауки.

Что же касается ранжирования журналов из списка ВАК, в который включены 26 из 28 журналов институтов РАН, то здесь наблюдается иная ситуация, главным образом обусловленная размером этого списка³. И всё же и здесь возникают вопросы. Так, в список ВАК не вошли два академических журнала: «Вестник ЦЭМИ» и «Экономика и социум: современные модели развития», учредителями которых являются Центральный экономико-математический институт РАН.

Учитывая цели создания ВАКовского списка, который становится своеобразным фильтром для учёта публикаций при защите кандидатских и докторских диссертаций, возникает плохо объяснимое положение дел, когда указанные два журнала объявляются менее качественными, чем любой из 323 неакадемических изданий списка ВАК. Для аспирантов и докторантов это фактически устанавливает определённый запрет на публикации в указанных «журналах-изгоях».

Подводя предварительные итоги сравнения рейтингов журналов институтов РАН, построенных на основе экспертного опроса (Q1, Q2, Q3, Q4), с рейтингами тех же самых журналов из «Белого списка» (B1, B2, B3, B4) и списка ВАК (V1, V2, V3), можно сделать вывод, что лишь в четырёх случаях журналы из «Белого списка» совпали по соответствующим категориям с «Экспертным рейтингом». Так, только «Вопросы экономики» входит и в категорию B1, и квартиль Q1; два журнала: «Проблемы прогнозирования» и «Мировая экономика и международные отношения» — в категорию B2 и квартиль Q2; один журнал «Север и рынок: формирование экономического порядка» — в категорию B4 и квартиль Q4.

При сопоставлении же списка ВАК с «Экспертным рейтингом» таких совпадений ещё меньше. Только в двух случаях журналы из этого списка совпали по соответствующим категориям с «Экспертным рейтингом». Это «Вопросы экономики» и «Журнал НЭА», которые одновременно включены в первую группу V1 и первый квартиль Q1, и журнал «Анализ и прогноз», входит в последнюю группу V3 и четвёртый квартиль Q4.

Весьма любопытная ситуация наблюдается при сравнении результатов социологического опроса экспертов — «Экспертного рейтинга», с рейтингами, построенными исключительно на библиометрических метриках. Речь идёт о сопоставлении квартилей Q1, Q2, Q3, Q4 с уровнями журналов, построенными на основе «Science index» (S). Результаты прямых сопоставлений рейтингов Q и S приведены в табл. 5.

Таблица 5
Сопоставление Science index и Экспертного рейтинга

S (четыре уровня)	Q (четыре квартиля)				Всего
	Q1	Q2	Q3	Q4	
S1	1	2	0	0	3
S2	1	4	2	2	9
S3	0	3	2	2	7
S4	0	1	3	5	9
Всего	2	10	7	9	28

Источник: составлено авторами.

³ В список ВАК по направлению «Экономика. Экономические науки» в настоящее время входят 349 научных журнала: первую группу составляют 87, вторую — 175 и третью группу — 87 изданий.

Расчёты показывают, что в соответствующих квартилях *Q* и категориях *S* представлено примерно одинаковое количество журналов, и совпадения присутствуют в каждой категории. При этом общее количество соответствующих совпадений равно двенадцати, которые распределены следующим образом: один в первом квартиле, четыре во втором, два в третьем и пять в четвёртом.

При сравнении «Экспертного рейтинга» (*Q*) с рейтингами двух РИНЦ-выборок журналов ЯДРО (*Y*) и RSCI (*R*) нельзя забывать, что в отличие от разного рода нормативных списков с исходно устанавливаемыми категориями, в данном случае в качестве рейтингов, построенных на основе библиометрических «прокси-индикаторов», выступают номера позиций, которые занимают журналы в указанных выборках. Распределение журналов в ЯДРО и RSCI по четырём квартилям «Экспертного рейтинга» *Q1*, *Q2*, *Q3*, *Q4* приведены в табл. 6.

Таблица 6

Сопоставление выборки журналов Ядра РИНЦ, RSCI и данных Общественной экспертизы

	Q (четыре квартиля)				Всего
	Q1	Q2	Q3	Q4	
Ядро РИНЦ (<i>Y</i>)	2	8	2	3	15
RSCI (<i>R</i>)	2	8	1	2	13

Источник: составлено авторами.

Расчёты показывают, что в РИНЦ-выборках ЯДРО (*Y*) и RSCI (*R*) только два журнала из их первой категории — «Вопросы экономики» и «Журнал НЭА» — попали в первый квартиль *Q1*. Во второй квартиль *Q2* в каждую из указанных выборок вошли также одинаковые восемь журналов: «Проблемы прогнозирования», «Экономика региона», «Пространственная экономика», «Мировая экономика и международные отношения», а также «ЭКО», «Экономика и математические методы», «Вестник ИЭ РАН», «Вопросы теоретической экономики».

Можно сформулировать и общий вывод. При ожидаемых расхождениях в ранжировании журналов с применением различных методик следует, во-первых, отметить, что хотя обе указанные выборки (*Y* и *R*) не включают половину академических журналов, связь «Экспертного рейтинга» (*Q*) с ними оказывается весьма тесной, о чём свидетельствуют и соответствующие расчёты парных корреляций (табл. 7).

Во-вторых, учитывая, что рейтинги в выборках ЯДРО (*Y*) и RSCI (*R*) построены на основе «Science Index», нетрудно предположить, что они, а вслед за ними и экспертный рейтинг *Q*, тесно связаны с агрегированным библиометрическим индикатором Science Index (*S*), что подтверждает табл. 8. При этом «Science index» обладает важным достоинством, отличающим его от ЯДРО (*Y*) и RSCI (*R*), ибо он рассчитывается для всех 28 академических журналов.

Таблица 7

Коэффициенты парной корреляции / Q, R, Y, S

	Q	RSCI	ядро	Science index
Q	1,000	0,517*	0,574**	0,746**
RSCI (<i>R</i>)		1,000	0,955**	0,815**
ЯДРО (<i>Y</i>)			1,000	0,830**
Science index (<i>S</i>)				1,000

Источник: расчёты авторов.

Интерес к публикациям в конкретных журналах

Остановимся ещё на одном вопросе анкеты, который был сформулирован в дополнение к уже обозначенным выше вопросам, характеризующим научный уровень, общественный престиж и научный интерес каждого из них. Речь идёт о следующем вопросе: «В каких журналах Вы хотели бы опубликовать свои статьи?». Этот вопрос представляется очень важным, поскольку он позволяет измерить интерес экспертов к публикации своих статей в соответствующих журналах вне зависимости от характеристик каждого из них, указывающих на их научный уровень, общественный престиж и общий научный интерес. Ответы на этот вопрос представлены в приведённой ниже табл. 8.

Сопоставление полученных ответов с композитным фактором, который представляет собой агрегат трёх указанных выше характеристик журналов, даёт основание предположить, что интерес экспертов в публикации своих статей в определённых журналах отличается от агрегированного (по трём характеристикам журналов) мнения тех же самых экспертов. В качестве примера можно назвать три журнала: «Регион: Экономика и Социология», «Экономическая наука современной России» и «Экономические и социальные проблемы России», которые могли бы оказаться в более высоком квартиле.

Ещё больше примеров можно привести в отношении журналов, которые с точки зрения интереса экспертов оказались в более высоком квартиле, нежели это следует из агрегированной характеристики журналов. Это «Вопросы теоретической экономики», «Экономика и математические методы» и «Вестник ЦЭМИ», а также «Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования», «Проблемы развития территории» и «Уровень жизни населения регионов России» (табл. 8).

Иначе говоря, можно считать доказанным, что интерес экспертов в публикации своих статей в конкретных журналах отличается от композитного фактора, отражающего их научные характеристики. Полученный результат мотивирует постановку ещё одной задачи исследования, связанной с определением факторов, влияющих на уровень интереса публикаций в соответствующих журналах ($W3$).

Исходя из предыдущего анализа, нетрудно понять, что наибольший интерес в этом плане представляют два фактора, отражающие построенный на основе социологического опроса экспертов: ранжированный композитный фактор «Экспертный рейтинг» ($W1$) и агрегат библиометрических характеристик журналов — «Science index» ($W2$) в отношении тех же самых изданий. В табл. 9 приведены результаты соответствующей регрессионной модели.

Расчёты показали, что построенное уравнение регрессии обеспечивает хорошее приближение (скорректированный $R^2 = 0,678$ и все коэффициенты статистически значимы) «Уровня интереса публикаций в соответствующих журналах» ($W3$) к линейной комбинации композитного фактора «Экспертный рейтинг» ($W1$) и «Science index» ($W2$):

$$W3 = 5,61 - 1,72W1 + 0,46W2.$$

При этом знак минус при коэффициенте фактора $W1$ соответствует определению квартилей «Экспертного рейтинга»: с возрастанием номера квартиля рейтинг снижается, и, наоборот, журналы с наибольшим рейтингом попадают в первый кластер. Построенное уравнение регрессии свидетельствует о наличии связей между всеми входящими в него факторами, что подтверждает и соответствующая матрица корреляций (табл. 10).

Таблица 8

Три индикатора журналов экономических институтов РАН

№	Наименование	S_Index	Экспертный рейтинг	Интерес к публикациям
1	Вопросы экономики	13,19	13,00	13,30
2	Журнал НЭА	9,02	9,90	12,60
3	Проблемы прогнозирования	10,70	6,50	6,80
4	Мировая экономика и международные отношения	9,67	6,42	5,00
5	Экономика региона	10,02	5,94	7,30
6	Экономика и математические методы	6,93	5,07	3,40
7	Вестник Института экономики РАН	6,81	4,83	4,60
8	ЭКО	8,64	4,80	5,50
9	Пространственная экономика	9,86	4,01	5,00
10	Вопросы теоретической экономики	6,73	3,66	3,80
11	Вестник ЦЭМИ	3,52	3,64	2,30
12	Проблемы управления	7,70	3,50	4,80
13	Регион: Экономика и Социология	7,19	3,21	3,90
14	Вопросы политической экономии	4,98	3,13	3,30
15	Экономическая наука современной России	5,13	3,08	4,20
16	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	9,07	2,81	3,30
17	Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования	6,64	2,71	1,60
18	Проблемы развития территории	5,97	2,47	2,10
19	Уровень жизни населения регионов России	6,19	2,44	2,60
20	AlterEconomics	6,04	2,18	2,40
21	Экономические и социальные проблемы России	4,45	2,12	3,80
22	Проблемы рыночной экономики	3,27	1,96	1,90
23	Экономика и социум: современные модели развития	4,23	1,88	2,30
24	Современная Европа	7,69	1,83	1,40
25	Север и рынок: формирование экономического порядка	6,29	1,57	1,10
26	Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право	7,53	1,51	1,40
27	Анализ и прогноз	5,57	1,46	1,40
28	Россия и новые государства Евразии	3,88	1,33	0,80

Источник: составлено авторами.

Таблица 9

Интерес к публикациям статьи в журнале W3 / W1, W2 (N = 28)

Линейное уравнение регрессии	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	T	Значимость
	B	стандартная ошибка	бета		
(Константа)	5,61	2,33		2,401	0,024
«Экспертный рейтинг» (W1)	-1,72	0,44	-0,56	-3,88	0,001
Science index (W2)	0,46	0,18	0,36	2,51	0,019

Источник: расчёты авторов.

Таблица 10

Коэффициенты парной корреляции / W1, W2, W3

Факторы	W1	W2	W3
«Экспертный рейтинг» (W1)	1	0,746**	0,951**
S index (W2)		1	0,723**
Интерес к публикациям статьи в журнале (W3)			1

** — значимо при уровне $p < 0,05$.

Источник: расчёты авторов.

Учитывая наличие таких связей и то, что три эти фактора характеризуют журналы с *разных сторон* — исходя из оценки экспертами научных характеристик изданий (W1), из их библиометрической метрики (W2) и интереса к публикациям статей в конкретных журналах (W3), можно с помощью всё того же метода главных компонент построить композитный фактор (W) в виде взвешенной комбинации W (W1, W2, W3). Его последующая кластеризация позволяет определить «Общий рейтинг» журналов РАН (W). Результаты соответствующих расчётов представлены в табл. 11 ранжирования журналов институтов РАН.

Таблица 11

Общий рейтинг журналов институтов и научных центров РАН

№	Журналы институтов РАН	Общий рейтинг журналов
1	Вопросы экономики	I
2	Проблемы прогнозирования	
3	Журнал НЭА	
4	Экономика региона	
5	Мировая экономика и международные отношения	
6	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	II
7	Регион: Экономика и Социология	
8	ЭКО	
9	Вестник Института экономики Российской академии наук	

№	Журналы институтов РАН	Общий рейтинг журналов
10	Вопросы теоретической экономики	II
11	Проблемы управления	
12	Пространственная экономика	
13	Экономика и математические методы	
14	Проблемы развития территории	III
15	Современная Европа	
16	Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования	
17	Уровень жизни населения регионов России	
18	Вопросы политической экономии	
19	Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право	
20	Экономические и социальные проблемы России	
21	Проблемы рыночной экономики	
22	Экономика и социум: современные модели развития	
23	AlterEconomics	
24	Север и рынок: формирование экономического порядка	
25	Россия и новые государства Евразии	
26	Анализ и прогноз	
27	Экономическая наука современной России	
28	Вестник ЦЭМИ	

Источник: составлено авторами.

Обновлённые списки журналов

На момент, когда статья была почти закончена, появилась обновлённая информация РИНЦ об изменениях списках журналов, включённых в «Ядро» и «RSCI». При этом представительство академических журналов в «Белом списке» оставалось прежним. Что же касается двух других списков, то кроме журнала «Вестник Института экономики РАН», который был включён в списки «ЯДРО» и «RSCI» ещё в 2024 г., в 2025 г. добавились в эти списки ещё два журнала Института экономики РАН — «Вопросы теоретической экономики» и «Уровень жизни населения регионов России». Замыкает список добавленных изданий ещё один академический журнал «Экономическая наука современной России» (табл. 12, 13).

Таблица 12

Журналы, дополнительно включённые в «ЯДРО» и «RSCI» в 2025 г.

№	Наименование	№
1	Уровень жизни населения регионов России	39
2	Вопросы теоретической экономики	41
3	Экономическая наука современной России	42
4	Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий	43
5	Региональные исследования	44
6	Journal of New Economy	45
7	Регионоведение	46
8	Russian Journal of Economics and Law	47
9	Вестник Пермского университета. Серия: Экономика	48
10	Экономика науки	49
11	Социально-трудовые исследования	50
12	Экономика промышленности	51

Источник: составлено авторами.

Таблица 13

Ранжирование журналов институтов и научных центров РАН по тематике «Экономика. Экономические науки»

№	Журналы институтов РАН	ВАК (24)	15 мая 2025 г.		25 августа 2025 г.		15.05.2025 г.	12.09.2025 г.	Общий рейтинг
			ядро (18)	RSCI (16)	ядро (18)	RSCI (16)	белый список (13)	белый список (25)	
			Y	R	Y	R	B	B	
1	Вопросы экономики	V1	Y	R	Y	R	B1	B1	I
2	Проблемы прогнозирования	V1	Y	R	Y	R	B2	B1	I
3	Журнал НЭА	V1	Y	R	Y	R	B2	B2	I
4	Экономика региона	V1	—	R	—	R	B1	B1	I
5	Мировая экономика и международные отношения	V1	Y	R	Y	R	B2	B1	I
6	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	V2	Y		Y				II
7	Регион: Экономика и Социология	V1	Y	R	Y	R	B2	B2	II
8	ЭКО	V1	Y	R	Y	R	B3	B2	II
9	Вестник Института экономики Российской академии наук	V1	Y	R	Y	R		B1	II
10	Вопросы теоретической экономики	V1	Y	R	Y	R		B2	II
11	Проблемы управления	V1	Y	R	Y	R	B4	B2	II

№	Журналы институтов РАН	ВАК (24)	15 мая 2025 г.		25 августа 2025 г.		15.05.2025 г.	12.09.2025 г.	Общий рейтинг
			ядро (18)	RSCI (16)	ядро (18)	RSCI (16)	белый список (13)	белый список (25)	
			Y	R	Y	R	B	B	
12	Пространственная экономика	V1	Y	R	Y	R	B1	B1	II
13	Экономика и математические методы	V1	Y	R	Y	R	B3	B1	II
14	Проблемы развития территории	V1						B2	III
15	Современная Европа	V1	Y	R	Y	R	B2	B1	III
16	Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования	V1						B2	III
17	Уровень жизни населения регионов России	V1	Y	R	Y	R		B2	III
18	Вопросы политической экономики	V2	—	—	—	—	—	B3	III
19	Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право	V1	Y	R	Y	R	B2	B1	III
20	Экономические и социальные проблемы России	V2	—	—	—	—	—	B3	III
21	Проблемы рыночной экономики	V2	—	—	—	—	—	B3	III
22	Экономика и социум: современные модели развития	—	—	—	—	—	—	—	III
23	AlterEconomics	V1	—	—	—	—	—	B2	III
24	Север и рынок: формирование экономического порядка	—	Y		Y		B4	B2	III
25	Россия и новые государства Евразии	V2	—	—	—	—	—	B3	III
26	Анализ и прогноз	V3	—	—	—	—	—	B3	III
27	Экономическая наука современной России	V2	Y	R	Y	R	—	B2	III
28	Вестник ЦЭМИ	—	—	—	—	—	—	B3	III

Источник: составлено авторами.

Можно сказать, что «лёд тронулся» и уже больше половины академических изданий входят в списки «ЯДРО» и «RSCI» — соответственно, 18 и 16 из 28 научных журналов Институтов РАН. Но на этом, как оказалось, реформирование списков журналов не закончилось. Не прошло и трёх недель, как появилось ещё одно известие, меняющее отношение к академическим журналам. Уже несколько лет в работах, посвящённых проблемам распространения знания [Рубинштейн, Бураков, 2023; Рубинштейн, Чуковская, 2024а; Рубинштейн, Чуковская, 2024b], мы каждый раз обращались к руководству «Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU» и к экономическому сообществу в целом с настоятельной рекомендацией расширить «Белый список» и увеличить «ЯДРО» за счёт более широкого представительства

журналов, учредителями которых являются Институты и научные центры Российской академии наук, где сосредоточен основной потенциал российской экономической науки.

Не думаем, что к нам прислушались, важно другое — 12 сентября 2025 г. в соответствии с решением некоей Межведомственной рабочей группы⁴, было обнародовано давно ожидаемое создание Единого государственного перечня научных изданий — «Белый список». И, начиная с этой даты, уже почти все журналы, учредителями которых являются экономические институты РАН, включены в этот список.

Не вошли в него, причём, как обычно без всяких объяснений и по непонятным причинам, два журнала: «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (Вологодский научный центр РАН) с довольно высоким импакт-фактором (0,81), а также «Экономика и социум: современные модели развития» (Институт проблем рынка РАН).

Испытывая определённое удовлетворение и всячески поддерживая такую динамику, мы не можем всё-таки не сказать о продолжающейся бюрократической практике непрозрачных решений, что лишний раз подтвердили непонятно как установленные уровни журналов «Белого списка» (табл. 13, 14).

При этом, вместе с решением о создании Единого государственного перечня научных изданий, была представлена и Методика категоризации журналов, в соответствии с которой её основными инструментами являются: метрики и экспертиза⁵. Ну а дальше, к сожалению, всё как обычно. Объективный библиометрический критерий, в качестве которого методика определила пятилетний импакт-фактор. Он был скорректирован при установлении уровней журналов в соответствии с субъективными вкусовыми решениями Минобрнауки. Понятно, что такой произвол привёл к разрушениям в логике категоризации журналов. Это нетрудно заметить при рассмотрении табл. 14.

Таблица 14

Журналы из «Белого списка» в сопоставлении с их импакт-фактором, 2025

Журналы экономических институтов РАН	30 апреля	12 сентября	
	уровни белого списка	уровни белого списка	импакт-фактор (пятилетний)
Журнал НЭА	II	II	0,94
Уровень жизни населения регионов России	—	II	0,56
Север и рынок: формирование экономического порядка	IV	II	0,44
Вестник ИЭ РАН	—	I	0,40
Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право	II	I	0,38
Современная Европа	II	I	0,28
Экономика и математические методы	III	I	0,27
Общество и экономика	—	I	0,09

Источник: составлено авторами.

⁴ Межведомственная рабочая группа по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов создана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в соответствии с поручением Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации (№ ДЧ-П8-60 пр от 27.06.2022 г.).

⁵ Межведомственная рабочая группа Минобрнауки России утвердила методику категорирования российских и международных научных изданий «Белого списка» на 2023 г. (протокол заседания Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов № ДС/17-пр от 15.05.2023 г.).

Приведённые в табл. 14 данные, извлечённые из опубликованного Межведомственной рабочей группой Минобрнауки РФ «Белого списка» с уровнями экономических журналов институтов РАН, установленными этой же рабочей группой, и значения импакт-факторов указанных журналов, содержащихся в Научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» (РИНЦ), свидетельствуют о явной несогласованности категоризации журналов в «Белом списке» с их импакт-фактором, который по замыслу авторов Методики должен быть основой категоризации.

Так, журналы «Журнал НЭА» ($ИФ=0,94$), «Уровень жизни населения регионов России» ($ИФ=0,56$), «Анализ и прогноз» ($ИФ=0,44$) и «Север и рынок: формирование экономического порядка» ($ИФ=0,44$) по решению Межведомственной рабочей группы включены в «Белый список» со второй и третьей категориями. При этом импакт-фактор каждого из этих трёх журналов превосходит значение импакт-факторов, журналов, которым присвоена первая категория: «Вестник Института экономики Российской академии наук» ($ИФ=0,40$), «Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право» ($ИФ=0,38$), «Современная Европа» ($ИФ=0,28$), «Экономика и математические методы» ($ИФ=0,27$), «Общество и экономика» ($ИФ=0,09$).

Подробное знакомство с документами «Российского центра научной информации», наводит на мысль, что создание Единого государственного перечня научных изданий «Белый список» является, по сути, продолжением политики *вытеснения независимой организации РИНЦ* на платформе оценок публикационной активности результатов диссертаций и/или научно-исследовательских работ, учитываемых при оценке деятельности научных сотрудников и профессорско-преподавательского состава. В этом развивающемся процессе формируется тренд замещения библиометрических показателей экспертными оценками, отражающими установки субъектов власти.

Заключение

Принимая во внимание хронические недостатки ранжирования журналов на основе цитирования и попытки их преодоления посредством коррекции результатов библиометрических измерений с опорой на субъективные решения административно создаваемых комиссий, мы полагаем целесообразной замену подобных вердиктов на регулярные социологические опросы с выяснением мнений и оценок научного сообщества в отношении характеристик научных журналов. Такой подход к ранжированию журналов предполагает их комплексное рассмотрение в пространстве трёх факторов — библиометрической «Science Index», социологического «Экспертного рейтинга» и фактора «Индивидуальных предпочтений экспертов», с последующим построением их статистического агрегата в виде «Общего рейтинга журналов».

Следует специально сказать о неудачных произвольных построениях, определяющих «элитные списки» журналов, априорно и необоснованно присваивающих «знак качества» научным изданиям, включённым в эти списки. Непрозрачность механизмов составления таких списков, причём разной длины и такого же вольного их разделения на несколько категорий, заставляет думать о ненужности подобных списков. Их неприятным следствием стал и рост платных публикаций в «мусорных журналах» с явно пониженными требованиями к статьям. Наверное, более всего это коснулось научных сотрудников, занятых подготовкой кандидатских, а иногда и докторских диссертаций.

Возвращаясь к теме восстановления статуса Российской академии наук и необходимости возвращения в её лоно академических институтов, следует сказать ещё об одной задаче, связанной с надлежущей «опекой» научных журналов, учредителями которых являются институты РАН. И если пока не удаётся ликвидировать обозначенные выше списки «элитных» журналов, следует принять необходимые меры, чтобы обеспечить влияние РАН на изменение перечня входящих в них изданий. Первый шаг в этом направлении сделан — создан Единый государственный перечень научных изданий «Белый список», в который включены практически все журналы, учредителями которых являются экономические институты РАН. Омрачает этот шаг наличие субъективизма в определении категорий указанных журналов.

ЛИТЕРАТУРА

- Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П. (2011). Статистики цитирования // *Игра в цифирь, или Как теперь оценивают труд учёного: Сб. статей о библиометрике*. — М.: МЦНМО.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2015). Опыт составления рейтинга российских экономических журналов // *Вопросы экономики*. № 8. С. 99–115.
- Балацкий Е.В., Юревич М.А. (2016). Несбалансированность наукометрических РИНЦ-показателей российских экономистов // *Журнал НЭА*. №2(30). С. 176–180.
- Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований* (2016). — М.: Прогресс-Традиция.
- Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. (2021). *Эволюция патерналистского государства: общественный выбор и наукометрия*: Препринт. — М.: Институт экономики РАН. URL: https://www.inecon.org/docs/2021/Rubinstein_Burakov_paper.pdf (дата доступа: 10.02.2026).
- Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. (2023). Журнальный табель о рангах: теория, методология, библиометрия // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 6. С. 126–142. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.10.
- Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А., Славинская О.А. (2017). Сообщество экономистов и экономические журналы (социологические измерения VS библиометрии). Научный докл. — М.: Институт экономики РАН. URL: https://inecon.org/docs/2017/Rubinstein_Burakov_Slavinskaya_paper_20170615.pdf (дата доступа: 10.02.2026).
- Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. (2024а). Наука, знание и интеллектуальная собственность: десять лет спустя. Ч. 1 // *Экономика и математические методы*. Т. 60. № 1. С. 5–16.
- Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. (2024б). Наука, знание и интеллектуальная собственность: десять лет спустя. Ч. 2 // *Экономика и математические методы*. Т. 60. № 2. С. 5–13.
- Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. (2026). Распространение знания и научные журналы в зеркале социологического исследования // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_7_21.
- Waltman L. (2016). A review of the literature on citation impact indicators // *Journal of Informetric*. Vol. 10. No. 2. Pp. 365–391.

REFERENCES

- Adler R., Eving J., Taylor P. (2011). Citation statistics // *The numbers game, or how scientific work is now evaluated: Collection of articles on bibliometrics*. M.: MCNMO. (In Russ.).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2015). The experience of ranking russian economic journals // *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. Pp. 99–115. (In Russ.).
- Balatsky E.V., Yurevich M.A. (2016). Imbalance of scientometric RINC indicators of Russian economists // *Journal NEA*. No. 2 (30). Pp. 176–180. (In Russ.).
- Ideas and Numbers. Foundations and Criteria for Evaluating the Effectiveness of Philosophical and Socio-Humanitarian Research* (2016). — M.: Progress-Tradition. 1963. (In Russ.).
- Rubinstein A.Y., Burakov N.A. (2021). *The evolution of the paternalistic state: public choice and scientometrics*: Preprint. — M.: Institute of Economics of the RAS. (In Russ.). URL: https://www.inecon.org/docs/2021/Rubinstein_Burakov_paper.pdf (access date: 10.02.2026).
- Rubinstein A.Ya., Burakov N.A. (2023). Journal ranking: theory, methodology, bibliometrics // *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 16. No. 6. Pp. 126–142. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.10 (In Russ.).
- Rubinstein A.Ya., Burakov N.A., Slavinskaya O.A. (2017). *The community of economists and economic journals (sociological measurements VS bibliometrics)*: Scientific report. — M.: Institute of Economics of the RAS. (In Russ.). URL: https://inecon.org/docs/2017/Rubinstein_Burakov_Slavinskaya_paper_20170615.pdf (access date: 10.02.2026).
- Rubinstein A.Ya., Chukovskaya E.E. (2024a). Science, knowledge and intellectual property: ten years later. P. 1 // *Ekonomika i matematicheskiye metody*. Vol. 60. No. 1. Pp. 5–16. (In Russ.).
- Rubinstein A.Ya., Chukovskaya E.E. (2024b). Science, knowledge and intellectual property: ten years later. P.2 // *Ekonomika i matematicheskiye metody*. Vol. 60. No. 1. Pp. 5–13. (In Russ.).
- Rubinstein A.Ya., Chukovskaya E.E. (2026). Dissemination of knowledge and scientific journals in the mirror of sociological research // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No.1. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_7_21 (In Russ.).
- Waltman L. (2016). A review of the literature on citation impact indicators // *Journal of Informetric*. Vol. 10. No. 2. Pp. 365–391.

Рубинштейн Александр Яковлевич

ORCID: 0000-0003-0455-3879

arubin@aha.ru

Alexander Rubinshtein

Doctor of Philosophy, Head of the Theoretical Economics Research Division Institute of Economics, RAS (Moscow)

ORCID: 0000-0003-0455-3879

arubin@aha.ru

Чуковская Екатерина Эдуардовна

ORCID: 0000-0002-2715-761X

echukovskaya@yandex.ru

Catherine Chukovskaya

Candidate of Juridical Sciences, Director of the Scientific and Educational Centre for Intellectual Property and Digital Economy (Moscow)

ORCID: 0000-0002-2715-761X

echukovskaya@yandex.ru

DISSEMINATION OF KNOWLEDGE AND SCIENTIFIC JOURNALS IN THE MIRROR OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract. The article presents the results of research on the problems of knowledge dissemination in the field of science and publication activity. The relevance of the research is due to the need for an objective assessment of the quality of scientific journals in the field of economic sciences and the existing mechanisms for their ranking. In modern conditions, the problem of the adequacy of bibliometric indicators and expert assessments in determining the status of scientific publications is of particular importance. The aim of the study is to conduct a comprehensive analysis and comparative assessment of various approaches to ranking scientific journals of economic institutions of the Russian Academy of Sciences, including bibliometric indicators and expert assessments of the scientific community. The research methodology is based on a combination of sociological methods (expert survey), bibliometric analysis (Science Index, impact factor) and econometric tools (factor and cluster analysis). The study is based on data on 28 scientific journals of economic institutes of the Russian Academy of Sciences. The main results demonstrate significant discrepancies between different systems of ranking scientific journals. A comprehensive analysis of the ratings of economic journals established by institutes of the Russian Academy of Sciences (RAS) is carried out. The authors question the adequacy of existing evaluation systems based exclusively on bibliometric indicators (such as citation frequency) and on non-transparent administrative decisions in the formation of 'elite' normative lists. It has been found that expert assessments of the scientific community do not always correlate with bibliometric indicators. It has also been established that a significant part of academic journals are not included in key normative lists (the 'white list', the VAK list), which reduces their visibility in the scientific space. The scientific novelty lies in the development of a comprehensive approach to the evaluation of scientific journals, combining bibliometric indicators, expert assessments, and analysis of the individual preferences of the scientific community. A method for constructing a general ranking of journals based on the aggregation of various factors is proposed. The practical significance of the study lies in the possibility of using the results obtained to improve the mechanisms for evaluating the quality of scientific publications and forming objective criteria for including journals in various scientific rankings.

Keywords: *sociological research, dissemination of knowledge, scientific journals, ranking, bibliometric indicators, expert assessment.*

JEL: A14, B23, C43.

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
ст. науч. сотрудник, МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»
(Санкт-Петербург)

КРАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ВЫЗОВ «РУССКОЙ МАТРИЦЫ»¹

Аннотация. В статье рассматривается концептуальная и фактическая несостоятельность либеральной модернизации в современную эпоху. Транзитология, столь влиятельная в 1990-е гг., ушла в небытие. Западная модель не привилась во многих постсоциалистических странах. По критериям демократизации разрыв между Россией и принявшими эту модель странами стал радикальным. При этом Запад стал терять качества, присущие классическому либерализму. Они вытесняются новыми институтами, которые призваны разрушить верховенство права и, в целом, его культурную идентичность. На фоне этого упадка в XXI в. стал вырисовываться новый облик системы традиционных русских фундаментальных институтов, называемый «Русской матрицей». Посредством этих институтов Россия как локальная форма глобальной силовой цивилизации бросила вызов альтернативной форме последней — правовой. В результате возобладали ключевая составляющая этой матрицы, которая задаёт её целевую функцию, — институциональный экспансионизм. Выполнению мессианской задачи подчинены прочие её составляющие: власть–собственность и сословно-рентный социальный порядок. Многолетние опросы общественного мнения в России убедительно показывают, что легитимность общественной системы высока, так как каждая попытка практического выполнения этой задачи, например через поддержку Русского мира, рождает устойчивую и длительную поддержку в форме признания, что страна идёт по правильному пути.

Ключевые слова: либеральная модернизация, транзитология, институты, цивилизации, Запад, «Русская матрица», мессианство, институциональный экспансионизм, легитимность.

JEL: N00, O10, O43

УДК: 330.341, 316.012

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45

© А.П. Заостровцев, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. Крах либеральной модернизации и вызов «русской матрицы» // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 26–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45.

FOR CITATION: Zaostrovtssev A. The Collapse of Liberal Modernization and the Challenge of «Russian Matrix» // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 26–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_26_45.

¹ Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Введение

В настоящее время мир переживает радикальную смену картины, которая сложилась после Второй мировой войны и в последнее десятилетие XX в. В XXI в. наблюдается конец «конца истории» и некогда общепризнанных теорий глобального развития. В 1990-е гг. концепция либеральной модернизации переживала мощный и, как вскоре оказалось, последний взлёт популярности. Она приняла тогда имя транзитологии.

Следует заметить, что первые «транзитологи» не соотносили изучаемые переходные процессы с переходом от тоталитарного социалистического строя к рыночной демократии, поскольку таковой начался несколькими годами позже, чем вышла известная книга Г. О’Донелла и Ф. Шмиттера [*O’Donnell, Schmitter, 1986*]. Эти авторы рассматривали переход от автократий к демократиям, не затрагивая стран социалистического лагеря. Более того, один из авторов много лет спустя в качестве основоположника транзитологии назвал Н. Макиавелли, который описывал обратный переход: от республиканского способа правления к княжескому [*Шмиттер, 2013*]. В СССР, как известно, переходный период ассоциировался с новой экономической политикой 1920-х гг. практически с самого начала её введения. Что же касается современной транзитологии, то тот же Шмиттер писал о ней весьма скептически, как о новой и, вероятно, *мнимой науке*, которая претендует на то, чтобы объяснить и предположительно указать пути перехода от одного режима к другому или, в контексте сегодняшнего дня, от некой формы автократии к некой форме демократии [Там же].

Однако развернувшаяся в 90-е гг. прошлого века транзитология подразумевала далеко не только политическую трансформацию. Европейский банк реконструкции и развития с 1994 г. стал издавать специальные доклады, которые так и назывались — *Transition Report*. В одном из первых выпусков подчёркивалось, что представленный доклад сфокусирован на прогрессе, который достигается 25 странами в их переходе от централизованного планирования к открытой рыночно ориентированной экономике. Поэтому в нём особо подчёркивается роль частного предпринимательства [*Transition Report, 1994. P. III*]. Таким образом, переходное общество предполагало не только переход от авторитаризма к демократии, но и от командной экономики к рыночной. Эти две составляющие перехода и определяют во многом содержание модернизации.

Проблема в том, что ныне не только ряд бывших социалистических стран демонстрируют движение в обратном направлении. Развитые демократии, которые обычно отождествлялись с Западной цивилизацией, входят в кризисную стадию¹. Можно говорить и об их тенденции к самоликвидации². Они размывают собственные идейные ценности и институциональные основы, замещают коренное население пришельцами с низкой культурой и агрессивным поведением. В результате образчик и конечная цель движения для тех стран, которые именовались переходными (постсоциалистическими), во многом утрачиваются. Старые «маяки» гаснут и перестают быть ориентирами.

Одновременно с этим Россия, свернув с тропы вестернизации, бросает вызов Западу. Её внутренняя институциональная несовместимость с ним дала о себе знать после 12–15 лет активных попыток внедрения ряда западных норм. Это обусловлено системообразующими

¹ Для того, чтобы в этом убедиться достаточно просмотреть заглавия изданных за последние годы ряда книг о судьбах демократии известных в академической среде авторов [*Democracy in Decline?*, 2016; *Eatwell, Goodwin, 2018; Holmes, Krastev, 2019; Levitsky, Ziblatt, 2018; Luce, 2017; Mair, 2013; Przeworski, 2019; Wolf, 2023*]. Что бы авторы конкретно не вкладывали в своё представление о кризисе демократии, общая тенденция налицо.

² «Германия: самоликвидация» — нашумевшая в своё время книга Т. Саррацина [*Саррацин, 2012*].

качествами её фундаментальных институтов («Русской матрицей»)³. После прохождения определённого порога насыщения чуждыми элементами наступает период их отторжения. В статье предстоит раскрыть, что лежит в основе этого процесса. Как ценность исторической миссии, представленной Россией локальной цивилизации, выстраивает под её нужды целостный институциональный механизм, который за относительно короткий период модифицировался и ожил после исторического провала советской модели коммунизма. И который оказался в итоге антиподом классического западного правового порядка.

Что такое либеральная модернизация?

Для начала нужно определить, что такое модернизация как таковая? Экономисты не так часто пользуются этим термином⁴. Его корни — в исторической социологии. В работе Э. Гидденса и Ф. Саттона «Основные понятия в социологии» разбираются два понятия: модерн и постмодерн. Для начала они обращают внимание на временные рамки модерна: это период, длившийся с середины XVIII в. (начала эпохи Просвещения в Европе) до середины 1980-х гг. Характеризуется он секуляризацией, рационализацией, демократизацией, индивидуализацией и подъёмом науки [Гидденс, Саттон, 2021. С. 24]. Отсюда можно заключить, что модернизация описывается всеми этими пятью процессами. В то же время авторы пишут, что «поскольку понятие “модерн” включает несколько ключевых социальных процессов, оно остаётся расплывчатым и является скорее описательным, нежели аналитическим» [Там же. С. 26].

Первое время социологи исходили из того, что все нации войдут в модерн. В России такой классической точки зрения придерживается известный исследователь модернизации Д. Травин. Ему принадлежит метафора о реках и океане. Каким бы ни был извилистым путь реки (отдельной страны), но, в конечном счёте, она всё равно впадёт в океан (мир модерна) [Травин, 2018. С. 103–104]. Ранее модернизация трактовалась им как нечто, что свершится раньше или позже, но в обязательном порядке [Травин, Маргания, 2004. С. 26–27].

Как мы уже знаем, эпоха модерна продлилась до середины 1980-х гг. А что потом? Наступила эпоха постмодерна. Обратимся снова к Гидденсу и Саттону. Видно, что для них определение её представляет ещё большие трудности, чем модерна. В принципе, что нужно подчеркнуть: в постмодерне ушла идея непрерывности и линейности прогресса. Заодно вокруг науки развился скепсис, при этом второе непосредственно связано с первым [Гидденс, Саттон, 2021. С. 34–35]. Как в надёжную предсказательницу будущего пути в науку люди перестали верить. Понятие «постмодерн» представляется ещё менее операциональным, чем модерн. Однако рациональная основа для обозначения конца модернизации есть. Это, как будет показано далее, некая точка перелома, за временными рамками которой начинается контрмодернизация: когда давно вошедшие в период модерна страны начинают подрывать те институты, на которых строился их прогресс и процветание. Стартует обратный отсчёт.

Пока же вернёмся к модернизации. Концепцию множества модернов связывают с именем израильского социолога Ш. Эйзенштадта. В сущности, именно она позволила принять разные модели модернизации. В том числе советскую, которую анализирует другой

³ Матрица — «это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической, идеологической» [Кирдина, 2014. С. 67]. «Матрица выступает как устойчивая, исторически сложившаяся взаимосвязанно функционирующая совокупность базовых институтов конкретно-исторических обществ, специфических в каждой из цивилизаций» [Россия как цивилизация..., 2015. С. 19].

⁴ Тем не менее в России Высшая школа экономики долгое время проводила Международные апрельские конференции под общим названием «Модернизация России». Были выпущены две книги — сборники докладов на этих конференциях [Ясин, 2009]. В том же, 2009 г., Центр исследований постиндустриального общества тоже издал два сборника статей, посвящённых модернизации России [Модернизация России..., 2009].

социолог — Й. Арнасон. Подробно об этом пишет в своём исследовании М. Масловский [Масловский, 2025а]. Это теория множественности сделала возможным отделить модернизацию от вестернизации. Не всякая модернизация есть таковая (иначе говоря, либеральная модернизация). Автор статьи в этой связи в своей монографии выделил нелиберальную или адаптивную модернизацию. Она предполагает заимствование у Запада тех характеристик модернизационного процесса, которые не превращают страну в часть западной, или правовой, цивилизации, однако при этом позволяют более-менее успешно догонять её в ряде составляющих материально-технической базы и организации производства [Заостровцев, 2020. С. 147–153].

В этой связи необходимо рассмотреть основные характеристики модернизации, держа в уме задачу выяснения, какие из них превращают её в вестернизацию, а какие — нет. Это позволит увидеть, имеет ли место крах либеральной модернизации. В первую очередь, нас будут интересовать те страны, где она начиналась, но не завершилась, поскольку на определённом временном отрезке произошёл отказ от принятия либеральных норм. Во вторую очередь, крах либеральной модернизации можно рассматривать как крах её конечной цели. Страны, которые были в авангарде модернизации, казалось бы, давно завершили её и вошли в постмодерн, начали утрачивать ранее обретенные характеристики классического либерализма и усваивать противоположные качества, которые всегда отличали и отличают страны альтернативной им силовой цивилизации⁵.

Выше, со ссылкой на Гидденса и Саттона, были приведены основные характеристики модернизации (модерна). Посмотрим, что можно найти на этот счёт у других видных авторов. Р. Коллинз обозначает следующие её отличительные черты: бюрократизация⁶, секуляризация, капиталистическая индустриализация и демократизация [Коллинз, 2015. С. 264–293]. В книге Д. Травина речь идёт о таких вещах, как устойчивая рыночная экономика, формирование гражданского общества и демократии, мобильное общество в географическом и социальном смысле, способность среднего человека адаптироваться к новым условиям, возрастание рациональности (принятие решений на основе полученных выводов, а не инерции традиционных представлений) [Травин, 2019. С. 18–19].

Если обратиться к концепции модернизации К. Вельцеля и Р. Инглхарта, которую они сами называют «пересмотренной» (revised), то увидим, что она представлена в двух измерениях. Во-первых, это традиционные ценности / секулярно-рациональные ценности, во-вторых — ценности выживания / ценности самовыражения. Модернизация происходит по мере вытеснения первых вторыми [Инглхарт, Вельцель, 2011]. В последовавшей вслед за этим монографии Инглхарт находит удивительно сильную корреляцию (0,90) между ценностями самовыражения и демократией и в результате приходит к выводу, что «ценности самовыражения намного сильнее связаны с демократическими институтами, чем просто прямое одобрение демократии» [Инглхарт, 2018. С. 172–173].

Попытаемся на основе всех этих описаний модернизации выявить, какие из принадлежащих ей характеристик делают её либеральной модернизацией (Коллинз называл её демократической модернизацией [Коллинз, 2015. С. 259]) или вестернизацией? Может быть это рыночная экономика? Однако модели рыночной экономики могут быть разными

⁵ Я выделяю два глобальных типа цивилизации: правовую, основанную на самопринадлежности человека (праве собственности на самого себя) и защищающими её принципами и институтами верховенства права, и силовую, лишаящую человека таковой за счёт экспроприации суверенитета личности государством и подчинения её произвольным требованиям с его стороны. В реальности нахождение на том или ином полюсе случается довольно редко; в большинстве случаев наблюдаются гибридные состояния. В рамках такой глобальной двоичной классификации можно выделять локальные цивилизации, принадлежащие к тому или иному глобальному типу. Например, можно различать США как особую модель правовой цивилизации, а Китай, соответственно, силовой.

⁶ Бюрократизация трактуется Коллинзом как альтернатива патриархальной семье с её отношениями господства — подчинения и, главное, сословному разделению в обществе [Коллинз, 2015. С. 267–276].

[Яковлев, 2021]. Даже такой её тип, как SPME (State-Permeated Market Economies), или «рыночные экономики, проникнутые государством» считаются, пусть и с большими оговорками, всё-таки рыночными. Экономика перестает быть рыночной, когда появляется тотальный дефицит на основе замены ценового механизма распределения ресурсов, товаров и услуг административными распоряжениями. На основании этого критерия можно утверждать, что и китайская, и российская экономика на текущий момент являются всё ещё рыночными, несмотря на мощный государственный пресс. Так что всё-таки не здесь надо искать принципиальное отличие адаптивной модернизации от либеральной.

Другая характеристика — это демократия. Вот тут как раз и можно заметить разрыв между этими видами модернизации. Адаптивная модернизация — это модернизация без демократии, понимаемой как единство компонент в её широком определении⁷. Естественно, либеральная модернизация, напротив, органически включает её в себя. На базе широких определений демократии формируются индексы демократии, дающие не только качественные, но и количественные оценки её состояния.

Сумерки либеральной модернизации

Если обратиться к индексам, используемым в V-Dem проекте, то они позволяют оценить состояние демократии во многих странах с начала XX в. В статье руководителя этого проекта — С.И. Линдберга — построенный график позволяет видеть три волны демократизации (по Хантингтону) и три обратных волны, начиная с 1900 г. и до наших дней. Что касается последнего отката, то его иллюстрирует динамика изменений соотношения числа демократизирующихся и автократизирующихся стран, резко изменившаяся в пользу вторых. При этом третья волна автократизации — вторая по длительности в истории этого волнового процесса, и у неё есть все шансы вскоре стать первой [Lindberg, 2026]. В докладе проекта V-Dem за 2026 г. отмечается, что за 2005–2025 гг. доля населения, живущего в демократиях, снизилась с 50 до 26%, в то время как доля населения, живущего в автократиях, выросла за этот же период с 50 до 74% [Nord et al, 2026].

Для оценки состояния либеральной составляющей модернизации лучше всего подойдёт Индекс либеральной демократии (Liberal democracy index). Применительно к нему в проекте V-Dem даётся следующее пояснение: «Либеральный принцип демократии подчёркивает важность защиты прав личности и меньшинств от тирании государства и тирании большинства. Либеральная модель занимает негативную позицию в отношении политической власти, поскольку оценивает качество демократии по ограничениям, накладываемым на правительство. Это достигается за счёт конституционно защищённых гражданских свобод, сильного верховенства права, независимой судебной системы и эффективных сдержек и противовесов, которые в совокупности ограничивают осуществление исполнительной власти»⁸.

Очевидно, что современная официальная доктрина российской власти исходит из противоположных принципов. Она построена на идеологии холизма (социального муравейника) и культе жертвенного служения государству (его целеполагание есть высшая ценность по сравнению с жизнью отдельного человека). Её, несомненно, можно назвать

⁷ Широкое определение демократии представлено, например, в докладе Economist Intelligence Unit, которое ежегодно рассчитывает Индекс демократии (Democracy Index). В него входят: электоральный процесс и плюрализм, функционирование правительства, участие в политике, политическая культура и гражданские права [Democracy Index, 2024]. Ещё более широкий перечень характеристик входит в оценку состояния демократии, проводимую в рамках крупномасштабного международного проекта «Разнообразие демократии» (V-Dem), реализуемого Институтом V-Dem на базе факультета политологии Гётеборгского университета. Принимаются во внимание следующие принципы: электоральный, либеральный, мажоритарный, консенсусный, партиципаторный, делиберативный и эгалитарный [Coppedge M. et al. (2026)].

⁸ V-Dem. URL: https://v-dem.net/data_analysis/CountryGraph/ (access date: 24.03.2026).

антилиберализмом, где патриотизм противопоставляется правам и свободам человека, а коллективизм — индивидуальной жизни. Впрочем, сегодня этот факт не только не скрывается, а рекламируется и пропагандируется. В развёрнутом научно-популярном виде именно такое этатистское видение российского общества дано в статьях начальника Управления Президента РФ по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов Д. Харичева [Харичев, 2025a; Харичев, 2025b].

В результате неизбежно встаёт вопрос: а что на самом деле? В каком направлении реально развивалось российское общество после коммунизма? И как бы ни досадно это было отечественным носителям либеральной идеологии, оно, после первых инъекций свободы, стало вскоре отходить от вестернизации и возвращаться в свою историческую колею. Наглядно увидеть это нам и поможет динамика индекса либеральной демократии из проекта V-Dem.

Что же можно заметить применительно к России? Важен сравнительный анализ. В качестве эталона либеральной модернизации выберем три бывшие советские республики: Эстонию, Латвию и Литву. Объединим их под именем «Балтия» на основе среднего значения индекса для соответствующих лет. С другой стороны спектра находятся те, кого условно назовём «султанатами»: Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан (Кыргызстан не включён в их число в силу высокой волатильности показателя). Поступим с их индексами так же. И, конечно, представим значения индекса для России.

На основе рис. 1 можно заметить, что индекс либеральной демократии в России в 1990-е гг. сильно отклонялся в сторону либеральной модели модернизации по сравнению с «султанатами», хотя, в то же время, был очень далёк от стран Балтии. Потом расстояние от «султанатов» всё уменьшалось, пока, наконец, в 2025 г. его значение стало даже чуть ниже среднего значения по этой категории стран (0,06 против 0,07). Либеральная составляющая модернизации полностью ушла. «Русская матрица» победила.

Параллельно с этим в мире шёл и другой процесс: вытеснение классического либерализма либерализмом эпохи постмодерна, который никак не заслуживает обозначения словом производным от слова свобода (*liberty*). В США социалисты надели на себя одежды либералов достаточно давно, задолго до эпохи постмодерна⁹. Более чем 100 лет спустя Дж. Гольдберг пришёл к выводу, что «то подновлённое здание американского прогрессизма, которое мы называем либерализмом, фактически стоит на фундаменте фашизма и является одним из его проявлений» [Гольдберг, 2012. С. 9]. «Либерализм, — по сути, исполненный благих намерений племянник фашизма» [Там же].

Желающие познакомиться с развитием темы «прогрессизм (либерализм) — фашизм» могут обратиться к книге Гольдберга. Для нас же сейчас важно показать, что современный квазилиберализм размывает по многим параметрам либерализм классический. И этот процесс охватывает самые разные стороны общественной жизни. Начнём с того, что все устремления современных левых по своим целевым задачам не сильно отличаются от провозглашённого К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» центрального тезиса коммунистической теории: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» [Маркс, Энгельс, 1955. С. 4]. На это уничтожение, в конечном счёте, направлен весь спектр их разнообразных концепций, политик и политических движений. Причём именно электоральная демократия с её всеобщим избирательным правом — «всеобщая избирательная привилегия», согласно К. Яновскому и С. Жаворонкову [Яновский, Жаворонков, 2026. С. 32] — породила

⁹ «Где-то в 1900 году смысл термина “либерал” изменился. Называть себя либералами стали люди, поддерживающие большое правительство и желающие поставить под контроль и ограничить свободный рынок. Поэтому сегодня мы называем философию личных прав, свободных рынков и ограниченного правительства — философию Локка, Смита и Джефферсона — классическим либерализмом» [Боуз, 2004. С. 26].

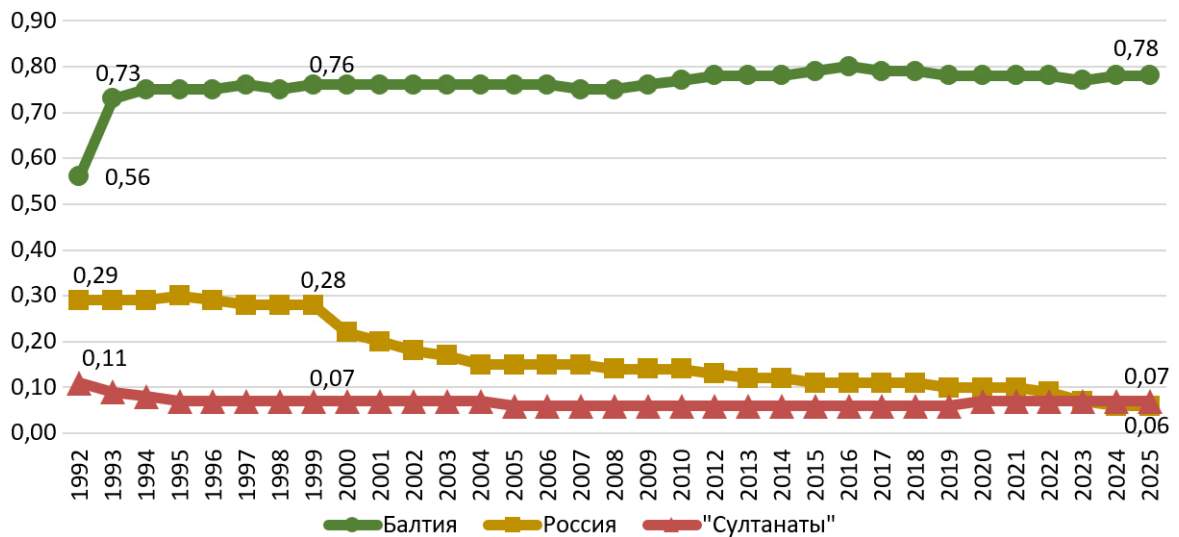

Рис. 1. Индекс либеральной демократии (высшее значение — 1,0).
 Источник: <https://www.v-dem.net/data/the-v-dem-dataset/>; расчёты автора.

это отрицание частной собственности¹⁰. Когда голосуют все и независимо ни от чего, то раньше или позже неизбежно возникнет система подкупа избирателей, которая означает перераспределение собственности в пользу тех, кто понял, что её можно обрести за счёт других в обмен на голосование за «правильных кандидатов»¹¹.

Анализ современных практик, разрушающих гражданские права, в основе которых лежат частная собственность и свободное предпринимательство, не поместился бы и в большую книгу. Поэтому ограничимся перечислением лишь основных.

В первую очередь укажем на концепцию ESG (environmental, social, governance)¹², которая заиклена на зелёную повестку дня. В сущности, это принудительное вовлечение компаний в решение экологических, социальных и управленческих проблем именно так, как они видятся бюрократам и следующим их рекомендациям частным и квазичастным организациям (фирмам, НКО и пр.). Происходит замена решений на основе критериев свободного рынка на выполнение навязанных показателей, как правило, невыгодных рыночным агентам. Получается в итоге что-то вроде китайского социального рейтинга для бизнеса. И эта замена стала повсеместно распространённой практикой¹³.

Зелёная политика приобретает всё более радикальные формы. Закрытие АЭС в Германии стало явным нарушением прав частной собственности. Атомная энергетика страны в основном контролировалась частными энергетическими концернами, которые владели АЭС либо полностью, либо частично¹⁴. При этом в результате экологическая обстановка значительно ухудшилась¹⁵.

¹⁰ В этой связи заметим, что согласно разработанной методике, вышеприведённый Индекс либеральной демократии включает в себя и Индекс электоральной демократии [Coppedge et al., 2026]. Поэтому первый никак нельзя назвать показателем чистого классического либерализма.

¹¹ О кризисе государства благосостояния (welfare state) см.: [Заостровцев, 2024].

¹² На русский язык это можно перевести как экология, социальная политика и корпоративное управление.

¹³ Согласно результатам глобального опроса институциональных инвесторов (пенсионных и инвестиционных фондов, страховых организаций и кредитных союзов), проведённого аудиторской компанией EY, в 2021 г., только 2% из них не учитывали факторы ESG при принятии инвестиционных решений, а 78% инвесторов оценивают нефинансовую информацию о компаниях на системной основе. (См.: СБЕР Про URL: https://sber.pro/digital/uploads/2022/10/ESG_riski_2510_d114329496.pdf (дата обращения: 24.03.2026)).

¹⁴ Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ядерная_энергетика_Германии (дата обращения 24.03.2026).

¹⁵ Германия стала одним из крупнейших загрязнителей окружающей среды в ЕС, свыше 28% её энергобаланса составляет каменный и бурый уголь, который, в свою очередь, завозится из Австралии и Африки на судах, использующих «грязный» мазут (см.: Дибров Дм. Почему Германия уничтожила свою атомную энергетику? ИНОСМИ. 19/04/2023/ URL: <https://inosmi.ru/20230419/germaniya-262324088.html>) (дата обращения: 24.03.2026).

Не менее вопиющие нарушения прав частной собственности под прикрытием экологических требований намечаются и в Нидерландах. Брюссель выделил 1,5 млрд евро на программу ликвидации 3 000 голландских ферм по производству молока, говядины, свинины и птицы. Деньги будут направлены на компенсации, однако фермеры против ухода из бизнеса и даже организовали довольно успешное политическое сопротивление [Осинов, 2023]. Предполагается, что это уничтожение фермерства продиктовано намерениями завладеть ценными землями под застройку. По новым правилам право возводить недвижимость будет предоставлено только правительству и корпорациям. Обычные голландские граждане не смогут приобрести для себя бывшие сельскохозяйственные земли¹⁶.

Эти и многочисленные подобные им истории в западном мире свидетельствуют о том, что зелёная повестка вышла далеко за рамки разумных границ. Она, скорее, напоминает коллективное помешательство, чем заботу о человеке. Американский экономист Д. Лал уже достаточно давно заметил, что «попытки вести с “зелёными” разумную дискуссию бесплодны. Их позиция не основана на логике — она представляет собой новую “светскую религию”» [Лал, 2010. С. 245].

Политика DEI (diversity, equity, inclusion)¹⁷ отчасти вплетена в ESG (через букву S). Расовые, гендерные и прочие квоты разрушают рынок труда, размывают человеческий капитал и стремление к его накоплению. Собственник бизнеса — наниматель — принуждается при выборе кандидатов на работу или продвижении работников руководствоваться иррелевантными критериями. Так называемая «позитивная дискриминация» (на самом деле это оксюморон: в любой дискриминации нет ничего позитивного) разрушает образование и науку, оценивая не реальные знания, а расу, гендер и т.п.¹⁸. В итоге имеем то, что имеем: «ESG и DEI представляют собой серьёзные проблемы, наносящие ущерб работникам, потребителям и инвесторам по всей стране множеством способов. ESG и DEI стали повсеместными в правительстве, корпорациях, университетах» [Burton, 2024].

Миграция — пример поддержки меньшинств. Понятно, что как явление она вызвана далеко не только этим обстоятельством. Однако мигранты из слаборазвитых стран, в том числе и незаконные, нередко получают преимущества по сравнению с коренным населением. Часто говорят о сознательной политике «народозамещения», выгодной левым политическим силам. Надежды на то, что мигранты компенсируют демографический провал и «вытянут» расходы социального государства, оборачиваются крахом. Напротив, значительная их часть требует дополнительных затрат и приносит убытки. Недавнее исследование применительно к Нидерландам показало, что позитивный суммарный вклад в бюджет вносят только мигранты из западных стран — 42 000 евро в среднем на человека за жизненный цикл в первом поколении. Выходец из незападных стран в первом поколении оборачивается для бюджета убытком в 167 000 евро (для сравнения: позитивный вклад натурального голландца — 98 000 евро) [Beek et al, 2024]. Из сопоставления этих цифр видно, что в западном мире происходит перераспределение от коренного населения к мигрантам из незападных стран. Последние эксплуатируют первых, отнимая часть их доходов.

О том, насколько глубоко зашла в западные общества «антикапиталистическая ментальность», можно увидеть на примере проблемы так называемых «окупас» в Испании.

¹⁶ ЕС задумал ликвидацию сельского хозяйства Нидерландов (ANNA-NEWS. Info. 03.06.2023. URL: <https://anna-news.info/es-zadumal-likvidatsiyu-selskogo-hozyajstva-niderlandov> (дата обращения: 24.03.2026)).

¹⁷ Разнообразие, равенство, включённость.

¹⁸ «Масштабы последовавшей чистки заставили бы покраснеть даже Сталина. Из 893 кандидатов, формально соответствующих требованиям, 679 были отсеяны исключительно из-за недостаточно “прогрессивных” заявлений о разнообразии, равенстве и инклюзивности. Другими словами, университет Беркли (University of California, Berkeley (UC Berkeley, «Калифорнийский университет в Беркли»)) (США) признан нежелательной организацией в России) использовал политический лакмусовый тест, чтобы отсеять более трёх четвертей абитуриентов» (THE DAILY SIGNAL. URL: <https://www.dailysignal.com/2021/12/05/how-science-went-woke/> (access date: 24.03.2026)).

Она существует в двух разновидностях: в грубой форме это просто захват чужих жилых помещений (квартир, вилл) в отсутствие хозяев, в более мягкой форме — это отказ арендаторов платить и освобождать жильё. Началась эта практика давно. Но в 1980-е гг. каждый захват считался событием, в 1990-х гг. к ним привыкли, в 2000-х гг. счёт пошёл на тысячи в год. В 2010 г. правоохранители зафиксировали три тысячи незаконных вселений, через 10 лет их стало в шесть раз больше. С 2020 по 2023 г. в Каталонии произошло 23 786 вторжений (42,9% от их общего числа в Испании)¹⁹.

Проблема заключалась в том, что закон защищал лишь первое (единственное) жильё, а второе, третье и т.д. были фактически выведены из-под правовой защиты. Ни хозяин, ни полиция не могли применять силу. Можно было обратиться в суд, но процесс в среднем занимал 18 месяцев, а хозяин (собственник) был обязан оплачивать счета захватчиков за коммунальные услуги и не мог отключать их от потребления таковых. Недавно Испания (особенно Каталония) предприняла значительные усилия по восстановлению правового порядка, но ещё не ясно, всё ли пойдёт гладко после стольких лет правового беспредела. Не предусмотрено пока и решение проблемы недобросовестных арендаторов²⁰.

Другое направление свёртывания прав собственности — родившийся в Норвегии налог на *нереализованный* прирост капитала (capital gain tax) при выезде собственника из страны. Он установлен в размере 37,8% от суммы, превышающей 3 млн крон. Его уплачивают не при реализации капитала, а просто по факту роста его рыночной цены при решении об эмиграции. Кроме того, физические лица платят 1% от чистого капитала в размере от 1,76 млн до 20,7 млн крон (от 174 000 до 2 млн долл.). Правда, на основное жильё полагается скидка до 75%. В 2022 г. страну покинул 261 человек, в 2023 г. — 254 человека с состояниями выше 10 млн крон (973 000 долл.). Этот поток более чем в 2 раза превышает цифры до введения налога. Из 400 самых богатых 105 живут за пределами страны²¹.

Все эти разновидности размывания прав собственности демонстрируют упадок гражданских прав, появление новых привилегированных сословий, основанное на культе меньшинств (этнических, гендерных и прочих, включая даже незаконных мигрантов)²². Причём закрепление за ними привилегий описывается как развитие свободного общества, хотя, в действительности, является противоположным процессом. Критика же этой политики стигматизируется и преследуется репрессивным законодательством. И если в США этому как-то препятствует первая поправка к Конституции, то в Европе свобода слова в значительной степени утрачена. В докладе V-Dem отмечается, что Великобритания в 2025 г. включена в число автократизирующихся стран по причине упадка свободы выражения мнений в медиа, худшего за десятилетия [Nord et al, 2026].

Для стран Западной Европы характерна исламизация. Ещё в 2017 г. исследовательская организация Pew Research Center опубликовала прогноз роста мусульманского населения в европейских странах к 2050 г. При цифре 4,9% в 2016 г. даже при нулевой миграции оно должно было бы вырасти до 7,4% в 2050 г., в случае умеренных темпов миграции — 11,2, а при высоких — 14,0%. Если выделить пятерку лидирующих по исламизации стран (умеренный прогноз), то она выглядит так: Швеция — 20,5%, Франция — 17,4,

¹⁹ Головин А. Ежедневно в Испании захватывают 40 домов. Мадрид — среди лидеров. СПОРТС. 12.03.2025. URL: <https://www.sports.ru/football/blogs/3306645.html> (дата обращения^ 24.03.2026).

²⁰ Окупасы в Испании: новые законы 2025 об ускоренном выселении и правах собственников. Азбука Испании. 31.03.2026. URL: https://abcspain.ru/articles/okupasy_v_ishpanii_novye_zakony_2025_ob_uskorennom_vyselenii_i_pravakh_sobstvennikov/ (дата обращения^ 24.03.2026).

²¹ U.S. News Money. URL: <https://money.usnews.com/investing/news/articles/2025-11-24/analysis-norways-wealth-tax-trades-millionaires-for-equality> (access date^ 24.03.2026).

²² Выше мы видели, что в определении либеральной демократии из проекта V-Dem присутствует указание на права меньшинств. Выскажем мнение, что права меньшинств противоречат классическому либерализму, где такое понятие отсутствует. Есть только персональные права. Их носители свободны вступать в ассоциации и т.п. Но нет групповых прав отдельных категорий людей, будь то рыжих или леворуких.

Великобритания — 16,7, Бельгия — 15,1 и Нидерланды — 12,5%. На этом фоне контрастно выглядит Восточная Европа: наибольший прирост (до 9,2%) продемонстрировала Болгария, в остальных странах положение разительно отличается: на втором месте — Хорватия — 2,0%, далее Венгрия — 1,3, Чехия — 1,1 и Словакия — 0,6%²³.

Ислам — не только религия, это — политическая программа, нацеленная на утверждение не только идеологии, но и соответствующих социальных порядков (шариат). В этом плане он подобен коммунизму. Такой масштаб исламизации способен радикально поменять культуру Западной Европы. В предисловии к книге историка А.Л. Янова культуролог И.В. Кондаков писал: «Постепенная, но радикальная исламизация Европы кардинально трансформирует ценностно-смысловые параметры европейской культуры и европейской цивилизации» [Янов, 2017. С.8]. Разработчики индексов демократии это обстоятельство никак не учитывают.

Необходимо заметить, что индексы демократизации явно завышены для тех стран, где доминирует левая повестка дня. Нынешние практики, в том числе и репрессивные, осуществляемые государственными органами, не всегда считаются автократическими (Великобритания — скорее, исключение). Более того, нередко они трактуются как прогресс свободы. Для подтверждения этого факта можно обратиться к всё тому же докладу проекта V-Dem. Специальный его раздел посвящён автократизации США. С 2023 г. они потеряли в Индексе 0,218 пунктов (это очень много, если вспомним, что значения укладываются в интервал от 0 до 1,0). Понятно, что Д. Трамп не всегда склонен к демократическим решениям. Однако при его предшественнике, Дж. Байдене, этот Индекс рос. Причём на фоне поощряемых правящей тогда Демократической партией массовой нелегальной миграции, фальсификации выборов и бесчинств BLM, антифа²⁴ и пр. Вторым подтверждением благосклонности к левому авторитаризму является так называемый U-поворот применительно к Бразилии. Индекс резко падает при президенте Ж. Болсонару и растёт после него [Nord et al, 2026].

Из всего вышесказанного можно заключить, что Западная цивилизация больна аутоиммунным заболеванием, когда дисфункция иммунной системы организма заставляет атаковать собственные ткани. Применительно же к России можно сказать, что внешне схожие с некоторыми западными «политкорректными» нововведениями меры, вроде ограничений самовыражения в глобальной сети или же ответственность за не уместяющиеся в правовое поле деяния (типа «оскорбления чувств»), нельзя рассматривать в качестве дисфункции. Это, в отличие от Запада, не работает против её фундаментальных институциональных основ, а, напротив, укрепляет их, ибо основы эти принципиально несовместимы с классическим либерализмом. В 20-е гг. XXI в. локальная российская разновидность силовой цивилизации окончательно отбрасывает несвойственные ей формы бытия, выйдя в авангард острой институциональной конкуренции с Западом. И это не историческая случайность, а закономерность.

Вызов как результат институциональной несовместимости

Какова же природа такой закономерности? Для этого принципиально важно понять главную особенность «Русской цивилизации». В настоящее время само понятие «цивилизация» вызывает споры. Оно далеко от общепризнанного. В социологии спорят между собой эссенциалистский и конструктивистский подходы, а также предлагается их сочетание под именем исторической социологии [Масловский, 2025b]. Однако из данной статьи нельзя получить информацию о том, что же такое «цивилизация». В этом плане интересно определение экономиста Т. Курана, согласно которому «Цивилизация означает

²³ Europe's Growing Muslim Population. Pew Research Centre. 29.11.2017. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (access date^ 24.03.2026).

²⁴ США внесли в список террористов связанные с "Антифа" объединения в Европе. ТАСС, 13.11.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25620785> (дата обращения: 30.03.2026)..

особо прочный (*durable*) набор характеристик, который придаёт большим массам населения отчётливую идентичность. Что делает их прочными, так это их (характеристик — А.З.) комплементарность. Коэволюционируя в течение длительного времени, они, по большей части, поддерживают друг друга» [*Kuran, 2009. P. 594*]. С этим общим утверждением вполне можно согласиться. Однако в основе такой сохраняемой в длительном времени комплементарности должен лежать какой-то ключевой неформальный институт (культурное ядро). На наличие такого «склеивающего элемента» обращали внимание П. Беттке, К. Койн и П. Лисон, называя его греческим словом *mētis* [*Boettke, Coyne, Leeson, 2008; Boettke, Coyne, Leeson, 2013*]. Что является таковым в «Русской цивилизации» (матрице)?

Совершенно не претендуя на рассмотрение всех локальных цивилизаций, обратим внимание на те из них, которые носят отчётливо мессианский характер, не теряя его на протяжении веков, с момента зарождения. Таковыми являются только две: исламская и русская. Их философия очень похожа: раздвигать границы истинной веры (= богоугодного порядка), неся их на другие земли и другим народам²⁵. В исламе это вытеснение *дар ал ислам* (территорией ислама), *дар ал куфр* (территории неверия) или, иначе, *дар ал харб* (территории войны) [*Васильцов, 2020*]. Похожая целевая функция и у «Русской цивилизации». Только если в исламе её знаменосцем поочередно было то или иное государственное образование (Арабский халифат, Османская империя, ныне Иран и всё более претендующая на это Турция), то в русском варианте эта миссия исторически привязана к одному государству, которое, хотя и существенно менялось на протяжении своей истории, однако сохраняло свою идентичность, несмотря на все катаклизмы.

Нужно чётко представлять, что корни современного российского государства сравнительно слабо касаются Древней (Киевской) Руси. Зачатие его — это интеграция более деспотических по сравнению с Киевом порядков Северо-Восточной Руси (Залесья) с ордынской политической культурой, которая, в свою очередь, много заимствовала от китайской [*Нефедов, 2006*]. А вот появление его на свет связано с крахом Византии в 1453 г., отказом от Флорентийской унии и выходом на свет как единственного в мире суверенного православного государства. Это обстоятельство, как пишет историк В.А. Шаров в работе «Искушение революцией», «поставило русскую историю в центр мира» [*Шаров, 2009. С. 17*]. Русская земля была вознесена в новую Святую землю «и русский народ единственный независимый народ, сохранивший истинную веру, новый народ Божий, а также русских царей — Его наместников на земле» [Там же].

Известная концепция «Москва — Третий Рим» строилась на том, что другого правильного мира, мира угодного богу, быть не может. «Власть монарха понималась как абсолютная, безграничная и целиком обращённая к Высшей силе. Главной, а по сути единственной её задачей было расширение территории истинной веры» [Там же. С. 20]. В недавней монографии другого историка — И.Н. Данилевского — представлена полная картина развития этих коренных русских идей, породивших многовековую сосредоточенность на продвижении себя вовне [*Данилевский, 2026*]. В русском глубинном сознании это не прихоть, а воля Бога, возвысившего «избранный народ» для выполнения этой святой миссии. И отказаться от неё — значит предать Бога и, следовательно, отказаться от самого себя, совершить духовное самоубийство.

Для России принципиально важна собственная институциональная экспансия, вытеснение альтернативных её цивилизационным началам институтов и замена их аналогами собственных²⁶. Ибо тем самым реализуется её высшее предназначение. И в этом

²⁵ История крестовых походов на Западе постепенно сошла на нет, сменившись политикой колонизации.

²⁶ Не лишним будет заметить, что подобного взгляда придерживаются и морально отторгающие Русскую систему, но не утратившие объективность аналитики. «Русский становился русским и самоутверждался как русский, навязывая себя другим народам, а не во внутренней самоорганизации. Это расширение заменяет национальное государство, общественный договор и гражданское общество» [*Шушарин, 2021. С. 78*].

заключается её зависимость от траектории предшествующего развития, её «эффект колеи». Поэтому при любом, даже самом радикальном на первый взгляд обновлении, она воспроизводит этот путь.

Неудачи же на этом пути могут поставить под вопрос легитимность власти²⁷. А точно ли она достойна руководить? Не утратила ли она доверие Господа? Или, на китайский манер, «мандат Неба»? Такая делигитимация власти произошла, как известно, в начале XX в. Однако ключевая идея осталась и, более того, сильно укрепилась, но для этого ей пришлось совершить полное переодевание: божьей волей стали открытые Марксом объективные законы истории, а русский народ — их проводником во всём мире. Миссия обрела глобальный масштаб (мировая пролетарская революция, Коминтерн).

Одним из первых на эту преемственность обратил внимание Н.И. Бердяев. «И Москва — Третий Рим, и Москва — Третий Интернационал связаны с русской мессианской идеей» [Бердяев, 2017. С. 360]. Продолжатель традиции Бердяева, философ и культуролог А.А. Пелипенко на первое место в своей концепции «Русской матрицы» ставил имперство. «Под имперством имеется в виду идеократический проект установления должного мирового порядка» [Пелипенко, 2014. С. 60]. В России же в XX в. произошла смена вывески: православная теократия сменилась на коммунистическую: «Идеократическая империя, изжив православную догматику, трансформировалась в империю советскую...» [Там же. С. 64].

Примерно в 70-е гг. прошлого века это идейно новое оформление мессианства постепенно переставало служить опорой легитимации власти, вера в коммунизм затухала. Последний её взлет в начале 1960-х гг. (хрущёвская оттепель наряду с кратковременным возрождением тяги к коммунизму) её не спас. Однако последовавший вслед за «брежневским застоём» распад СССР породил волну ресентимента, которая стала набирать силу. Запрос на великодержавность вернулся.

В данном случае стоит обратиться к ряду тезисов из публичных выступлений президента РФ В.В. Путина. Исторически первый из них (2005 г.) объявлял ликвидацию СССР «величайшей геополитической катастрофой прошлого века»²⁸. Если вдуматься, XX в. знал куда более масштабные и глобальные катастрофы. Эта же обошлась минимумом жертв, просто несравнимым с последними. И протекал этот развод почти мирно, в тот же период распад Югославии вызвал куда большие потрясения. И, тем не менее, у Путина это — не просто катастрофа, а ещё и величайшая.

Понять это можно только, если обратиться к идее «святой Руси», воплощённой в описанном выше культурном коде мессианства. Были утрачены земли, которые уже были обращены в праведный, богоугодный (= Русский) мир. А тут вроде как провалили возложенную Богом задачу: не только не взяли нового, а потеряли и старое, то, что уже было. При этом была потеряна не только суверенная территория, но и огромная сфера влияния из государств-протекторатов²⁹. Претензии на её возврат прозвучали в декабре 2021 г., когда коллективному Западу от лица МИД РФ было предъявлено требование отодвинуть НАТО на границу 1997 г.³⁰

²⁷ «Легитимность представляет собой меру соответствия характеристик правительства и, шире, государственного устройства системе представлений граждан о “правильном”, “нормальном” устройстве мира» [Коротаев, Шкаратав, 2017. С. 134].

²⁸ Президент России. 25.04.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36354> (дата обращения: 24.03.2026).

²⁹ Тут не стоит упускать из вида слова Президента РФ, произнесённые на Петербургском международном экономическом форуме 2025 г. «Куда ступает нога русского солдата, то наше». Коммерсантъ. 20.06.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7830960> (дата обращения: 24.03.2026). В этой связи вспоминаются не только те территории и страны, куда эта нога ступала. Присутствует тут и более глубокий смысл. Это форма приобщения к «Русскому миру», причём выход из этой общности не предусматривается.

³⁰ МИД РФ призвал НАТО вернуться к позициям 1997 года. ИНТЕРФАКС. 17.12.2021. URL: <https://www.interfax.ru/russia/810029> (дата обращения: 24.03.2026).

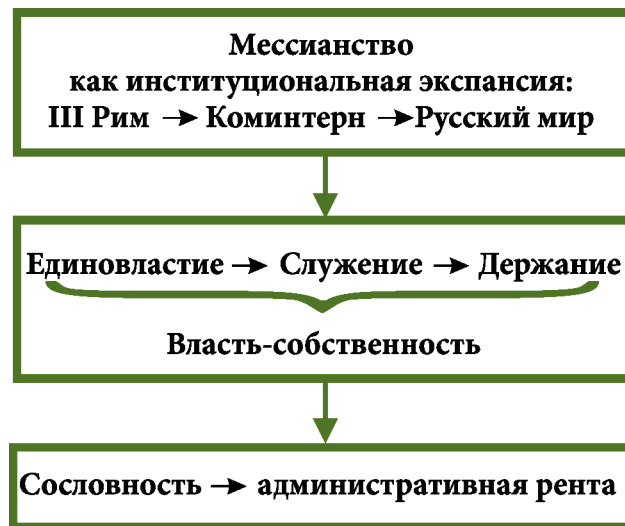

Рис. 2. Русская матрица
 Источник: разработано автором.

Имеют значение и слова президента о том, зачем нам такой мир, если в нём не будет России (из фильма В. Соловьева «Миропорядок — 2018»). Комментируя их на Валдайском форуме (октябрь 2018), в интервью с Ф. Лукьяновым (гл. редактором журнала «Россия в глобальной политике») В.В. Путин произнёс знаменитую фразу: «Мы как мученики попадём в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют»³¹. Независимо от контекста, она подтверждает идею врождённой сакральности России. При этом «небытие» России в мире здесь не понимается формально, просто как сохранность за российским государством международно признанной территории. Это «небытие» наступает тогда, когда России отказывают в неформальном праве на её миссию, на продвижение «Русского мира».

И последний тезис. Он был произнесён вроде бы в шутку во время неформальной встречи с президентом США. «Границы России, как известно, нигде не заканчиваются». В последующем комментарии президент РФ заявил, что «это [высказывание] в первую очередь имеет цивилизационный смысл» и сослался на проживающих на всех континентах соотечественников³². Однако надо иметь в виду, что такая форма донесения информации применяется, когда по какой-либо причине требуется сохранить двусмысленность (т. е. понимай, как хочешь, шутка это или нет).

Если изобразить «Русскую матрицу» как целое (рис. 2), то в верхней её части в качестве целевой функции системы будет мессианство как институциональная экспансия во всех её трёх исторических формах: III Рим — Коминтерн — Русский мир. Эта целевая функция задаёт и политико-экономическую основу: единовластие — служение — держание. Или, иначе, то, что в совокупности получило название власть-собственность. Этот опорный социальный институт сосредоточивает власть в едином центре (исключая разделение властей, политический плюрализм и политическую конкуренцию на электоральном поле).

Служение означает подчинение ключевых акторов целевой функции, независимо от их формального статуса (будь то силовики, госслужащие или формально независимые представители бизнеса). По мере роста напряжения в системе служение распространяется на всё более широкие слои занятых, власть стремится к внедрению элементов принуждения в распределение определённых категорий работающих (вплоть до воспроизведения социалистических практик). В практиках служения отражается то, что единовластное

³¹ Президент России. 18.10.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 24.03.2026).

³² Путин пояснил своё выражение о том, что границы России нигде не заканчиваются. ТАСС. 5.10.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18921495> (дата обращения: 24.03.2026).

государство видит себя распорядителем не только отчуждаемых от человека активов, но и в какой-то степени его самого. В этой системе человек не может утверждать о собственной самопринадлежности.

Держание. Этим термином лучше обозначить то, что привычно называется собственностью. На самом деле собственность эта условна и перераспределяется согласно волеизъявлению верховной власти. Владельцы бизнеса зачастую просто выполняют функцию госменеджеров, несмотря на формальные юридические документы, дающие им статус частных собственников. Их права в качестве таковых *de facto* размыты настолько, что от собственности остаются только очень ограниченные пучки прав.

И, наконец, в нижней части мы видим сословность и административную ренту. Иначе говоря, рентно-сословное общество [Мартьянов, 2016]. Для каждого сословного статуса предписана рента, включая неформальную её составляющую. Эта рента играет роль и пряника, и кнута. Она мобилизует на служение. Такая модель общества опирается на во многом неформальную иерархию организаций, возглавляемую силовой их частью.

В этой системе все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Тем не менее главной цементирующей составляющей является мессианство. Как только институциональное противостояние альтернативной (правовой) цивилизации ослабляется, то сама эта система входит в стадию нестабильности, а то и разложения в силу проникновения и распространения на неё чуждых ей институтов. До каких-то пределов они ей даже полезны, но на превышение их порога иммунная система «Русской матрицы» должна среагировать адекватно: не допустить её перерождения. В противном случае, без целеполагания власть-собственность трансформируется в рыночную экономику с частной собственностью, а политическая сфера утрачивает характеристики единовластия и способность концентрировать ресурсы. При этом для России остро встаёт вопрос единства страны.

В настоящее время «Русская матрица» сохраняет легитимность. Это прежде всего подтверждает массовая поддержка мессианского предназначения. Обратимся к опросам «Левада-Центра»^{*33}, который трудно заподозрить в провластной ангажированности. При этом не стоит обращаться к тем опросам, где напрямую задаются вопросы об отношении к СВО. Они, действительно, могут нести серьёзные искажения. Вместо этого обратимся к сравнительно нейтральному опросу о положении дел в стране: идут дела в правильном или неправильном направлении. Результаты его за много лет представлены на рис. 3.

На рис. 3 очень заметны два периода, когда положительная оценка пути развития страны явно преобладала над отрицательной. Первый начинается с Крымской весны: в марте 2014 г. первая оценка превышает вторую в 2,3 раза по сравнению с 1,3 раза в феврале и их равенством в январе того же года. И превышение резко падает в июне 2018 г.: с 2,1 в мае 2018 г. до 1,1, и далее остаётся примерно на том же уровне до марта 2022 г. Понятно, что это реакция на повышение пенсионного возраста летом 2018 г., а потом начала пандемии COVID-19. В результате крымская эйфория сошла на нет.

Если мы подсчитаем среднее соотношение рассматриваемых величин за два периода — первый с января 2010 г. и по февраль 2014 г, а второй — с марта 2014 г. по май 2018 г., то получим следующие значения: в первом периоде оно составит 1,2, а во втором — 2,1 (если же в нём ограничиться декабрём 2015 г., то 2,4). Далее берём период с июня 2018 г. по февраль 2022 г. Получаем среднее превышение положительных оценок над отрицательными всего лишь 1,1. В марте же 2022 г. это превышение составляет 3,1 (по сравнению с 1,3 в январе и 1,4 в феврале того же года). Затем в период с марта 2022 г. по декабрь 2025 г. среднее превышение положительных оценок над отрицательными составило 3,5.

Для наглядности представим эти соотношения по четырём выбранным выше периодам на рис. 4. Второй и четвёртый столбцы показывают, как вырастает процент

³³ *Признан иноагентом Минюстом РФ.

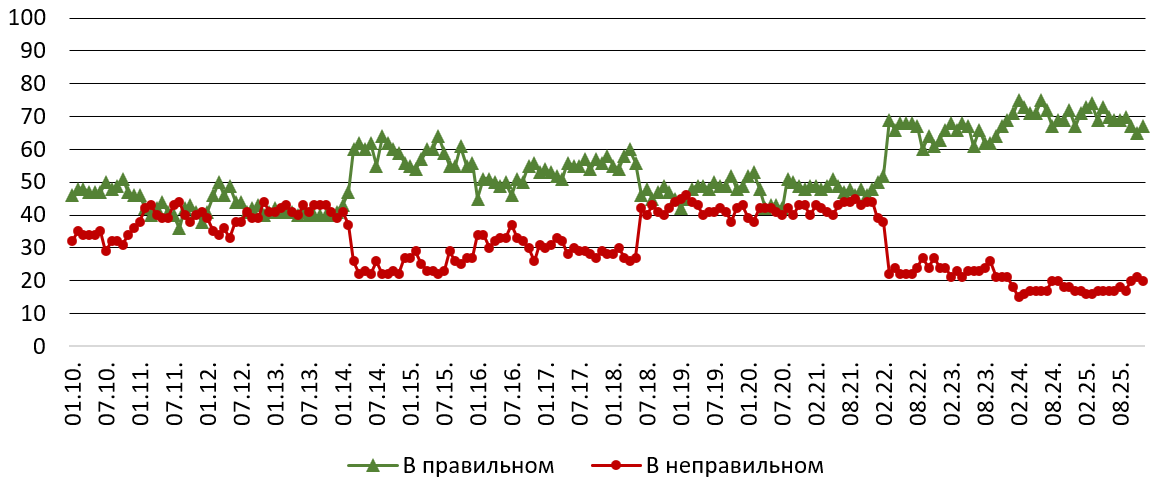

Рис. 3. Дела в стране идут в правильном или неправильном направлении?
 Источник: Левада-Центр (иноагент). 23.01.2026.

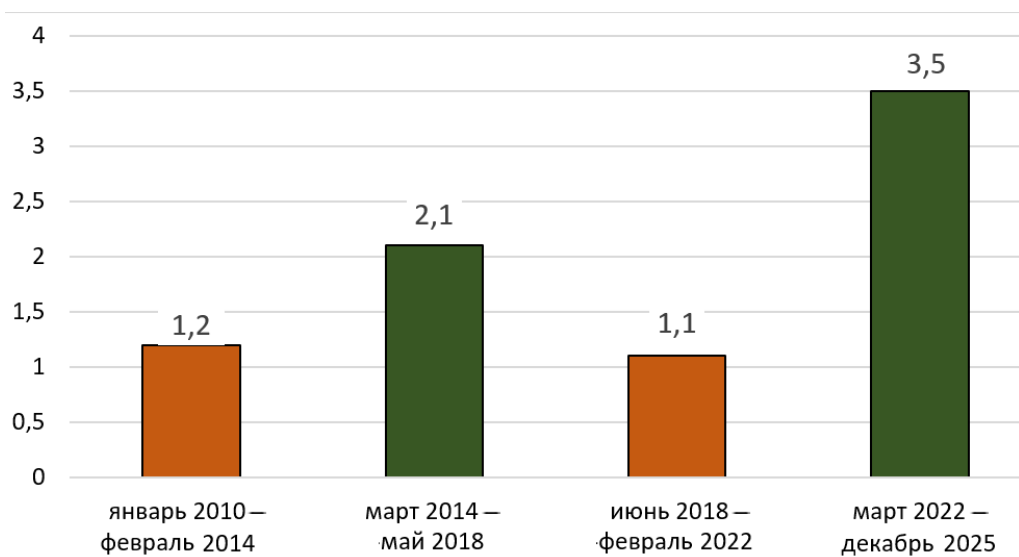

Рис. 4. Соотношение оценок: страна идёт по верному/неверному пути
 Источник: расчёты автора на основе данных Левада-Центра (иноагент).

респондентов, считающих, что страна идёт по верному пути во времена, назовём их «активной постсоветской реконкиты». В эти отрезки времени взрывной рост благосостояния масс не наблюдался, не считая отдельных категорий граждан, которые в число респондентов, скорее всего, не попадали. Да если бы они или их родственники и попадали, то всё равно столь явных скачков преобладаний положительных оценок пути страны не произошло бы. Вряд ли бы они доминировали в выборке. Так что причины этого более чем очевидны.

Если же разделить значения второго периода на значения первого ($2,1/1,2 = 1,75$), а четвёртого — на третьего ($3,5/1,1 = 3,2$), то полученные частные от делений можно смело называть индексами великодержавности. Они убедительно свидетельствуют, что мессианская составляющая «Русской матрицы» никуда не делась из массового сознания. И это не продукт пропаганды, хотя, конечно, она активно работает на эти настроения.

Нередкими являются попытки оспорить правомерность мессианского начала «Русской матрицы» через указание на то, что это — миф. На самом деле тот факт, что тут мы имеем дело с мифом, никак не опровергает само наличие этого начала и его роли. Человечество живёт и движется вперёд внутри мифов (вспомним хотя бы влияние всемирных религий). Здесь уместно привести высказывание Л. фон Мизеса о роли идей: «Мысли

и идеи не являются фантомами. Они реальны. Несмотря на неосвязаемость и нематериальность, они являются движущей силой, вызывающей изменения в царстве осязаемых и материальных вещей» [Мизес, 2007. С. 84–85].

Вооружённая этим мифом «Русская матрица» бросила вызов Западу. И сделала она это в очень неподходящий для него момент. Как мы видели выше, сам Запад поразил ценностный кризис. Если «Русская матрица» утверждает своё право на то, на что она всегда претендовала, то Запад отвергает своё право быть самим собой. Он испытывает чувство вины за то, что создал современный мир, который, при всех неурядицах, гораздо богаче, чем тот, который был до него. «Русская матрица» знает, чего она хочет, Запад не знает, как ещё унижить себя сдачей собственных ценностей. У «Русской матрицы» есть, конечно, очевидные слабости. Возможно, она столкнётся с новыми противоречиями и кризисами. Однако это не делает Запад сам по себе сильнее.

Заключение

Теория либеральной модернизации не выдержала испытания современностью. Отличающие её демократические порядки отступают в глобальном масштабе. Термин «транзитивность», столь популярный в 90-е гг. прошлого века, практически вышел из употребления. Постсоциалистические страны в значительной своей части не устремляются к демократии, как следовало бы поступать в теории так называемым транзитивным обществам. СССР, олицетворявший собой в XX в. социализм, разделился на страны, представляющие разные глобальные цивилизации и тяготеющие к разным полюсам глобального противостояния. Россия в XXI в. утрачивала импортированные к концу XX в. элементарные основы правовых институтов западного мира, возвращаясь в русло своего исторического пути.

В то же время не менее, если не более, удивительные метаморфозы стали происходить со странами Запада. Они вдруг стали утрачивать собственные ценности и собственные институциональные основания. Те, которые, строго говоря, и сделали их таким Западом, каким мы его знали. Суверенитет личности и верховенство права терпят ущерб под натиском новой постмодернистской (по сути, социал-коммунистической) морали, диктующей свои правила. Из движения зелёных сформировалась новая религия, тормозящая свободное экономическое развитие. Происходит культурная деградация в процессе «народозамещения», не снижающего, как рассчитывали, а, напротив, повышающего фискальную ношу. Усиливается хрупкость государства благосостояния, и так не особо прочного. Граждане западных стран утратили равенство перед законом. Суды выносят решения в соответствии с тем или иным статусом, чаще, привилегированный статус даёт декларируемая принадлежность к поощряемым меньшинствам. Это не может негативно не сказаться и на экономических условиях роста и предпринимательства, компетентности на всех уровнях. Короче говоря, Запад девестернизируется.

Что касается России, то она в XXI в. реставрировала присущий ей от рождения высший смысл: мессианскую институциональную экспансию, составляющую целевую функцию её локальной цивилизации («Русской матрицы»). В результате её столкновение с альтернативными ей институтами западной цивилизации стало неизбежным и приняло формы острого противостояния. В этом плане закономерны её смещение на Восток (в первую очередь, китаизация внешних связей) и изоляция от западных международных порядков. Под мессианскую функцию органически выстраиваются и прочие фундаментальные институты, в первую очередь традиционная связка власть–собственность. Последняя открывает широкие возможности её реализации за счёт волевой концентрации ресурсов. Из неё же, в свою очередь, вытекает формирование рентно-сословного общества, которое опирается на поддерживающие его и заинтересованные в нём силовые структуры.

Мессианская функция России отнюдь не утратила свою легитимность. Напротив, каждое новое её продвижение откликается ростом массовой поддержки избранного курса: стоит вступить в очередной период конфронтации с Западом, например через Украину, как происходит очередное увеличение доли тех, кто говорит, что Россия находится на правильном пути, дела идут в верном направлении. Это обстоятельство выглядит парадоксальным, поскольку параллельно не наблюдается никакого скачка благосостояния (за относительно редкими исключениями), который мог бы быть причиной такой радикальной перемены настроений. Причём преобладание позитивных оценок хода дел в стране возникает не краткосрочное, а длится несколько лет. Последнее, начавшееся в марте 2022 г., так и не закончилось до конца 2025 г. Из этого можно сделать вывод, что Россия целеустремлённо продвигает пользующуюся массовым одобрением повестку дня, тогда как Запад на данный момент не уверен в самом себе и оказывается ценностно расколотым обществом. Это и позволило «Русской матрице» активно выступить против него.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.А. (2017). *Россия и новая мировая эпоха*. — М.: Издательство «Э».
- Боуз Д. (2004). *Либертарианство: История, принципы, политика*. — Челябинск: Социум.
- Васильцов К.С. (2020). Дар ал-ислам / дар ал-харб: категории пространства в средневековом исламе // *Исламоведение*. Т. 11. № 3. С. 69–80. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-69-80
- Гидденс Э., Саттон Ф. (2021). *Основные понятия в социологии*. — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики.
- Голдберг Дж. (2012). *Либеральный фашизм*. — М.: Рид Групп.
- Данилевский И.Н. (2025). *Интеллектуалы Древней Руси. Зарождение соблазна русского мессианизма*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Заостровцев А.П. (2020). *Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?* — СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Заостровцев А.П. (2024). Государство благосостояния: великодушие или хищничество? // *Вопросы теоретической экономики*. №4. С. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. — М.: Новое издательство.
- Инглхарт Р. (2018). *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. — М.: Мысль.
- Кирдина С.Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию*. — М., СПб.: Нестор-история.
- Коллинз Р. (2015). *Макроистория: Очерки социологии большой деятельности*. — М.: УРСС: ЛЕНАНД.
- Коротяев С.А., Шкаратан О.И. (2017). Постсоветская государственность и общество. Статья 1. Эволюция социального контракта и легитимизация власти // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 130–140.
- Лал Д. (2010). *Похвала империи. Глобализация и порядок*. — М.: Новое издательство.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Собрание сочинений*. Изд. 2-е. Т.4. — М.: Политиздат. С. 419–459.
- Мартыанов В.С. (2016). Рентно-сословная трансформация российского общества // *Неприкосновенный запас*. № 5. С. 106–124.
- Масловский М.В. (2025a). Цивилизационный анализ, теории множественных модернов и модели глобализации // *Социологический журнал*. Т. 31. № 1. С. 9–24. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.1
- Масловский М.В. (2025b). Спор о цивилизационном подходе: эссенциализм, конструктивизм и современная историческая социология // *Социологические исследования*. № 5. С. 80–89. DOI: 10.31857/S0132162525050077
- Мизес Л. фон (2007). *Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции*. — Челябинск: Социум.
- Модернизация России: условия, предпосылки, шансы*: Сб. ст. и мат-в (2009). Вып. 1. Стратегические проблемы модернизации. Вып. 2. Социальные аспекты модернизации. — М.: Центр исследований постиндустриального общества.
- Нефедов С.А. (2006). Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // *Вопросы истории*. № 2. С. 113–123.
- Осинов А. (2023). Фермеры против зелёных // *Ведомости*. 22.03. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/22/967555-fermeri-protiv-zelenih> (дата обращения: 01.05.2026).
- Пелипенко А.А. (2014). Код к «Русской матрице» // *Власть*. № 2. С. 58–65.

- Россия как цивилизация: материалы к размышлению (2015) / Ред. О.И. Шкаратан, В.Н. Лексин, Г.А. Ястребов. — М.: Редакция журнала «Мир России».
- Саррацин Т. (2012). *Германия: самоликвидация*. — М.: Рид Групп.
- Травин Д. (2018). Почему ищут особый путь... которого нет // «Особый путь» страны: мифы и реальность / Под общ. ред. А.В. Оболонского. — М.: Мысль. С. 55–120.
- Травин Д.Я. (2019). *Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России*. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я., Маргания О.Л. (2004). *Европейская модернизация*: в 2 кн. Кн. 1. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.
- Харичев Д.А. (2025a). Цивилизация «Россия» // *Блокнот гражданского просвещения*. № 7. С. 4–10.
- Харичев Д.А. (2025b). Кто мы? // *Государство*. Вып. 2. С. 16–25.
- Шаров В.А. (2009). *Искушение революцией (Русская Верховная власть)*. — М.: Arsis books.
- Шмиттер Ф. (2013). Размышления о «транзитологии»: раньше и теперь // *Отечественные записки*. № 6. URL: https://www.strana-oz.ru/2013/6/razmyshleniya-o-tranzitologii-ranshe-i-teper#_ftn2
- Шушарин Д. (2021). *Русский тоталитаризм. Свобода здесь и сейчас*. — [б.м.]: Издательские решения.
- Яковлев А.А. (2021). Конкуренция моделей капитализма: проекция на Россию // *Вопросы теоретической экономики*. №4. С. 41–49. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_41_49.
- Янов А.Л. (2017). *Спор о «вечном самодержавии»: от Грозного до Путина*. — М.: Новый хронограф.
- Яновский К., Жаворонков С. (2026). *Консерватизм: невыученные уроки* — М.: Челябинск. Социум.
- Ясин Е.Г. (2009). *Модернизация России: Доклады для 10 конференций*: В 2-х кн. — М.: Издательский дом ВШЭ.
- Beek J. van de et al. (2024). The Long-Term Fiscal Impact of Immigrants in the Netherlands, Differentiated by Motive, Source Region and Generation // *IZA DP No. 17569*.
- Boettke P. J., Coyne Ch. J., Leeson P. T. (2008). Institutional stickiness and the new development economics // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 67. No. 2. Pp. 331–358. DOI: 10.1111/j.1536-7150.2008.00573.x.
- Boettke P. J., Coyne Ch. J., Leeson P. T. (2013). Comparative historical political Economy // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 9. No. 3. Pp. 285–301. DOI: 10.1017/S1744137413000088.
- Burton D. (2024). *ESG, DEI and What to Do About Them* // HERITAGE. URL: <https://www.heritage.org/progressivism/report/esg-dei-and-what-do-about-them> (access date: 24.03.2026).
- Coppedge M. et al. (2026). *V-Dem Methodology v.16. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: https://www.v-dem.net/documents/71/methodology_v16.pdf
- Democracy in Decline?* (2016). L. Diamond, M. Plattner (eds.). — Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Democracy Index 2024*. (2024). What's Wrong with Representative Democracy? URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2024/>
- Eatwell R., Goodwin M. (2018). *National Populism: The Revolt Against Liberal Democracy*. — London: Pelican Books.
- Holmes S., Krastev I. (2019). *The Light that Failed: A Reckoning*. — New York: Allen Lane.
- Kuran T. (2009). Explaining the Economic Trajectories of Civilizations: The Systemic Approach // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 71. Iss. 3. Pp. 593–605. DOI: 10.1016/j.jebo.2009.03.005.
- Levitsky S., Ziblatt D. (2018). *How Democracies Die: What History Reveals About Our Future*. — New York: Penguin.
- Lindberg S.I. (2026). Fifty Years of the Third Wave(s): from Democratization to Autocratization // *Democratization* (on-line journal). DOI: 10.1080/13510347.2026.261513.
- Luce E. (2017). *The Retreat of Western Liberalism*. — London: Little, Brown.
- Mair P. (2013). *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. — London: Verso.
- Nord M., Altman D., Fernandes T., God A.G., Lindberg S.I. (2026). *Democracy Report 2026: Unraveling the Democratic Era? University of Gothenburg: V-D*. URL: https://www.v-dem.net/documents/75/V-Dem-Institute_Democracy_Report_2026_lowres.pdf (access date: 24.03.2026).
- O'Donnell G., Schmitter Ph. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. — Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.
- Przeworski A. (2019). *Crises of Democracy*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Transition Report* (1994) / European Bank for Reconstruction and Development. October. URL: <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/transition-reports.html#> (access date: 24.03.2026).
- Wolf M. (2023). *The Crisis of Democratic Capitalism*. — London: Allen Lane.

REFERENCES

- Beek J. van de et al (2024). The Long-Term Fiscal Impact of Immigrants in the Netherlands, Differentiated by Motive, Source Region and Generation // *IZA DP No. 17569*.
- Berdyayev N.I. (2017). *Russia and the New World Era*. — М.: Publishing House «E». (In Russ.).
- Boaz D. (2004). *Libertarianism: History, Principles, Politics* — Chelyabinsk: Socium. (In Russ.).
- Boettke P. J., Coyne Ch. J., Leeson P. T. (2008). Institutional stickiness and the new development economics // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 67. No. 2. Pp. 331–358. DOI:10.1111/j.1536-7150.2008.00573.x
- Boettke P.J., Coyne Ch.J., Leeson P.T. (2013). Comparative historical political Economy // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 9. No. 3. Pp. 285–301. DOI:10.1017/S1744137413000088.

- Burton D. (2024). *ESG, DEI and What to Do About Them* // HERITAGE. URL: <https://www.heritage.org/progressivism/report/esg-dei-and-what-do-about-them> (access date: 24.03.2026).
- Coppedge M. et al. (2026). *V-Dem Methodology v.16. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: https://www.v-dem.net/documents/71/methodology_v16.pdf (access date: 24.03.2026).
- Danilevskiy I.N. (2025). *Intellectuals of Ancient Rus': The Rise of the Temptation of Russian Messianism*. — M.: New Literary Review. (In Russ.).
- Democracy in Decline?* (2016). L. Diamond, M. Plattner (eds.). — Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Democracy Index 2024*. (2024). What's Wrong with Representative Democracy? URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2024/> (access date: 24.03.2026).
- Eatwell R., Goodwin M. (2018). *National Populism: The Revolt Against Liberal Democracy*. — London: Pelican Books.
- Giddens A., Sutton Ph. (2021). *Essential Concepts in Sociology* — M.: Higher School of Economics Press. (In Russ.).
- Goldberg J. (2012). *Liberal Fascism*. — M.: Reed Group. (In Russ.).
- Holmes S., Krastev I. (2019). *The Light that Failed: A Reckoning*. — New York: Allen Lane.
- Inglehart R., Welzel Ch. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence* — M.: Novoye Izdatelstvo. (In Russ.).
- Inglehart R. (2018). *Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*. — M.: Mysl'. (In Russ.).
- Kharichev D.A. (2025a). Russian Civilization // *Notebook of Civic Education*. No. 7. Pp. 4–10. (In Russ.).
- Kharichev D.A. (2025b). Who are We? // *The State*. Iss. 2. Pp. 16–25. (In Russ.).
- Kirdina S.G. (2014). *Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory*. — M., St. Petersburg: Nestor-History. (In Russ.).
- Korotaev S.A., Shkaratan O.I. (2017). Post-Soviet Statehood and Society. Part 1. Evolution of the Social Contract and the Legitimacy of Authority // *Social Sciences and Modernity*. No. 4. Pp. 130–140. (In Russ.).
- Kuran T. (2009). Explaining the Economic Trajectories of Civilizations: The Systemic Approach // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 71. Iss. 3. Pp. 593–605. DOI: 10.1016/j.jebo.2009.03.005.
- Lal D. (2010). *In Praise of Empires. Globalization and Order*. — M.: Novoye Izdatelstvo. (In Russ.).
- Levitsky S., Ziblatt D. (2018). *How Democracies Die: What History Reveals About Our Future*. — New York: Penguin.
- Lindberg S.I. (2026). Fifty Years of the Third Wave(s): from Democratization to Autocratization // *Democratization* (on-line journal). DOI: 10.1080/13510347.2026.261513.
- Luce E. (2017). *The Retreat of Western Liberalism*. — London: Little, Brown.
- Mair P. (2013). *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. — London: Verso.
- Martyanov V.S. (2016). Rent-class Transformation of Russian Society // *Neprikosnovenny zapas*. No. 5. Pp. 106–124. (In Russ.).
- Marx K., Engels F. (1955). *The Communist Manifesto* / Marx K., Engels F. (1955). *Collected Works*. V. 4. — M.: Politizdat. Pp. 419–459. (In Russ.).
- Maslovskii M.V. (2025a). Civilizational Analysis, Theories of Multiple Modernities and the Models of Globalization // *Sociological Journal*. Vol. 31. No. 1. Pp. 9–24. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.1 (In Russ.).
- Maslovskii M.V. (2025b). The Debate on the Civilizational Approach: Essentialism, Constructivism and Contemporary Historical Sociology // *Sociological Studies*. No. 5. pp. 80–89. DOI: 10.31857/S0132162525050077 (In Russ.).
- Mises L. von (2007). *Theory and History. An Interpretation of Social and Economic Evolution*. — Chelyabinsk: Sotium. (In Russ.).
- Nefedov S.A. (2006). The Mongol conquests and the formation of Russian civilization // *Questions of History*. No. 2. Pp. 113–123. (In Russ.).
- Nord M., Altman D., Fernandes T., God A.G., Lindberg S.I. (2026). *Democracy Report 2026: Unraveling the Democratic Era? University of Gothenburg: V-D*. URL: https://www.v-dem.net/documents/75/V-Dem_Institute_Democracy_Report_2026_lowres.pdf (access date: 24.03.2026).
- O'Donnell G., Schmitter Ph. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. — Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.
- Osipov A. (2023) Farmers against Greens // *Vedomosti*. March 22. 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/22/967555-fermeri-protiv-zelenih> (access date: 01.05.2026) (In Russ.).
- Pelipenko A.A. (2014). Code to the «Russian Matrix» // *Vlast*. No. 2. Pp. 58–65. (In Russ.).
- Przeworski A. (2019). *Crises of Democracy*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Russia as a Civilization: Food for Thought* (2015). O.I. Shkaratan, V.N. Leksin, G.A. Yastrebov (Eds.). — M.: Editorial Board of the journal «World of Russia». (In Russ.).
- Russian Modernization: Conditions, Prerequisites, Chances*. (2009). Collection of articles and materials. Iss. 1. *Strategic Problems of Modernization*. Iss. 2. *Social Aspects of Modernization* — M.: Center for Post-Industrial Society Studies. (In Russ.).
- Sarazzin T. (2012). *Germany Self-liquidation*. — M.: Reed Group. (In Russ.).
- Schmitter Ph. (2013). Reflections on 'transitology' — Before and After // *Otechestvennyye zapiski*. No. 6. URL: https://www.strana-oz.ru/2013/6/razmyshleniya-o-tranzitologii-ranshe-i-teper#_ftn2 (access date: 24.03.2026). (In Russ.).

- Sharov V.A. (2009). *The Temptation of Revolution (Russian Supreme Power)*. — M.: Arsis Books. (In Russ.).
- Shusharin D. (2021). *Russian Totalitarianism. Liberty Here and Now* — M.: Izdatelskie Resheniya. (In Russ.).
- Transition Report (1994) / European Bank for Reconstruction and Development. October. URL: <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/transition-reports.html#> (access date: 24.03.2026).
- Travin D. (2018). Why Are They Looking for the Special Way...that Doesn't Exist? // *The «Special Path» of the Country: Myths and Reality* / A.V. Obolonsky (Ed). — Moscow: Mysl'. Pp. 55–120. (In Russ.).
- Travin D.Ya. (2019). *The Steep Mountains of the XXI Century: Postmodernization and Russia's Problems*, — St. Petersburg: Press of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).
- Travin D., Margania O. (2004). *European Modernization*: In 2 vol. Vol 1. — Moscow, St. Petersburg: AST, Terra Fantastica. (In Russ.).
- Vasil'tsov K.S. (2020). Dar al-Islam / Dar al-Harb: Categories of Space in Medieval Islam // *Islam Studies*. Vol. 11. No. 3. Pp. 69–80. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-69-80 (In Russ.).
- Wolf M. (2023). *The Crisis of Democratic Capitalism*. — London: Allen Lane.
- Yakovlev A.A. (2021). Variety of Capitalism Concept: Application to Russia // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 41–49. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_41_49 (In Russ.).
- Yanov A.L. (2017). *The Debate on «Eternal Autocracy»: From Ivan the Terrible to Putin*. — Moscow: Novy Khronograf. (In Russ.).
- Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2026). *Conservatism: Unlearned Lessons*. — M., Chelyabinsk. Socium. (In Russ.).
- Yasin E.G. *Russian Modernization. Reports from 10 Conferences*: In 2 books. — M.: HSE Publishing House
- Zaostrovtshev A.P. (2020). *The Modernization Debate: Common Road or Special Ways?* — St. Petersburg: Press of the European University at St. Petersburg. (In Russ.).
- Zaostrovtshev A.P. (2024). Welfare State: Generosity or Predatory? // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44 (In Russ.).

Заостровцев Андрей Павлович

ORCID: 0000-0003-0302-4182

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtshev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics

ORCID: 0000-0003-0302-4182

zao-and@yandex.ru

THE COLLAPSE OF LIBERAL MODERNIZATION AND THE CHALLENGE OF «RUSSIAN MATRIX»

Abstract. This article examines the conceptual and factual failure of liberal modernization in the contemporary era. Transitology, so influential in the 1990s, has faded into oblivion. The Western model has failed to take hold in many post-socialist countries. In terms of democratization, the gap between Russia and the countries that adopted this model has become radical. At the same time, the West has begun to lose the qualities inherent in classical liberalism. They are being supplanted by new institutions designed to destroy the rule of law and, more broadly, its cultural identity. Against the backdrop of this decline, a new image of the system of traditional Russian fundamental institutions, known as the “Russian matrix,” has begun to emerge in the 21st century. Through these institutions, Russia, as a local form of global forced civilization, has challenged the latter’s alternative form—the legal one. At the core of this is the key component of this matrix, which defines its objective function: institutional expansionism. The other components of the messianic task are subordinated to its fulfillment: power-property and the rent-class social order. Long-term public opinion polls in Russia convincingly demonstrate that the legitimacy of the social system is high, since every attempt to practically fulfill this task through the conflict with Ukraine generates stable and long-term support in the form of recognition that the country is on the right path.

Keywords: liberal modernization, transitology, institutions, civilizations, the West, «Russian matrix», messianism, institutional expansionism, legitimacy.

JEL: N00, O10, O43.

Ю.Л. Плущевская

*к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ВОЛНЫ КОНДРАТЬЕВА КАК ФАЗЫ СИСТЕМНЫХ ЦИКЛОВ НАКОПЛЕНИЯ Д. АРРИГИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ¹

Аннотация. Теория системных циклов накопления Д. Арриги открывает большие перспективы в анализе длинных трендов развития мирового хозяйства и места в нём экономики России. Однако она не предлагает количественного описания долгосрочного накопления глобального капитала, что препятствует её практическому применению. Одним из направлений преодоления данного ограничения может стать её синтез с эмпирическими наработками других длинноволновых теорий. В исследовании оценивается возможность совмещения вековых системных циклов с полувековыми волнами Н. Кондратьева. Постановка проблемы отталкивается от положения Д. Арриги о двух стадиях, через которые проходит капитал в системном цикле. Теоретической основой объединения выступают общность взглядов Арриги и Кондратьева на долгосрочную цикличность как феномен капиталистического накопления. Проверяется гипотеза, что источником векового цикла является эволюция денежного капитала в номинальном выражении, а полувековых фаз — механизмы реального накопления. Исходные предпосылки определили набор показателей, инструментарий и методику расчётов. Вековые и полувековые циклы в британском и американском режимах накопления выявлялись по изменению интенсивности процессов, определяющих движение капитала. Необходимые частотно-временные характеристики релевантных временных рядов длиной до трёх столетий оценены с помощью непрерывного вейвлет-преобразования. Результаты вейвлет-декомпозиции номинальных процентных ставок в Британии и США подкрепили гипотезу о столетнем цикле накопления номинального капитала, тогда как признаки полувековых волн Кондратьева в реальном накоплении в двух странах оказались разными. В американском системном цикле о материальной и финансовой экспансии капитала можно судить по компонентам вейвлет-декомпозиции энергетических и внешне-торговых показателей, в британском — реальных процентных ставок. Универсальным индикатором смены фаз выступило сальдо торгового баланса. Исследование показало необходимость расширения круга показателей, описывающих движение капитала, и развития методологии анализа.

Ключевые слова: *системный цикл накопления, Д. Арриги, волны Кондратьева, непрерывное вейвлет-преобразование.*

JEL: B41, E3, F00, P10

УДК: 338.12

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_46_67

© Ю.Л. Плущевская, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

¹ Благодарность: Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института экономики РАН по теме «Институциональные основания и воспроизводственные факторы экономической политики России, способствующие переходу к экономике развития» (регистрационный номер 124013000799-0). Автор выражает благодарность А.Ю. Ермолову, А.М. Калинин, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, В.И. Маевскому, С.Ю. Малкову, П.А. Ореховскому за продуктивное обсуждение результатов расчётов, легших в основу настоящей статьи. Все ошибки и неточности принадлежат автору.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плущевская Ю.Л. Волны Кондратьева как фазы системных циклов накопления Д. Арриги: теоретические основы и эмпирическая верификация // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 46–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_46_67.

FOR CITATION: *Plushchevskaya Yu.* Kondratiev Waves As Phases of Arrighi's Systemic Cycles of Accumulation: Theoretical Framework and Empirical Verification // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2026. No. 2. Pp. 46–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_46_67.

Постановка проблемы

Для прогнозирования и выстраивания экономических стратегий в условиях происходящей трансформации мирового хозяйства необходимо опираться на теории, способные объяснить новые явления. На наш взгляд, одной из них является концепция системных циклов накопления (СЦН), предложенная Д. Арриги [Арриги, 2006]. Согласно ей текущие процессы — это закономерная стадия в эволюции капитализма, переходный этап от одного режима накопления капитала к другому. Режим формируется страной — лидером своей эпохи, которая подчиняет ему максимально возможную часть геоэкономического пространства. Новая модель накопления первоначально приводит в государстве-гегемоне к бурному экономическому росту, однако со временем её потенциал наталкивается на внутренне обусловленные пределы. Возникают условия для её замены. В ходе эволюции капитализма происходит увеличение «размеров и организационной сложности ведущих сил ... последовательных режимов» [Арриги, 2006. С. 285]. По Д. Арриги, нынешние процессы в мировой экономике представляют собой завершающую фазу американской гегемонии, когда национальные капиталы борются за доминирование в следующем цикле. Противоборство затрагивает все аспекты общественной жизни, включая экономический, технологический, военный, культурный и другие.

Д. Арриги строит свой анализ, исходя из фундаментальных положений марксизма о капитале как об особом, исторически определённом общественном отношении, смыслом которого является «самовозрастание» стоимости. Отправной точкой его теоретических построений служит формула кругооборота капитала ($D - T - D'$), которая «может быть понята как отражение не только логики индивидуальных капиталистических инвестиций, но и повторяющейся закономерности исторического капитализма как миросистемы» [Там же. С. 44]. Из формулы следует, что главной и универсальной формой капитала является денежная; при капитализме основные механизмы развития, его «действующие силы или социальные страты ... становятся капиталистическими в силу систематического и постоянного надления денег “производительной силой” (выражение Маркса) независимо от характера конкретных товаров и видов деятельности, которые оказываются под рукой в данный момент времени» [Там же. С. 47].

Д. Арриги наполняет абстрактные постулаты конкретным содержанием с помощью глубокого анализа обширного исторического материала. Всё вместе это обеспечивает его теории большой прогнозно-аналитический потенциал. Тем не менее для практического применения ей недостаёт формализованной эмпирической составляющей. Речь идёт о количественных измерениях, основанных на временных рядах статистических показателей. Представляется, что для развития этого аспекта теории полезно обратиться к работам, полученным в рамках других длинноволновых концепций. В настоящей статье делается шаг в данном направлении.

Чтобы чётко сформулировать цель нашего исследования необходимо уточнить два пункта. Один касается различия между понятиями «долгий век» и системный цикл накопления (СЦН). По Д. Арриги, СЦН состоит из двух фаз — материальной и финансовой экспансии капитала страны-гегемона. Первая основана на развитии промышленности и торговли, вторая — на наращивании объёмов капитала благодаря финансовым операциям

на мировом рынке. Переход ко второй стадии ознаменован «сигнальным кризисом», а её завершение — «терминальным кризисом».

Для учёного было важно проследить, как «новый режим накопления развивается в пределах старого», хотя «... его развитие представляет собой неотъемлемую составляющую полного развития и противоречий последнего» [Там же. С. 281]. Поэтому он вводит «понятие “долгого века”, которое будет считаться основной временной единицей при анализе мировых процессов накопления капитала» [Там же. С. 45]. «Долгий век» включает в себя три составные части. Первая совпадает с заключительной фазой СЦН предыдущего режима накопления. В ней «...противоречия полностью развитого режима накопления создают возможности для появления соперничающих и альтернативных режимов, один из которых в конечном итоге... становится новым доминирующим режимом» [Там же. С. 281]. Вторая и третья части «долгого века» — это полный цикл текущего СЦН, состоящий из стадий материальной и финансовой экспансии.

Для иллюстрации разницы между долгим веком и СЦН Д. Арриги приводит схематический рисунок [Там же. С. 282]. Например, долгий XIX в. заключён во временном промежутке с 1740-х гг. (с сигнального кризиса голландского СЦН) и до начала Первой мировой войны (терминальный кризис следующего, британского, режима). При этом британский СЦН берёт отсчёт от терминального кризиса голландского режима в 1780-е гг. Долгий XX в. американской гегемонии начинается с «Великой депрессии 1873–1896 гг.» [Там же. С. 281], знаменующей сигнальный кризис британского режима, тогда как американский СЦН — с середины 1910-х гг.

В настоящем исследовании мы будем рассматривать системные циклы, а не долгие века. Это обусловлено задачей количественно оценить параметры этапов накопления глобального капитала. Обе фазы СЦН объединены общей моделью накопления, и её характеристики отражаются в соответствующей страновой статистике. Первая стадия данного долгого века будет учтена в качестве второй фазы предыдущего СЦН.

Второй пункт, требующий пояснения, заключается в определении объекта исследования. Мы исходим из того, что первичными являются экономические процессы в государстве-гегемоне; от них в значительной мере зависят главные тренды развития всего мирового хозяйства. Неслучайно Д. Арриги даёт системным циклам «страновые» названия. Поэтому мы сосредоточимся на экономике — центре СЦН; изучение её взаимоотношений с другими странами выходит за рамки настоящей работы.

Итак, объектом настоящего исследования выступает движение глобального капитала, принимающего форму национального капитала экономики — лидера отдельной исторической эпохи в течение системного цикла накопления. Ввиду ограничений со стороны статистики мы рассмотрим два из четырёх СЦН, выделенных Д. Арриги, — британский и американский. Как явствует из приведённых выше примеров, их продолжительность составляет около 100–130 лет. Отметим, что сам учёный определял свою периодизацию как «приблизительную и предварительную» [Там же. С. 45]; проводя её, он отталкивался от исторических событий, а не количественных критериев. Поэтому далее мы будем говорить о длительности СЦН как о примерно столетней и без строгой привязки к арригиевской датировке.

В свою очередь, наличие в СЦН двух качественно различных фаз порождает естественный вопрос о том, как они соотносятся с волнами длиной в 40–60 лет, получившими имя Н.Д. Кондратьева (К-волны). Объединение в анализе двух видов экономических колебаний может способствовать углублению анализа циклической динамики экономических систем.

Идея о продуктивности изучения экономических колебаний различной длительности как единой системы не нова и естественна: экономика представляет собой целостный организм, поэтому наблюдаемые в ней процессы не могут не быть взаимосвязанными.

Её научное развитие восходит к трудам Й. Шумпетера, выстроившего иерархию из краткосрочных циклов Китчина, среднесрочных (деловых) — Жюгляра и длинных волн Кондратьева. Б. Берри объединяет в единую конструкцию деловые циклы, ритмы Кузнеца и К-волны [Berry, 2006; Berry, Dean, 2012].

Л. Гринин и А. Коротаев указывают на тесную связь между циклами Жюгляра и К-волнами, которая основана на «способности <индустриальной экономики> к расширенному воспроизводству» [Гринин, Коротаев, 2014. С. 51]. Они полагают, что «...повышательная и понижительная фазы К-волн формируются кластерами», состоящими из 2-3 деловых циклов, демонстрирующих схожие характеристики [Там же].

О столетнем «эволюционном цикле» в мировой экономике и политике говорят В. Пантин и А. Айвазов. По их мнению, он «состоит из двух циклов Кондратьева и включает в себя четыре фазы: 1) технологический переворот; 2) великие потрясения в мировой экономике и политике; 3) революция мирового рынка; 4) структурный кризис ...» [Пантин, Айвазов, 2012. С. 140].

Непосредственно к арригиевским и кондратьевским циклам обращается С. Глазьев, но трактует их по-своему. Он полагает, что системный цикл накопления отражает эволюцию того, что в его концепции называется мирохозяйственным укладом, а К-волна — развитие технологического уклада. Так, «в один жизненный цикл мирохозяйственного уклада “вписано” два жизненных цикла технологических укладов. Иными словами, один вековой системный цикл накопления капитала охватывает две длинные волны Кондратьева, в которых проявляются жизненные циклы соответствующих технологических укладов» [Глазьев, 2020. С. 12]. Однако учёный не приводит аргументы в пользу предложенной интерпретации; эмпирическая верификация не проводится. Указано лишь, что «механизм, определяющий синхронизацию жизненных циклов мирохозяйственных и технологических укладов, остаётся... не изученным так же, как нет строгого объяснения длительности их периодов» [Там же].

Следует подчеркнуть, что в целом длинноволновая проблематика в экономической науке остаётся недостаточно проработанной и дискуссионной. И это в первую очередь относится к волнам Кондратьева. Мейнстрим отказывается им в существовании исходя из общего постулата об отсутствии долгосрочной цикличности. К ортодоксии здесь примыкают неотроцкисты, которые указывают на случайный характер длинных экономических флуктуаций [Mandel, 1995]. Корни сомнений восходят не только к Л. Троцкому, но и к известной работе Л. Слуцкого, вышедшей в 1927 г. [Лола, 2014], и к дискуссии 1920-х гг. в советской науке [Гринин, Коротаев, 2017]. В гетеродоксальных направлениях к настоящему времени сложилось множество трактовок К-волн, содержательно сильно различающихся между собой. В качестве источников полувековых колебаний называют технические инновации, технологическое обновление «секторов производства средств производства», аграрной или промышленной продукции, динамику цен и относительных цен на страновом и глобальном уровнях. Следствиями слабой изученности природы полувековых волн выступают отсутствие чётких критериев их выделения, субъективизм при выборе статистики и методов обработки данных, оспаривание эмпирических верификаций, размытость датировок [Плущевская, 2025]. Видимо, именно такое положение дел дало основание Д. Арриги заключить, что «кондратьевские циклы представляют собой эмпирические конструкции с неясным теоретическим значением, выводимые из наблюдаемых долгосрочных колебаний в товарных ценах» [Арриги, 2006. С. 45]. В такой ситуации выбор той или иной трактовки К-волн требует не только убедительных статистических свидетельств, но и выполнения критерия совместимости с теориями экономических колебаний иной продолжительности.

Цель настоящего исследования — выявить теоретические и эмпирические основания для объединения вековых системных циклов накопления Д. Арриги и полувековых

волн Кондратьева. Наша гипотеза заключается в том, что столетняя траектория формируется накоплением денежного капитала в номинальном выражении, тогда как две фазы в её составе — разными механизмами реального накопления. А именно, содержанием всего СЦН является возрастание глобального капитала в форме странового капитала, «резидентство» которого идентифицируется по национальной валюте, поначалу имеющей внутреннее хождение, а затем выполняющей функции мировых денег. Ранее нами было показано, что столетний «жизненный цикл» номинального денежного капитала хорошо описывается с помощью процентных ставок (доходностей) по инструментам в валюте страны-гегемона [Плущевская, 2024].

В свою очередь, за различиями между двумя фазами СЦН должны стоять особенности накопления денежного капитала в реальном выражении. Материальная экспансия опирается преимущественно на национальный производственный потенциал экономики — центра накопления. В фазе финансовой экспансии конечным источником приращения стоимости является рост глобального предложения товаров и услуг, хотя в государстве-гегемоне может возникать иллюзия возникновения прибыли непосредственно из финансовых операций. Перемещение производств в периферийные и полупериферийные экономики и общая трансформация мирового разделения труда будут сопровождаться существенными структурными изменениями в экономике страны-лидера. «Жизненные циклы» двух разных хозяйственных механизмов определяют содержание фаз СЦН.

Дальнейшее изложение имеет следующую структуру. В первой части следующего раздела, посвящённого методологии исследования, показана общность взглядов Д. Арриги и Н. Кондратьева на долгосрочную цикличность. Она задаёт теоретический фундамент для объединения К-волн и СЦН и определяет методику эмпирической проверки, включая способ идентификации циклов, выбор показателей и инструментария. Эти вопросы обсуждаются во второй и третьей частях. В заключении сделаны выводы о возможности включения волн Кондратьева в СЦН, даны предложения, касающиеся подходов к идентификации долгосрочных колебаний, выделены нерешённые вопросы и обозначены направления дальнейших исследований.

Методология исследования

Единство взглядов Д. Арриги и Н. Кондратьева на природу длинных циклов

Основные положения теории Д. Арриги, на которых мы останавливались выше, можно кратко суммировать следующим образом. Долгосрочная цикличность обусловлена внутренними противоречиями накопления капитала; развитие капитализма носит глобальный характер, в силу чего циклы присущи эволюции мирового хозяйства; экономические процессы тесно связаны со всеми аспектами общественной жизни.

Из множества трактовок К-волн к взглядам Д. Арриги ближе всего примыкают воззрения Н. Кондратьева. Хорошо известно, что российский учёный не претендовал на создание стройной концепции длинных волн, ограничившись «эмпирическими правильностями». Тем не менее из его работ можно составить представление об его теоретических взглядах. Прежде всего, назвав выявленный феномен «большим циклом конъюнктуры», Н. Кондратьев подчеркнул его экономическую природу: под конъюнктурой понимались в те годы «направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом» [Кондратьев, 2002. С. 33], или, в современной терминологии, макроэкономическая динамика. Учёный настаивал на том, что «исследование относится только к условиям капиталистического общества» [Там же. С. 341] и не сомневался в «закономерно-циклическом характере» открытого феномена [Там же. С. 387]. Говоря о кризисах как о составной части «волнообразно-циклических колебаний», он подчёркивал, что они «органически присущи капиталистическому строю»

[Там же. С. 342–343]. Кроме того, полувековые волны имеют глобальное пространственное измерение: «повышательное движение конъюнктуры и рост производительных сил обуславливают обострение борьбы за новые рынки, ...расширение орбиты мирового рынка и вовлечение в оборот новых стран и районов» [Там же. С. 392]. Наконец, они проявляются во всём многообразии аспектов жизни общества, среди которых «крупные социальные потрясения, ... войны», «обострение международно-политических отношений» [Там же. С. 370–380, 392]. Таким образом, «большие волны конъюнктуры» — это явление, которое возникает в глобальной капиталистической экономике под действием объективных законов накопления капитала и которому присущи разнообразные социальные проявления.

Легко убедиться, что понимание долгосрочной цикличности у Н. Кондратьева практически совпадает с арригиевским. В данном контексте нельзя не упомянуть, что у учёных даже сложился одинаковый зрительный образ траектории накопления, а именно — S-образной кривой. Д. Арриги предположил, что «материальная экспансия мир-экономики может быть описана при помощи одной или нескольких S-образных траекторий (так называемых логистических кривых)» [Арриги, 2006. С. 293] и для наглядности приводил соответствующий рисунок. А Н. Кондратьев в 1934 г. «переоткрыл» логистическое уравнение, не будучи знаком с трудами П. Ферхюльста, обозначив его возможное использование в экономической науке, — для описания величин, «которые в процессе динамики кумулируются, накапливаются...» [Кондратьев, 2002. С. 503].

Схожесть теоретических представлений Д. Арриги и Н. Кондратьева является основанием для совмещения СЦН и К-волн в единую систему. В свою очередь, понимание длинных циклов как феномена эволюции глобальной капиталистической экономики определяет методологию эмпирической проверки. Важнейшая отправная точка — выбор показателей, подходящих для описания долгосрочного накопления денежного капитала в номинальном и реальном выражении.

Показатели для расчётов

Однако ни Д. Арриги, ни Н. Кондратьев не оставили рекомендаций на этот счёт. В концепции итальянского учёного капитал выступает в качестве абстрактной категории, к экономической статистике он не прибегает. Напротив, подход Кондратьева — строго статистический: учёный выделил «большие волны конъюнктуры» на основе анализа широкого набора показателей на выборках, берущих начало в XVIII в. Проблема, однако, состоит в том, что он не выстроил соответствие между ограниченным набором данных, имевшихся в его распоряжении, и характеристиками долгосрочного движения капитала. Решение такой задачи было в его время объективно невозможно: в области проблематики длинных волн делались лишь первые шаги; статистика как система находилась на начальных этапах становления; инструментарий обработки данных был довольно грубым.

В этих условиях мы обратились к индикаторам, апробированным в анализе британского и американского СЦН [Плущевская, 2024]. Так, столетнюю траекторию темпов прироста номинального капитала адекватно описывают номинальные доходности (процентные ставки) по инструментам в валюте страны-гегемона.

О трансформации механизма накопления капитала в течение СЦН даёт представление сальдо торгового баланса. А именно, для фазы материальной экспансии характерно превышение экспорта над импортом, результат бурного роста внутреннего предложения, опережающего спрос, и жёсткого протекционизма. В стадии финансовой экспансии торговое сальдо становится отрицательным вследствие обретения валютой страны-гегемона статуса мировых кредитных денег и роста внешнего долга. В нашем анализе мы будем использовать сальдо торгового баланса, нормированное на объёмы валового продукта, а также отношение импорта к экспорту (для соответствия «техническим» требованиям применяемого инструментария, на котором мы остановимся ниже).

Ещё один показатель — подушевое потребление первичной энергии (в физических единицах). Такая метрика энергетической оснащённости экономики является одним из индикаторов развития производительных сил страны. Уровень показателя продемонстрировал свою информативность при межстрановых сопоставлениях [Волынский, Плущевская, 2024]. Можно предположить, что темпы роста энергетической оснащённости окажутся полезными при изучении течения системного цикла, поскольку энергетическая динамика тесно связана с производственной.

Важнейшие переменные — реальные процентные ставки (доходности), дающие представление об изменении покупательной способности капитала. Стандартная процедура расчёта реальных величин предполагает корректировку номинальных показателей на индексы цен. Для британского СЦН дефлятором стали годовые темпы изменения цен на золото. В эпоху золотого стандарта такая коррекция динамики темпов роста номинального глобального капитала представляется естественной. «Товарные цены, выраженные в золоте», изучал и Н. Кондратьев.

Для доходностей в американском СЦН вопрос о дефляторе становится менее очевидным. Сложность возникает в связи с отказом от золотого стандарта, окончательно оформленного Ямайскими соглашениями во второй половине 1970-х гг. С тех пор обычной практикой при дефлировании показателей, номинированных в долларах США, является использование индексов цен в американской экономике. Предполагается, что они отражают изменение «стоимости» основной резервной валюты. Однако для целей нашего анализа такие дефляторы не подходят: режим накопления распространяется на всю мировую экономику, и судить о покупательной способности капитала по страновым индексам цен некорректно.

Возможной альтернативой жёлтому металлу может стать нефть. «Чёрное золото» в XX в. — важнейший энергетический и сырьевой ресурс. Нефтяные котировки являются основными в мировой торговле, а сценарии развития рынка нефти лежат в основе прогнозных документов ведущих международных организаций (Международного валютного фонда, Мирового банка, Мирового энергетического агентства). Нефтедолларовая система, берущая отсчёт с соглашения 1974 г. между США и Саудовской Аравией, внесла важный вклад в превращение американской валюты в мировые деньги и тем самым — в формирование современной мировой валютной архитектуры.

И тем не менее выбор индекса цен на нефть (в долларах США) как дефлятора для оценки движения реального капитала в американском СЦН вызывает сомнения. Во-первых, по крайней мере до середины XX в. нефть не имела того же статуса, что и золото. Во-вторых, нефтяные котировки гораздо более волатильны, чем золотые. В-третьих, доллар США утрачивает свои позиции мировой резервной валюты, а в условиях усиливающейся турбулентности на мировом финансовом рынке возрастает значение золота как «тихой гавани» для хранения частных и государственных средств. В этих условиях долларовые цены теряют информативность. Дополнительным аргументом в пользу индекса цен на золото является его коррелированность с динамикой цен на нефть в последние полвека. По расчётам на выборке 1970 — 2024 гг. коэффициент корреляции между годовыми темпами их роста составил 0,43, что для данного количества наблюдений говорит о значимости связи между показателями ($p \approx 0,001$), особенно если принять во внимание и структурные сдвиги и волатильность временных рядов. С учётом приведённых аргументов в качестве дефлятора для расчёта реальных доходностей в американском системном цикле был принят индекс цен на золото, так же, как и в британском «долгом веке».

Источниками данных на ретроспективе, охватывающей три столетия, стали статистические базы данных и исторические реконструкции. Список источников приведён в Приложении 1.

Для анализа британского СЦН дополнительно рассмотрены показатели «товарных цен», в которых Н. Кондратьев обнаружил волны длиной 47–60 лет [Кондратьев, 2002. С. 351]. Наше предположение состояло в том, что они могут отражать дисбалансы, складывающиеся в ходе взаимодействия между процессами номинального и реального возрастания капитала.

Отобранные индикаторы далее подвергаются обработке с целью выявления процессов, длящихся около ста лет и полувека. При этом мы откажемся от подхода, который состоит в поиске в разнообразных временных рядах полувековых флуктуаций, хотя он и является общепринятым (из недавних работ см., например, [Hecht, 2025]). Вместо этого мы сосредоточимся на выявлении в накоплении капитала процессов с «жизненными циклами» около столетия и полувека; длины волн, которые ими порождаются, имеют второстепенное значение.

Данная задача решается при помощи частотно-временного разложения соответствующих временных рядов с помощью вейвлет-анализа. Изложение его основ выходит за рамки данной статьи¹, но для освещения результатов расчётов необходимо кратко остановиться на главных содержательных особенностях.

Вейвлет-анализ как расчётный инструмент

Вейвлет-анализ — довольно молодая область прикладной математики, в последнее время быстро набирающая популярность в экономической науке. Он применяется для выделения частотно-временных особенностей самостоятельных временных рядов, а также для изучения связей между ними.

Вейвлет (*wavelet*) — это математическая функция для получения частотно-временного представления данных, в общем случае — любого сигнала. График вейвлета напоминает затухающую волну или импульс². Существуют различные типы базовых вейвлетов, их выбор зависит от задачи.

Вейвлет характеризуется двумя параметрами. Первый отвечает за масштаб; его приблизительным аналогом в спектральном анализе, с которым в большей мере знакомы экономисты, является период колебания³. Второй отвечает за положение во времени. Вейвлет-преобразование временного ряда — это его разложение по базису, сконструированному из вейвлетов, в процессе которого базовый (материнский) вейвлет растягивается или сжимается (что соответствует изменению разрешения по частоте) и сдвигается по шкале времени.

Существенным отличием вейвлет-преобразования от преобразования Фурье является временная локализация. Спектральный анализ «даёт информацию только о частотном спектре всего анализируемого сигнала, но не даёт информации о том, в какой момент в сигнале присутствовали колебания на той или иной частоте» [Захарова, Шестаков, 2025. С. 51]; «этот метод не может локализовать частотные компоненты во времени, а только анализирует их наличие и величину, ... не позволяет определить, присутствовала ли данная частота в сигнале всегда, или она появилась в какой-то момент» [Там же. С. 45]. За счёт того, что вейвлет-преобразование «...имеет гибкое частотно-временное окно, которое автоматически сужается при рассмотрении высокочастотных явлений и расширяется при изучении низкочастотных областей» [Там же. С. 91], с его помощью можно получить одновременно хорошее и частотное, и временное разрешение.

¹ С ними можно познакомиться, например, в [Витязев, 2001; Захарова, Шестаков, 2025; Crowley, 2005].

² Название происходит от французского слова *ondelette* («маленькая волна»), которое было использовано геофизиком Ж. Морле при разработке метода анализа сейсмических сигналов.

³ Далее для строгости изложения термин «период» мы будем употреблять в значении величины, обратной частоте колебаний.

Более того, спектральный анализ требует стационарности рядов, регулярной и фиксированной периодичности циклов и, следовательно, предварительной обработки нестационарных рядов, с принятием зачастую субъективных предпосылок. Вейвлет-анализ не выдвигает условий к данным, а потому наилучшим образом подходит для декомпозиции временных рядов длиной до трёх столетий, которым присущи структурные сдвиги, смены режимов, наложение волн, нерегулярность колебаний, амплитудные модуляции. Ограничение, связанное с применением вейвлет-преобразования, связано с краевыми эффектами. Поскольку вейвлеты имеют конечную протяжённость во времени, их поддержка может выходить за пределы выборки вблизи начальной и конечной точек, что приводит к искажению вейвлет-коэффициентов в этих областях. Это означает, что интерпретация результатов вблизи границ временного ряда требует осторожности.

Результатом вейвлет-декомпозиции является представление временного ряда в виде суммы компонентов, каждый из которых соответствует произведению версии базового вейвлета (масштабированного и сдвинутого по оси времени) на вейвлет-коэффициент. Последний отвечает за качество «подгонки»: чем ближе вид временного ряда в окрестности данного момента времени к виду вейвлета, тем большую абсолютную величину имеет вейвлет-коэффициент.

В целом вейвлет-анализ является на данный момент наиболее мощным инструментом изучения частотно-временных характеристик экономических временных рядов. Он идеально подходит для решения задачи, поставленной в статье, — выявления особенностей процессов, которые проявляют себя через долгосрочные колебания, параметры которых меняются во времени.

В наших расчётах использовалось непрерывное вейвлет-преобразование, которое больше подходит для анализа временных рядов, чем дискретное [Aguiar-Conraria, Soares, 2014; Crowley, Hallett, 2021]. Применялся WaveletToolbox пакета Матлаб (версия R2025b), семейство вейвлетов Морзе [Lilly, Olhede, 2012].

Целью вейвлет-декомпозиции данных в настоящем исследовании является выявление низкочастотных компонентов, вносящих существенный вклад в формирование траектории анализируемого статистического показателя, и определение особенностей их поведения на временном горизонте, охватывающем СЦН. Указанием на «жизненные циклы» некоторого процесса в накоплении капитала станут эпизоды амплитудной модуляции — возрастание и затем снижение размаха колебаний — и их временная локализация. О содержании процесса можно будет судить по экономическому смыслу исходного статистического показателя.

Расчёты по получению частотно-временных характеристик выбранных временных рядов с помощью непрерывного вейвлет-преобразования проводились по следующему алгоритму.

Алгоритм расчётов

Первый шаг — разложение временных рядов выбранных показателей с помощью WaveletToolbox и получение полного набора частотно-временных характеристик. Второй шаг — выделение компонентов вейвлет-декомпозиции, внесших наиболее значимый вклад в формирование траектории анализируемого временного ряда. Решению этой задачи служат оценки средней вейвлет-мощности (*average wavelet power*). Она позволяет судить об относительной значимости компонентов вейвлет-декомпозиции на всей выборке. С содержательной точки зрения локальные максимумы средней вейвлет-мощности укажут на процессы, обладавшие самой большой интенсивностью (амплитудой колебаний) и внесшие наиболее существенный вклад в формирование траектории исходного показателя. Напротив, слабая выраженность процесса проявится в вялых колебаниях с низкой амплитудой, малых значениях вейвлет-коэффициентов и низкой средней вейвлет-мощности.

Исходя из задачи исследования, мы не будем учитывать компоненты с периодами менее 10 лет как относящиеся к кратко- и среднесрочным флуктуациям. Пики средней вейвлет-мощности с более длинными периодами можно интерпретировать как маркеры основных длинноволновых трендов в составе анализируемого временного ряда.

Далее, принимая во внимание размытость границ и нерегулярность экономических циклов, мы будем рассматривать не точечное значение локального максимума средней вейвлет-мощности, а некоторый интервал периодов вокруг этого пика. Он определяется так, чтобы не «захватить» ближайший пик с меньшим значением. Отметим, что попадание в него малозначащих компонентов слабо скажется на результате, так как соответствующий вейвлет-коэффициент будет небольшим. Сумма (точнее интегральная величина) компонентов вейвлет-декомпозиции с выбранными периодами даст «основной длинноволновый компонент», циклическую трендовую составляющую исходного показателя. Его расчёт — это третий шаг алгоритма.

Траектории длинноволновых компонентов трендов являются основой для дальнейшего анализа. Участки с широким размахом колебаний укажут на высокую интенсивность процесса, а снижение амплитуды — об иссякании его «энергии». Временной промежуток, в течение которого происходит амплитудная модуляция, является ориентиром для определения длительности «жизненного цикла». Сравнение траекторий основных длинноволновых компонентов различных показателей с учётом их экономического смысла станет основанием для заключений о течении СЦН, его фазах и возможности их соотнесения с К-волнами.

Представление результатов расчётов начнём с американского СЦН. Такой (не хронологический) порядок изложения связан с большей информативностью расчётов по США, обусловленной более высоким качеством статистики в XX в.

Результаты расчётов

Американский системный цикл

В табл. 1 приведены данные о локальных максимумах спектра средней вейвлет-мощности, периодах основных волн и длине временных рядов, участвующих в анализе. Рисунки с оценками средней вейвлет-мощности по частотно-временной декомпозиции показателей в американском СЦН даны в Приложении 2.

Как явствует из табл. 1, в частотно-временном разложении номинальных процентных ставок в среднем наибольшую величину имеет компонент с периодом 69 лет; в расчётный

Таблица 1

Характеристики основных длинноволновых компонентов показателей накопления в американском системном цикле

Показатель	Пик средней вейвлет-мощности, период, лет	Периоды основного длинноволнового компонента, лет	Выборка, годы
Номинальные процентные ставки	69	45–80	1798–2024
Реальные процентные ставки	17/34	15–45	1798–2024
Подушевое потребление первичной энергии	18	15–25	1801–2020
Отношение импорта к экспорту	16/24	10–25	1929–2019

Источник: расчёты автора по источникам, указанным в Приложении 1.

интегральный компонент вошли колебания с периодами от 45 до 80 лет. Необходимо отметить, что из-за краевых эффектов вейвлет-преобразования с достаточной уверенностью следует говорить о таких волнах, начиная с середины XIX в. Для траектории реального роста капитала значимы более быстрые процессы. Равную среднюю вейвлет-мощность показали компоненты с периодом колебаний 17 и 34 года, поэтому в расчётной волне они были объединены в интервал 15–45 лет. Интенсивность динамики подушевого потребления первичной энергии и импорта относительно экспорта задаётся процессами с длиной волны 15–25 лет и 10–25 лет, соответственно. В целом значения средней вейвлет-мощности согласуются с нашей исходной гипотезой о длинных волнах в номинальном возрастании капитала и в более коротких процессах, течение которых может различаться в зависимости от фаз СЦН.

Кривые основных длинноволновых компонентов из вейвлет-декомпозиций номинальной и реальной процентных ставок представлены на рис. 1 (здесь и далее, чтобы отличать вейвлет-компоненты от исходных данных, в подписях переменных в скобках проставлены периоды колебаний). Для демонстрации масштабов изменений приведены данные и по XIX в., когда США только набирали вес в мировой экономике, играя в ней подчинённую роль. Как показывает зелёная линия на рис. 1, амплитуда медленных колебаний тренда номинальных процентных ставок увеличивается в конце XIX в., а к 2020 г. снижается практически до исходного уровня. Высокая интенсивность номинального накопления приходится, таким образом, на весь XX в.

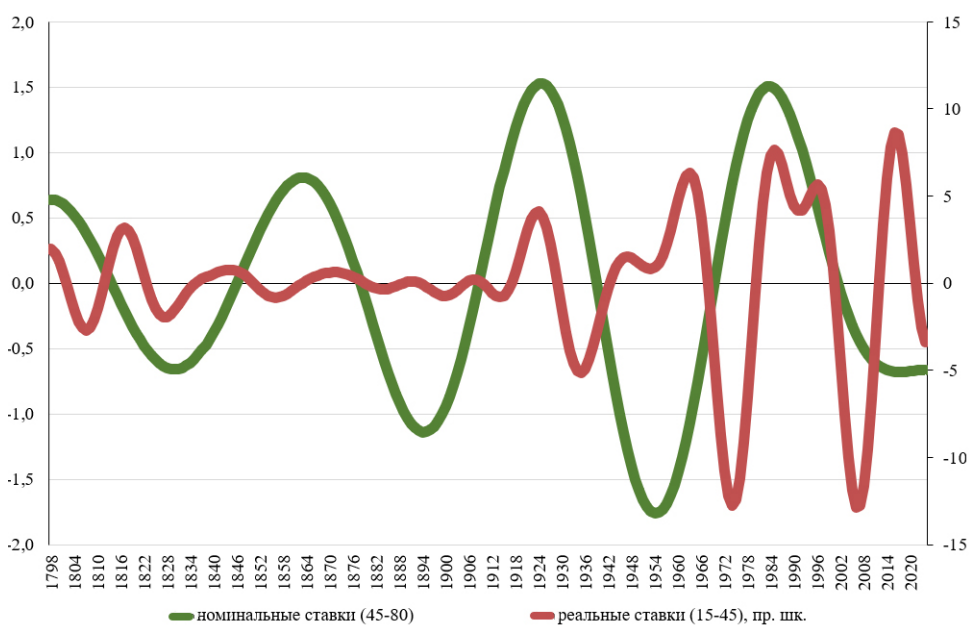

Рис. 1. Длинноволновые тренды в номинальных и реальных процентных ставках в американском СЦН, %
 Источник: расчёты автора по данным, указанным в Приложении 1.

В траектории длинноволнового компонента реальных процентных ставок выделяются два участка (красная линия). В течение XIX в. амплитуда колебаний интегрального компонента близка к нулю, что неудивительно для экономики, встающей на самостоятельный путь развития после обретения независимости в конце XVIII в. Размах колебаний резко возрастает с начала XX в., сигнализируя о вступлении экономики США в новую эру. Траектория волнового тренда сложная, учитывая, что в ней совмещены компоненты с пиками в 17 и 34 года. Вопреки предположениям, она указывает не на две фазы, а только на высокую интенсивность реального накопления капитала на протяжении XX столетия. Тем не менее можно заметить, что локальные максимумы волн реальных ставок, указывающие на наибольшую интенсивность процесса, совпадают с пиками тренда номинальных

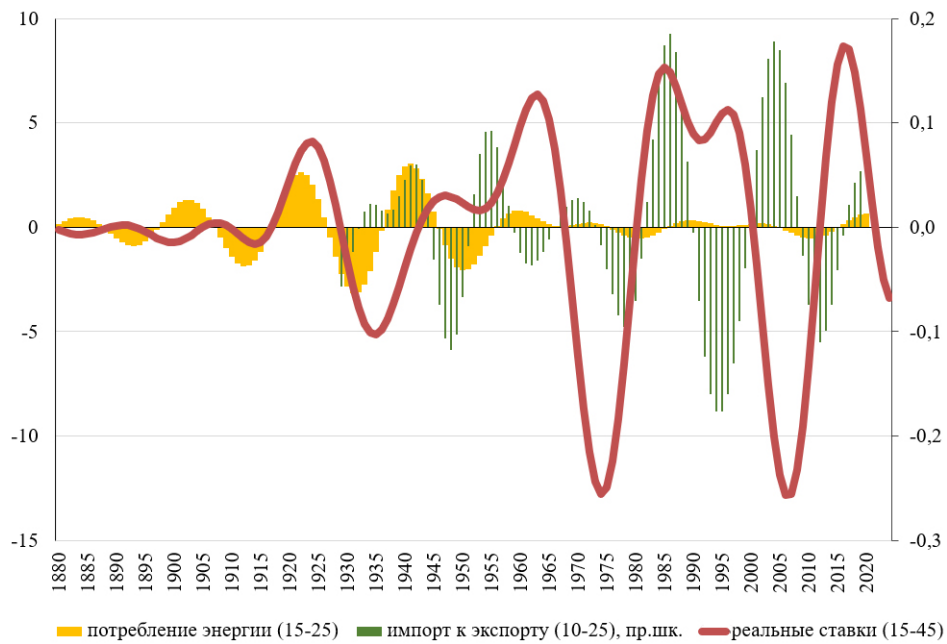

Рис. 2. Основные длинноволновые тренды реальной доходности, темпов поддушевого потребления первичной энергии и отношения импорта к экспорту в американском СЦН, %

Источник: расчёты автора по данным, указанным в Приложении 1.

ставок в 1920-е гг. и 1980-е гг., причём нигде более таких совмещений не наблюдается. Вероятно, это может быть указанием на разворачивание фаз СЦН.

На рис. 2 показаны основные длинноволновые компоненты вейвлет-декомпозиции поддушевого потребления первичной энергии в США и объёмов импорта относительно экспорта. Для соотнесения с зоной всего СЦН они дополнены соответствующим компонентом из разложения реальных ставок (красная линия). Как можно видеть, размах колебаний трендов в энергетической обеспеченности (закрашенная область) увеличивается с начала XX в. и по 1950-е гг., что говорит о бурном развитии энергетики США. Этот временной отрезок соответствует первой половине американского СЦН и относится к фазе национально-ориентированной материальной экспансии капитала. С середины 1960-х гг. амплитуда снижается, процессы затухают.

Напротив, интенсивность внешнеторговых потоков (столбчатые области) с 1970-х гг. резко возрастает, что соответствует второй фазе американского СЦН. Д. Арриги датирует переход к финансовой экспансии «примерно 1970-м годом» [Арриги, 2006. С. 283]. Наивысшие абсолютные значения верхних и нижних точек траектории доминирующего компонента вейвлет-декомпозиции приходятся на временной промежуток с середины 1980-х гг. по середину 2000-х гг..

Нельзя не отметить, что до этого, в 1930–1960-е гг., в траектории рассматриваемого компонента также наблюдалась амплитудная модуляция, но в заметно более узком интервале. Для объяснения этих процессов необходимо принять во внимание, что импорт и экспорт представляют собой разнонаправленные потоки стоимости. Как уже упоминалось, явным признаком наступления второй фазы СЦН является переход сальдо торгового баланса из устойчиво положительной в отрицательную область, с последующим увеличением его величины относительно ВВП. В США он произошёл в 1970-е гг. До этого внешняя торговля, безусловно, также имела значение для развития американской экономики; страна выступала в роли чистого экспортёра, что было следствием более быстрого роста внутреннего предложения по сравнению со спросом и высокой конкурентоспособности американских товаров на внешнем рынке.

Итак, интенсивность процессов, в значительной мере формирующих траекторию номинальных и реальных процентных ставок, согласуются с гипотезой об американском СЦН, дляншемся с начала XX века. Идентифицировать две фазы столетнего цикла возможно по амплитудным модуляциям волновых трендов в подушевом потреблении первичной энергии и отношения импорта к экспорту. В дополнение к результатам вейвлет-преобразования сохраняет важность анализ «сырых» данных о сальдо торгового баланса. Однако, вопреки ожиданиям, длинноволновый компонент вейвлет-декомпозиции реальных ставок не дал возможности сделать заключения о ходе американского СЦН.

Перейдём к результатам вейвлет-декомпозиции основных показателей накопления капитала в британском СЦН.

Британский системный цикл

Сводные данные о максимумах средней вейвлет-мощности, периодах основных длинноволновых компонентов и длине временных рядов в британском СЦН представлены в табл. 2. Рисунки с оценками вейвлет-мощности содержатся в Приложении 3. Основными анализируемыми показателями, как и в американском примере, являются долгосрочная номинальная и реальная процентные ставки, подушевое потребление первичной энергии и импорт относительно экспорта. Они дополнены показателем «товарные цены, выраженные в золоте, средний уровень 1901–1910 гг. = 100%» из арсенала Н. Кондратьева. Отметим, что учёный также изучал курсы твердоходных бумаг, включая Английский консолидированный аннуитет, — основной инструмент финансирования государственного долга Британии в XVIII–XIX вв., и разнообразные индикаторы внешнеэкономической деятельности.

Таблица 2

Характеристики основных длинноволновых компонентов показателей накопления в британском системном цикле

Показатель	Пик средней вейвлет-мощности, период, лет	Периоды основного длинноволнового компонента, лет	Выборка, годы
Номинальная процентная ставка	85	55–90	1729–2023
Реальная процентная ставка	34	25–55	1729–2023
Отношение импорта к экспорту	34	25–55	1700–1910
Подушевое потребление первичной энергии	49	35–60	1730–1941
Н. Кондратьев: товарные цены в золоте, 1901–1910 = 100	40	35–45	1787–1922
Н. Кондратьев: товарные цены в золоте, г/г	14	10–25	1788–1922

Источник: расчёты автора по источникам, указанным в Приложении 1.

Периоды основного длинноволнового компонента из вейвлет-декомпозиции номинальных ставок составили 55–90 лет. Процессы, генерирующие волны в траекториях реальных процентных ставок и импорта относительно экспорта, примерно вдвое быстрее: длина волны составляет 25–55 лет. В траекторию подушевого потребления первичной энергии наибольший вклад вносили процессы с волнами длиной 35–60 лет.

Если рассматривать временной промежуток с начала XVIII в. и до Первой мировой войны (окончания британского СЦН, по Арриги), то в траектории основных компонентов

вейвлет-декомпозиции номинальной процентной ставки просматриваются две области. Первая — это медленные процессы с колебаниями, которые завершаются в 1880-е гг. (красная линия на рис. 3). Значение гребня волны, приходящегося на середину 1850 гг., несколько меньше предшествующего (на стыке веков). Это, вместе с проседанием нижней точки волны в 1880-е гг., может служить признаком снижения интенсивности процессов накопления номинального капитала к концу XIX в. Скачок амплитуды в начале XX в. относится, очевидно, к общему усилению волатильности экономических процессов в преддверии Первой мировой войны. Он характеризует уже переходный период, а не собственно британский СЦН: как было показано нами ранее, на рубеже XVIII–XIX вв. США обогнали Британию по развитию производительных сил, измеренному уровнем энергетической обеспеченности [Волынский, Плущевская, 2024].

В траектории основного длинноволнового компонента из декомпозиции реальных процентных ставок прослеживаются три участка (зеленая линия на рис. 3). Первый, с высокой интенсивностью процессов, охватывает период с 1760-е гг. по 1830-е гг. Второй, до начала XX в., обладает заметно более вялой динамикой и выглядит как исчерпание потенциала предшествующего развития. Последний участок — это взлёт амплитуды, который, как и в случае с номинальными ставками, следует объяснить повышением общей турбулентности в мировом хозяйстве. В целом в траектории длинноволнового тренда в реальных процентных ставках выделяются два «жизненных цикла» процессов продолжительностью не менее 60 лет, протекающих с разной интенсивностью и указывающих на две фазы СЦН.

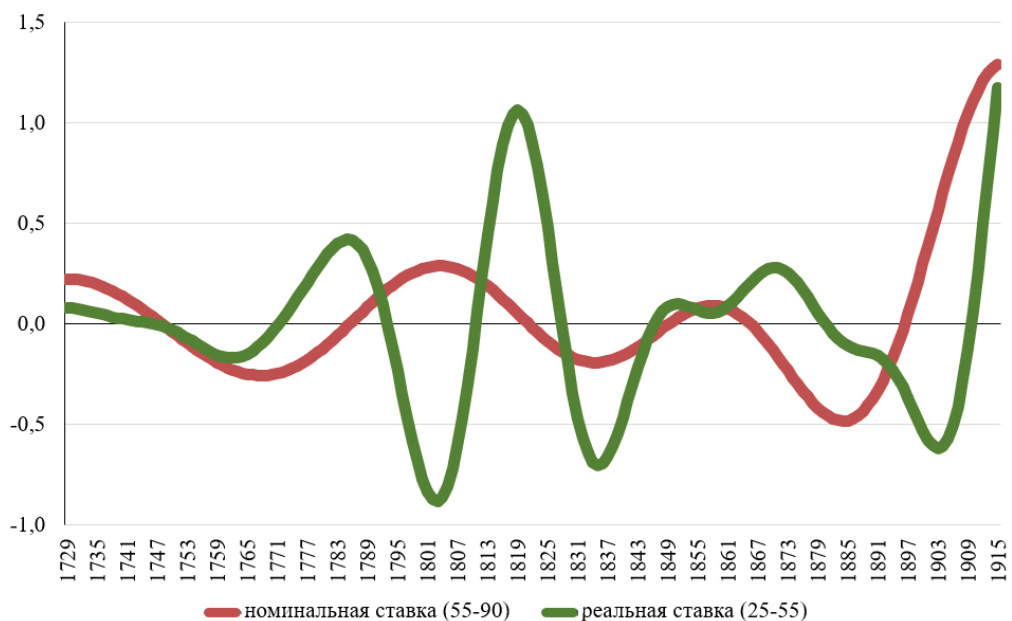

Рис. 3. Длинноволновые тренды в номинальных и реальных процентных ставках в британском СЦН, %
Источник: расчёты автора по данным, указанным в Приложении 1.

Можно ожидать, что относительная автономность процессов номинального и реального накопления капитала проявится в колебаниях цен. Обратимся к показателю «средний уровень товарных цен ... перечисленных на золото ... относительно среднего уровня цен в 1901–1910 гг.», с которым работал Н. Кондратьев [Кондратьев, 2002. С. 349–351]. Временные ряды охватывали горизонт 1780–1922 гг., покрывая, таким образом, британский СЦН. Учёный выявил в них большие волны с длиной, лежащей в интервале от 47 до 60 лет [Там же. С. 351]. В этих же данных А. Фокаччи с помощью дискретного вейвлет-преобразования обнаружил колебания с периодами на фиксированном окне

шириной 32–64 года [Focacci, 2023]. Колебания с таким же частотным окном показали значимость по результатам дискретного вейвлет-преобразования временных рядов индексов оптовых цен в США, Англии и Франции за период 1791–2012 гг., проведённого М. Галлегати [Gallegati, 2016].

Согласно нашим оценкам с применением непрерывного вейвлет-преобразования, в декомпозиции «товарных цен» Н. Кондратьева преобладает компонент с периодами в 35–45 лет, что согласуется с приведёнными выше результатами последних исследований. Его траектория представляет собой колебания с постоянной амплитудой (столбчатые области на рис. 4), которая говорит о примерно одинаковой интенсивности процессов, генерирующих данные, на рассматриваемом временном промежутке длительностью более ста лет. Тренды в рассчитанных нами годовых темпах прироста показателя (которые можно было бы соотнести, например, с реальной доходностью) не несут в себе дополнительной информации (непрерывная линия на рис. 4).

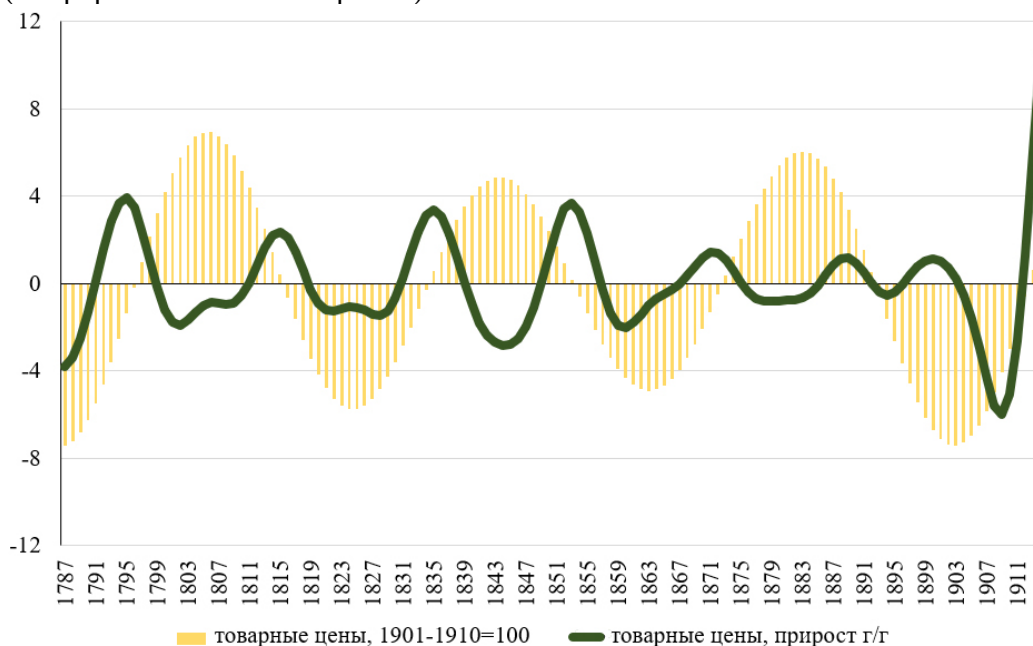

Рис. 4. Длинноволновые тренды в уровне и темпах прироста «товарных цен в золоте» в британском СЦН, %
Источник: расчёты автора по данным, указанным в Приложении 1.

При интерпретации полученных результатов и, в частности, разницы в длине волн по расчётам Н. Кондратьева и нашим необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Первое — сильная, по современным меркам, методологическая зашумлённость показателя из арсенала Н. Кондратьева. Учёный «смыкал» (по его выражению) длинный ряд из «индексов Джевонса, Зауэрбека и Зильберлинга» [Кондратьев, 2002. С. 349], которые исчислялись по товарным корзинам с разным составом, причём без фиксации весов субиндексов. Таким образом, мы имеем дело со стоимостью некоторой разнородной совокупности товаров с меняющимся составом, которая с большой погрешностью аппроксимирует покупательную способность условной единицы капитала, выраженной в золоте.

Тем не менее более важен другой методологический аспект. Если в номинальных ставках доминируют вековые процессы, а в реальных — полувековые, то «жизненный цикл» движения цен должен составлять около ста лет. При этом возникает вопрос о том, с помощью каких показателей его следует измерять. Страновая статистика фиксирует ценовую динамику в пределах национальной экономики; она будет релевантна для изучения фазы материальной экспансии, т. е. половины «жизненного цикла» ценовых процессов. Вероятно, для анализа динамики цен на стадии финансовой экспансии или всего СЦН следует использовать данные о мировых ценах, но здесь необходимо обосновать

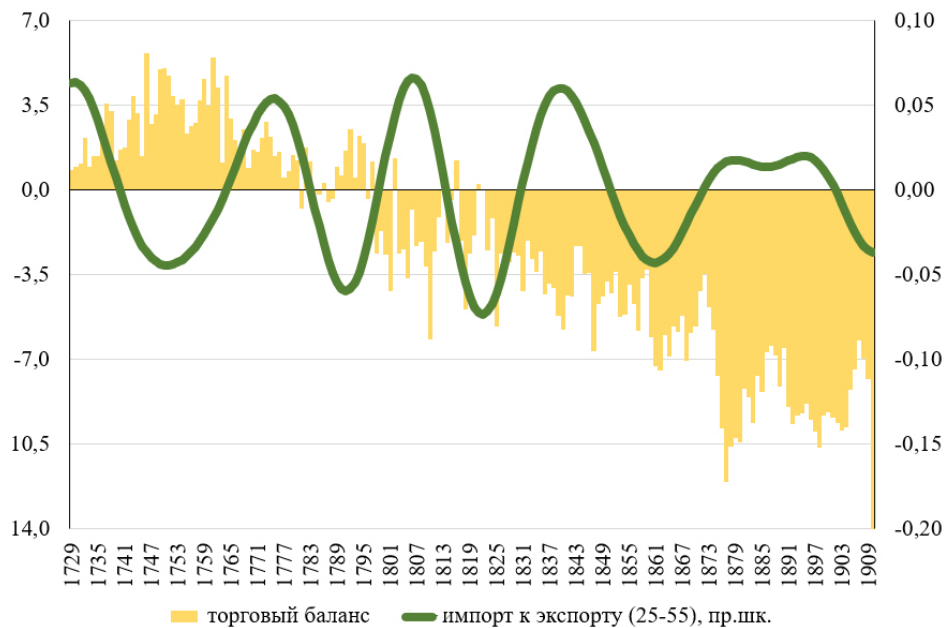

Рис. 5. Сальдо торгового баланса (% к ВВП) и длинноволновый тренд в отношении импорта к экспорту (%) в британском СЦН

Источник: расчёты автора по данным, указанным в Приложении 1.

выбор товарных позиций и оценить взаимосвязи между национальными и глобальными индексами цен. Всё это ставит задачи, решение которых выходит за рамки настоящего исследования.

Следующий показатель в нашем анализе — отношение объёмов импорта к экспорту. Периоды основного длинноволнового компонента его вейвлет-декомпозиции совпадают с периодами интегрального компонента в реальной доходности, но в траектории тренда выделяются не три эпизода, а два (линия на рис. 5). Первый начинается в XVIII в. и завершается в 1860-е гг. То обстоятельство, что, вопреки ожиданиям, на стадии материальной экспансии капитала интенсивность внешнеторговых процессов та же, что и в фазе финансовой экспансии, может объясняться «практически общепринятым» тезисом о том, что «выдающуюся роль в создании предпосылок для индустриализации <Британии> сыграли колониализм и колониальная торговля» [Соколов, 2012. С. 37].

Следующий эпизод в траектории основного компонента вейвлет-декомпозиции импорта относительно экспорта (1860-е гг. — начало XX в.) отличается резким снижением амплитуды колебаний и смазанной цикличностью, что указывает на то, что внешнеторговые механизмы накопления капитала в британском СЦН достигают своих пределов к концу XIX в.

В целом следует признать, что в случае Британии динамика основного волнового компонента внешней торговли не позволяет судить о стадиях в эволюции капитала в СЦН. Напротив, ясное представление о них даёт динамика торгового баланса в отношении к ВВП (желтый области на рис. 5). По ней видно, что импорт стал устойчиво превышать объёмы экспорта в середине 1820-х гг., знаменуя переход к стадии финансовой экспансии. Стабилизация торгового сальдо в отрицательной области произошла в 1870-е гг. (после быстрого роста в предыдущие пять десятилетий), что подтверждает вывод об исчерпании потенциала внешней торговли как драйвера развития Британии, сделанный по итогам вейвлет-анализа.

Интенсивность подушевого потребления первичной энергии, аппроксимируемая размахом колебаний соответствующего длинноволнового тренда, имеет качественно иную динамику (зелёные области на рис. 6). На протяжении XVIII–XIX вв. она демонстрирует

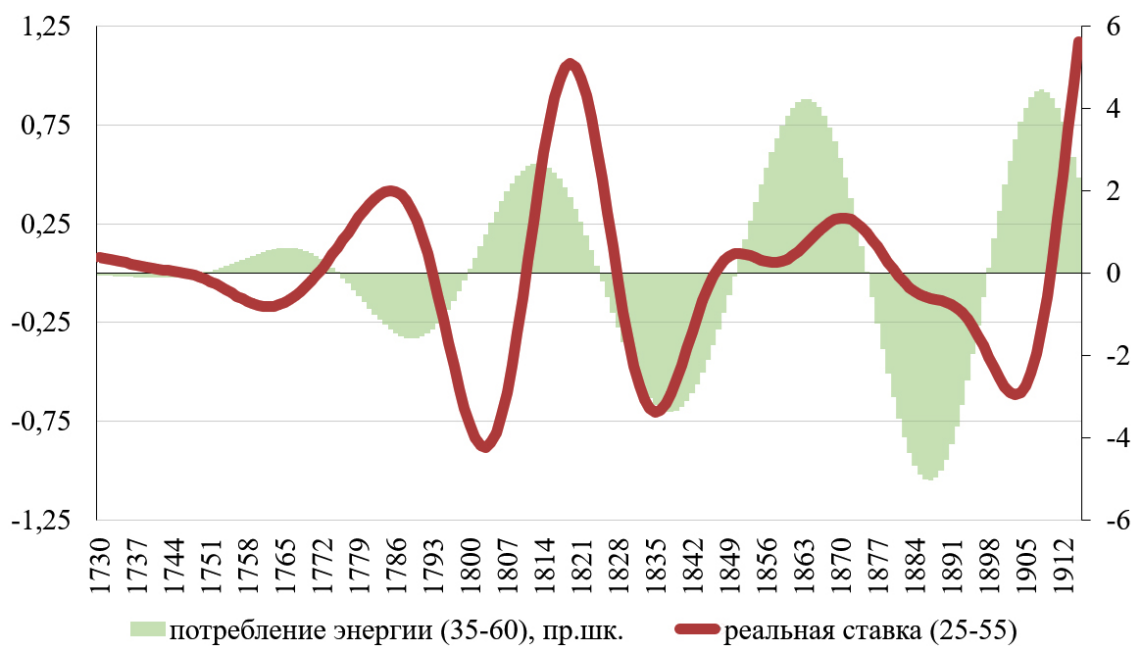

Рис.6. Длинноволновые тренды в подушевом потреблении первичной энергии и реальной процентной ставке в британском СЦН, %

Источник: расчёты автора по данным, указанным в Приложении 1.

бурный устойчивый рост без признаков амплитудных модуляций и, очевидно, отражает всемирный энергетический переход, в котором Британия играла ведущую роль. По-видимому, колоссальные масштабы этих процессов «засвечивают» специфику британского СЦН.

Итак, с помощью непрерывной вейвлет-декомпозиции в британском СЦН обнаружены признаки векового цикла в длинноволновых трендах номинальной процентной ставки и импорта относительно экспорта, а свидетельства полувекового цикла — в декомпозиции реальных процентных ставок. Высокую информативность продемонстрировали данные о сальдо торгового баланса, тогда как длинноволновые тренды, рассчитанные на основе вейвлет-преобразования показателей импорта относительно экспорта и подушевого потребления первичной энергии, убедительных свидетельств циклов не предоставили.

В целом результаты вейвлет-анализа показателей накопления капитала в британском и американском СЦН можно обобщить следующим образом. Характеристики основных длинноволновых компонентов номинальных процентных ставок в обоих примерах идентифицируют вековые циклы накопления капитала. Они заключены в промежутки с середины XVIII в. и по 1870-е гг. в Британии и с начала XX в. и до настоящего времени — в США. В последнем случае столетний цикл уверенно выделяется также по траектории тренда реальных процентных ставок. Свидетельствами двух полувековых стадий накопления капитала, или К-волн в интерпретации Н. Кондратьева, в американском СЦН выступают амплитудные модуляции волновых трендов вейвлет-декомпозиции энергетической оснащённости и внешнеторговой активности. Первая фаза характеризуется высокой интенсивностью процессов в области энергетической обеспеченности экономики США, что соответствует её содержательному наполнению как эпохи материальной экспансии капитала страны — растущего гегемона; во второй фазе усиливается интенсивность внешнеторговых процессов. В британском СЦН признаком смены фаз являются амплитудные модуляции в траектории длинноволнового компонента реальных процентных ставок.

Таким образом, в обоих СЦН, британском и американском, вейвлет-декомпозиция номинальных процентных ставок позволила идентифицировать столетний цикл.

Показатели, длинноволновые тренды которых указали на полувековые циклы, были в двух СЦН разными. Тем не менее они представляли собой характеристики реального накопления капитала. В обоих страновых примерах высокоинформативным индикатором эволюции капитала в вековом цикле, включая изменение форм его экспансии, является сальдо торгового баланса.

Выводы

Итак, в настоящем исследовании поставлен вопрос о включении полувековых волн Кондратьева в столетние СЦН Д. Арриги. Он исходит из предпосылок о продуктивности анализа экономических колебаний различной длительности как единой системы и о высоком научно-практическом потенциале синтеза теоретических постулатов Д. Арриги и эмпирического подхода к изучению долгосрочной цикличности, восходящего к трудам Н. Кондратьева. Высказаны гипотезы о том, что источником СЦН является движение денежного капитала страны-гегемона в номинальном выражении, а двух его фаз — процессы в реальном накоплении и что полувековые «жизненные циклы» материальной и финансовой экспансии можно интерпретировать как К-волны,

Проведённое исследование позволило получить следующие теоретические и эмпирические результаты. Прежде всего показана общность взглядов Д. Арриги и Н. Кондратьева на долгосрочную цикличность как феномен накопления глобального капитала, что является необходимым условием для объединения К-волн и СЦН. Отметим, что кондратьевская трактовка «больших волн конъюнктуры» расходится с их последующими интерпретациями, включая преобладающую в настоящее время инновационно-технологическую. Данное обстоятельство может потребовать дополнительного обоснования её предпочтительности.

Исходя из принятой теоретической предпосылки предложен подход к эмпирической верификации, состоящий в выявлении «жизненных циклов» в долгосрочных процессах накопления капитала вместо традиционного поиска в данных колебаний с вековыми или полувековыми периодами. Для этого с помощью непрерывного вейвлет-преобразования оценивались частотно-временные характеристики движения капитала в СЦН.

Анализ траекторий длинноволновых компонентов временных рядов номинальных процентных ставок подкрепил гипотезу о вековых циклах в накоплении номинального денежного капитала в обоих рассматриваемых СЦН, британском (с середины XVIII в. по 1870-е гг.) и американском (с начала XX в. по настоящее время). Однако свидетельства полувековых процессов в накоплении капитала в реальном выражении, которые можно расценивать как К-волны в интерпретации Н. Кондратьева, оказались неоднородными. В американском цикле две фазы СЦН обнаруживаются с помощью компонентов вейвлет-декомпозиции показателей энергетической обеспеченности и внешней торговли, а в британском цикле — в трендах реальных процентных ставок. Универсальным критерием смены стадий в обоих СЦН выступило только сальдо торгового баланса. С одной стороны, перечисленные показатели характеризуют механизмы реального накопления, что соответствует исходной гипотезе исследования. С другой стороны, полученный результат определяет высокую актуальность дальнейшего поиска количественных индикаторов реального накопления глобального капитала, а также уточнения методики расчётов.

В целом дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на углублении понимания процессов, стоящих за арригиевскими и кондратьевскими волнами, расширении круга релевантных показателей, развитии методологии анализа колебаний с различными периодами. В качестве перспективной задачи следует указать разработку модели, включающей факторы экономических циклов различной продолжительности.

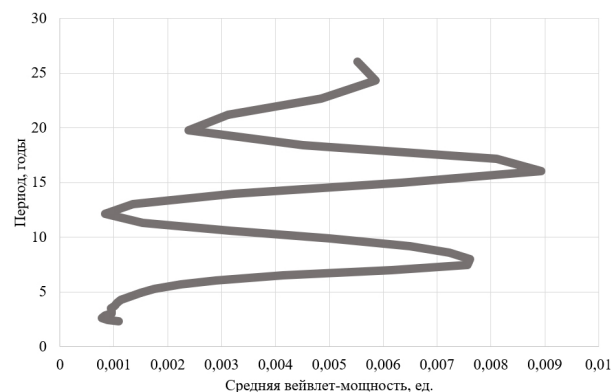
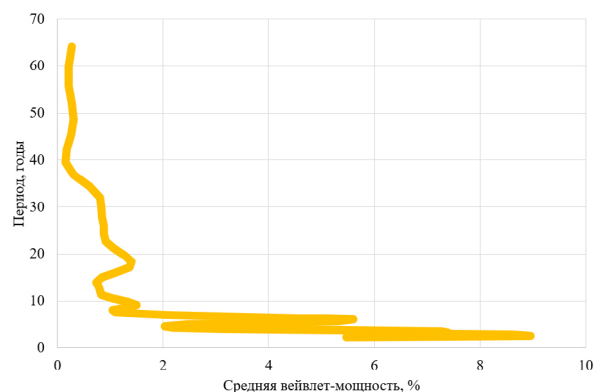
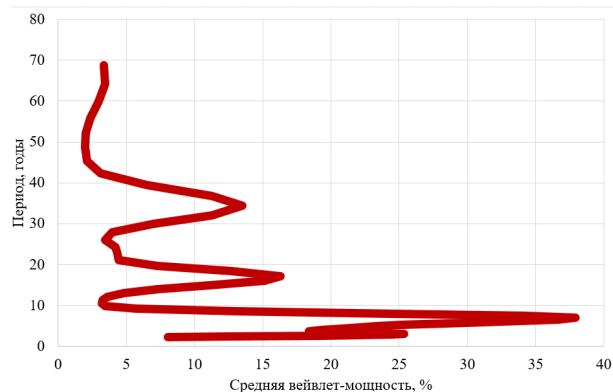
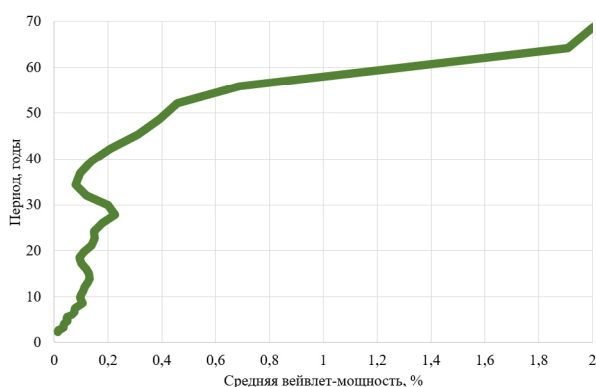
ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ ДЛЯ РАСЧЁТОВ

- Кондратьев Н.Д. (2021). *Большие циклы конъюнктуры: Избранные работы*. — М.: Юрайт, URL: <https://urait.ru/bcode/471568> (дата обращения: 03.12.2025).
- A millennium of macroeconomic data for the UK* // The Bank of England's collection of historical macroeconomic and financial statistics. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/statistics/research-datasets> (access date: 03.12.2025).
- Annual Energy Review, AER* (2009). // US Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/aer/> (access date: 03.12.2025).
- Clark G. *Data on the History of the English Economy, 1150-1914*. URL: <https://faculty.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark/data.html> (access date: 03.12.2025).
- Homer S., Sylla R. (2005). *A History of Interest Rates*. — New Jersey: Wiley.
- International Financial Statistics*. URL: <https://www.imf.org/en/data> (access date: 03.12.2025).
- Officer L. H. (2025). What Was the Interest Rate Then? // *MeasuringWorth*. URL: <https://www.measuringworth.com/datasets/interestrates/intstudy.pdf> (access date: 03.12.2025).
- Officer L. H., Williamson S.H. (2025). The Price of Gold, 1257-2014 // *MeasuringWorth*. URL: <https://www.measuringworth.com/datasets/gold/result.php> (access date: 03.12.2025).
- Our World in Data*. URL: <https://ourworldindata.org/> (access date: 03.12.2025).
- Mitchell B.R. (1988). *British historical statistics*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Mitchell B.R. (1992). *International historical statistics: Europe 1750-1988*. — New York: Stockton Press.
- Suits R.M., Matteson N. J., Moyer E.J. (2020). Energy Transitions in U.S. History, 1800-2019 // *RDCEP Working Paper Series*. URL: http://www.rdcep.org/s/Suits_Matteson_Moyer_2020_Energy_Transitions.pdf (access date: 03.12.2025).
- Warde P. (2007). *Energy consumption in England and Wales. 1560-2000*. — Consiglio Nazionale delle Ricerche. Istituto di Studi sulle Società del Mediterraneo.

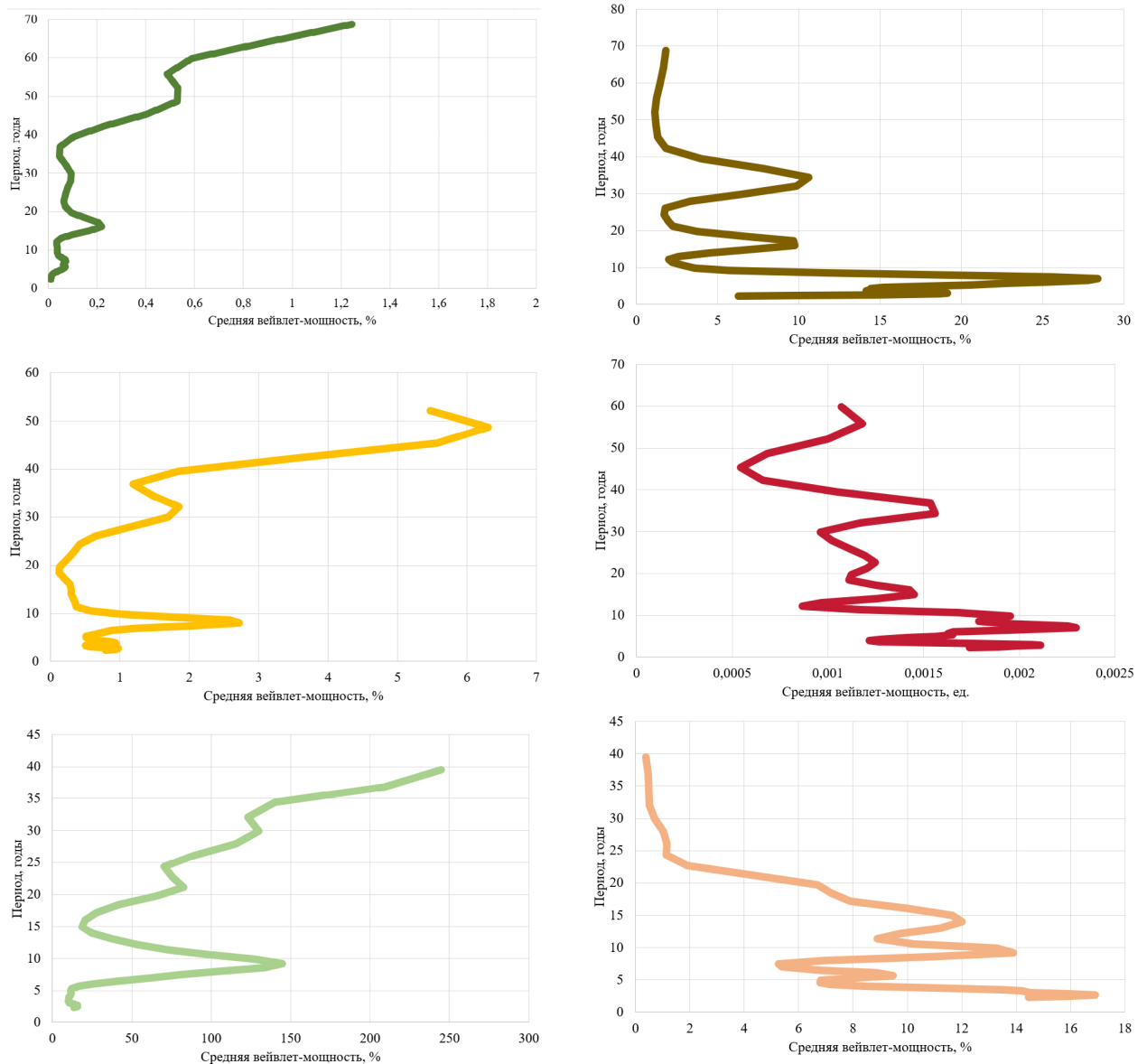
ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Средняя вейвлет-мощность в американском СЦН

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Средняя вейвлет-мощность в британском СЦН

ЛИТЕРАТУРА

- Арриги Д. (2006). *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени*. — М.: Территория будущего.
- Витязев В.В. (2001). *Вейвлет-анализ временных рядов: Учеб. пособие*. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Вольнский А.И., Плущевская Ю.Л. (2024). Переход к новому системному циклу накопления: место Китая // *Journal of Institutional Studies*. № 16(4). С. 113–127. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.113-127.
- Глазьев С.Ю. (2020). О периодической системе мирового капиталистического развития // *Путь России в будущий мировой порядок: Мат-лы III Междунар. научно-практ. конф. «Арригиевские чтения» 22–24 окт. 2020 г. В 2-х ч. Ч. 1* / Ред. А.А. Федотов, С.Ю. Глазьев, А.Г. Зайцев, Н.В. Спасская, Е.В. Такмакова. — Орёл: ФГБОУ ВО «ОГУ им. И.С. Тургенева». С. 11–21. EDN: VTEXJA.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2014). Взаимосвязь длинных и среднесрочных циклов (кондратьевских волн и жюгляровских циклов) // *Кондратьевские волны*. № 3. С. 15–73.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2017). О некоторых аспектах истории исследования длинноволновой динамики // *Н.Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности: Сб. статей* / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, В.М. Бондаренко (Ред.). — М.: Учитель. С. 82–105. EDN: ZHVYOD.
- Захарова Т.В., Шестаков О.В. (2025). *Вейвлет-анализ и его приложения*. — М.: Инфра-М.

- Кондратьев Н.Д. (2002). *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды*. — М.: Экономика.
- Лола И.С. (2014). Вклад Е.Е. Слуцкого в изучение циклов экономической конъюнктуры // *Вопросы статистики*. № 7. С. 80–83. DOI: 10.34023/2313-6383-2014-0-7-80-83.
- Пантин В.И., Айвазов А.Э. (2012). Циклы Кондратьева и эволюционные циклы мировой системы: обоснование и прогностический потенциал // *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы*. С. 136–155.
- Плущевская Ю.Л. (2024). Модель «векового» цикла накопления финансового капитала // *Экономика и математические методы*. Т. 60. № 3. С. 30–42. DOI: 10.31857/S042473882403003.
- Плущевская Ю.Л. (2025). Сравнение концепций волн Кондратьева // *AlterEconomics*. № 22(4). С. 565–587. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.1.
- Соколов В. (2012). *Британская империя как геоэкономическая система*. — М.: Экономика.
- Aguiar-Conraria L., Soares M.J. (2014). The continuous wavelet transform: Moving beyond uni- and bivariate analysis // *Journal of economic surveys*. No. 28(2). Pp. 344–375.
- Berry B.J. (2006). Recurrent instabilities in K-wave microhistory // *NATO security through science. Series E*. Vol. 5. Pp. 22–29.
- Berry B.J., Dean D.J. (2012). Long wave rhythms: A pictorial guide to 220 years of US history, with forecasts // *Kondratieff waves. Dimensions and prospects at the dawn of the 21st century*. Pp. 107–119.
- Crowley P.M. (2005). An intuitive guide to wavelets for economists // *Bank of Finland Research Discussion Papers*. No. 1.
- Crowley P.M., Hallett A.H. (2021). The evolution of US and UK real GDP components in the time-frequency domain: a continuous wavelet analysis // *Journal of Business Cycle Research*. No. 17(3). Pp. 233–261.
- Focacci A. (2023). A Wavelet investigation of periodic long swings in the economy: The original data of Kondratieff and some important series of GDP per capita // *Economies*. No. 11(9). P. 231. DOI: 10.3390/economies11090231.
- Gallegati M. (2016). Wavelet Estimation of Kondratieff Waves: An Application to Long Cycles in Prices and World GDP // *Kondratieff Waves: Cycles, Crises, and Forecasts*. Pp. 99–120.
- Hecht J. (2025). Are Long Waves 50 Years? Reexamining Economic and Financial Long Wave Periodicities in Kondratieff and Schumpeter // *Review of Political Economy*. No. 37(4). Pp. 1681–1715. DOI: 10.1080/09538259.2023.2280803.
- Lilly J.M., Olhede S.C. (2012). Generalized Morse wavelets as a superfamily of analytic wavelets // *IEEE Transactions on Signal Processing*. No. 60(11). Pp. 6036–6041.
- Mandel E. (1995). *Long waves of capitalist development: A Marxist interpretation*. — London, New York: Verso.

REFERENCES

- Aguiar-Conraria L., Soares M.J. (2014). The continuous wavelet transform: Moving beyond uni and bivariate analysis // *Journal of economic surveys*. No. 28(2). Pp. 344–375.
- Arrighi G. (2006). *The long twentieth century. Money, power, and the origins of our times*. — М.: Территория будущего. (In Russ.).
- Berry B.J. (2006). Recurrent instabilities in K-wave macrohistory // *NATO security through science. Series E*. Vol. 5. Pp. 22–29.
- Berry B.J., Dean D.J. (2012). Long wave rhythms: A pictorial guide to 220 years of US history, with forecasts // *Kondratieff waves. Dimensions and prospects at the dawn of the 21st century*. Pp. 107–119.
- Crowley P.M. (2005). An intuitive guide to wavelets for economists // *Bank of Finland Research Discussion Papers*. No. 1.
- Crowley P.M., Hallett A.H. (2021). The evolution of US and UK real GDP components in the time-frequency domain: a continuous wavelet analysis // *Journal of Business Cycle Research*. No. 17(3). Pp. 233–261.
- Focacci A. (2023). A Wavelet investigation of periodic long swings in the economy: The original data of Kondratieff and some important series of GDP per capita // *Economies*. No. 11(9). P. 231. DOI: 10.3390/economies11090231.
- Gallegati M. (2016). Wavelet Estimation of Kondratieff Waves: An Application to Long Cycles in Prices and World GDP // *Kondratieff Waves: Cycles, Crises, and Forecasts*. Pp. 99–120.
- Glazyev S.Yu. (2020). On the periodic table of world capitalist development // *Russia's path to the future world order: Coll. Of the Int. scien.-pract. conf. «Arrighian Readings» October 22–24, 2020*. In 2 parts. Part 1 / A.A. Fedotov, S.Yu. G. lazyev, A.G. Zaytsev, N.V. Spasskaya, E.V. Takmakova (Eds.). — Orel: FGBOU VO “OSU named after I.S. Turgenyev. Pp. 11–21. EDN: BTEXJA. (In Russ.).
- Grinin L.E., Korotayev A.V. (2014). Relationship of long and medium-term cycles (Kondratiev waves and Juglar cycles) // *Kondratyevskiye volny*. No. 3. Pp. 15–73. (In Russ.).
- Grinin L.E., Korotayev A.V. (2017). On some aspects of long-wave dynamics research // *N.D. Kondratiev: crises and fo recasts in the light of the theory of long waves. View from modernity*. Coll. of articles / L.E. Grinin, A.V. Korotayev, V.M. Bondarenko (Eds.). — М.: Uchitel. Pp. 82–105. EDN ZHVYOD. (In Russ.).
- Hecht J. (2025). Are Long Waves 50 Years? Reexamining Economic and Financial Long Wave Periodicities in Kondratieff and Schumpeter // *Review of Political Economy*. No. 37(4). Pp. 1681–1715. DOI: 10.1080/09538259.2023.2280803.
- Kondratyev N.D. (2002). *Long cycles of conjuncture and the theory of foresight*. Selected works. — М.: Экономика. (In Russ.).

- Lilly J.M., Olhede S.C. (2012). Generalized Morse wavelets as a superfamily of analytic wavelets // *IEEE Transactions on Signal Processing*. No. 60(11). Pp. 6036–6041.
- Lola I.S. (2014) Contribution of E.E. Slutsky to the study of cycles of economic conjuncture // *Voprosy statistiki*. No. 7. Pp. 80–83. DOI: 10.34023/2313-6383-2014-0-7-80-83. (In Russ.).
- Mandel E. (1995). *Long waves of capitalist development: A Marxist interpretation*. — London, New York: Verso.
- Pantin V.I., Ayvazov A.E. (2012). Kondratiev cycles and evolutionary cycles of the world system: justification and prognostic potential // *Kondratyevskiye volny: aspekty i perspektivy*. Pp. 136–155. (In Russ.).
- Plushchevskaya Y.L. (2025). Comparison of Conceptual Approaches to Kondratiev Waves // *AlterEconomics*. No. 22(4). Pp. 565–587. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.1. (In Russ.).
- Plushchevskaya Y.L. (2024). Model of «secular» cycle of financial capital accumulation // *Economics and mathematical methods*. Vol. 60. No. 3. Pp. 20–29. DOI: 10.31857/S042473882403003. (In Russ.).
- Sokolov V. (2012). *The British Empire as a geo-economic system*. — M.: Ekonomika. (In Russ.).
- Vityazev V. V. (2001). *Wavelet-analysis of time series: Training manual*. — SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.).
- Volynsky A.I., Plushchevskaya Yu.L. (2024). The coming systemic cycle of accumulation and China. // *Journal of Institutional Studies*. No. 16(4). Pp. 113–127. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.113-127. (In Russ.).
- Zakharova T.V., Shestakov O.V. (2025). *Wavelet-analysis and its applications*. — M.: Infra-M. (In Russ.).

Плущевская Юлия Леонидовна

ORCID: 0009-0008-2073-8017

pul@inecon.ru

Yulia Plushchevskaya

ORCID: 0009-0008-2073-8017

Ph.D. (Economics), leading researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Science, (Moscow)

pul@inecon.ru

KONDRATIEV WAVES AS PHASES OF ARRIGHI'S SYSTEMIC CYCLES OF ACCUMULATION: THEORETICAL FRAMEWORK AND EMPIRICAL VERIFICATION⁴

Abstract. Giovanni Arrighi's theory of systemic cycles of accumulation offers significant potential for analyzing long-term trends in the development of the world economy and Russia's place within it. However, it does not provide a quantitative description of long-term global capital accumulation, which hinders its practical application. A synthesis with the empirical findings of other long-wave theories could help to overcome this limitation. This study assesses the compatibility of secular systemic cycles with half-century Kondratiev waves. The problem formulation is based on Arrighi's idea of two stages of capital expansion. The shared perception in Arrighi's and Kondratiev's theories — that long-term cycles represent a manifestation of capitalist accumulation — creates the theoretical framework for this synthesis. Our hypothesis is that the source of the century-long cycle lies in the evolution of money capital in nominal terms, whereas the half-century phases stem from mechanisms of real accumulation. These initial premises determined the selection of indicators, analytical tools, and methodology. The century and half-century cycles in the British and American accumulation regimes were identified by the intensity of the processes that determine capital dynamics. The continuous wavelet transform was applied to estimate the time and frequency characteristics of series spanning three centuries. The decomposition of nominal interest rates in Britain and the United States supports the hypothesis of a century-long cycle of nominal capital accumulation, while evidence of half-century Kondratiev waves in real accumulation differs between the two countries. In the American systemic cycle, material and financial expansion of capital can be discerned from wavelet decomposition components of energy and foreign trade indicators; in the British case, real interest rates serve this purpose. The trade balance proved to be a universal indicator of phase transitions. Expanding the set of capital accumulation indicators and advancing the methodology for identifying long-term cycles constitute an important direction for future research.

Keywords: *systemic cycle of accumulation, G. Arrighi, Kondratiev waves, continuous wavelet transform.*

JEL: B41, E3, F00, P10.

⁴ Acknowledgments: The research was conducted under the State Assignment Topic «Institutional foundations and reproduction factors of the Russian economy for the transition to the economy of development». The author gratefully acknowledges A. Kalinin, S. Kirdina-Chandler, S. Malkov, V. Mayevskiy, P. Orekhovskiy, A. Yermolov for their insightful and fruitful discussions of the estimates that are part of the article. All errors are the sole responsibility of the author.

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье ставится проблема расширения концептуального пространства трансформационных процессов в современных условиях турбулентности в социально-экономической сфере, ощущаемой по всему миру. Выделяются два источника обострения этой турбулентности. Во-первых, это новый рывок научно-технического прогресса, в результате которого был нарушен закон техно-гуманитарного баланса, согласно которому для устойчивого развития общества требуется соответствие уровня культурно-психологической регуляции социальных отношений состоянию технологического потенциала. Второй источник турбулентности — продолжающийся во многих странах процесс постсоциалистической трансформации. Объяснение этих процессов не вписывается в линейные схемы гибридных режимов. Аджемоглу/Робинсон, с одной стороны, и Мадьяр/Мадлович — с другой предложили плоскостные схемы анализа концептуальных пространств. Однако треугольная схема Мадьяра/Мадловича ограничивается областью европейских постсоциалистических стран, а один из Левиафанов Аджемоглу/Робинсона недостаточно корректно вписан в их схему. В статье предлагается четырёхугольная схема пространства трансформационных процессов, в которой находится место и для упущенных в треугольных схемах вариантов развития.

Ключевые слова: *техно-гуманитарный баланс, трансформационные процессы, институциональная система, постсоциалистическое развитие, современное государство.*

JEL: A10, A12, A13, B15, B52

УДК: 303.022, 303.093.3

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_68_85

© Н.М. Плискевич, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Плискевич Н.М.* Концептуальное пространство исследования трансформационных процессов // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 68–85. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_68_85.

FOR CITATION: *Pliskevich N.* Conceptual Space for Researching of the Transformation Processes // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 68–85. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_68_85.

Научно-технический прогресс и рост неопределённости социально-экономического развития

Как уже бывало в истории предшествующих технологических прорывов, новый этап научно-технического развития человечества сопровождается усилением социальной турбулентности, свидетельства которой в последние десятилетия проявлялись в самых разных точках нашей планеты. Они вновь и вновь подтверждают важность следования требованиям сформулированному философами закону техно-гуманитарного баланса. Согласно этому закону, устойчивость развития достигается при соответствии уровня культурно-психологической регуляции социальных отношений состоянию имеющегося технологического потенциала [Назаретян, 2017].

При этом важно, что культурно-психологический потенциал общества включает в себя не только (и не столько) инструментальные знания, необходимые для работы с новыми механизмами и технологиями, наращиванием которых, естественно, в первую очередь озабочены те, кто проводит в жизнь результаты новых научно-технических достижений. Однако очень часто они забывают о другом компоненте культурно-психологического потенциала — общем уровне культуры, и особенно общегуманитарной¹. Достижение техно-гуманитарного баланса требует соответствия новым технологическим условиям изменений и в механизмах социальной регуляции, в том числе институциональной структуры общества, которую необходимо корректировать. В новой ситуации требуются и новые механизмы социальной регуляции для поддержания устойчивости общества в изменившихся условиях. Но поиск их труден, сопряжён и с ошибками, и с просчётами.

Сама сложность идущих процессов предполагает неопределённость результатов предпринимаемых действий. Ведь неопределённость, с одной стороны, чревата нестабильностью и даже хаосом, но с другой — это неизбежный элемент развития. «Действие — это изменение, а изменение — временная последовательность... Действие должно делать выбор и справляться с неопределённым будущим» [Мизес, 2024. С. 237]. Л. фон Мизес также отмечал: «Неопределённость будущего уже подразумевается самим понятием деятельности» [Там же. С. 99]. А Ф. фон Хайек пишет, что даже в развитых странах «закон может устранить только некоторые источники неопределённости... Ограничивая область допустимых действий, закон открывает каждому возможность эффективного сотрудничества с другими, но не гарантирует этого. Правила поведения, одинаково ограничивающие свободу каждого, чтобы тем самым гарантировать равную свободу всем, могут лишь сделать возможными договорённости с другими» [Хайек, 2024. С. 29]. Более того, «попытка устранить всякую неопределённость была бы пагубной» [Там же].

О такой по сути ложной политике поддержания стабильности ценой избегания деятельности, а по сути — развития, хотя и чреватого неопределённостью, пишет и Д. Норт: «В мире неопределённости комфортность может обойтись очень дорого. В долгосрочной перспективе она приводит к стагнации и упадку, так как людям приходится сталкиваться с всё новыми вызовами в неэргодичном мире. Последний требует инновационных институциональных идей, поскольку никто не знает правильного пути к выживанию. Поэтому институциональное разнообразие, которое открывает возможность для различных решений, является характеристикой, которая помогает выжить» [Норт, 2010. С. 70]².

Отмечу в связи с этим, что Дж. Мокир в завершение своего историко-экономического анализа пути, проделанного различными странами, стремившимися к экономическому прогрессу, особо подчёркивает, что Запад обязан своими успехами прежде всего не капитализму, не науке, не географическому положению или историческим случайностям. Его «непрерывно изменяющаяся мозаика технологических креативных обществ возникла

¹ А.Алесина и П.Джулиано особо акцентируют внимание на том, что современные исследования показывают: «переменные, отражающие культуру, определяют многие экономические решения — они даже влияют на скорость развития и богатство народов» [Алесина, Джулиано, 2016. С. 82]. Эти авторы даже отождествляют неформальные институты с культурой.

² Об опасности приостановки модернизационных процессов как реакции на возникающую неопределённость пишет и Н.И.Лапин, под руководством которого проходило (и продолжается до сих пор) многолетнее мониторинговое исследование социоэкономических и социокультурных процессов модернизации регионов современной России. Он подчёркивал, что модернизация — «комплексный процесс, игнорирование которого или противодействие ему в той или иной стране сопровождается её стагнацией или отставанием от других стран, рецессией или даже гибелью. Поэтому модернизация жизненно важна для каждого человека, каждого социокультурного сообщества. Она имеет две основные функции: обеспечение безопасности общества (страны) и повышение благополучия, качества жизни людей, всего населения» [Лапин, 2016. С. 15].

благодаря политическому и ментальному разнообразию» [Мокир, 2014. С. 472]. А лучшая почва для достижения такого разнообразия — постоянный углублённый диалог по всем жизненно важным для развития общества проблемам. И в ходе такого диалога, как показывает исторический опыт, удавалось нащупывать компромиссные решения, которые если и не удовлетворяли полностью всех участников диалога, но позволяли находить точки соприкосновения, сглаживать «острые углы», и давали возможность мирно сосуществовать не только в экономической, но и в политической сфере, а как известно «политические рынки глубоко несовершенны» [Норт, 2010. С. 87].

Ещё более неопределённым оказывается выбор тех или иных действий, если к политическим и социально-экономическим факторам добавляется фактор культуры, сложившихся в тех или иных сообществах ценностей и убеждений. Поэтому, пишет Норт: «То, каким образом развиваются представления и убеждения → институты → организации → государства с вытекающими из этого процесса результатами, может вести как к беспрецедентному экономическому процветанию, так и к бесконечным катастрофам и несчастьям» [Норт, 2010. С. 223].

На современном этапе развития нарушения техно-гуманитарного баланса возрастают до такого уровня потенциальных угроз, которых ранее не знало человечество. Они связаны с изменениями, произошедшими в мире в последние десятилетия, сделав его глобальным. Не только резко изменились скорости распространения инноваций по всему миру, но и возросли риски от их непродуманного (или злонамеренного) применения в неподготовленной для их разумного использования социальной среде. Если ранее нарушения техно-гуманитарного баланса грозили причинить ущерб лишь более или менее ограниченному локальным сообществам (что также само по себе бывало трагично), то ныне локальный сбой может быть чреват глобальной катастрофой. Поэтому столь важен анализ социокультурных аспектов модернизационных процессов, идущих сегодня во всём мире, проблемы соответствия уровню новых технологий социальных регуляторов, институциональных систем, требованиям техно-гуманитарного баланса.

Для целого ряда стран, в том числе и для России, на турбулентность, вызванную его нарушением и необходимостью связанной с новой ситуацией социальной модернизацией, наложилась турбулентность, вызванная постсоциалистической трансформацией. Практика прошедших десятилетий показала, что путь постсоциалистической трансформации сложен. Сам процесс перехода от административно-командной экономики и политического авторитаризма к рыночной экономике и демократической форме организации общественно-политической жизни невозможно ограничивать лишь политической декларацией. Этот переход требует длительных глубоких преобразований всей институциональной структуры общества, включая и неформальные отношения, нередко связанные не с культурными традициями, а с выработанными в социалистический период способами выживания. Не случайно в ходе многолетних исследований Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечали особую роль в ценностном мире населения постсоциалистических стран ценности выживания (см., например, [Инглхарт, Вельцель, 2011. С. 99]). И процесс избавления от этого наследия может растянуться не на одно десятилетие, особенно в случаях смен «векторов развития», осуществляемых с приходом к власти тех или иных «промежуточных выгодоприобретателей» [Hellman, 1998], пытающихся законсервировать эволюцию общественного переустройства в выгодной для них точке или даже осуществить регрессивное движение. Свою роль играет и длительность предшествующего периода движения по социалистическому пути. И успех реформ во многом связан с тем, насколько внимательно проводящие их реформаторы будут относиться не только к проблемам чисто инструментальным (транзита как технологических достижений, так и соответствующих им институциональных форм), но и к теме социокультурной — поиску тех вариантов институциональных изменений, которые общество сможет воспринять на данном этапе развития, одновременно видя перед собой перспективу

эволюции, соответствующей потребностям технологического развития, а также к проблемам социокультурного обоснования изменений, диктуемых технологическими потребностями, сознательно формируя систему «промежуточных институтов» [Полтерович, 2007].

Примером пристального внимания к этим проблемам может служить Китай, хотя о модернизационных процессах там обычно говорят, акцентируя внимание на технологических успехах страны и существенном экономическом росте, восприятии инноваций из других стран и развитии собственных научно-технических разработок. Однако нельзя не отметить, что китайские учёные все эти годы подходили к теме модернизации и как к социокультурному процессу, подчёркивая при этом его глобальный характер. Так, под руководством директора Центра исследований модернизации Китайской академии наук Хэ Чуаньци группой исследования стратегий модернизации этого Центра ещё в 2000-х гг. готовились ежегодные Доклады о модернизации в Китае. В них учёные концентрировали внимание на процессах социальной эволюции человечества и на том, как эти процессы развиваются в современном Китае. Они подчёркивали: «Всемирная модернизация является международным соревнованием, участницей которого становится каждая страна, начинающая этот процесс. Для каждой страны предпочтительнее узнать, понять, изучить мир и взаимодействовать с ним» [Обзорный доклад..., 2011. С. 50]. При этом модернизация — и всемирный тренд, и сознательный выбор. «Кто-то просто принимает её как данность, а кто-то целенаправленно идёт по пути модернизации — и скорость процесса в этих случаях будет неравной» [Там же. С. 34]. И констатируя, что «модернизация в Китае является не спонтанной, а целенаправленной» [Там же. С. 244], авторы докладов видят в этом процессе не только изменения в технологиях, в жизни и социальной структуре, но и «модернизацию систем и мысли», что для экономики знаний «является ещё более важной задачей» [Там же. С. 246]³. При этом для Китая как страны «догоняющего развития» была разработана концепция двух стадий модернизации — первичной, включающей индустриализацию, урбанизацию, а также решение социальных проблем населения, и вторичной как формирование информационного, наукоёмкого общества, готового к инновациям, создание условий для развития и самореализации личности, улучшения качества жизни. При этом предполагалось, что элементы как первичной, так и вторичной модернизации могут развиваться параллельно, в зависимости от конкретных условий каждого региона страны. И предпочтительным считался именно такой путь интегрированной модернизации. Сам процесс модернизационных изменений ежегодно оценивался в рамках комплекса специально разработанных для этого индексов.

Отмечалось также, что путь модернизации противоречив, ему присущи и асинхронность процесса, и пространственная неравномерность, и структурная нестабильность, и изменимость статуса любой из стран на общемировой модернизационной шкале. В частности, согласно расчётам китайских ученых, тенденции вероятностей изменения статусов стран мира, обозначаемых как низкий, предварительный, средний и высокий уровень модернизации, зафиксированные в середине 2000-х гг., могут изменяться (рис. 1). Порядка 80% развитых регионов Европы и Азии останутся на высоком уровне модернизации, около 70% среднеразвитых регионов также останутся таковыми. При этом у 20% высокоразвитых регионов статус может снизиться, а 20% среднеразвитых, наоборот, повысят свой статус, хотя у 10% из группы среднеразвитых он понизится. И среди предварительно развитых

³ В то же время нельзя не отметить, что приведенные в Обзорном докладе индикаторы преобразований в социальной сфере по сути обходят то, что касается процессов постсоциалистических политических преобразований. Скорее всего, это связано с самой моделью китайской модернизации, которая идеологически продолжает линию развития в рамках общей социалистической доктрины. Обернётся ли это в будущем серьёзными противоречиями и даже конфликтами, которые бывают следствием «подморозки» тех или иных социальных процессов с целью сохранения тактического баланса устойчивости общества в принципиально новых технологических условиях, или будет найден качественно новый вариант поддержания техно-гуманитарного баланса, покажет время.

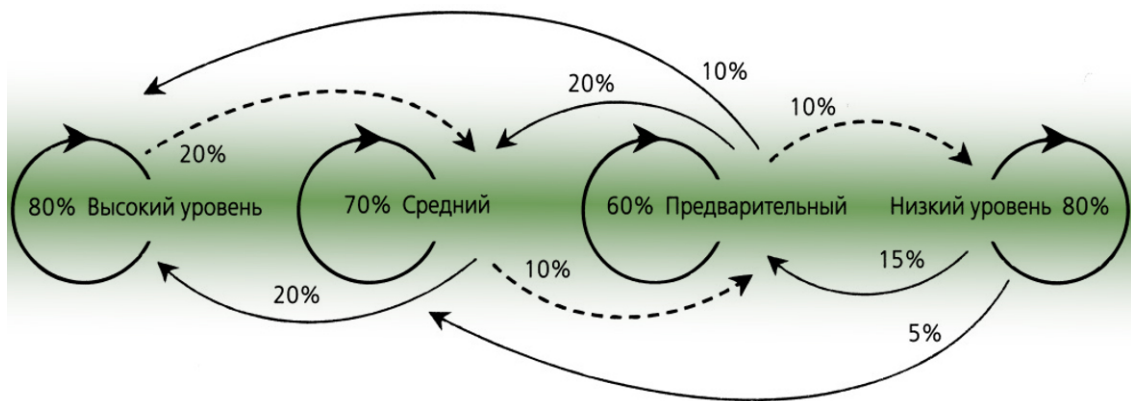

Рис. 1. Вероятность изменений уровней региональной модернизации

Источник: *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)* (2011) / Главный редактор Хэ Чуаньци. Отв. ред. Русского издания Н.И. Лапин. — М.: Весь мир. 2011. С. 109.

стран 60% сохранят свой статус, а из остальных 30% его повысят, причём 10% — до высокого уровня, а 10% — деградируют. Вероятность повышения статуса у отстающих регионов — не более 20%, при этом 5% из них могут добиться среднего уровня модернизации [Там же. С. 108].

От линейного подхода к исследованию трансформаций к плоскостному

Очевидно, что множество государств, находящихся в настоящее время на той или иной стадии социокультурной трансформации, предполагающей движение к современному обществу, соответствующему требованиям экономики знаний и открывающему широкие возможности для развития личности, предстают в большинстве современных исследований как проходящие процесс преобразований от авторитарных (и даже тоталитарных) моделей организации общественного устройства к демократическим его формам (сначала электоральной, а затем и либеральной демократии). В соответствии с этими представлениями сам процесс развития может быть представлен линейно как движение на этой воображаемой линии от одного её конца (авторитарного полюса) к другому (полюсу либеральной демократии) (см., например: [Diamond, 2002; Корнаи, 2000]). При этом находящиеся на разных этапах своего развития страны (и даже их отдельные регионы) в своём социокультурном «багаже» содержат элементы как унаследованные от одного (старого) «полюса», от которого они начали свой путь, так и в той или иной степени развитости элементы нового «полюса», к которому они стремятся. Такие режимы принято называть гибридными. Однако при всей наглядности такого линейного представления о социальном развитии подобные схемы не позволяют охватить множество нюансов и взаимосвязей процессов, разворачивающихся в странах, делающих попытки перейти от одного состояния к другому и находящихся на разных стадиях этого процесса.

С началом постсоциалистической трансформации исследователи зафиксировали устойчивую тенденцию к проявлению у граждан амбивалентного отношения к оценке тех или иных достаточно распространённых социальных практик: в одних случаях они осуждались, в других — признавались полезными и облегчающими взаимодействия, необходимые в бытовой или экономической сфере. Кроме того, люди, воспитанные советской практикой административно-командной системы, просуществовавшей у нас в стране почти вдвое дольше, чем в социалистических странах, появившихся после Второй мировой войны, органично вплетали привычные, укоренившиеся десятилетиями навыки существования в старой системе в новые практики постсоциалистической рыночной экономики.

А. Леденева, изучавшая эволюцию таких распространённых практик, как блат, не случайно начинает свою статью с цитаты из известного английского исследования: «Советская командная экономика обладала сильной внутренней логикой и своеобразным языком, что делало советскую систему не просто иной, но абсолютно инаковой цивилизацией. Её обычаи казались странными, но становились понятными в соответствующем контексте. Два поколения русских были взращены в той логике и том языке, на которых строилась и вся экономика. Вот почему так трудно преодолеть это наследие и построить нечто новое, работающее на новую цивилизацию» [Yergin, Gustavson, 1994. Pp. 113–114]. Проведённое Леденовой исследование подтверждает тезис о том, что укоренившиеся в сознании людей неформальные практики советского периода продолжают жить, поддерживаются привычные по прошлым временам моральные принципы, развитые в те времена формы двоемыслия. А. Безансон ещё в 1970-х гг., когда писал о коррупции в СССР, отмечал, что советский человек как бы делегировал на социальную сцену своего «двойника», сохраняя при этом скептическое отношение к официальным порядкам. Чиновник при этом не только исходил прежде всего из собственных интересов, но и становился циником и лицемером, ибо проповедуемая им мораль дважды фальшива — и потому, что она фальшива сама по себе, и потому, что он больше в неё не верил. А простой человек отвечал на эту дважды ложную мораль отказом от морали вообще, а на открытую коррупцию — коррупцией скрытой [Безансон, 1998]. «Двоемыслие» и двойные риторические регистры давали возможность сохранить приватность в условиях попыток власти сломать границы между индивидом и обществом.

И этот опыт вошёл в культурный набор постсоветского человека, так как повседневная жизнь и в этот период демонстрировала расхождение декларированных целей и реальной жизни [Левада, 2000]. При этом в повседневной практике происходит их сложное взаимодействие с новыми принципами, но это взаимодействие направлено, по сути, на обеспечение наиболее благоприятных условий для достижения целей выживания в новой ситуации. Однако в реальности «то, что было органично советской системе, только умножает проблемы постсоветского общества» [Леденева, 1997. С. 105].

Потому исследование современных процессов в постсоциалистических обществах ставит перед учёными особые задачи. Ведь, например, такое распространённое во всём мире явление, как коррупция, тут обретает особые черты — «это не ситуация (или транзакция), а её интерпретация с позиций правовой и этической перспективы. Сложившаяся в западной парадигме аналитическая “оптика” может быть не адекватна культурной и институциональной специфике общества, на которую она направлена» [Барсукова, Леденева, 2014. С. 121]. Поэтому исследование коррупции, как и других неформальных практик в постсоветском обществе, «предполагает подход “снизу вверх” для детального изучения с упором на дифференциацию их природы, функционального значения, способов легитимации и механизмов воспроизводства... Мы отдаём отчёт в том, что понятие “неформальные практики” — зонтичное, что даёт повод для критики по аналогии с понятием коррупции. Но для нас важен методологический сдвиг в результате анализа неформальных практик через понимание их с позиции инсайдеров» [Там же. С. 127–128].

Всё это создаёт у исследователя острую неудовлетворённость гибридными схемами движения от одного типа общества к другому, пренебрегающему многими нюансами⁴. Они усугубляются и в случаях, когда неудовлетворённость промежуточными результатами

⁴ Нельзя не отметить, что особую неудовлетворённость линейностью «гибридных» схем мы встречаем прежде всего у социологов, для которых привычно представление о пространстве не только в географическом, но и в исследовательском плане. Например, П. Сорокин ещё в 1927 г. выделял категории социального пространства и подчёркивал объёмный характер этого пространства. Идею социального пространства мы находим и у Э. Гидденса в его концепции структуризации общественных систем благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения во времени и пространстве. А у П. Бурдьё социальное пространство интерпретируется как взаимосвязь индивидов, представленная в многомерном измерении (см., например: [Сорокин, 1992; Гидденс, 2003; Бурдьё, 2007]).

реформ подталкивает власти к смене направления курса. Полтерович рисует картину последовательного построения «линейки» промежуточных институтов, направленных на то, чтобы на каждом из этапов развития институциональная система соответствовала социокультурным возможностям общества. Но в то же время крайне важно, чтобы выбранная цель развития в ходе длительного процесса не менялась, чтобы эта «линейка» в той или иной форме содержала в себе «эффективный финальный институт»⁵. «Промежуточный институт должен полностью или частично выполнять функции финального или способствовать ослаблению имеющихся ограничений, либо выполнять обе эти задачи» [Полтерович, 2012. С. 32, 42]. Анализируя итоги постсоциалистических преобразований, Полтерович отмечал успешность использования таких институтов лишь в Словении и Китае [Там же. С. 26–27].

Неудовлетворённость линейной схемой постсоциалистического развития, по сути скрывающей анализ нюансов, присущих такому развитию неформальных институтов, амбивалентности отношения общества ко многим неформальным практикам, послужила для Б. Мадьяра и Б. Мадловича толчком к пересмотру самого принципа линейности такого развития. Они предложили свою концептуальную схему постсоциалистического развития, превратив её в плоскостную. Этот методологический ход был с интересом воспринят учёными, погружёнными в исследования особенностей неформальных институтов и сопутствующих им ценностных установок, присущих самым разным слоям общества в период постсоциалистического транзита. Так, А. Леденева в предисловии к капитальной монографии Мадьяра и Мадловича, акцентируя внимание на важности перехода к плоскостной трактовке особенностей неформальных практик, играющих значительную роль в трактовке социальных связей в этих режимах, писала: «...гибридные режимы являются таковыми только с точки зрения стороннего наблюдателя, который предпочитает упаковывать ускользающую от понимания амбивалентность в обёртку гибридности... Но в представлении самих участников в этих режимах нет ничего гибридного. Есть явные и скрытые практики, сложное переплетение правил и норм, различные категории, описывающие столкновение интересов, однако единое понятие, ясно описывающее такой режим, всегда остаётся недостижимым» [Леденева, 2022. С. 13].

Б. Мадьяр и Б. Мадлович пытаются описать эту сложность, причём разворачивающуюся в динамике. Для этого пути постсоциалистической эволюции разных стран они поместили в некий равнобедренный треугольник, содержащий внутри разнообразные возможности и варианты путей развития (рис.2). Его вершины символизируют три наиболее явные, незамутнённые «полюса» социально-экономического состояния общества — *коммунистическую диктатуру* как слияние политики и экономики в единую бюрократическую патрональную сеть (здесь господствуют жёсткие формальные институты); *патрональную автократию*, т.е. режим с преобладанием однопирамидальной патрональной сети, подавляющей плюрализм и поддерживающей неограниченную власть верховного патрона (неформальные институты преобладают, а формальные могут корректироваться в соответствии с волей и интересами патрона); *либеральную демократию*, основанную на плюрализме политической власти и преобладании формальных институтов. Эти три «полюса» дополняются тремя промежуточными состояниями, которые в сконструированном Мадьяром и Мадловичем треугольном концептуальном пространстве представляются как стороны треугольника и символизируют: *консервативную автократию*, при которой патрональность охватывает политическую сферу, но не затрагивает экономическую (сторона треугольника между вершинами коммунистической диктатуры и либеральной демократии); *патрональную демократию*, основанную на плюралистической конкуренции

⁵ В этом смысле российская история содержит в себе не только зигзаги постсоциалистических преобразований, но и далеко не благоприятный исторический опыт попыток модернизации: «Становление русского общества... представляло собой *противоречивый социокультурный процесс*, который включал не только противоречия структуры, но и смену векторов эволюции» [Лапин, 2016. С. 30].

разных патрон-клиентских сетей, в которой значительную роль играют неформальные институты (сторона треугольника между патрональной автократией и либеральной демократией); *диктатуру с использованием рынка* (сторона треугольника между вершинами коммунистической диктатуры и патрональной автократии с комбинацией формальных и неформальных институтов) [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 545–554].

Рис. 2. Концептуальное пространство постсоциалистических режимов с 6 идеальными типами и 12 примерами расположения в нём стран (по состоянию на 2019 г.)

Источник: Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*. Т. 1. — М.: Новое литературное обозрение. С. 48.

Венгерские учёные поместили в выстроенном ими треугольном пространстве более десяти исследуемых постсоциалистических стран. Подавляющее их большинство концентрируется вдоль стороны, обозначенной как «патрональная демократия», в той или иной близости как к самой этой стороне, так и к ограничивающим её вершинам треугольника — «либеральной демократии» и «патрональной автократии». В пространстве треугольника выделены и сферы господства формальных институтов (область между «либеральной демократией», «консервативной автократией» и «коммунистической диктатурой»), полужформальных институтов (между центральными частями сторон «патрональной демократии» и «диктатуры с использованием рынка») и с превалированием неформальных институтов (тяготеющая к вершине треугольника «патрональной автократии») [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 557].

Были также смоделированы траектории движения разных стран в обозначенном треугольнике, происходившие в процессе трансформации, начиная с времён господства в них социалистической системы и кончая серединой 2010-х гг. Будучи графически представлены в рамках концептуального треугольника, эти траектории демонстрируют, сколь труден, противоречив и отнюдь не прямолинеен был путь каждой страны на исследуемом отрезке времени. Это позволяет предположить, как много зигзагов, помимо уже совершённых, впоследствии могут ждать каждую из постсоциалистических стран на дальнейшем пути её развития [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 569–643].

Обращает на себя внимание то, что все фиксируемые в предложенном концептуальном пространстве зигзаги и даже «режимные петли», совершаемые той или иной страной в ходе её постсоциалистических преобразований, связаны прежде всего с событиями, затрагивающими самую суть её государственного устройства. Нельзя забывать и то, что все эти события отражаются на судьбах людей, оказавшихся в их водовороте. И они несут

для этих людей не только положительные изменения, но очень часто серьёзные разочарования, потерю ранее достойного материального положения, а также социального статуса.

В то же время стремление выйти за рамки линейного описания процессов социально-экономической эволюции стран с самыми разными режимами как политического устройства, так и систем социально-экономического развития, очевидно, распространяется далеко за пределы сферы постсоциалистической трансформации. Примером тому может служить картина эволюции, предложенная Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном в одном из их популярных бестселлеров «Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы» [Аджемоглу, Робинсон, 2021]. Книга эта, как и другие научно-популярные книги нобелевских лауреатов 2024 г., как мне представляется, написана именно с целью просвещения масс (да и многих представителей властных и невластных элит) и отражает стремление авторов дать им серьёзные аргументы для возрождения подлинно демократического движения, развития структур гражданского общества на новом этапе социально-экономического развития. При этом научно-популярное творчество данных авторов опирается на большой базис экономических работ последних трёх десятилетий⁶. И такой взгляд позволил Аджемоглу и Робинсону по-новому взглянуть на государство-Левиафан, прочно утвердившегося в сознании многих людей со времён Т. Гоббса. Они отметили два ошибочных, с их точки зрения, положения, лежащих в основе концепции Гоббса. Одно заключалось в том, что его Левиафан однолик. Между тем само разнообразие государственных структур показывает, что он не только двулик, как Янус, но даже многолик [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 38].

Другое ошибочное положение Гоббса Аджемоглу и Робинсон усмотрели в том, что для обществ, где Левиафан отсутствует, важно не только неконтролируемое насилие всех против всех, но и то, что для поддержания порядка в них существенную роль играют внесоциальные нормы («клетка норм»), защищающие «жёсткие границы общественных ожиданий» и устанавливающие «неравноправные социальные отношения, которые выливаются в иную, чем при деспотизме Левиафана, но не менее тяжёлую форму доминирования» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 47].

В результате в предложенной ими конструкции появились два Левиафана — Деспотический с монополией на насилие государства и Отсутствующий, поддерживаемый не менее жёсткой «клеткой норм». В то же время учитывая, что сам ход общественного развития, рост образованности и общей культуры граждан, появление различных форм влиятельных внесоциальных сообществ одновременно становятся и стимулами к появлению разного рода низовых движений, направленных на ограничение всевластия двух первых Левиафанов. В результате Аджемоглу и Робинсон выявили ещё одного, нового, Левиафана — Обузданного. Он трактуется как социальное образование, в котором действует система взаимных сдержек и противовесов, не позволяющая достичь подавляющего доминирования ни одной из двух взаимодействующих сил — государству как совокупности властных и политических институтов, с одной стороны, и обществу как самоорганизующейся системе независимых экономически гражданских организаций разного типа (и образовательных, и культурных, и религиозных, и волонтерских, и др.) — с другой. В рамках такого Левиафана создаётся возможность для достижения баланса (пусть часто и относительного) самых разных интересов, сочетания в его сложной конструкции и вертикальных, и горизонтальных связей, пронизывающих всю систему. При этом, подчёркивают Аджемоглу и Робинсон, успех в достижении такого баланса возможен только тогда, когда обе стороны процесса достаточно сильны, чтобы не позволять контрагенту занять монопольную позицию лидерства и чтобы принципом развития было постоянное поддержание

⁶ Эти авторы видят ключевой фактор развития общества именно в низовом демократическом давлении масс на элиты. Отсюда и их давняя полемика с Д. Нортгом, делающим со своими коллегами упор на изменения в возможностях и интересах элит, которые толкают их к изменению формальных институтов, к переходу к «порядкам открытого доступа» (см.: [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 263–264])

консенсуса между ними: «Нам необходимо государство, которое способно обеспечивать исполнение законов, контролировать насилие, разрешать конфликты и предоставлять общественные услуги — но при этом усмирённое, находящееся под контролем уверенного в своих силах и хорошо организованного общества» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 47]. Аджемоглу и Робинсон также подчёркивают: не только само достижение состояния Обузданного Левиафана — сложный процесс борьбы двух указанных сил (причём удалось достигнуть этого состояния немногим). Не менее сложно удержаться в таком состоянии в ходе эволюционного развития, чреватого различными катаклизмами, способными разрушить хрупкий баланс между властно-политическими и общественными компонентами. И, как показывает история социально-экономического развития наиболее успешных стран, их успех во многом связан с умением поддержания баланса между ведущими противоборствующими силами — властно-политическими и общественными. Поэтому, как отмечает Дж. Мокир, «представляется естественным рассматривать стабильное состояние как эволюционный процесс», который можно трактовать и как «синоним “постепенного и непрерывного процесса”», и как специфическую динамическую модель, в которой «решающую роль играют мутации и отбор» [Мокир, 2014. С. 426].

В результате Аджемоглу и Робинсон графически изобразили процесс эволюции в силовом поле двух основных противоборствующих субъектов — государства и общества как систему, в которой ось абсцисс символизирует изменения в силе общества, а ось ординат — изменения в силе государства. В этом пространстве основную часть занимают Деспотический и Отсутствующий Левиафаны, тяготеющие к соответствующим осям. Но между ними оказывается достаточно узкое пространство, отведённое Обузданному Левиафану. И эволюции различных государств, как показывается на разных схемах (см., например: [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 370, 399]), могут приводить к разным результатам — как к вхождению в «узкий коридор» (или провалу этих попыток), так и к выходу из него.

По сути, схема, предложенная Аджемоглу и Робинсоном, — один из примеров выхода современных экономических и политологических исследований за пределы линейной схемы эволюции так называемых гибридных режимов. Нарисованная ими картина трёх Левиафанов — Деспотического, Отсутствующего и Обузданного, занявшего «узкий коридор», представляется логичной и даже красивой (рис.3). А, как известно, красота часто свидетельствует о точности теории. Однако в ходе своего дальнейшего анализа учёные обнаружили еще одного Левиафана — четвёртого, названного ими Бумажным.

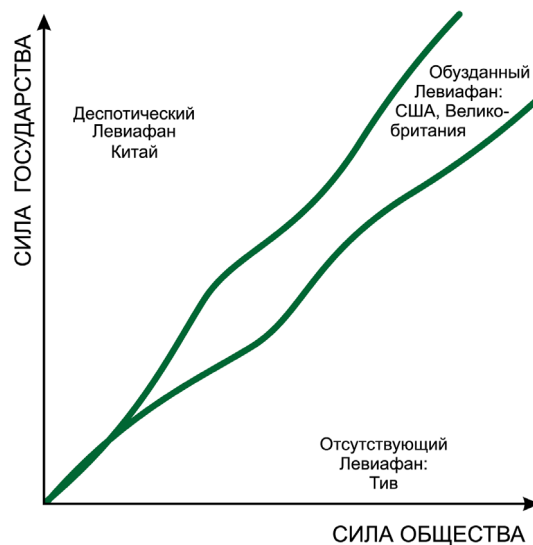

Рис.3 Три Левиафана Д.Аджемоглу и Дж.Робинсона.

Источник: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор: Государства, общества и судьба свободы. — М.: АСТ. С. 104.

От трёх «полюсов» к четырём

Появление четвёртого Левиафана усложняет картину, ранее концентрировавшуюся на трёх возможных «полюсах» хода эволюции. Новый, Бумажный, Левиафан характеризуется ситуацией ослабления сил как государства, так и общества. Такие Левиафаны «имеют облик государства и способны применять власть... Но эта власть пуста; она непоследовательна и дезорганизована во многих сферах и почти полностью отсутствует в отдалённых районах страны, которой государства должны управлять» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 471–472]. По сути, Бумажный Левиафан — это Левиафан, в котором так и не построено настоящее государство с чёткой системой законов и правоприменения, принципов поведения, понятных всем и обязательных для всех, а не реализуемых в зависимости от тех или иных обстоятельств и корректируемых в интересах тех или иных властных кланов в зависимости от конкретной ситуации. Деспотизм, присущий такому Левиафану, как подчёркивают Аджемоглу и Робертсон, не системен, а дезорганизован и хаотичен. Но и общество в нём столь же дезорганизовано, и действия его столь же хаотичны, потому что здесь нет развитых навыков самоорганизации и соответствующих структур. Причём всё это очень плохо для граждан, так как такому Левиафану свойственно пренебрежение чётким выполнением важнейших государственных функций — гаранта исполнения законов, беспристрастного третейского судьи при разрешении спорных вопросов, поставщика важнейших общественных услуг.

Такого рода Бумажные Левиафаны достаточно распространены на различных континентах Земли — и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке. Но встаёт вопрос: где их место в схематической картине, нарисованной Аджемоглу и Робинсоном? Они предлагают поместить его в нижнем левом углу своей схемы как символ слабости и общества, и государства, но всё же со стороны Деспотического Левиафана, что, по их мнению, обусловлено страхом властных элит перед мобилизацией общества. Они в таком случае «уже не смогут контролировать политику по своему усмотрению» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 501].

Разумеется, предложенное размещение четвёртого Левиафана в схеме «узкого коридора» возможно. Но при этом нельзя не видеть, что в результате разрушается её гармоничность, стройность, теряется та красота, которой отличалась схема с тремя Левиафанами. К тому же возникает вопрос о том, что в результате эволюции происходило с «клеткой норм» — символом поддержания порядка в условиях Отсутствующего Левиафана. Не совсем понятно, каким образом находящееся в описываемой «клетке» общество пусть и в ходе длительного развития смогло преобразоваться до такой степени, что оказалось способным вначале создать некие протогосударственные институты, которые привели его в итоге к состоянию Деспотического Левиафана, а затем и выступить его достойным оппонентом и преобразовать его в Левиафана Обузданного. Возможно, анализ был бы более точен, если бы авторы отошли от принятой ими метафоры «клетки норм» и использовали бы более распространённое в институциональном анализе разделение институтов на формальные и неформальные (ведь и нормы, и правила, действующие в обществе, — это также институты), но тогда пришлось бы усложнить предложенную ими ранее институциональную конструкцию деления институтов на экстрактивные и инклюзивные, по сути выделив в этих двух типах институтов такие, которые действуют либо на формальной, либо на неформальной основе.

Кроме того, схема Аджемоглу и Робинсона, прежде всего там, где речь идёт об Отсутствующем Левиафане, предполагает включение в анализ тех сообществ, культурные особенности которых блокировали или тормозили формирование зачатков государственных структур (например, упоминаемый ими народ Тив) или приводили к складыванию образований, включающих и специфические протогосударственные черты, и элементы демократических (но не либеральных) практик [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 349–356].

Но это значит, что в общей схеме переплетаются народы с *разными типами сознания*. Это должно накладывать свой отпечаток на особенности не только действующих в них формальных и неформальных институтов, но и особо выделяемых этими авторами в своих исследованиях типы экстрактивных и инклюзивных институтов.

Всё это заставляет задуматься: а верно ли очерчено само пространство действия четырёх Левиафанов? Не требует ли оно пересмотра и корректировки? И насколько совместима схема Аджемоглу и Робинсона с иными схемами пространственного представления поля социально-политического пространства, например с упомянутой схемой Мадьяра и Мадловича?

Вариант наложения друг на друга этих схем был предложен в [Плискевич, 2025]. Так как схема Мадьяра и Мадловича представляет собой треугольник, то, естественно, в неё вписались только три Левиафана. И поскольку у венгерских учёных речь идёт о концептуальном пространстве именно посткоммунистических режимов, что предполагает наличие в них государствообразующих элементов, то «выпавшим» оказался Отсутствующий Левиафан. Места Деспотического и Обузданного Левиафанов достаточно органично совпали с вершинами треугольного пространства, характеризуемыми Мадьяром и Мадловичем как «коммунистическая диктатура» и «либеральная демократия». В то же время те свойства, которыми характеризуется Бумажный Левиафан, во многом совпадают с чертами «патрональной автократии» — третьей вершины треугольника. Описываемые Мадьяром и Мадловичем черты данного режима свидетельствуют о том, что в нём достаточно слабы формальные институты, которые, собственно, и должны свидетельствовать о силе подлинного государства. Точнее, действующие в нём формальные институты при вербально декларируемом их служении обществу *de facto* постоянно искажаются в интересах властвующей группировки. Регулярно деятельность этих институтов подкрепляется официальным принятием законодательных актов, направленных на упрочение позиций этой группировки и ослабление возможностей оппонирования ей со стороны гражданского общества. Это ослабляет и без того слабые институты гражданского общества, блокирует возможности его развития.

Свойства Бумажного Левиафана по сути противоположны качествам классических автократий, вписывающихся в картину Деспотического Левиафана, прежде всего потому, что «это в корне неформальная политическая система», где правящая партия — всего лишь «приводной ремень» неформальной патрональной сети. Для этого режима характерны реляционная экономика «с реляционным перераспределением рынка, дискреционное вмешательство и хищничество в пользу полигархов, олигархов и подставных лиц, каждый из которых встроен в неформальную патрональную сеть». При формальном сохранении в патрональной автократии демократического фасада и использовании популизма для легитимации неограниченного господства правящая элита формирует государство, «которое сочетает в себе черты кланового, неопатримониального/неосултанистского, хищнического и криминального государств» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 551–552].

Столь же неформальный характер присущ и общественным связям в рамках патрональной автократии, что свидетельствует не только о слабости общества, но и о преградах, встающих на пути его самоорганизации. В нём формируется то, что Мадьяр и Мадлович называют «клиентарным обществом», где «клиентарность обозначает не просто патронально-клиентарные отношения. Клиенты — это базовый тип социальной группы, которую можно использовать для анализа социальной иерархии патрональных автократий» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 394]. Причём Мадьяр и Мадлович подчёркивают, что само введение ими в анализ понятия «клиенты» — свидетельство рыхлости, неформальности общественных связей, ведущей к неартикулированности концепций многих из них [Там же. С. 395].

В то же время бросается в глаза, что венгерские учёные, по сути, ограничили круг своего исследования европейскими постсоциалистическими странами. Хотя они и

упоминают Китай как пример диктатуры с использованием рынка, но в их анализ не включены страны Азии или Африки, некогда либо провозгласившие у себя переход к социализму, либо объявлявшие себя социалистическими, но затем отказавшиеся от этого выбора или придерживающиеся его чисто формально. Это также провоцирует вопрос: всё ли учтено в треугольной схеме Мадьяра и Мадловича?

При этом роль догосударственных норм и правил в процессе становления государства различается в зависимости от самого хода исторического процесса, включая возможности как заимствования тех или иных институтов у соседей, так и от размеров различных государственных образований. По сути, государство представляет собой систему институтов, возникающую тогда, когда потребности общества, связанные и с процессом его развития, и с отражением разных внешних угроз, выходят за рамки возможностей локальных миров, необходимых для функционирования более обширного объединения. Формируется Большое общество с целью интеграции входящих в него локальных образований, преодоления угроз его целостности, предотвращения внутренних конфликтов, грозящих всеобщей дезорганизацией. Потребность в нём «возникает как побочный результат стремления людей к объединению, существенно выходящему за рамки локальных миров» [Ахиезер, 1998. С. 127]. Это происходит, когда есть потребность в объединении в масштабах, выходящих «за рамки возможностей положить в основу воспроизводства связей целостности эмоциональные и личные отношения, кровнородственные связи» [Там же. С. 88]. В основе таких процессов лежит выработка специфических для каждой страны, связанных с её культурой социальных интеграторов, несущих ценности объединения огромных масс людей, лично не знающих друг друга.

Такое состояние общества ведёт к постоянному изменению культурной основы его интеграции. На место свойственных локальным мирам патерналистских отношений властителя и подданных постепенно на передний план выходит постоянный диалог личности и общества, объединений личностей и государственных структур. Начинает формироваться гражданское общество как система объединений личностей, ответственных за судьбу общества в целом, способная формировать и поддерживать специализированные институты, направленные на его защиту и развитие. При этом сложность и разнообразие задач, стоящих перед таким сообществом, диктует необходимость выделения в нём трёх крупных сфер социального действия — властно-политической, экономической и общественной. Это фиксируется и в действующих в нём неформальных правилах: за исключением каких-то экстренных форс-мажорных ситуаций для акторов политической сферы нежелательно вторжение в сферу экономическую, и наоборот, а общественная жизнь, скажем, муниципальные образования, объединения по интересам, да и просто частная жизнь граждан, также не должна оказываться под непосредственным воздействием акторов политической или экономической сфер, разумеется, за исключением случаев нарушения закона. На этом факторе необходимости в современном развитом обществе разграничения трёх сфер социального действия акцентируют внимание Мадьяр и Мадлович. В то же время, если потребности в объединении огромных масс людей на значительной территории развиваются на, по сути, неадекватной задачам такого объединения культурной базе, то происходит формирование государства на основе экстраполяции на него принципов, характерных для локальных миров.

Возникающее при этом противоречие между необходимостью построения институциональной системы, соответствующей современному уровню социально-экономического развития, и неспособностью адекватно воспринять эти институты, было отмечено ещё при анализе попыток постколониальных преобразований середины XX в. Стремление к «адаптации» новых институциональных форм к привычным и для элит, и для масс представлениям и соответствующему поведению в итоге приводило к краху «относительно дифференцированной и осовремененной институциональной основы, замене её более

примитивными институтами или вступлением страны в порочный круг провалов и срывов, зачастую ведущий за собой институциональную стагнацию и неустойчивость, а также системную утрату вбирать в себя новые веяния» [Эйзенштадт, 2010. С. 46].

Но не будем забывать, что к таким результатам приводила именно деятельность конкретных людей, нередко искренне заинтересованных в качественном изменении ситуации в своей стране. Однако что-то, заключённое в специфике их мышления, в способности (или неспособности) осознать весь объём необходимых преобразований, важность не только чисто инструментальных мер, с очевидностью выступающих на поверхности, но и органично связанных с ними новых норм, правил, ценностей, мешало комплексному восприятию всей сложной совокупности социальных структур, сформированных в странах-образцах и необходимых для успешного функционирования связанных с ними технологических и институциональных достижений.

Сложившееся в таких странах господствующее сознание, присущее не только массам, но и значительному числу представителей элит, вставало на пути комплексного восприятия нового. И решающую роль тут «играла не столько жизнеспособность новых символов, сколько тот факт, что новые символы не были втянуты в оформлявшую молодую государственность более широкую символическую рамку, ориентированную на сложные и разнообразные проблемы... Центр формирующейся государственности не мог предложить никакой новой идеологической, ценностной, символической системы, которая помогла бы осмыслению новой социальной реальности и преодолению проблем, с нею связанных» [Эйзенштадт, 2010. С. 55]. По сути, тут во многих случаях мы сталкиваемся с особым типом общественного сознания, отличным от того, что характерно для европейских постсоциалистических государств, анализируемых Мадьяром и Мадловичем.

Отсюда, представляется, и сужение ими поля своего анализа. В этой группе стран идеология строительства социализма / коммунизма накладывалась на иной тип сознания, нежели тот, который характерен для стран, находящихся в центре их исследования. Собственно, и сами они отмечают различия в социальных системах разных постсоциалистических стран. Они проистекают из особенностей сложившихся ещё в досоциалистический период их развития и сказавшихся на важнейшей, по мнению венгерских учёных, черте современных развитых сообществ. Это разделение трёх сфер социального действия — политической, экономической и общественной. Отсутствие такого разделения было типичным для ранних этапов развития всех народов, но наиболее развитые из них сумели первыми его преодолеть. Принятие же коммунистической идеологии законсервировало или даже развернуло вспять этот процесс.

Мадьяр и Мадлович специально акцентируют внимание на важности того, что коммунистический режим воздействовал на уровень и характер разделения сфер социального действия во всех затронутых социалистическим строительством странах: «...“колпак” коммунизма “повернул вспять” разделение сфер социального действия в западно-христианском историческом регионе и полностью остановил этот процесс в православном регионе. В Китае и исламском историческом регионе установление коммунистических диктатур означало, что отсутствие разделения сфер приобрело новые формы» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т.1. С. 111–112].

Таким образом, в треугольную концептуальную схему Мадьяра и Мадловича не вошли страны, где такое разделение сфер ещё не начиналось или находилось в зачаточном состоянии. В то же время и Аджемоглу и Робинсон, говоря об Отсутствующем Левиафане, имеют в виду прежде всего такие образования. Получается, что треугольник Мадьяра и Мадловича для описания полной картины следует достроить до четырехугольника. В этот четырехугольник должны войти и фактически описанные, но нечётко отражённые в плоскостных схемах Аджемоглу и Робинсона четыре варианта соотношений общества и государства: а) сильное государство и слабое общество (Деспотический Левиафан);

б) сильное общество и слабое государство или протогосударство (Отсутствующий Левиафан); в) сильное государство и сильное общество (Обузванный Левиафан); г) слабое государство и слабое общество (Бумажный Левиафан).

Эти четыре варианта можно трактовать как четыре «полюса» концептуального пространства, к которым стремятся разные социальные объекты–сообщества–страны, характеризующиеся либо максимальными, либо минимальными силами или государственным, или общественным воздействием. И в зависимости от того, насколько исследуемый объект приближается к одному из полюсов — одному из Левиафанов (по Аджемоглу и Робинсону) или концептуальному полюсу (по Мадьяру и Мадловичу), можно судить об основных его чертах. При этом само пространство весьма обширно и даёт возможности для самых разных вариантов эволюционного развития, в том числе и для массы зигзагов на пути к принятой им цели развития. И среди вариантов вполне допустимы не только пути прогрессивного развития (даже отнюдь не прямые), но и дороги к регрессу, трактуемые так многими из окружающих, но по каким-то причинам принятые ступившими на этот путь сообществами как прогресс.

Но, преобразовав треугольное пространство в четырехугольное, *de facto* мы получили ещё один треугольник, центральной вершиной которого оказывается Отсутствующий Левиафан, т.е. сообщества, социальные регуляции в которых основываются на принципах, присущих традиционным обществам (либо догосударственным, либо перешедшим к стадии протогосударства) с их специфическими нормами и ценностями («клеткой норм» по Аджемоглу и Робинсону). В то же время, по аналогии с конструкцией Мадьяра и Мадловича, можно предположить, что пути эволюции тех сообществ, которые оказались у нас в новом треугольном пространстве, с присущими им особенностями путей продвижения к подлинно государственным образованиям либо откатами назад на этом пути, должны отражать траектории своего движения в предложенном пространстве.

Однако известно, что попытки внедрения в такие сообщества институтов, присущих странам, находящимся на иной стадии социально-экономического развития, встречали их отторжение либо существенное искажение. Люди перерабатывали их в соответствии со своими привычными представлениями о должных социальных связях, вытекающими из особенностей их сознания. А другие представления людей о должном лежат в основе особенностей норм и ценностей представителей тех стран, что в той или иной степени уже прошли соответствующие пути эволюции и вписываются в пространство того треугольника, который построили Мадьяр и Мадлович.

Поэтому само выстраивание концептуального пространства, включающее выделенные четыре полюса, должно учитывать не только присущие тем или иным социальным устройствам формальные и неформальные институты, вариации их притяжения к разным полюсам, но и типичные для них особенности массового общественного сознания. А.С. Ахиезер, рассматривая процессы исторического развития России на разных его этапах, неоднократно говорил и писал о том, что ключ к переходу от экстенсивной к интенсивной форме российского развития зависит не от инвестиций. Для такого перехода мы *должны научиться мыслить по-другому*. Причину недостаточной способности России своевременно переходить к интенсивным формам хозяйствования, вырабатывать соответствующие программы и решения, по его мнению, нужно искать «в сфере всё той же способности (неспособности) субъекта развивать свои способности, в сфере возможности выходить за рамки сложившейся культуры, смыслов, методов, конкретизировать сложившуюся человеческую реальность, идти по пути возвышения абстракций, замещения насилия диалогом» [Ахиезер, 2008. С. 331]. А Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы в своей концепции экономической синергетики первостепенное внимание в развитии темы экономического роста уделяли проблемам качественного изменения самого мышления человека, превращения человека из объекта в субъект экономического процесса, обозначив эту тему как изменение

ментальности. Не случайно в своей серии книг об экономической синергетике одну из них они специально посвятили новым граням ментальности. В её заключении, где обосновывается понимание ментальности как эндогенного фактора экономики, Евстигнеевы писали, что ментальность «становится важнейшей экономической категорией, определяющей уровень и состав социальной энергетики развития и экономического роста. Но важно не упустить из виду и другую функцию ментальности. Она — не только носитель социального тонуса, но и важнейший фактор социальной (а значит, и экономической, и политической) стабильности в обществе. Причём речь идёт о стратегической устойчивости общества, закреплённой в национальном характере и связанном с ним внутренним, сугубо индивидуальным духовном миром человека» [Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 179]⁷.

А так как в данном случае нас интересует обоснованность помещения в концептуальное пространство институциональных изменений Отсутствующего Левиафана (равно как и упущенных в анализе Мадьяра–Мадловича стран Азии и Африки, в той или иной степени принявших путь социалистического развития во второй половине XX в.), то прежде всего необходимо очертить основные особенности сознания людей, как заключённых в описываемую Аджемоглу и Робинсоном «клетку норм», так и находящихся на той или иной стадии эволюции, ведущей к рационализации этого сознания и переходу от протогосударственных к государственным формам конструирования институтов, а также от форм организации общества, характерных для локальных миров или образований, близких к ним, к формам организации гражданского общества, к гражданам-субъектам, осознающим ответственность за свою судьбу и судьбу всего Большого общества, к которому они принадлежат.

Поэтому естественно предположение, что основные черты сознания, близкого к полюсу Отсутствующего Левиафана, раскрывались исследователями как древних культур, так и современных народов, принадлежащих к тем локальным мирам, эволюция которых по тем или иным причинам была заторможена или проходила в специфических условиях. Такое сознание обычно называется мифологическим. И его анализ во взаимосвязи с особенностями институционального развития сообществ, которые можно отнести к выделенному новому треугольнику в предполагаемой четырехугольной схеме концептуальной структуры социально-экономической эволюции разных сообществ, требует специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). *Узкий коридор: Государства, общества и судьба свободы*. — М.: АСТ.
- Алесина А., Джулиано П. (2016). Культура и институты. Ч. I // *Вопросы экономики*. № 10. С. 82–111.
- Ахиезер А.С. (1998). *Россия: критика исторического опыта: в 2 т. Т. 2. Теория и методология: Словарь*. — Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Ахиезер А.С. (2008). Российское государство между насилием и диалогом // Ахиезер А.С. (2008). *Труды*. Т. 2. С. 287–363.
- Барсукова С., Леденева А. (2014). От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров // *Вопросы экономики*. № 2. С. 118–132.
- Безансон А. (1998). *Советское настоящее и русское прошлое*. — М.: МИК.
- Бурдые П. (2007). *Социология социального пространства*. — СПб.: Алетейя.
- Гидденс Э. (2003). *Устроение общества. Очерк теории структуризации*. — М.: Академический проект.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2011). *Новые грани ментальности. Синергетический подход*. — М.: URSS.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. — М.: Новое издательство.

⁷ А.В.Л. Тамбовцев, анализируя различные теории эволюции экономических объектов, отмечал, что важным методологическим недостатком целых направлений был «отказ считать *индивидов* действующими акторами изменений, происходящих в экономике» [Тамбовцев, 2024. С. 17]. По сути, речь здесь идет о важности признания *субъектности* акторов экономических процессов. То же можно сказать о процессах и политических, и гражданских.

- Корнаи Я. (2022). *Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма*. — М.: ООО «Вопросы экономики».
- Лапин Н.И. (2016). Модернизация в мире и России // *Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы* / Сост. отв. ред. Н.И.Лапин. — М.: Весь мир.
- Левада Ю. А. (2000). Homo Post-Soveticus // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 5–24.
- Леденева А.В. (1997). Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блага в постсоветском обществе // *Мир России*. № 2. С. 89–106.
- Леденева А. (2022). Предисловие // *Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*: В 2 т. Т. 1. — М.: Новое литературное обозрение. С. 9–18.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*: В 2 т. — М.: Новое литературное обозрение.
- Мизес Л. фон (2024). *Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории*. — М.: Челябинск: Социум.
- Мокир Дж. (2014). *Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Назаретян А.П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании*. — М.: Аргатак-Медиа.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010).(2011). / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. русского изд. Н.И. Лапин. — М.: Весь мир.
- Плискевич Н.М. (2025). Специфика российских институтов и патернализм государства (Часть 2. Эволюция патерналистского государства) // *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 22–39. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39.
- Полтерович В.М. (2007). *Элементы теории реформ*. — М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2012). Проектирование реформ: как искать промежуточные институты // *Montenegrin journal of economics*. Vol. 8. No. 2. Pp. 25–44. mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/liles/25_44_Polterovich.pdf (дата обращения: 4.03.2026).
- Сорокин П. (1992). Социальная и культурная мобильность // *Человек. Цивилизация. Общество*. — М.: Политиздат. С. 297–424.
- Тамбовцев В.Л. (2024). Что в экономике эволюционирует? // *Вопросы экономики*. № 4. С. 5–23.
- Хайек Ф. фон (2024). *Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. — М.: Челябинск: Социум.
- Эйзенштадт Ш. (2010). Срывы модернизации // *Неприкосновенный запас*. № 6. С. 42–63.
- Diamond L. (2002). Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. No. 2. Pp. 21–35.
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.
- Yergin D., Gustavson T. (1994). *Russia 2010*. — London: Nicholas Breadley Publishing.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2021). *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. — М.: AST. (In Russ.).
- Akhiezer A.S. (1998) *Russia: Critique of Historical Experience*. Vol. 2: *Theory and Methodology*. Dictionary. — Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).
- Akhiezer A.S. (2008). The Russian State between Violence and Dialogue // *Akhiezer A.S. (2008). Works*. Vol. 2. Pp. 287–363. (In Russ.).
- Alesina A., Guliano P. (2016). Culture and Institutions. Part I // *Voprosy ekonomiki*. No. 10. Pp. 82–111. (In Russ.).
- Barsukova S., Ledeneva A. (2014). From the Global Corruption Paradigm to the Study of Informal Practices: Outsiders vs. Insiders // *Voprosy ekonomiki*. No. 2. Pp. 118–132. (In Russ.).
- Besançon A. (1998). *Present soviétique et passé russe*. — М.: МИК. (In Russ.).
- Bourdieu P. (2007). *Sociology of social space*. — SPb.: Aletheia. (In Russ.).
- China modernization report outlook (2001–2010) (2011) / Chuanqi He editor-in-chief. — М.: Ves' mir. (In Russ.).
- Diamond L. (2002). Thinking About Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. No. 2. Pp. 21–35.
- Eisenstadt S. (2010). Failures of modernization // *Neprikosnovennyy zapas*. No. 6. Pp. 42–63. (In Russ.).
- Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2011). *New Facets of Mentality: Synergistic Approach*. — М.: URSS. (In Russ.).
- Giddens E. (2003). *The structure of society. Essay on the theory of structuration*. — М.: Academic project. (In Russ.).
- Hayek F. von (2024). *Law, legislation and liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy*. — М.: Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.

- Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. — М.: Novoye izdatel'stvo. (In Russ.).
- Kornai J. (2002). *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. — М.: ООО «Voprosy economici». (In Russ.).
- Lapin N.I. (2016). Modernization in the World and Russia // *Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems* / Compiler and editor-in-chief N.I. Lapin. — М.: Ves' mir. (In Russ.).
- Ledeneva A.V. (1997). Personal connections and informal communities: the transformation of blat in post-Soviet society // *Mir Rossii*. No. 2. Pp. 89–106. (In Russ.).
- Ledeneva A. (2022). Preface // *Magyr B, Madlovics. The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework*. In 2 vols. Vol. 1. Pp. 9–18. — М.: Novoe literatupnoe obozrenie. (In Russ.).
- Levada Y.A. (2000). Homo Post-Soveticus // *Obshestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 6. Pp. 5–24. (In Russ.).
- Magyr B., Madlovics B. (2022). *The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework*: In 2 vols. — М.: Novoe literatupnoe obozrenie. (In Russ.).
- Mises L. von (2024). *Human action. A treatise on economics*. — М.: Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- Mokyr J. (2014). *Nhe Lever of Riches/ Nechnological Creativity and Economic Progress*. — М.: Institut Gaydara. (In Russ.).
- Nazaretyan A. P. (2017). *Non-linear Future. Megahistory, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in Global Forecasting*. — М.: Argamak-Media. (In Russ.).
- North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*. — М.: Izd. Dom HSE. (In Russ.).
- North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history*. — М.: Institut Gaydara. (In Russ.).
- Pliskevich N. (2025). The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism (Part 2. Evolution of the Paternalistic State) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 22–39. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39 (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2007). *Elements of the theory of reforms*. — М.: Ekonomika. (In Russ.).
- Polterovich V. (2012). Reform dasign: to search for interim institutions // *Montenegrin journal of economics*. Vol. 8. No. 2. Pp. 25–44. mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/liles/25_44_Polterovich.pdf (In Russ.) (access date: 4.03.2026). (In Russ.).
- Sorokin P. (1992). Social and cultural mobility // *Man. Civilization. Society*. — М.: Politizdat. Pp. 297–424. (In Russ.).
- Tambovtsev V.L. (2024). What is evolving in an economy? // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 5–23. (In Russ.).
- Yergin D., Gustavson T. (1994). *Russia 2010*. — L.: Nicholas Breadley Publishing.

Плискевич Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0003-0860-6229

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

senior researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

ORCID: 0000-0003-0860-6229

znplis@yandex.ru

CONCEPTUAL SPACE FOR RESEARCHING OF THE TRANSFORMATION PROCESSES

Abstract. This article devotes the problem of expanding the conceptual space of transformation processes in the current context of socioeconomic turbulence felt worldwide. Two sources of this turbulence are identified. First, a new surge in scientific and technological progress has disrupted the law of techno-humanitarian balance, which stipulates that the sustainable development of society requires a correspondence between the level of cultural and psychological regulation of social relations and the state of technological potential. The second source of turbulence is the ongoing process of post-socialist transformation in many countries. An explanation for these processes does not fit into the linear frameworks of hybrid regimes. Acemoglu / Robinson, on the one hand, and Magyar / Madlovic, on the other, have proposed two-dimensional frameworks for analyzing conceptual spaces. However, Magyar / Madlovic's triangular framework is limited to the area of European post-socialist countries, and one of Acemoglu / Robinson's Leviathans does not fit into their framework adequately. The article proposes a quadrangular framework for the space of transformation processes, which also includes room for development options missed in triangular frameworks.

Keywords: *techno-humanitarian balance, transformation processes, institutional system, post-socialist development, modern state.*

JEL: A10, A12, A13, B15, B52.

В.Л. Тамбовцев

*д.э.н., профессор, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва)*

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА: ВСЕ ЛИ ВОПРОСЫ ПОСТАВЛЕНЫ?

Аннотация. Рост экономического неравенства в последнее время происходит во многих странах, что вызывает у многих учёных интерес к изучению этого процесса, но всё же некоторые его аспекты остаются недостаточно изученными. В статье анализируются основания того, почему экономическое неравенство считается проблемой, хотя убедительные доказательства возникновения негативных экономических или социальных последствий этого явления обнаружить не удалось. Делается вывод, что проблема экономического неравенства во многом искусственна. При её анализе исследователи обычно основываются на связях, которые имели место в прошлом, однако практически отсутствуют в настоящее время. Обосновывается факт недостаточной изученности целого ряда исследовательских вопросов. И сам факт наличия таких лагун в научном познании проблемы экономического неравенства затрудняет повышение действенности тех мер, которые применяются в конкретной социальной и экономической политике.

Ключевые слова: *экономическое неравенство, способности, возможности, теория оправдания системы.*

JEL: D31, D63, Z13

УДК: 364.2, 364.65

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_86_98

© В.Л. Тамбовцев, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Тамбовцев В.Л.* Преодоление экономического неравенства: все ли вопросы поставлены? // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 86–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_86_98.

FOR CITATION: *Tambovtsev V.* Overcoming Economic Inequality: Have All the Questions Been Asked? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 86–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_86_98.

Введение

Тематика экономического неравенства настолько широка и необъятна, что охватить хотя бы наиболее значимые её вопросы в одной журнальной статье просто невозможно. Поэтому здесь ставится вполне конкретная и ограниченная задача: сформулировать и обсудить некоторые вопросы, которые практически не рассматриваются в существующей литературе, и как результат — обосновать значимость получения ответов на них для выработки продуктивных вариантов решения прикладных задач.

Сейчас один из наиболее часто задаваемых вопросов в этой сфере звучит так: как преодолеть неравенство доходов — самую вопиющую сторону экономического неравенства? Очевидный на взгляд не задумывающегося человека ответ выглядит так: государство должно платить всем одинаково, хотя и теория, и особенно историческая практика, в том числе нашей страны, дали свои оценки безрадостных последствий попыток реализации такого рода решений. Поэтому, если ответ на приведённый частый вопрос всё ещё

актуален, а предыдущие практики его решения были неудовлетворительны, то нужно искать другие варианты решения. Для этого имеет смысл обсудить саму *проблему* экономического неравенства.

Я не раз писал о том, что при анализе процессов принятия решений следует различать стадию осознания проблемной ситуации и стадию постановки проблемы (см., например: [Тамбовцев, 2025. С. 206–207]). Проблемная ситуация — это такое положение дел, когда индивид ощущает ту или иную степень неудовлетворённости, наличие каких-то источников, порождающих негативное восприятие сложившегося положения. Очевидно, люди могут по-разному видеть причины своих неприятных ощущений, т.е. у них возможны варианты их видения или понимания, и каждый из этих вариантов позволяет формулировать свою проблему, которую желательно было бы решить, чтобы устранить проблемную ситуацию. Простой пример: проблемная ситуация — переполненный общественный транспорт в часы пик в большом городе. Проблему, которую надо решить, люди видят неодинаково: для одних — это нехватка автобусов, троллейбусов и т.п., для других — высокая концентрация мест приложения труда, для третьих — единое время начала и конца рабочего дня. Каждый из вариантов подхода к решению данной проблемной ситуации приводит к своим результатам, различающимся как издержками, так и последствиями. При этом следование, казалось бы, самой «естественной» логике решения проблемы — избавление от дефицита общественного транспорта — приводит к новой проблемной ситуации: загруженности улиц города. Тем самым различие проблемных ситуаций и проблем даёт основания задуматься: а продуктивна ли привычная постановка проблемы?

Это и определяет первый вопрос, который стоит обсудить: какова та ситуация, которая воспринимается многими как проблемная, т.е. порождающая её негативное восприятие? Второй, связанный с ним, вопрос, также заслуживающий внимания, можно сформулировать так: какие характеристики экономики и общества, обуславливаемые ситуацией экономического неравенства, таковы, что их наличие в стране считается нежелательным? Обсуждению этих вопросов посвящены, соответственно, два следующих раздела статьи, а выводы из обсуждения завершают её.

Разнообразие и неравенство: чем определяется различие?

В литературе последнего времени активно обсуждаются *последствия* экономического неравенства, опасности и угрозы, которая оно создаёт (см., например: [Юревич, Журавлев, Юревич, 2013; Казанцев, 2016; Пендак, 2018; Варшавский, 2019; Norton, 2014; Rewizorski, 2017; Flaherty, Rogowski, 2021; Engler, Weisstanner, 2021; Wike et al., 2025]). Даже такой известный экономист, как Дж. Стиглиц, пишет: «Растущее неравенство в большинстве стран мира является одной из важнейших проблем, стоящих перед миром сегодня. Люди повсюду чувствуют, что это морально неправильно. Мы чувствуем, что это нельзя оправдать. Мы чувствуем, что это разделяет наши общества и подрывает наши демократии. И мы правы, ощущая этот вред» [Stiglitz, 2015. P. 379]. При этом первопричины анализируемых нехороших последствий (насколько обоснованы некоторые из них, мы также обсудим далее) фактически принимаются за данность. Здесь важно отметить, что проблемность неравенства доходов не только обсуждается исследователями¹, она признана и на уровне

¹ Названия некоторых работ таковы, что из их заголовка можно сделать вывод: их авторы признают, что неравенство — это проблема, поставленная людьми, а не объективная проблемная ситуация [Телин, 2019]. Однако аннотация данной статьи говорит о другом: «дивергенция в головах» — это «разное понимание инструментов измерения неравенства или принципиальное игнорирование междисциплинарной исследовательской перспективы, а также пренебрежение “субъективной” составляющей восприятия неравенства» [Там же. С. 107].

государств: из 17 целей устойчивого развития, принятых ООН, как минимум, одна треть связана с преодолением неравенства и бедности [Filipava, 2026].

Между тем те характеристики населения стран, которые мы именуем неравенствами — социальными, экономическими, культурными, политическими и т.д., имеют и другое наименование: всё это различные *разнообразия*. Как известно, разнообразие — это свойство популяции организмов, без которого вообще не было бы *никаких изменений* в живой природе, и человеческое общество просто не появилось бы: именно разнообразие особей живых существ — источник их эволюции. На это неоднократно обращали внимание исследователи, изучающие как биологическую [Dobzhansky, 1959; Loreau et al., 2001; Elmqvist et al., 2003], так и экономическую [Santos, Pinheiro, Lenaertsc, Pacheco, 2012; Lipieta, Pliš, 2022], социальную и культурную эволюции [Lumsden, Wilson, 1985; Mesoudi, Whiten, 2008; Salazar-Ciudad, 2010]. Ведь именно различия в характеристиках элементов изменяющихся объектов создают возможности для естественного и/или искусственного отбора некоторых из них, расширяя возможности выживания и воспроизводства одних и сужая эти возможности других элементов. Например, в экономиках разнообразие товаров, технологий, организационных форм и т.п. обеспечивают различные уровни сложности, и чем выше это разнообразие, тем выше и сложность экономики, её инновационные и адаптивные способности [Arthur, 2021; Du, O'Connor, 2021].

Почему же разнообразие одних параметров экономических (и социально-культурных) систем оценивается людьми как положительное их свойство, а его наличие у других параметров — как свойство отрицательное, как проблема, которую нужно преодолевать? Любые оценки, даваемые индивидом феноменам окружающего внешнего и существующего в его сознании внутреннего мира, представляют собой результаты сопоставления его мозгом тех сигналов, являющихся результатом восприятия этого феномена, с группой нейронных контуров, которые репрезентируют социальные и иные ценности, сформировавшиеся на основании его жизненного опыта [Moll, De Oliveira-Souza, Zahn, 2008; Zahn et al., 2009]. Если текущие сигналы близки позитивным ценностям, их источник оценивается положительно, если же такая близость отсутствует, или же есть близость к негативным ценностям, объект получает отрицательную оценку². Разнообразие жизненного опыта неизбежно присутствует у всех людей. Оно обуславливает формирование у них несовпадающих совокупностей ценностей как «образцов», используемых мозгом для оценок сигналов, которые направляют в него органы чувств, воспринимающие объекты и внешнего, и внутреннего мира.

Соответственно могут различаться (и реально различаются) и оценки, даваемые разными людьми одним и тем же воспринимаемым объектам: совпадение или близость оценок будет свидетельствовать о близости ценностей, которые выработались в мозгах соответствующих индивидов. Здесь важно отметить, что такие совпадения/несовпадения касаются не только конкретных черт материальных объектов, но и объектов абстрактных, являющихся результатами когнитивных процессов.

Люди характеризуются многообразием самых разных свойств и характеристик. Часть из них имеет природное происхождение и не может быть изменена, другие же — также естественны, но в большей или меньшей мере изменяемы, а третьи, будучи следствием действий, предпринятых и предпринимаемых индивидами, определяются во многом тем, какие решения они принимали и реализовали.

Среди этих характеристик, как показывает наш жизненный опыт, те, что входят в первые две группы, в основном рассматриваются как разнообразия, в то время как свойства, составляющие третью группу, как правило, воспринимаются сквозь призму неравенства. Среди них общепринято выделять несколько форм неравенства, прежде всего такие, как социальные и экономические, с более узкими вариантами среди них. Это наблюдение, на

² Аналогично формируются и экономические оценки [Levy, Glimcher, 2012].

первый взгляд, даёт основания связать трансформацию разнообразия в неравенство с ролью индивидов в возникновении рассматриваемых черт. Те из «неравенств», что не зависят от их решений, воспринимаются как разнообразия, в то время как обусловленные предпринятыми действиями самого индивида или других людей оцениваются как неравенства. Например, когда люди сопоставляются по росту или цвету глаз, говорят о разнообразии, а когда речь заходит о сравнении социальных статусов или размеров принадлежащего тем или иным субъектам имущества, то сравнение переходит к теме неравенства. Однако такой вывод сталкивается с несоответствиями. Так, уровень образования конкретного индивида зависит не только от того, добросовестно ли он выполнял учебные задания, но и от его врождённых когнитивных способностей, которые могут воздействовать также и на социальный статус. А различия в цвете кожи некоторыми индивидами воспринимаются как источник создания социальных ограничений, обеспечивающих неравенство доступа к различным социальным позициям. Поэтому «биологическое» объяснение того, почему некоторые разнообразия становятся (почти) общепризнанными неравенствами, нельзя признать удовлетворительным.

Широкое распространение получила трактовка неравенства как следствия нечестности или несправедливости, чему посвящён масштабный пласт литературы. Не пытаюсь дать сколько-нибудь полную её характеристику, остановлюсь только на тех работах, которые важны для решения задач данной статьи. Одной из исходных здесь выступает статья [Festinger, 1954], посвящённая анализу процесса социального сравнения, в которой фиксируется «автоматичность» или подсознательность этого осуществляемого мозгом процесса. В его рамках различные характеристики индивидов, воспринимаемые органами чувств, сопоставляются с самооценками собственных аналогичных характеристик и с ценностями индивида. Это означает, что любые взаимодействия между индивидами и их группами включают и социальные сравнения. Одновременно все эти взаимодействия, согласно [Homans, 1958], являются актами социального обмена, которые, как и любой обмен, также предполагает сравнение. Последнее при этом может демонстрировать разным сторонам обмена как его равенство, так и неравенство.

Неравенство в социальном обмене, как показано в [Adams, 1965], порождает относительную депривацию у той его стороны, оценка которого показывает, что в результате обмена он оказывается на более низкой позиции, чем та, с которой индивид себя соотносил. В то же время у другой стороны такое «снижение уровня» не происходит, напротив, он ощущает сравнительное удовлетворение (*relative gratification*). Такие социальные обмены характеризуются как нечестные или несправедливые, что и обуславливает известную трактовку неравенства как несправедливости, часто звучащую в суждениях публицистов и политиков.

Таким образом, обобщая приведённый подход, можно сказать, что разнообразие как нетождественность свойств двух и большего числа объектов одного типа воспринимается как неравенство субъектом А, если оно приносит ему те или иные негативные последствия. Если в его восприятии такие (реальные или воображаемые) негативные последствия отсутствуют (например, не осознаются или не понимаются), то разнообразие остаётся эмоционально нейтральным, не преобразуясь в негативное неравенство. Кратко говоря, (нематематическое) неравенство существует лишь в подсознании и/или сознании³ индивидов, в то время как вокруг них имеет место разнообразие объектов или их свойств⁴.

³ Фиксация «точки отсчёта», движение от которой вниз в рамках акта социального обмена воспринимается негативно, может появиться у индивида как неосознанно, в результате автоматической работы его мозга, так и сознательно, например, путём принятия определённой идеологии, следование которой ведёт к росту благополучия.

⁴ Например, если для некоторого товара имеет место большое число различных цен, но все они превышают бюджетные возможности некоторого индивида, вполне возможно, что его оценкой будет их несправедливость и вытекающее из неё представление о неравенстве; если цен будет по-прежнему много, но найдётся и продавец, предлагающий товар за доступную этому индивиду цену, то ситуация вряд ли будет оцениваться им как несправедливая и приводящая к неравенству; скорее он будет говорить о разнообразии цен.

Повсеместность социальных обменов и автоматичность социальных сравнений приводит к тому, что установка на неприятие неравенства (*inequity aversion*) вполне типична среди людей [Shaw, Choshen-Hillel, 2017].

Очерченное объяснение неравенства и его значения для принятия индивидами решений получило модельное подтверждение в ряде исследований, показавших значимость выбора партнёрами по кооперации, обеспечивающей выживание малых групп, тех, кто демонстрировал установки на равное, с учётом проявленных усилий, распределение результатов действий [Brosnan, de Waal, 2014; Debove, Baumard, André, 2017]. Схожее поведение демонстрируют и многие другие виды животных [Oberliessen, Kalenscher, 2019], хотя вполне возможно, что их отказ от принятия меньших, чем другие, долей распределяемых благ был вызван такими факторами, как разочарование или фрустрация, а не социальным сравнением [Ritov, Völter, Raihani, Engelmann, 2024].

Итак, причины трансформации ситуации из состояния разнообразия в состояние неравенства, избегание которого эволюционно присуще людям, являются составными, биосоциальными: на формирование «точек отсчёта» для последующих оценок справедливости обменов влияют как врождённые, так и приобретённые свойства индивидов, т.е. их способности, а также те возможности реализовать эти способности, которые дают формальные и неформальные институты, сложившиеся в тех сообществах, где живут индивиды с разными способностями. Эту зависимость можно выразить в виде следующей «формулы»:

(неравные) способности + (неравные) возможности → (неравное) благосостояние

По своему содержанию она не является чем-то новым, поскольку была выдвинута в теории равных возможностей ([Sen, 1980; Roemer, 1998; Fleurbaey, 2008] и др.), где, однако, врождённые и приобретённые способности индивида считались частью возможностей, которые тем самым получали сложную структуру. В неё включались внешние социальные (преимущественно институциональные) возможности, которые индивиду предоставлял социум, и внутренние персональные, с подразделением на те, которые индивид не мог изменить, и те, на которые он мог повлиять. Представляется, что переименование последних двух групп в более подходящее им (по крайней мере в русском языке) название «способности» устранил вероятность недопонимания и сложности. Кроме того, в теории равных возможностей был выделен важный фактор — масштаб усилий, которые предпринимал индивид для обеспечения своего благополучия. Очевидно, он имеет самостоятельное значение, хотя на него влияют как имеющиеся способности, так и предоставляемые возможности. В предложенной формуле он не выделен, поскольку её задача — не описать все значимые факторы, воздействующие на благосостояние индивидов, а разделить индивидуальные способности и социальные возможности.

В настоящее время для снижения уровня экономического неравенства необходимость обеспечения равенства возможностей общепризнана. Однако все ли возможности могут быть уравнены? Как показывают проведённые на сегодня исследования, среди социальных неравенств есть, по меньшей мере, один тип, устранение которого вряд ли возможно: речь идёт о *неравенстве социальных статусов*, которые влияют среди прочего также и на доступ к различным ресурсам [Berry, 1989; Cebula, Perchla-Włosik, 2023; Otero, Völker, Rözer, Mollenhorst, 2024]. Сами статусы, образующие иерархии в группах, стали возникать, как известно, ещё у животных, играя важную роль в эволюционном процессе [Gilbert, Price, Allan, 1995; Cheng, Tracy, Henrich, 2010]. Так же проблематичны изменения неформальных институтов, а изменения формальных институтов в случае их несоответствия неформальным может столкнуться с трудностями их функционирования. В целом, в том, что касается неформальных институтов, полезны были бы исследования, посвящённые анализу их вкладов в экономическое неравенство.

Обеспечение равенства способностей людей, очевидно невозможно. Но знаем ли мы, каков их вклад в наблюдаемые экономические неравенства, например, неравенство доходов, обсуждение которого наиболее широко представлено в литературе? Первый претендент на такое влияние — это когнитивные способности, измеряемые коэффициентом интеллекта (*intelligence quotient*, или IQ). Масштабные исследования связи этих способностей с различными экономическими показателями были представлены в книге [Lynn, Vanhanen, 2002], вызвавшей широкий и неоднозначный резонанс. Например, в [Ram, 2007] упомянутые коэффициенты были встроены в некоторые модели экономического роста, что продемонстрировало их связь с макроэкономическими показателями; в [Meisenberg, 2012] было подтверждено, что более высокий национальный IQ коррелирует с бóльшим ВВП на душу населения; исследование, представленное в [Jiao, Gao, Li, 2023], показало такую связь внутри экономики Китая и т.д. Вместе с тем, в статье [Moreale, Levendis, 2014] подход Линна и Ванханена был подвергнут критике, и авторы отметили, что им не удалось воспроизвести результаты, приведённые в упомянутой монографии, а в [Kourany, 2016] утверждалось, что публикация данных о различиях в среднем IQ между нациями и расами опасна, поскольку содержит информацию, которой могут воспользоваться расисты⁵.

Таким образом, влияние когнитивных способностей индивидов на экономические процессы в целом изучено и продолжает изучаться, хотя их связи с экономическим неравенством практически не затрагиваются. Так, в [Arocena, Sutz, 2010] было выявлено, что в странах глобального Юга, где средний IQ относительно невысок, население проявляет меньший спрос на приобретение знаний и инновационную деятельность, а согласно [Meisenberg, 2012], чем выше средний по стране IQ, тем меньше в ней неравенство в распределении доходов. Понятно, что этих результатов явно недостаточно, для того чтобы делать обоснованные выводы относительно вклада этих способностей в экономическое неравенство. Тем самым, вопрос о влиянии способностей на экономическое неравенство фактически не ставится, и для совершенствования выработки политики этот фактор остаётся изученным явно недостаточно.

Социальные последствия экономического неравенства: так ли страшен чёрт?

Отмеченные выше эволюционные корни убеждений людей в неприемлемости неравенства обеспечивают достаточно широкое их распространение. Это не может не вести к использованию данной тематики в различных политических идеологиях.

Многолетнее эмпирическое изучение влияния экономического неравенства на такие значимые стороны социально-экономического развития, как экономический рост, человеческое развитие и усиление социальной координации (*governance*) в государственном управлении, как отмечается в недавнем обзоре литературы по этой проблематике, не привело к каким-либо чётко определённым выводам: «существующие свидетельства имеют смешанный характер» [Ferreira, Gisselquist, Tarp, 2022. P. 1]⁶. Несмотря на это, авторы утверждают, что «неравенство является одной из главных международных проблем развития. Это объясняется как этическими соображениями, так и тем, что растущее неравенство воспринимается как фактор, негативно влияющий на ключевые социально-экономические и политические результаты» [Там же]. Иными словами, «доказательная база» выработки

⁵ Ответ на эти опасения представлен, например, в [Meisenberg, 2019].

⁶ Специальный анализ эмпирических исследований связи неравенства и экономического роста привёл к схожему выводу: «Эмпирические исследования, оценивающие влияние неравенства на экономический рост, дали широкий спектр результатов, что не позволяет сделать однозначные выводы о взаимосвязи между неравенством и ростом» [Baselgia, Foellmi, 2022. P. 1].

мер по снижению или даже устранению экономического неравенства сегодня находится скорее в области не научных фактов, а идеологических убеждений.

Одно из проявлений этого — сосуществование в научной литературе двух групп взглядов, как «за», так и «против» экономического неравенства, причём их основания в обеих группах разнородны. Среди сторонников борьбы с экономическим неравенством и усилением политики перераспределения, согласно [Petkanopoulou et al., 2025], присутствуют, как минимум, два мотива: преодоление (а) несправедливости распределения ресурсов в мире и (б) устранение угрозы их собственному благополучию. В странах бывшей социалистической экономики к ним добавляется, как, например, в Китае [Tian, Mao, Guo, Douglas, 2026], также и ностальгический мотив. При этом, если мотив устранения несправедливости восходит к эволюционно обусловленному избеганию неравенства, то устранение угрозы мотивирует к этому тех, кто воспринимает свой относительно невысокий статус как неустойчивый [Прусова, Горохова, 2025]. Противники политики борьбы с неравенством также руководствуются различными мотивами: во-первых, наивными экономическими убеждениями в том, что экономика — это игра с нулевой суммой, и увеличение доходов одних приведёт к снижению их собственных относительно высоких доходов, что выявлено в [Brown, Jacoby-Senhor, Raymundo, 2022]; во-вторых, убеждённостью в том, что если неравенство обусловлено следованием действующим нормам, то оно не может не быть оправданным и, следовательно, легитимным [Trump, 2020]; в-третьих, особенностями восприятия низких доходов как следствия индивидуальных действий людей, а не тех или иных социально-политических черт экономики [Chater, Connolly, Loewenstein, 2026].

Нетрудно заметить, что среди мотивов участников первой группы — сторонников политики снижения уровня неравенства доходов, выявленных в результате эмпирического анализа, практически не звучит тот, который достаточно часто упоминается отечественными исследователями, а именно — мотив предотвращения роста социальной напряжённости, к которому способно привести продолжающееся увеличение экономического неравенства. Замечу, что это основание политики снижения неравенства достаточно редко упоминается и зарубежными исследователями.

В чём может заключаться причина такого расхождения? Думается, что таковой может служить слабое распространение, в том числе и среди экономистов, теории оправдания системы (system justification theory), разработанной психологами ещё в начале 1990-х гг. [Jost, Banaji, 1994] и получившей эмпирическое подтверждение и широкое признание: на начало марта 2026 г. она цитировалась больше 5,6 тыс. раз. Что утверждает эта теория? В современных странах, где государства выступают самыми масштабными работодателями и поставщиками различных форм социальной поддержки граждан и предоставления им различных публичных услуг, снижение уровня достатка одних и рост доходов других не вызывает у первых стимулов как-то выступить против государств. Ведь такие протесты, полагают пользователи тех или иных государственных выплат, способны уменьшить господдержку, которая при отсутствии беспорядков может, напротив, возрасти — как поощрение за отсутствие противостояния. Тем самым, протестовать против социальной политики государства — значит, подрывать надежду на её улучшение.

Поэтому, если ещё в конце 1980-х гг. большинство исследователей конфликтов, как отмечено в [Lichbach, 1989], полагали, что высокий уровень экономического неравенства — важный источник социальной напряжённости, то после возрастания роли государства в социальной поддержке и превращения его в основного филантропа, экономическое неравенство фактически перестало быть фактором социальных антиправительственных выступлений. Разумеется, оно сохраняет свой потенциал там, где роль государства в социальном обеспечении и поддержке малоимущих невелика, однако в современных странах её значение практически неощутимо: потребители государственных выплат оправдывают и поддерживают систему, которая, в свою очередь, поддерживает и их.

По состоянию на 9 марта 2026 г. выражение «system justification theory» цитировалось в отечественных статьях (т.е. в формате pdf) 59 раз. Правда, работа отечественных авторов, описывающая содержание этой теории и опубликованная почти через 40 лет после её появления [Агадуллина, Иванов, Сариева, Прусова, 2021], цитировалась уже почти семьсот раз, так что знакомство исследователей тематики экономического неравенства с теорией оправдания системы ощутимо расширяется.

Выводы

Проведённый анализ двух аспектов состояния изучения динамики экономического неравенства показал следующее. В составе эмпирических данных, которые могут использоваться при разработке направлений и мер социальной политики, направленной на снижение неравенства, недостаточно развито изучение воздействия на него такого фактора, как разнообразие способностей людей. Это касается как тех способностей, которые генетически предопределены, так и тех, на уровень развития которых влияют сами индивиды. В анализе динамики экономического неравенства роль, которую играют правовые и иные институциональные возможности, создаваемые обществом и государством для проявления этих способностей, изучена достаточно хорошо, и это используется при выработке действенных мер социальной политики. Однако их взаимодействие со способностями людей, а также специфика этих взаимодействий, влияющих на формирование экономических последствий принимаемых решений, также остаётся далеко не ясной. Также нет достаточной ясности и в вопросах соотношения структуры способностей людей, в том числе когнитивных, и структуры рабочих мест в экономике. Наблюдаемый в последние годы рост применения моделей искусственного интеллекта способен, конечно, снизить важность их соответствия, однако сама неясность от этого не исчезает. Поскольку экономические последствия экономического неравенства продолжают оставаться неясными, а социальные последствия переходят в чисто моральную сферу, где многие тысячелетия сосуществуют несопадающие позиции, концепция существования некоторого экономически оптимального уровня неравенства явно требует дополнительного обсуждения.

В целом всё это означает, что в исследованиях экономического неравенства поставлены не все вопросы, ответы на которые позволили бы далее улучшать государственную политику как социальную, так и экономическую в сфере распределения доходов.

ЛИТЕРАТУРА

- Агадуллина Е.Р., Иванов А.А., Сариева И.Р., Прусова И.С. (2021). Теория оправдания системы: новый взгляд на проблему неравенства // *Современная зарубежная психология*. Т. 10. № 1. С. 132–141. DOI: 10.17759/jmfr.2021100113.
- Варшавский А.Е. (2019). Чрезмерное неравенство доходов — проблемы и угрозы для России // *Социологические исследования*. № 8. С. 52–61.
- Казанцев С.В. (2016). Опасность социально-экономического неравенства // *Мир новой экономики*. № 4. С. 51–61.
- Прусова И.С., Горохова А.С. (2025). Поддержка политики равного и неравного распределения доходов: роль воспринимаемых угроз // *Социальная психология и общество*. Т. 16. № 1. С. 70–88. DOI: 10.17759/sps.2025160104.
- Рендак А. В. (2018). Специфика внутренних угроз экономической безопасности современной России // *Гуманитарий Юга России*. Т. 7. № 1. С. 136–149.
- Тамбовцев В. Л. (2025). Политические идеи и научный анализ // *Управление наукой: теория и практика*. Т. 7. № 3. С. 203–215. DOI: 10.19181/smtpr.2025.7.3.15.
- Телин К.О. (2019). Дивергенция в головах: почему чёрт неравенства действительно страшен // *Вопросы экономики*. № 4. С. 107–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-4-107-123.
- Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А. (2013). Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // *НВ: Национальная безопасность*. № 2. С. 182–202.

- Adams J.S. (1965). Inequity in social exchange // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 2. / Berkowitz L. (ed.). — New York: Academic Press. Pp. 267–299.
- Arocena R., Sutz J. (2010). Weak knowledge demand in the South: learning divides and innovation policies // *Science and Public Policy*. Vol. 37. Is. 8. Pp. 571–582.
- Arthur W.B. (2021). Foundations of complexity economics // *Nature Reviews Physics*. Vol. 3. Is. 2. Pp. 136–145. DOI: 10.1038/s42254-020-00273-3.
- Baselgia E., Foellmi R. (2022). Inequality and growth: a review on a great open debate in economics // *United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER)*. Helsinki. WIDER Working Paper No. 2022/5. DOI:10.35188/UNU-WIDER/2022/136-5.
- Berry S. (1989). Social Institutions and Access to Resources // *Africa: Journal of the International African Institute*. Vol. 59. No. 1. Pp. 41–55.
- Brosnan S.F., de Waal F. B. M. (2014). Evolution of responses to (un)fairness // *Science*. Vol. 346. No. 6207. Art. 1251776. DOI: 10.1126/science.1251776.
- Brown N.D., Jacoby-Senghor D.S., Raymundo I. (2022). If you rise, I fall: Equality is prevented by the misperception that it harms advantaged groups // *Science Advances*. Vol. 8. Is. 18. Art. eabm2385. DOI: 10.1126/sciadv.abm2385.
- Cebula M., Perchla-Włosik A. (2023). Inequality in Access to Social Capital // *Polish Sociological Review*. No. 224. Pp. 419–440.
- Chater N., Connolly D.J., Loewenstein G. (2026). The political psychology of economic inequality // *Psychological Science in the Public Interest*. (In Press).
- Cheng J.T., Tracy J.L., Henrich J. (2010). Pride, personality, and the evolutionary foundations of human social status // *Evolution and Human Behavior*. Vol. 31. Pp. 334–347.
- Debove S., Baumard N., André J.-B. (2017). On the evolutionary origins of equity // *PLoS ONE*. Vol. 12. Is. 3. Art. e0173636. DOI: 10.1371/journal.pone.0173636.
- Dobzhansky T. (1959). Variation and Evolution // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 103. No. 2. Pp. 252–263.
- Du K., O'Connor A. (2021). Examining economic complexity as a holistic innovation system effect // *Small Business Economics*. Vol. 56. No. 1. Pp. 237–257.
- Elmqvist T., Folke C., Nyström M., Peterson G., Bengtsson J., Walker B. and Norberg J. (2003). Response Diversity, Ecosystem Change, and Resilience // *Frontiers in Ecology and the Environment*. Vol. 1. No. 9. Pp. 488–494.
- Engler S., Weisstanner D. (2021). The threat of social decline: income inequality and radical right support // *Journal of European Public Policy*. Vol. 28. Is. 2. Pp. 153–173. DOI: 10.1080/13501763.2020.1733636.
- Ferreira I.A., Gisselquist R.M., Tarp F. (2022). On the Impact of Inequality on Growth, Human Development, and Governance // *International Studies Review*. Vol. 24. Is. 1. Art. viab058. DOI: 10.1093/isr/viab058.
- Festinger L. (1954). A Theory of Social Comparison Processes // *Human Relations*. Vol. 7. No. 2. Pp. 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
- Filipava L. (2026). Nexus of Global Challenges and Economic Disparities: Addressing Inequality in the Context of Sustainable Development Goals // *Global Nexus Handbook*. / S. Eslamian, F. Eslamian (Eds.). — Hoboken, NJ: Wiley. Pp. 3–18. DOI: 10.1002/9781394248087.ch1.
- Flaherty T.M., Rogowski R. (2021). Rising Inequality As a Threat to the Liberal International Order // *International Organization*. Vol. 75. No. 2. Pp. 495–523.
- Fleurbaey M. (2008). *Fairness, Responsibility, and Welfare*. — Oxford: Oxford University Press.
- Gilbert P., Price J., Allan S. (1995). Social comparison, social attractiveness and evolution: How might they be related? // *New Ideas in Psychology*. Vol. 13. Is. 2 Pp. 149–165. DOI: 10.1016/0732-118X(95)00002-X.
- Homans G.C. (1958). Social Behavior as Exchange // *American Journal of Sociology*. Vol. 63. No. 6. Pp. 597–606.
- Jiao C., Gao S., Li D. (2023). The Impact of Education Quality and Cognitive Ability on Economic Growth Under the Context of China // *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*. Vol. 12. Is. 3. Pp. 25642580. DOI:10.6007/IJARPED/v12-i3/19426.
- Jost J.T., Banaji M.R. (1994). The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 33. No. 1. Pp. 1–27.
- Kourany J. (2016). Should some knowledge be forbidden? The case of cognitive differences research // *Philosophy of Science*. Vol. 83. No. 5. Pp.779–790.
- Levy D.J., Glimcher P.W. (2012). The root of all value: a neural common currency for choice // *Current Opinion in Neurobiology*. Vol. 22. Pp. 1027–1038. DOI: 10.1016/j.conb.2012.06.001.
- Lichbach M.I. (1989). An Evaluation of «Does Economic Inequality Breed Political Conflict?» Studies // *World Politics*. Vol. 41. No. 4. Pp. 431–70.
- Lipietz A., Pliś E. (2022). Diversity and mechanisms of economic evolution // *Journal of Evolutionary Economics*. Vol. 32. Pp. 1265–1286.
- Loreau M., Naeem S., Inchausti P., Bengtsson J., Grime J. P., Hector A., Hooper D.U., Huston M. A., Raffaelli D., Schmid B., Tilman D. and Wardle D. A. (2001). Biodiversity and Ecosystem Functioning: Current Knowledge and Future Challenges // *Science*. Vol. 294. No. 5543. Pp. 804–808.

- Lumsden C.J., Wilson E.O. (1985). The relation between biological and cultural evolution // *Journal of Social and Biological Structures*. Vol. 8. Is. 4. Pp. 343–359.
- Lynn R., Vanhanen T. (2002). *IQ and the Wealth of Nations Human Evolution, Behavior, and Intelligence*. — Westport: Greenwood.
- Meisenberg G. (2012). National IQ and economic outcomes // *Personality and Individual Differences*. Vol. 53. Is. 2. Pp. 103–107.
- Meisenberg G. (2019). Should Cognitive Differences Research Be Forbidden? // *Psych*. Vol. 1. No. 1. Pp. 306–319. DOI: 10.3390/psych1010021.
- Mesoudi A., Whiten A. (2008). The multiple roles of cultural transmission experiments in understanding human cultural evolution // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 363. No. 1509. Pp. 3489–3501. DOI:10.1098/rstb.2008.0129.
- Moll J., De Oliveira-Souza R., Zahn R. (2008). The neural basis of moral cognition: sentiments, concepts, and values // *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 1124. No. 1. Pp. 161–180.
- Moreale J., Levendis J. (2014). IQ and Economic Development: A Critique of Lynn and Vanhanen // *Forum for Social Economics*. Vol. 43. Is. 1. Pp. 40–56.
- Norton M. I. (2014). Unequality: Who gets what and why it matters // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 1. No. 1. Pp. 151–155. DOI: 10.1177/2372732214550167.
- Oberliessen L., Kalenscher T. (2019). Social and Non-social Mechanisms of Inequity Aversion in Non-human Animals // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. Vol. 13. Art. 133. DOI: 10.3389/fnbeh.2019.00133.
- Otero G., Völker B., Rözer J., Mollenhorst G. (2024). Differences in access to social capital across societies // *European Sociological Review*. Vol. 40. Is. 3. Pp. 493–510. DOI: 10.1093/esr/jcad035.
- Petkanopoulou K., Griva A.-M., García-Sánchez E., Vlastou-Dimopoulou F., Daoultzis K.-C., Willis G.B., Rodríguez-Bailón R. (2025). Why do people object to economic inequality? The role of distributive justice and social harmony concerns as predictors of support for redistribution and collective action // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 64. Is. 2. Art. e12877.
- Ram R. (2007). IQ and economic growth: Further augmentation of Mankiw-Romer-Weil model // *Economics Letters*. Vol. 94. No.1. Pp. 7–11. DOI: 10.1016/j.econlet.2006.05.005.
- Rewizorski M. (2017). Inequality: Dormant threat to stability in the BRICS // *Athenaeum: Polish Political Science Studies*. Vol. 56. Pp. 136–154. DOI: 10.15804/athena.2017.56.08.
- Ritov O., Völter C.J., Raihani N.J., Engelmann J.M. (2024). No evidence for inequity aversion in non-human animals: a meta-analysis of accept/reject paradigms // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 291. No. 2035. Art. 20241452. DOI: 10.1098/rspb.2024.1452.
- Roemer J. (1998). *Equality of Opportunity*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Salazar-Ciudad I. (2010). A two-level mutation-selection model of cultural evolution and diversity // *Journal of Theoretical Biology*. Vol. 267. Is. 2. Pp. 171–185. DOI: 10.1016/j.jtbi.2010.08.021.
- Santos F.C., Pinheiro F.L., Lenaertsc T., Pacheco J.M. (2012). The role of diversity in the evolution of cooperation // *Journal of Theoretical Biology*. Vol. 299. Pp. 88–96.
- Sen A. (1980). Equality of what? // *The Tanner Lectures on Human Values* / S. McMurrin (Ed.). — Salt Lake City: University of Utah Press. Pp. 195–220.
- Shaw A., Choshen-Hillel S. (2017). It's not fair: Folk intuitions about disadvantageous and advantageous inequity aversion // *Judgment and Decision Making*. Vol. 12. Is. 3. Pp. 208–223. DOI: 10.1017/S1930297500005830.
- Stiglitz J.E. (2015). The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our Future // *Sustainable Humanity, Sustainable Nature: Our Responsibility*. / P.S. Dasgupta, V. Ramanathan, M.S. Sorondo (Eds.). — Vatican City: Pontifical Academy of Sciences. Pp. 379–399.
- Tian C.Y., Mao J.Y., Guo Y.Y., Douglas K.M. (2026). How economic inequality fuels collective nostalgia: the mediating role of conspiracy beliefs // *Journal of Pacific Rim Psychology*. Vol. 20. Art. 18344909261419530.
- Trump K.-S. (2020). When and why is economic inequality seen as fair // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 34. Pp. 46–51.
- Wike R., Fagan M., Huang C., Clancy L., Lippert J. (2025). *Economic Inequality Seen as Major Challenge Around the World*. — Washington, D.C.: Pew Research Center.
- Zahn R., Moll J., Paiva M., Garrido G., Krueger F., Huey E. D., Grafman J. (2009). The Neural Basis of Human Social Values: Evidence from Functional MRI // *Cerebral Cortex*. Vol. 19. No. 2. Pp. 276–283.

REFERENCES

- Adams J.S. (1965). Inequity in social exchange // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 2 / L. Berkowitz. (Ed.). — New York: Academic Press. Pp. 267–299.
- Agadullina E.R., Ivanov A.A., Sarieva I.R., Prusova I.S. (2021). System justification theory: a new perspective on the problem of inequality // *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 10. No. 1. Pp. 132–141. DOI: 10.17759/jmfp.2021100113. (In Russ.).
- Arocena R., Sutz J. (2010). Weak knowledge demand in the South: learning divides and innovation policies // *Science and Public Policy*. Vol. 37. Is. 8. Pp. 571–582.

- Arthur W.B. (2021). Foundations of complexity economics // *Nature Reviews Physics*. Vol. 3. Is. 2. Pp. 136–145. DOI: 10.1038/s42254-020-00273-3.
- Baselgia E., Foellmi R. (2022). Inequality and growth: a review on a great open debate in economics // *United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER)*. Helsinki. WIDER Working Paper No. 2022/5. DOI: 10.35188/UNU-WIDER/2022/136-5.
- Berry S. (1989). Social Institutions and Access to Resources // *Africa: Journal of the International African Institute*. Vol. 59. No. 1. Pp. 41–55.
- Brosnan S.F., de Waal F. B. M. (2014). Evolution of responses to (un)fairness // *Science*. Vol. 346, No. 6207. Art. 1251776. DOI: 10.1126/science.1251776
- Brown N.D., Jacoby-Senghor D.S., Raymundo I. (2022). If you rise, I fall: Equality is prevented by the misperception that it harms advantaged groups // *Science Advances*. Vol. 8. Is. 18. Art. eabm2385. DOI: 10.1126/sciadv.abm2385.
- Cebula M., Perchla-Włosik A. (2023). Inequality in Access to Social Capital // *Polish Sociological Review*. No. 224. Pp. 419–440.
- Chater N., Connolly D.J., Loewenstein G. (2026). The political psychology of economic inequality // *Psychological Science in the Public Interest*. (In Press).
- Cheng J.T., Tracy J.L., Henrich J. (2010). Pride, personality, and the evolutionary foundations of human social status // *Evolution and Human Behavior*. Vol. 31. Pp. 334–347.
- Debove S., Baumard N., André J.-B. (2017). On the evolutionary origins of equity // *PLoS ONE*. Vol. 12. Is. 3. Art. e0173636. DOI: 10.1371/journal.pone.0173636.
- Dobzhansky T. (1959). Variation and Evolution // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 103. No. 2. Pp. 252–263.
- Du K., O'Connor A. (2021). Examining economic complexity as a holistic innovation system effect // *Small Business Economics*. Vol. 56. No. 1. Pp. 237–257.
- Elmqvist T., Folke C., Nyström M., Peterson G., Bengtsson J., Walker B. and Norberg J. (2003). Response Diversity, Ecosystem Change, and Resilience // *Frontiers in Ecology and the Environment*. Vol. 1. No. 9. Pp. 488–494.
- Engler S., Weisstanner D. (2021). The threat of social decline: income inequality and radical right support // *Journal of European Public Policy*. Vol. 28. Is. 2. Pp. 153–173. DOI: 10.1080/13501763.2020.1733636.
- Ferreira I.A., Gisselquist R.M., Tarp F. (2022). On the Impact of Inequality on Growth, Human Development, and Governance // *International Studies Review*. Vol. 24. Is. 1. Art. viab058. DOI: 10.1093/isr/viab058.
- Festinger L. (1954). A Theory of Social Comparison Processes // *Human Relations*. Vol. 7. No. 2. Pp. 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
- Filipava L. (2026). Nexus of Global Challenges and Economic Disparities: Addressing Inequality in the Context of Sustainable Development Goals // *Global Nexus Handbook* / S. Eslamian, F.Eslamian (Eds.) — Hoboken, NJ: Wiley. Pp. 3–18. DOI: 10.1002/9781394248087.ch1.
- Flaherty T.M. and Rogowski R. (2021). Rising Inequality As a Threat to the Liberal International Order // *International Organization*. Vol. 75. No. 2. Pp. 495–523.
- Fleurbaey M. (2008). *Fairness, Responsibility, and Welfare*. — Oxford: Oxford University Press.
- Gilbert P., Price J., Allan S. (1995). Social comparison, social attractiveness and evolution: How might they be related? // *New Ideas in Psychology*. Vol. 13. Is. 2 Pp. 149–165. DOI: 10.1016/0732-118X(95)00002-X.
- Homans G.C. (1958). Social Behavior as Exchange // *American Journal of Sociology*. Vol. 63. No. 6. Pp. 597–606.
- Jiao C., Gao S., Li D. (2023). The Impact of Education Quality and Cognitive Ability on Economic Growth Under the Context of China // *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*. Vol. 12. Is. 3. Pp. 2564–2580. DOI: 10.6007/IJARPED/v12-i3/19426.
- Jost J.T., Banaji M.R. (1994). The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 33. No. 1. Pp. 1–27.
- Kazantsev S.V. (2016). The Danger of Social-Economic Inequality // *The world of new economy*. Is. 4. Pp. 51–61 (In Russ.).
- Kourany J. (2016). Should some knowledge be forbidden? The case of cognitive differences research // *Philosophy of Science*. Vol. 83. No. 5. Pp.779–790.
- Levy D.J., Glimcher P.W. (2012). The root of all value: a neural common currency for choice // *Current Opinion in Neurobiology*. Vol. 22. Pp. 1027–1038. DOI: 10.1016/j.conb.2012.06.001.
- Lichbach M.I. (1989). An Evaluation of 'Does Economic Inequality Breed Political Conflict?' Studies // *World Politics*. Vol. 41. No. 4. Pp. 431–70.
- Lipieta A., Pliś E. (2022). Diversity and mechanisms of economic evolution // *Journal of Evolutionary Economics*. Vol. 32. Pp. 1265–1286.
- Loreau M., Naeem S., Inchausti P., Bengtsson J., Grime J. P., Hector A., Hooper D.U., Huston M A., Raffaelli D., Schmid B., Tilman D. and Wardle D. A. (2001). Biodiversity and Ecosystem Functioning: Current Knowledge and Future Challenges // *Science*. Vol. 294. No. 5543. Pp. 804–808.
- Lumsden C.J., Wilson E.O. (1985). The relation between biological and cultural evolution // *Journal of Social and Biological Structures*. Vol. 8. Is. 4. Pp. 343–359.
- Lynn R., Vanhanen T. (2002). *IQ and the Wealth of Nations Human Evolution, Behavior, and Intelligence*. — Westport: Greenwood.

- Meisenberg G. (2012). National IQ and economic outcomes // *Personality and Individual Differences*. Vol. 53. Is. 2. Pp. 103–107.
- Meisenberg G. (2019). Should Cognitive Differences Research Be Forbidden? // *Psych*. Vol. 1. No. 1. Pp. 306–319. DOI: 10.3390/psych1010021.
- Mesoudi A., Whiten A. (2008). The multiple roles of cultural transmission experiments in understanding human cultural evolution // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 363. No. 1509. Pp. 3489–3501. DOI: 10.1098/rstb.2008.0129.
- Moll J., De Oliveira-Souza R., Zahn R. (2008). The neural basis of moral cognition: sentiments, concepts, and values // *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 1124. No. 1. Pp. 161–180.
- Moreale J., Levendis J. (2014). IQ and Economic Development: A Critique of Lynn and Vanhanen // *Forum for Social Economics*. Vol. 43. Is. 1. Pp. 40–56.
- Norton M.I. (2014). Unequality: Who gets what and why it matters // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 1. No. 1. Pp. 151–155. DOI: 10.1177/2372732214550167.
- Oberliessen L., Kalenscher T. (2019). Social and Non-social Mechanisms of Inequity Aversion in Non-human Animals // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. Vol. 13. Art. 133. DOI: 10.3389/fnbeh.2019.00133.
- Otero G., Völker B., Rözer J., Mollenhorst G. (2024). Differences in access to social capital across societies // *European Sociological Review*. Vol. 40. Is. 3. Pp. 493–510. DOI: 10.1093/esr/jcad035.
- Petkanopoulou K., Griva A.-M., García-Sánchez E., Vlastou-Dimopoulou F., Daoultzis K.-C., Willis G.B., Rodríguez-Bailón R. (2025). Why do people object to economic inequality? The role of distributive justice and social harmony concerns as predictors of support for redistribution and collective action // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 64. Is. 2. Art. e12877.
- Prusova I.S., Gorokhova A.S. (2025). Support of Equal and Unequal Income Distribution: the Role of Perceived Threats // *Social Psychology and Society*. Vol. 16. No. 1. Pp. 70–88. DOI: 10.17759/sps.2025160104. (In Russ.).
- Ram R. (2007). IQ and economic growth: Further augmentation of Mankiw-Romer-Weil model // *Economics Letters*. Vol. 94. No.1. Pp. 7–11. DOI: 10.1016/j.econlet.2006.05.005.
- Rendak A.V. (2018). The Specificity of Internal Threats of Economic Safety of Russia // *Gumanitarniy Yuga Rossii*. Vol. 7. No. 1. Pp. 136–149. (In Russ.).
- Rewizorski M. (2017). Inequality: Dormant threat to stability in the BRICS // *Athenaeum: Polish Political Science Studies*. Vol. 56. Pp. 136–154. DOI: 10.15804/athena.2017.56.08.
- Ritov O., Völter C.J., Raihani N.J., Engelmann J.M. (2024). No evidence for inequity aversion in non-human animals: a meta-analysis of accept/reject paradigms // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 291. No. 2035. Art. 20241452. DOI: 10.1098/rspb.2024.1452.
- Roemer J. (1998). *Equality of Opportunity*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Salazar-Ciudad I. (2010). A two level mutation-selection model of cultural evolution and diversity // *Journal of Theoretical Biology*. Vol. 267. Is. 2. Pp. 171–185. DOI: 10.1016/j.jtbi.2010.08.021.
- Santos F.C., Pinheiro F.L., Lenaertsc T., Pacheco J.M. (2012). The role of diversity in the evolution of cooperation // *Journal of Theoretical Biology*. Vol. 299. Pp. 88–96.
- Sen A. (1980). Equality of what? // *The Tanner Lectures on Human Values* / S.McMurrin. (Ed.). — Salt Lake City: University of Utah Press. Pp. 195–220.
- Shaw A., Choshen-Hillel S. (2017). It's not fair: Folk intuitions about disadvantageous and advantageous inequity aversion // *Judgment and Decision Making*. Vol. 12. Is. 3. Pp. 208–223. DOI: 10.1017/S1930297500005830.
- Stiglitz J.E. (2015). The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our Future // *Sustainable Humanity, Sustainable Nature: Our Responsibility* / P.S. Dasgupta, V. Ramanathan, M.S. Sorondo (Eds.) — Vatican City: Pontifical Academy of Sciences. Pp. 379–399.
- Tambovtsev V L. (2025). Political ideas and scientific analysis // *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 7. No. 3. Pp. 203–215. DOI 10.19181/smt.2025.7.3.15 (In Russ.).
- Telin K.O. (2019). Divergence in mind: Why inequality devil is as black as he is painted // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 107–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-4-107-123 (In Russ.).
- Tian C.Y., Mao J.Y., Guo Y.Y., Douglas K.M. (2026). How economic inequality fuels collective nostalgia: the mediating role of conspiracy beliefs // *Journal of Pacific Rim Psychology*. Vol. 20. Art. 18344909261419530.
- Trump K.-S. (2020). When and why is economic inequality seen as fair // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. Vol. 34. Pp. 46–51.
- Varshavsky A.E. (2019). Excessive Income Inequality — Problems and Threats for Russia // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No 8. P. 52–61. (In Russ.).
- Wike R., Fagan M., Huang C., Clancy L., Lippert J. (2025). *Economic Inequality Seen as Major Challenge Around the World*. — Washington, D.C.: Pew Research Center.
- Yurevitch A.V., Zhuravlyov A.L., Yurevitch M.A. (2013). Excessive inequality of incomes as jeopardy to national security of Russia [e-resource] // *Natsionalnaya bezopasnost'*. No. 2. Pp. 182–202. (In Russ.).
- Zahn R., Moll J., Paiva M., Garrido G., Krueger F., Huey E. D., Grafman J. (2009) The Neural Basis of Human Social Values: Evidence from Functional MRI // *Cerebral Cortex*. Vol. 19. No. 2. Pp. 276–283.

Тамбовцев Виталий Леонидович

ORCID: 0000-0002-0667-3391

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of Sciences (Economics), professor, Chief Researcher, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-0667-3391

tambovtsev@econ.msu.ru

OVERCOMING ECONOMIC INEQUALITY: HAVE ALL THE QUESTIONS BEEN ASKED?

Abstract. The growth of economic inequality has recently been occurring in many countries, which has attracted the interest of many researchers, but some aspects of this process remain insufficiently studied. This article examines the reasons why economic inequality is considered a problem, even though no convincing evidence of negative economic or social consequences has been found. It is concluded that the problem of economic inequality is largely artificial, based on connections that existed in the past, but are practically absent at present. The research questions that have not yet been sufficiently studied are substantiated, which makes it difficult to increase the effectiveness of the social and economic policy measures applied.

Keywords: *economic inequality, abilities, opportunities, system justification theory.*

JEL: D31, D63, Z13.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Е.Е. Шестакова

*к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ У ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ ИЛИ ЭТО ТУПИКОВЫЙ ПУТЬ?

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к определению роли добровольного медицинского страхования в системе финансирования здравоохранения в условиях усиления государственного влияния на общий уровень социальных расходов и ограничения возможностей для манёвров. Практика различных групп стран демонстрирует широкую гамму взглядов на данную проблему: от фактического отказа от поддержки добровольного медицинского страхования до признания его важным источником средств наряду с бюджетным и социальным страховым финансированием и полезным инструментом для достижения широкого комплекса социально-экономических задач. Наибольшую заинтересованность в развитии данного механизма финансирования медицинских услуг проявляют государства со средним уровнем развития. Особое внимание в статье уделено исследованию дискуссионных вопросов соотношения добровольного медицинского страхования с различными схемами соплатежей населения за медицинские услуги.

Ключевые слова: медицинское страхование, бюджетное финансирование, соплатежи, выплаты «из кармана», моральный риск, негативный отбор.

JEL: I13

УДК: 614.2

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_99_113

© Е.Е. Шестакова, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шестакова Е.Е. Есть ли перспективы у добровольного медицинского страхования или это путь в тупик? // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 99–113. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_99_113.

FOR CITATION: *Shestakova E.* Is Voluntary Health Insurance a Promising Development or a Dead End? // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* 2026. No. 2. Pp. 99–113. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_99_113.

Пандемия COVID-19 во многом продемонстрировала существенные недостатки организации и финансирования здравоохранения во многих странах, особенно со средним и ниже среднего уровнями развития. После экстренного краткосрочного увеличения государственных расходов на медицину, начались обратные процессы [*Fiscal...*, 2024]. Современные тенденции социально-экономического развития во многих регионах мира (рост инфляции, увеличение государственного долга, повышение нестабильности и непредсказуемости социально-экономического развития) ограничивают возможности для существенного роста государственных расходов. Наиболее остро стоит проблема поиска источников финансирования здравоохранения и возможности развития добровольного страхования в государствах с высоким уровнем финансирования текущих расходов за счёт выплат «из кармана» населения.

Теоретические основы и особенности добровольного медицинского страхования

Добровольное медицинское страхование предполагает страховые схемы, финансируемые (полностью или частично) за счёт частных страховых премий, главным образом на основе контракта между страховщиком и страхователем (работодателями или индивидами). Премии в данном случае не связаны с доходами, поэтому добровольным страхованием пользуются либо отдельные группы населения, либо его значительная часть, но при условии субсидирования всех или части выплат государством. Данный сегмент страхового рынка традиционно включает самостоятельное страхование работодателями своих работников и специальные схемы для госслужащих, где государство выступает в роли работодателя, выплачивающего часть полной премии на частное медицинское страхование своих наёмных работников. Добровольное медицинское страхование не обязательно в полном объёме совпадает с понятием частного медицинского страхования, последнее может быть обязательным, если это определено законом, и тогда может рассматриваться как часть обязательного государственного медицинского страхования.

В качестве особых схем частного финансирования медицинских услуг, которые западными экспертами не включаются в систему добровольного медицинского страхования, фигурируют медицинские накопительные счета или аналогичные схемы, которые не предполагают формирование общих фондов средств и разделение риска между участниками, а также программы работодателей, обеспечивающие прямую медицинскую помощь или возмещение ими определённых, связанных со здоровьем, расходов своих работников [OECD Health Statistics, 2024]. Хотя эти направления также могут существенно сокращать нагрузку на государственные бюджеты.

За редким исключением в большинстве стран с разным уровнем социально-экономического развития добровольное медицинское страхование играет весьма ограниченную роль. В высокоразвитых государствах финансирование здравоохранения главным образом осуществляется за счёт собираемых общих налогов и социального страхования. Доля расходов на добровольное медицинское страхование в среднем составляет около 5% от текущих расходов на здравоохранение, хотя есть и некоторые исключения, например США. Реализация курса на ограничение темпов роста общественных расходов на медицину осуществляется за счёт других инструментов привлечения средств пациентов, прежде всего разнообразных форм соплатежей.

Признание роли добровольного частного страхования как источника средств для финансирования здравоохранения и полезного инструмента для достижения широкого комплекса социально-экономических и политических целей, несмотря на традиционные для данной системы рыночные недостатки (провалы), включая негативный отбор и неравный доступ, можно отметить в группе среднеразвитых государств (рис. 1). В КНР доля частного страхования в текущих расходах равна 10%, в Таиланде — 19, в Малайзии — 11%. Ключевой фактор, с которым связано развитие в данной группе стран добровольного медицинского страхования, — увеличение среднего класса и рост доли лиц, способных вносить страховые премии и получать более качественные и комплексные медицинские услуги. Основная часть начальной экспансии добровольного медицинского страхования связана с недофинансированием государственного сектора, ростом частного здравоохранения и относительно мягкими условиями его регулирования. В ключевых государствах Латинской Америки доля добровольного медицинского страхования колеблется от 31% текущих расходов в Бразилии и 13% в Аргентине до 5% в Мексике, при очень высокой доле, в последнем случае, платежей «из кармана» за медицинские услуги.

Среди потенциальных преимуществ добровольного медицинского страхования можно выделить возможность удовлетворения спроса (выше уровня самофинансирования)

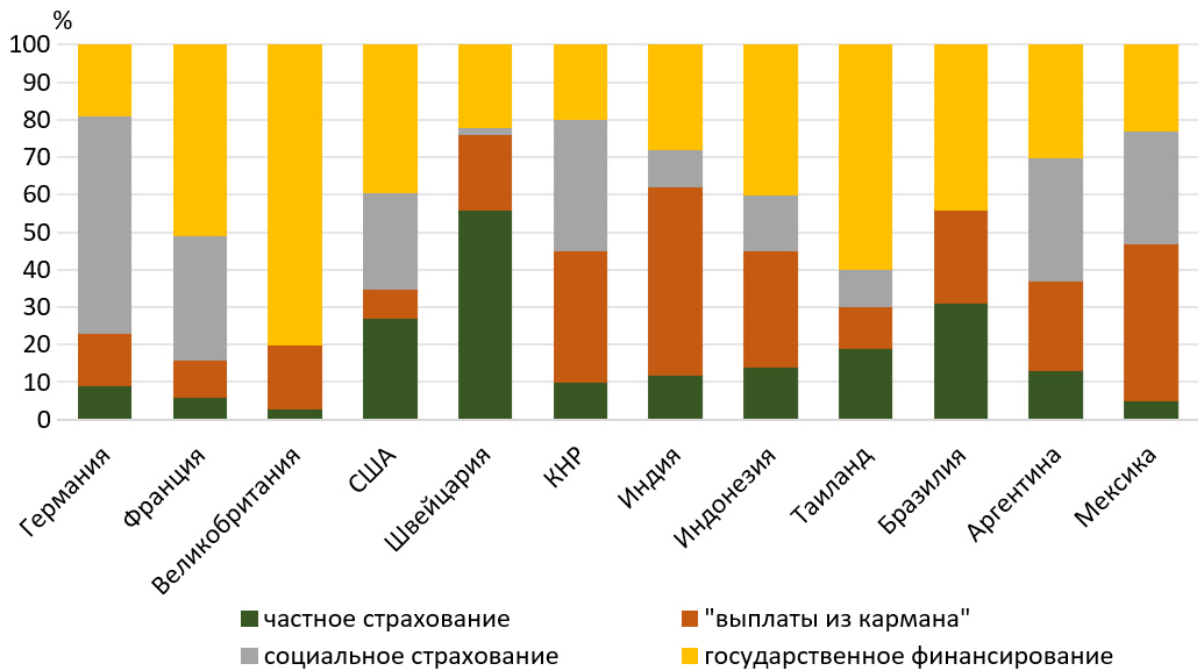

Рис.1. Доля различных источников финансирования здравоохранения, %

Источник: составлено автором на основе OECD (2025). Health at a Glance 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/health-at-a-glance-2025_8f9e3f98-en.html (accessed date: 09.03.2026)

для определённых категорий населения. Одновременно это должно способствовать: перенаправлению общественных средств на медицинское обслуживание бедных и больных, не имеющих доступа к частному медицинскому страхованию; увеличению выбора потребителей; мобилизации дополнительных ресурсов для развития соответствующей инфраструктуры, которая теоретически может использоваться разными группами населения; стимулированию инноваций в сфере здравоохранения, действующих как катализатор для реформ и в государственном секторе для повышения его доходности и гибкости.

Эти потенциальные преимущества могут и не реализоваться. Тут многое зависит от дизайна системы частного страхования, способов её регулирования и взаимодействия с государственным сектором. Так, при наличии конкуренции на рынке медицинских услуг потребители должны иметь возможность сравнивать пакеты услуг разных планов. Если стандартный минимальный пакет не регулируется, то потенциальная позитивная роль конкуренции, основанной на потребительском выборе, в значительной степени нивелируется. В условиях, как правило, недостаточной осведомлённости застрахованных в отношении медицинских услуг, приобретаемых на страховом рынке, национальные регуляторы, стремясь сократить данный информационный дисбаланс, могут обязать страховые компании определять размеры и состав базового пакета услуг. Существование такого базового пакета значительно облегчает сравнение разных страховых продуктов для потребителей.

В качестве серьёзных ограничений участия в схемах добровольного страхования, помимо материальных сложностей (нехватки средств), выступают такие факторы, как пожилой возраст (во многих случаях участие в коллективных схемах прекращается после выхода работника на пенсию), длительный период ожидания вступления договора в силу (для снижения риска страхования лиц с уже возникшими серьёзными заболеваниями), ежегодное перезаключение договоров, право на отказ страховых компаний в заключении договора для инвалидов и лиц с низким статусом здоровья. В небольшом числе экономически развитых стран предусмотрено правило свободного (открытого) доступа для всех желающих участвовать в добровольном медицинском страховании (Франция, Бельгия, Германия) и ряд организационных форм страховщиков (общества взаимного страхования, потребительские/

сберегательные ассоциации), которые предлагают пожизненные контракты, но это скорее отдельные случаи, чем общепринятая практика. Как правило, повсеместно используется и большой список исключений из страхового покрытия медицинской помощи: наркотические отравления, ВИЧ, косметические процедуры, трансплантация органов, военные риски, травмы в результате опасных видов деятельности и др. В литературе много внимания уделяется вопросам мотивации, желанию участвовать в медицинском страховании. Важными характеристиками, влияющими на готовность участвовать в страховании, являются уровень благосостояния, возраст, пол, профессиональный статус, уровень образования, место проживания, а также низкий уровень удовлетворённости деятельностью государственной системы здравоохранения, особенно длительными сроками ожидания лечения.

Премии в государственном (общественном) страховании обычно связаны с заработной платой или доходами. В этом смысле они основаны на возможности платить и слабо коррелируют с индивидуальным риском (некоторые профессиональные группы выплачивают повышенные страховые премии, но они касаются главным образом пенсионного страхования и страхования от несчастных случаев на производстве). Премии в системе добровольного страхования редко связываются с доходами (исключение тут — практика Франции и Хорватии). Такой параметр страховой деятельности, как страховые премии в системе добровольного страхования, основывается на индивидуальном риске и объёме предлагаемых услуг.

На размеры тарифов влияют род занятий, возраст, место жительства, в отдельных случаях пол, индивидуальная и семейная история болезней. Частные страховщики широко применяют механизм положительной дискриминации в отношении более молодых и здоровых клиентов. Для потенциального распределения финансового риска между людьми с разным состоянием здоровья и в разных возрастных группах страховые компании, как правило, используют схемы коллективного (группового) страхования (прежде всего в отношении наёмных работников).

Существует и определённая практика применения и коллективного страхования на основе географического рейтинга сообщества (community rating), но в условиях добровольного страхования её применение ограничивается фактором негативного отбора, при котором молодые лица с высокими статусами здоровья могут посчитать премии с оценкой рейтинга сообщества слишком высокими и страховать индивидуально. Это негативно отражается на условиях коллективного страхования. Коллективное (групповое) страхование способствует снижению премий и влиянию негативного отбора, но способно вести к неравенству в доступе (например, индивидуальные полисы могут субсидировать скидки с групповых, работодатели могут использовать дифференциацию полисов для разных категорий работников и др.).

Для застрахованных иждивенцев обычно требуется внесение дополнительных премий, но на практике существуют и семейные пакеты, предусматривающие скидки для членов семьи. Регулирование объёма и глубины пакета страховых услуг характерно для немногих стран. Страхователи имеют возможность выбирать структуру и наполнение пакета, включая выбор услуг или денежных компенсаций, размер соплатежей, верхние лимиты расходов и др. В случае индивидуального страхования застрахованные без каких-либо прямых расходов могут менять страховщиков (обычно необходимо только заявление за 1–3 месяца до прекращения контракта), но при переходе и заключении нового договора возможны косвенные расходы, особенно для пожилых и лиц с серьёзными хроническими заболеваниями.

Традиционные сложности регулирования рынка добровольного медицинского страхования связаны с рыночной сегментацией для минимизации ценовой конкуренции, селекцией рисков как источника прибыли страховщика, ограниченностью выбора для участников малых групп и недостаточностью информации о соотношении результатов и стоимости услуг. Наиболее острая проблема добровольного страхования — негативный

отбор, который ведёт к сокращению возможности объединения рисков среди лиц с разными потребностями в медицинских услугах. Негативный отбор имеет много эмпирических подтверждений на примере экономически развитых государств, но, как показывает практика, он относительно мало влияет на деятельность страховых организаций в странах со средним уровнем развития, где наиболее остро стоит проблема поиска источников финансирования здравоохранения и высока доля выплат «из кармана».

Как правило, к добровольному страхованию присоединяются более обеспеченные люди с относительно более низкими рисками заболеваемости. Теоретически добровольное страхование может способствовать снижению финансовых рисков для лиц с плохим здоровьем, если оно ведёт к снижению расходов по сравнению с прямыми выплатами за услуги. Но в большинстве случаев низкодоходные группы не пользуются финансовой защитой системы добровольного страхования, в основном они получают медицинскую помощь через систему финансируемых из бюджета государственных медицинских учреждений.

В целом рыночные провалы системы добровольного медицинского страхования, а также способы корректировки их последствий обобщены в табл. 1.

Феномен морального риска со стороны как спроса, так и предложения, не является специфической чертой добровольного страхования, он вероятен и для социального страхования, и для национальных систем здравоохранения. Природа рынков медицинских услуг, действующих на основе оплаты третьей стороной, стимулирует повышенный спрос на услуги и тем самым провоцирует рост расходов. Моральный риск возникает в ситуации, когда поставщик финансово выигрывает от расширения предложения услуг, что может

Таблица 1

Рыночные провалы добровольного медицинского страхования и способы их ограничений

Рыночные провалы	Последствия	Меры по корректировке последствий	Эмпирические результаты
Негативный отбор (страхуются только лица с низким статусом здоровья)	Малые объёмы объединения рисков и страховых рынков	Обязательный охват	Эффективно
		Налоговые льготы и субсидии для участников	Неэффективно
		Страхование в течение всей жизни	Эффективно
Селекция рисков, «снятие сливок» (принятие на страхование только лиц с высоким статусом здоровья)	Отсутствие страхования инвалидов, лиц с серьёзными заболеваниями, пожилых людей	Открытый доступ	Относительно эффективно
		Рейтинг групп и общин	Относительно эффективно
Монополизация страховой деятельности	Необоснованные доходы страховщиков, низкое качество услуг, перепроизводство	Антимонопольные законодательные ограничения	Эффективно
Моральный риск	Чрезмерное потребление услуг пациентами	Использование франшиз, сострахования	Относительно эффективно
		Ограничение в доступе к услугам (лист ожидания, получение направления на лечение у специалиста)	Недовольство пациентов

Источник: составлено автором.

вести к дополнительным расходам и в крайних случаях даже подвергать пациентов необоснованным клиническим рискам.

Страховые компании стараются решать данную проблему на основе заключения селективных контрактов, формируя преференциальные сети поставщиков или интегрируясь с медицинскими организациями, что позволяет влиять на номенклатуру, качество и стоимость услуг. Со стороны ограничения чрезмерного спроса потребителей меры регулирования могут включать ограничение застрахованных в доступе к услугам: получение направления на лечение или разделение расходов в форме франшиз, соплатежей, установления лимитов на покрываемые расходы, реже — введения стимулирующих бонусов за неиспользуемые услуги.

Среди немногих развитых стран, которые широко используют как механизм добровольного медицинского страхования, так и способы корректировки связанных с ним проблем, наиболее заметную роль играют США. В США действует так называемая смешанная модель финансирования. Около половины расходов на здравоохранение покрывает государство, другую половину составляют частное страхование и выплаты «из кармана». Для страны характерны исключительно высокие показатели расходов на медицину по отношению к ВВП (17%) и в объёме государственных расходов (28%) и одновременно низкая доля общественных расходов на медицину в их общей структуре (45% при среднем уровне в ОЭСР — более 70%). В состав государственных программ входят Программа для малообеспеченных граждан и членов их семей (Medicaid), включающая лиц с доходами в среднем ниже 138% федерального уровня бедности, Программа медицинского страхования лиц в возрасте 65 лет и старше и более молодых граждан с ограниченными возможностями (Medicare), финансируемая за счёт страховых взносов, и несколько менее крупных программ, суммарно охватывающих более трети населения страны. Однако в структуре Программы страхования пожилых и инвалидов (Medicare) помимо обязательной части А, включающей медицинскую помощь в стационарах и услуги сестринских домов и хосписов, действуют другие части, к которым клиенты могут подключаться на добровольной основе, при условии внесения дополнительных взносов. Наиболее высокий уровень охвата среди данных подпрограмм у части В (включено до 90% участников Medicare), предусматривающей страхование расходов на поликлинические услуги, около трети участников используют часть С (Medicare Advantage), предусматривающую возможность получения дополнительных услуг, например окулистов и стоматологов, и часть D, касающуюся лекарственного страхования [Rice, Rosenau, Umruh, Barnes, 2020. Pp. 117–120].

Для других категорий населения, не подпадающих под условия государственных программ, в соответствии с Законом о защите пациентов и доступном здравоохранении 2010 г. (The Patient Protection and Affordable Care Act) предусмотрено сочетание добровольного и обязательного страхования, действует широкая линейка различных планов, каждый со своим набором правил и положений. Работодатели обязаны предоставлять страховой план (с самостоятельно выбираемой величиной и структурой покрытия и финансовым участием самих застрахованных) для работников предприятий и организаций с числом занятых 50 человек и более. Величина страхового взноса работника зависит от размеров компании, уровня предоставляемого страхового покрытия, включения членов семьи в страховку и др., средний уровень доли работодателя колеблется в пределах 72–80%. Среди различных видов страховых планов, наиболее распространённый вариант — так называемые страховки PPO (Preferred Provider Organization), более дешёвый вид договоров НМО (Health Maintenance Organization), растёт число и доля планов с большими франшизами¹ и возможностями накопления (HDHP).

¹ Сумма, которую физическое лицо или семья должны выплатить за медицинские услуги за счёт собственных средств, прежде чем страховая компания начнёт покрывать расходы.

Отдельные программы медицинского страхования предусмотрены для ассоциаций — объединений малых предприятий и индивидуальных предпринимателей. Категории населения, не имеющие возможности получить страховку на работе, должны приобретать полис самостоятельно у страховых компаний или, в случае возможности, претендовать на государственную поддержку на специальной бирже. Индивидуальные страховки можно оформить через страховых агентов, брокеров или самостоятельно на онлайн рынке. Их стоимость зависит от возраста, состояния здоровья, места жительства, объёма услуг, франшиз, доплат, долей покрытия расходов страховщика и страхователя. Значительные изменения в последние годы коснулись и страховых компаний: им было запрещено отказывать клиентам в получении и продлении страхового полиса по причине возраста и состояния здоровья, был определён базовый пакет услуг и доля расходов на услуги в общей структуре расходов.

Принятие закона, обязывающего всех лиц, постоянно проживающих в США, иметь медицинскую страховку, способствовало росту числа застрахованных и охваченных государственными программами, хотя полностью проблему незастрахованных и серьёзных медицинских долгов лиц с плохим здоровьем не решило, и при снижении государственной поддержки ситуация может вновь начать ухудшаться. Разногласия относительно продления действия федерального субсидирования программы медицинской помощи, заканчивающейся в 2025 г., стали одной из важнейших причин возникновения самого длительного в истории страны шатдауна (shutdown — прекращение работы части государственных учреждений из-за отсутствия согласования бюджета на следующий финансовый год) в октябре-ноябре 2025 г.

Виды соплатежей и выплат «из кармана» и их роль в финансировании здравоохранения

Вопрос роли соплатежей сам по себе дискуссионен. Соплатежи могут принимать форму выплат фиксированных сумм, сострахования (оплаты определённой доли стоимости), франшиз, покрытия пациентом расходов сверх установленных нормативов в системе национального страхования. При оценке эффективности данных действий необходимо учитывать цели их введения. Если цель — снизить излишнее потребление, то снижение спроса на услуги должно быть основным результатом данного процесса, но при этом важно понять за счёт каких услуг произошло данное снижение: необходимых или второстепенных. В других случаях и это в большей степени характерно для государств, где альтернативное финансирование за счёт налогов и обязательного страхования затруднено, цель софинансирования — не снижение спроса, а получение дополнительных средств на медицинское обслуживание.

Введение соплатежей, в зависимости от их типа и размеров, может снизить или частично ограничить использование определённой части услуг, но мало помогает рационализации общего спроса. Более того, снижение или откладывание обращения за помощью может в итоге привести к повышению спроса на более дорогостоящие и дефицитные медицинские услуги. Применяемые на практике меры нейтрализации этих негативных эффектов разделения рисков с пациентами включают такие механизмы, как исключение из схем бедных и хронических больных с серьёзными заболеваниями, введение лимитов на индивидуальные выплаты, использование небольших фиксированных выплат вместо процентных соплатежей, особенно если цены недостаточно хорошо регулируются и подвержены значительным колебаниям.

Если обращаться к практике развитых стран, то наиболее широко (но не повсеместно) используется практика отмены соплатежей в сегментах первичного и стационарного обслуживания. Процентные соплатежи чаще всего применяются при покупке лекарств и медикаментов и в стоматологии (рис. 2). В Европе годовые лимиты на соплатежи действуют

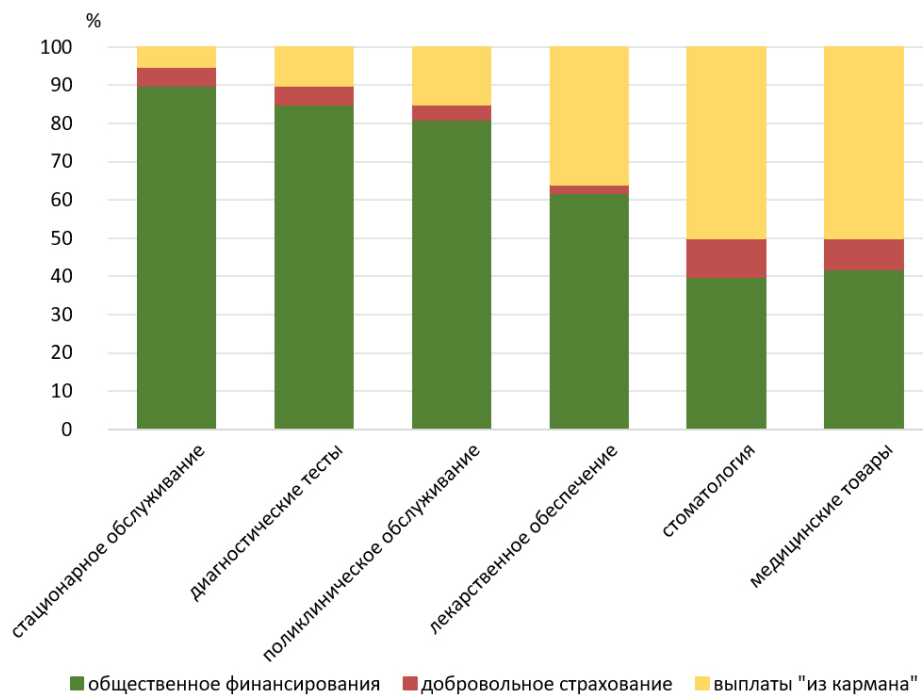

Рис. 2. Структура финансирования различных видов медицинских услуг (ЕС), %

Источник: составлено автором на основе OECD/European Commission (2024). Health at a Glance: Europa a 2024: State of Health in the EU Cycle. URL: https://www.oecd.org/en/publications/health-at-a-glance-europe-2024_b3704e14-en.html (accessed date: 09.03.2026)

только в двух странах (Германии и Чехии), ещё в нескольких государствах установлены ограничения на соплатежи на некоторые виды услуг [Thomson, Cylus, Evetovits, 2019. Pp. 84, 92]. Наличие таких ограничений существенно влияет на количество лиц, попадающих в категорию бедных из-за «катастрофических расходов» на медицину (более 10% семейных расходов). Например, доля таких лиц в Словакии, где действуют ограничения на размеры соплатежей, в два раза ниже, чем в Польше, где таких ограничений нет. В США широко используются соплатежи в виде фиксированных взносов в программе Medicare в части А за каждый день нахождения в стационаре или в сестринском доме сверх установленных лимитов и процентные платежи пациентов в части В.

В экономически развитых странах соплатежи в виде платежей в фиксированных суммах или в форме сострахования формируют подавляющую часть выплат «из кармана» (рис. 3), в текущих расходах на медицину доля этих выплат обычно колеблется в пределах 10-20%, что несопоставимо с долей выплат из собственных средств граждан в форме прямых платежей в государствах со средним и ниже среднего уровнями развития. Очень высокий уровень неформальных платежей, превышающий 50-55% и в ряде случаев почти достигающий 80% от текущих расходов на здравоохранение, в государствах Центральной Азии, Закавказья, прежде всего в Армении, Туркменистане и Азербайджане [San people..., 2023 P. 3]. Причины такого положения связываются с нехваткой финансовых ресурсов для государственной системы и относительно невысоким уровнем развития частного здравоохранения. В результате без финансирования за счёт собственных средств граждане не могут удовлетворить свои базовые потребности в необходимом лечении, лекарствах и медикаментах, на неформальные платежи рассчитывает и медицинский персонал государственных медицинских учреждений.

Выплаты «из кармана», включающие все платежи потребителей услуг (прямую оплату, формальное разделение стоимости и неформальную оплату), в государствах Латинской Америки составляют в среднем чуть менее трети текущих расходов, в Уругвае и Колумбии — 14-16%, в Мексике — 42% [Health at a glance..., 2023. Pp. 150-151]. В Мексике,

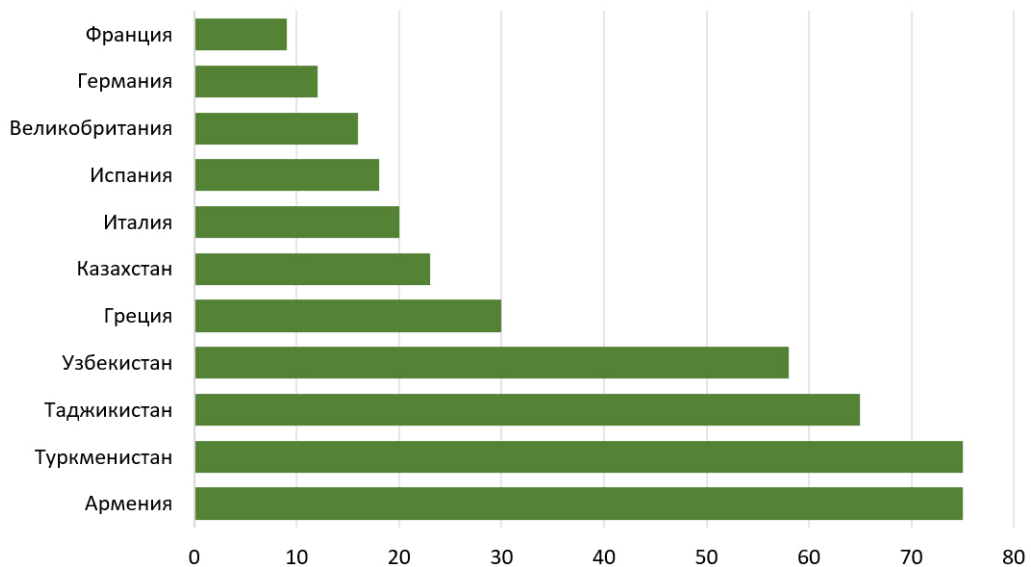

Рис. 3. Доля выплат из кармана в текущих расходах на здравоохранение, %

Источник: составлено автором на основе WHO (2023). Can People Afford to Pay for Health Care?

например, где общие расходы на здравоохранение не превышают 5,4% ВВП, доля общественного финансирования находится в пределах 54%, в том числе социального страхования — 30%. Им охвачено около 42% населения, ещё 5% составляют расходы на добровольное страхование, остальное — прямые выплаты населения за медицинские услуги [Gonzalez-Blok, Reyes Morales, Hurtado, Balandran, Mendez, 2020. P. 77]. В КНР, Малайзии и Индонезии выплаты «из кармана» составляют в текущих расходах 33–35% и существенно выше 50% в государствах Южной Азии, например в Индии 63% [Universal..., 2023. Pp. 10–11], при этом доля добровольного страхования практически никогда не превышает 10–15%.

При изучении соотношения двух источников средств, основанных непосредственно на доходах населения — добровольного страхования и выплат «из кармана» возникает закономерный вопрос: зачем оправдывать и стимулировать частное страхование в государствах со средним и ниже среднего уровнями развития, если в развитых странах в основном опираются на бюджетное финансирование и социальное страхование? Наиболее вероятным представляется такой ответ: в государствах этих групп получаемые общественные средства недостаточны для удовлетворения потребностей населения в медицинских услугах. Около 40% населения мира живёт в странах, которые расходуют на медицинские услуги менее 100 долл. на человека в год [Global spending..., 2023. P. 4]. Учитывая большие объёмы частных расходов населения на медицину в этих странах лучшей стратегией представляется страхование рисков, чем отказ от их объединения.

Почему в развивающихся государствах плохо складывается частное страхование? Причины тут, вероятно, кроются в неадекватном спросе из-за низкого восприятия риска и доверия к определённым структурам, ограниченном предложении в силу разных причин, в том числе, например, из-за чрезмерного регулирования данной деятельности, высокой стоимости услуг, в том числе больших административных расходов.

Для классической теории медицинского страхования безусловным фактом является то, что при наличии страховки люди чаще должны обращаться за медицинской помощью, так как у них нет стимула ограничивать свое потребление [Arrow, 1963; Pauly, 1968]. У Мэннинг и М. Маркис, например, считали, что политика медицинского страхования с низкой долей участия пациента в расходах приводит к чистым потерям общего благосостояния, а оптимальная доля такого участия пациента в расходах — уровень 45% [Manning, Marquis, 1996]. В других, более поздних работах, в частности Дж. Наймана, отмечается, что далеко не все случаи морального риска ведут к снижению общего национального благосостояния,

так как медицинское страхование обеспечивает доступ к дорогостоящему медицинскому обслуживанию, которое в противном случае было бы недоступно и для которого не было бы альтернативного частного способа получения медицинских услуг [Nyman, 2001].

Серьёзной проблемой для добровольного страхования, которая ограничивает его распространение в государствах, не входящих в группу экономически развитых, считаются высокие административные издержки добровольных схем, как правило, существенно превышающие расходы на эти цели обязательного страхования и бюджетного финансирования. Действительно, по оценкам административные расходы в данном сегменте страхования в государствах со средним уровнем развития колеблются в очень широком диапазоне от 6 до 39% (т. е. можно найти примеры и более чем умеренных расходов, например, в Чили). В странах, принадлежащих к менее развитой группе, данные издержки возрастают до 20–65% общих расходов. Это влечёт за собой существенный рост страховых премий и в ещё большей степени делает данное страхование менее доступным для лиц с низкими доходами [Mathauer, Kutzin, 2018. P. 5]. Ситуация в развитых странах также весьма неоднородна. С одной стороны, есть страны (Польша, Чехия) с практически одинаковыми административными расходами в государственном и частном секторах медицинского страхования, с другой — в Германии, по имеющимся данным, это соотношение составляет 6 и 15%, во Франции, соответственно, 5 и 20%, ещё значительно эти различия в Испании и Австрии [Sagan, Thomson, 2016. P. 22].

Структуры, которые обеспечивают добровольное страхование, включают некоммерческие общества взаимного страхования, потребительские (сберегательные) ассоциации, коммерческие компании, государственные медицинские фонды, ассоциации работодателей. Исторически на рынке ЕС доминировали общества взаимного страхования и сберегательные ассоциации. Они до настоящего времени широко представлены на страховых рынках Италии, Франции, Бельгии, хотя их доля и сокращается. Только коммерческие страховые компании действуют в некоторых странах Восточной и Северной Европы, страховые фонды доминируют в системе добровольного страхования в Хорватии и Румынии, а в Польше и Великобритании есть практика организации собственных схем медицинского обслуживания наёмных работников работодателями.

Отдельный вопрос — роль государственных субсидий в поддержке добровольного частного страхования. В ряде случаев государство непосредственно обеспечивает финансирование частного медицинского страхования (например, для госслужащих) или поддерживает его косвенно, предоставляя налоговые льготы (скидки или налоговые кредиты) для участников добровольного страхования. В общем случае налоговые льготы более выгодны для обеспеченной части общества: чем богаче застрахованный, тем выше получаемая им субсидия. Но возможен и вариант с более адресной поддержкой, выделение средств для менее обеспеченных слоёв населения для стимулирования их вступления в программу.

Налоговые льготы можно рассматривать как достаточно гибкий инструмент воздействия. В практике европейских стран в одних случаях они используются для расширения участия наёмных работников в системе медицинского страхования (льготы работодателям, обеспечивающим медицинские страховки для всех категорий работающих), в других — при заключении индивидуальных страховых договоров на оказание определённых видов услуг, в третьих — при поддержке деятельности некоммерческих структур (обществ взаимного страхования). Но общей тенденцией для данной группы государств является ограничение использования налоговых льгот как инструмента стимулирования развития частного страхования. Большая часть государств (Бельгия, Дания, Великобритания, Нидерланды, Норвегия и др.) никаких налоговых льгот ни при коллективном, ни при индивидуальном страховании не предоставляет: и взносы, и выплаты подлежат налогообложению. Попытки стимулирования добровольного страхования с помощью налоговых льгот предпринимались в ряде государств Восточной Европы (Болгарии, Венгрии, Литве, Латвии, Польше), но из-за значительных объёмов неформальных платежей не увенчались успехом.

Типы добровольного медицинского страхования

В зависимости от того, конкурируют ли частные страховщики с государственной системой или дополняют её, выделяются три типа добровольного медицинского страхования — замещающий, дополняющий и дублирующий. Замещающий тип страхования, который даёт возможность определённым группам населения выйти из общей системы, имеет ограниченное распространение. До 2006 г. он действовал для трети населения с более высокими доходами в Нидерландах. В Испании госслужащие могут выйти из национальной системы (ISALUP) и присоединиться к субсидируемой государством частной схеме медицинского страхования (MUFACE). Но наиболее известная модель применяется в Германии. В стране действуют две различные в плане организации, регулирования и финансирования системы: общего социального медицинского страхования (SHI) и частного страхования замещающего типа (PHI). Замещающая система охватывает порядка 10,8% населения страны. Большинство её участников входят в три основные группы: 1) госслужащие (работающие или вышедшие на пенсию) и наёмные работники госучреждений (учителя, преподаватели высших учебных заведений), которым правительство возмещает не менее 50% их расходов на частное страхование; 2) самозанятые, не включённые в общую систему; 3) наёмные работники, чьи доходы превышают определённый лимит, которые могут выбирать — оставаться в общей системе или переходить в частную.

В системе частного страхования размеры премий зависят от возраста и состояния здоровья застрахованного, но страховщики обязаны предоставлять участникам тот же пакет услуг, что и в общей системе по премиям, не превышающим среднюю максимальную по всем «медицинским кассам» в социальной системе. На данную величину ориентируется и «базовый тариф» для лиц в возрасте 65 лет и старше с длительным стажем страхования [Blumel, Spranger, Achstetter, Maresso, Busse, 2020. P. 95]. Иждивенцы застрахованного в частной системе страхуются отдельно, поэтому частное страхование более выгодно для одиноких клиентов или для семейных пар, где работают оба супруга.

Дополнительное медицинское страхование обеспечивает полный или частичный охват услугами, которые исключены или включены не полностью в пакет услуг системы социального страхования. В данную систему добровольного страхования включаются услуги первичного звена, обследования специалистов, сестринский уход, расходы на лекарства, тесты, стоматологические услуги, роды, альтернативные виды лечения. Дополняющее страхование включает и возмещение расходов на соплатежи. Добровольное страхование соплатежей за медицинские услуги играет особенно значимые роли во Франции, Словении, Хорватии. Так, действующие во Франции схемы обязательного медицинского страхования (общая, для сельскохозяйственных работников и многочисленные специальные схемы для госслужащих, шахтёров, моряков, духовенства и др.) предполагают наличие определённых процентных соплатежей практически на все медицинские услуги и возможность выставления высоких счетов, сверх установленных в системе обязательного страхования нормативов отдельными специалистами. Как правило, пациенты оплачивают медицинскую помощь, а затем получают компенсацию от страховых фондов на основе ранее согласованного процента. Доля стоимости, покрываемая системой обязательного страхования, варьируется в зависимости от типа услуг и категории лекарственной терапии (70% стоимости амбулаторного визита, 80% расходов на стационарное лечение и от 15 до 100% стоимости лекарств) [Or, Gandre, Seppanen, Webb, Michel, Chevreul, 2023. P. 56].

Договоры добровольного страхования соплатежей могут предоставляться работодателем (с 2016 г. работодатели Франции должны покрывать не менее 50% расходов работников на данные контракты) или заключаться индивидуально. На страховом рынке Франции действуют три категории страховых структур: общества взаимного страхования, охватывающие около 60% застрахованных, включая большую долю лиц старших возрастов, частные страховые компании, предоставляющие полисы для 25% участников, и некоммерческие

страховые фонды, управляемые социальными партнёрами, обеспечивающие коллективное страхование наёмных работников (15% от общего числа застрахованных). Для всех категорий страховщиков нет ограничений в отношении страхуемых видов медицинских услуг и соплатежей, но есть определённые условия ответственности страховых контрактов (*contrats solidaires et responsables*), призванные стимулировать добросовестное (сознательное) потребление медицинских услуг. Не разрешается, например, покрывать соплатежи, если пациент самостоятельно обратился к специалисту без соответствующего направления врача общей практики, или франшизы, введённые для контроля потребления лекарств, посещения специалистов или транспортировки больных.

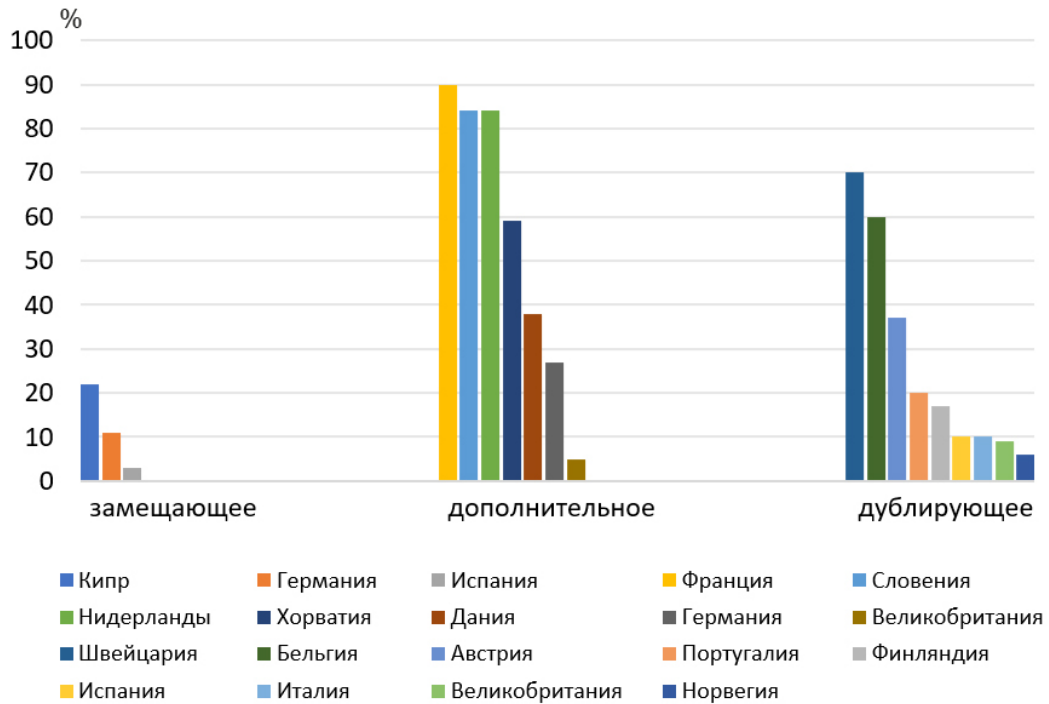

Рис. 4. Доля населения, охваченная добровольным страхованием

Источник: составлено автором по *OECD/European Commission (2024). Health at a Glance: Europa 2024: State of Health in the EU Cycle*. URL: https://www.oecd.org/en/publications/health-at-a-glance-europe-2024_b3704e14-en.html (accessed: 09.03.2026)

Дублирующее страхование считается формой «двойного охвата», так как оно характерно для государств с национальными системами здравоохранения, финансируемыми из бюджетных источников (Греция, Италия, Испания, Великобритания, Португалия на рис. 4). Дублирующее страхование увеличивает потребительский выбор в плане обеспечения комфортных условий пребывания в стационаре, выбора лечащего врача и доступа к различным услугам здравоохранения, особенно в тех сферах медицины, где действует значительный лист ожидания.

Доля добровольного страхования в среднем в государствах Латинской Америки составляет 11% в общих расходах. Наиболее существенную роль в качестве дополняющего или, реже, замещающего вида оно играет в Бразилии, Перу, Уругвае. На латиноамериканском континенте безусловным лидером в плане развития добровольного медицинского страхования является Бразилия. В стране действует Национальная система здравоохранения, формально охватывающая все население страны (SUS). За счёт бюджетных средств покрывается около 42% общих расходов на здравоохранение, на добровольное медицинское страхование приходится почти треть, на прямые платежи из собственных средств граждан — 25%, ниже, чем в большинстве других латиноамериканских государств, например, в Чили и Мексике [*OECD Reviews of Health Systems: Brazil, 2021. P. 66*]. Полисами

добровольного медицинского страхования в Бразилии располагает почти четверть населения страны. На страховом рынке, который сформировался ещё до внедрения Национальной системы здравоохранения, действует несколько сотен различных структур, от страховых компаний до некоммерческих медицинских кооперативов и благотворительных организаций, предлагающих широкий спектр страховых продуктов от полного комплекса амбулаторных и стационарных услуг до финансирования только определённых видов лечения. Важной особенностью бразильской системы добровольного страхования, делающей её особо привлекательной для обеспеченной части населения, является государственная поддержка. Через систему льготного налогообложения участникам обеспечивается вычет из налогооблагаемой базы страховых взносов и медицинских расходов, причём без установки верхних лимитов или ограничений на какие-либо виды услуг. На налоговые льготы для частного медицинского страхования расходуется 0,5% ВВП страны [Ibid. P. 64]. Заметную роль добровольное страхование играет и в ряде других латиноамериканских стран со смешанными системами финансирования (в Уругвае — 11,7% в текущих расходах, Аргентине и Перу — более 9, более 8% в Мексике и Колумбии) [Health at a glance..., 2023. P. 151].

Несмотря на широкое обсуждение среди специалистов темы накопительных медицинских счетов, практика их функционирования крайне ограничена. Они действуют в Сингапуре для покрытия небольших расходов на поликлинические услуги и дополняются обязательным страхованием и государственным финансированием страхования и медицинской помощи бедным. Существование таких счетов в стране связано с высоким уровнем национального дохода на душу населения и особенностями культуры накопления. В США медицинские накопительные счета рассматриваются как часть смешанной системы финансирования медицинских расходов и также должны сочетаться со страхованием от высоких, катастрофических рисков (с высокой франшизой). Мотивом введения накопительных счетов в США было стремление снизить влияние морального риска и негативной селекции на рынке частного медицинского страхования.

Добровольное страхование в основном регулируется Центральными банками или соответствующими структурами в Министерстве финансов как финансовая услуга, но есть и примеры смешанного регулирования (совместно структурами Министерств финансов и здравоохранения или социального развития). Среди основных целей регулирования государством рынка добровольного медицинского страхования: обеспечение его стабильности на основе установки финансовых и нефинансовых стандартов для страховых компаний (условий выхода на рынок, требований к отчётности и др.), защита потребителей через механизмы управления практикой страхования и взаимодействия страховых компаний с поставщиками медицинских услуг, достижение справедливого доступа к системе добровольного страхования с использованием механизмов определения минимальных пакетов, услуг, пожизненного страхования, регулирования лимитов премий и др.

* * *

Признание роли частного страхования как дополнительного источника средств для финансирования здравоохранения постепенно увеличивается, несмотря на традиционные для данной системы недостатки (рыночные провалы): неравный доступ, негативный отбор, «снятие сливок», но во многих медицинских системах они рассматриваются как полезный инструмент для достижения важных социально-экономических целей. Для стран с высоким уровнем развития частное страхование лежит в основе расширения возможностей потребительского выбора, мобилизации дополнительных ресурсов, укрепления личной ответственности, удовлетворения растущих потребностей высшего и среднего классов, развития рыночной конкуренции и усиления контроля стоимости. Хотя в среднем частное страхование занимает скромную долю в общих расходах на медицину в сравнении с социальным страхованием и бюджетным финансированием, оно в данной группе стран выполняет важные функции от первичного охвата определённых групп до серьёзного

дополнения к общей системе. На роль добровольного страхования влияют размеры государственной системы, схемы регулирования добровольного страхования, исторические условия, идеологические интересы различных сил (страховщиков, поставщиков медицинских услуг, работодателей, госслужащих). Этот вид страхования позволяет исключить наиболее неэффективные и дорогостоящие виды медицинской помощи из общего пакета услуг, финансируемых из бюджета или средств обязательного социального страхования (стоматологию, офтальмологию, ортопедию, психологическую помощь, реабилитацию, выезды на дом, косметологию).

Для государств со средним и ниже среднего уровнями развития стоят задачи как увеличения государственного финансирования, так и формирования базовых механизмов объединения рисков для сокращения прямой оплаты медицинских услуг за счёт средств населения, в том числе и через механизм добровольного страхования. Как показывает практика, на современном этапе население с высоким уровнем риска демонстрирует, как правило, низкий интерес к добровольному страхованию, даже несмотря на государственные субсидии. Наибольшую заинтересованность проявляют, как правило, обеспеченные слои, имеющие необходимые средства и более адекватно оценивающие важность хорошего состояния здоровья. Целью реформ может быть перенаправление потока пациентов в частную систему и сохранение государственных структур для наиболее бедных и уязвимых, но при условии усиления государственного управления частным медицинским страхованием (гарантии включения в программы пожилых и лиц с невысоким статусом здоровья, отсутствие ограничений по расходам в течение срока страхования, определение базового пакета предоставляемых услуг и др.). Что касается субсидирования добровольного страхования, то оно имеет и свою негативную сторону: использование общественных средств для оплаты налоговых льгот отвлекает средства от финансирования собственно государственной системы здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES²

- Arrow K. (1963). Uncertainty and the welfare economics of medical care // *American Economic Review*. No. 53. Pp. 941–973.
- Blumel M., Spranger A., Achstetter K., Maresso A., Busse R. (2020). Germany Health system review // *Health systems in transition*. Vol. 22. No. 6. WHO Regional office for Europe.
- Can people afford to pay for health care? Evidence on financial protection in 40 countries in Europa. (2023). — Geneva: WHO.
- Fiscal sustainability of health systems. How to finance more resilient health systems when money is tight? (2024). — Paris: OECD. URL: www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/report/2024/01/fiscal-sustainability-of-health-systems_c2f837ac/880f3195-en.pdf (accessed date: 20.12.2025).
- Global spending on health: coping with pandemic (2023). — Geneva: WHO.
- Gonzalez-Blok M.A., Reyes Morales H., Hurtado L.C., Balandran A., Mendez E. (2020). Mexico // *Health system review*. Vol. 22. No. 2.
- Health at a glance. Latin America and the Caribbean (2023). — Paris: OECD/WB DOI: 10.1787/532b0e2d-en (accessed date: 20.12.2025).
- Manning W.G., Marquis M.S. (1996). Health insurance the trade off between risk, pooling and moral hazard // *Journal of health economics*. No. 15 (5). Pp. 609–640.
- Mathauer I., Kutzin J. (2018). *Voluntary health insurance: potentials and limits in moving towards UHC*. — Geneva: WHO.
- Nyman J.A. (2003). *The theory of demand for health insurance*: Discussion Paper No. 311. — Minneapolis: University of Minnesota.
- OECD Reviews of Health Systems: Brazil (2021). — Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/146d0dea-en (accessed date: 20.12.2025).
- OECD Health Statistics 2024. Definitions, sources and methods (2024). — Paris: OECD. www.oecd.org/health/health-data.htm (accessed date: 20.12.2025).
- Or Z., Gandre C., Seppanen A.-V. Webb E., Michel M., Chevreul K. (2023). France. Health system review. // *Health systems in transition*. Vol. 25. No. 3. — Copenhagen: WHO Regional office for Europe.
- Pauly M. (1968). The economics of moral hazard: comment // *American Economic Review*. No. 58. Pp. 531–537.

² Так как автор цитировал только англоязычные источники, в статье приводится общий список.

- Rice T., Rosenau P., Umruh L.Y., Barnes A.J. (2020). US Health system review // *Health System in transition*. Vol. 22. No. 4.
- Sagan A., Thomson S. (2016). *Voluntary health insurance in Europa. Role and regulation*. — Copenhagen: WHO Regional office for Europe.
- Thomson S., Cylus J., Evetovits T. (2019). *New evidence on financial protection in Europe*. — Geneva: WHO.
- Universal health care in Asia and the Pacific* (2023). — Bangkok: Economic and Social Commission for Asia and the Pacific.

Шестакова Елена Евгеньевна

ORCID: 0000-0001-8963-6301

EEShestakova1956@yandex.ru

Elena Shestakova

PhD (economics), Leading Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

ORCID: 0000-0001-8963-6301

EEShestakova1956@yandex.ru

IS VOLUNTARY HEALTH INSURANCE A PROMISING DEVELOPMENT OR A DEAD END?

Abstract. The article analyzes different approaches to defining the role of voluntary health insurance in the health-care financing system in the context of increased government influence on the overall level of social spending and limited opportunities for maneuvering. The practice of various groups of countries demonstrates a wide range of views on this issue: from the actual rejection of support for voluntary health insurance to the recognition of it as an important source of funds, along with budgetary and social insurance financing, and a useful tool for achieving a wide range of socio-economic objections. States with medium levels of development are the most interested in developing this mechanism for medical services. The article focuses on the discussion of the relationship between voluntary health insurance and different co-payment schemes for medical services.

Keywords: *voluntary health insurance, co-payments, out-of-pocket payments, moral hazard, negative selection.*

JEL: I13.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

И.М. Бондарев

преподаватель, аналитик, Институт международных исследований Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПОЛЕ КОНСЕНСУСА РОССИЙСКОЙ НАУКИ, ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ взглядов научного сообщества, государственных органов Российской Федерации и деловых кругов на понятие технологического суверенитета. Источниками для исследования позиции российских учёных послужил ряд научных работ, точка зрения органов государственной власти была изучена на основе нормативных правовых актов РФ, а позиция бизнеса — с помощью контент-анализа 1600 публикаций из российских деловых СМИ. Результаты выявили как общие черты, так и существенные различия в трактовках понятия технологического суверенитета. Всеми группами субъектов признаётся первостепенная роль государства в достижении технологического суверенитета, подчёркиваются важность развития науки и высокотехнологичных отраслей. Однако научное сообщество и бизнес зачастую сужают технологический суверенитет до развития отечественных инновационных технологий и организации производства на их основе; самым частым примером выступает цифровизация. Государство понимает технологический суверенитет шире и выделяет инновационные отрасли в отдельную категорию — технологическое лидерство. Трактовка технологического суверенитета всеми группами субъектов предполагает определённую двойственность этого понятия: стратегия развития экономики или исчисляемый показатель с точки зрения научного сообщества; разработка технологий или производство на их основе со стороны государства; проекты импортозамещения или проекты, поддерживаемые государством, в понимании деловых кругов. По итогам анализа результатов исследования необходимо дальнейшее совершенствование понятийного аппарата, связанного с определением целей по достижению технологического суверенитета РФ, разработка конкретных критериев и показателей для оценки степени технологической суверенности отраслей экономики, а также установление более эффективного диалога между государством, наукой и бизнесом для формирования более согласованной и действенной стратегии достижения технологического суверенитета.

Ключевые слова: *Россия, технологический суверенитет, открытые данные, наука, бизнес, государство.*

JEL: B40, D29, K20, L52, O38

УДК: 338.22

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_114_134

© И.М. Бондарев, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Бондарев И.М.* Технологический суверенитет как поле консенсуса российской науки, государства и бизнеса: теоретические аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 114–134. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_114_134.

FOR CITATION: *Bondarev I.* Technological Sovereignty as a Consensus of Russian Science, State and Business: Theoretical Aspects // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* 2026. No. 2. Pp. 114–134. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_114_134.

Введение

Дискуссия об обеспечении технологического суверенитета в России идёт на самом высоком уровне. Её актуализации в первую очередь способствовала проблема санкций. Растущий интерес к новым технологиям, проявившийся в 2023 г. и не сбавлявший темпа с того времени, обратил внимание исследователей на экономический рост, который может обеспечить внедрение этих технологий [Капелюшников, 2025]. Перечисленные факторы говорят об общей тенденции — возрастающем значении технологического суверенитета для России в частности и для мира в целом.

Эта тенденция подтверждается динамикой числа научных публикаций по данной теме. Чтобы оценить общий тренд, была использована база научных публикаций «OpenAlex»¹. Её преимущества — огромное число публикаций (более 250 млн по состоянию на 05.06.2025 г.), полностью бесплатный доступ и открытый API. Была прослежена динамика числа публикаций по тематике «технологический суверенитет» и смежным с ней тематиками «цифровой суверенитет» и «экономический суверенитет».

Из 1165 аннотаций работ из «OpenAlex», посвящённых изучению технологического суверенитета, были выделены 125 наиболее часто упоминаемых слов. Кроме слов «development», «economic», «Russian», «economy» в десятку самых популярных терминов вошли «state», «industrial», «industry», «digital», «policy», «production». При этом не был применён фильтр по аффилиации авторов, сбор аннотаций был выполнен по работам учёных из всех стран. Довольно часто употреблялись термины «security», «strategic» и «data». Совокупность этих терминов позволяет описать контекст дискуссии о технологическом суверенитете как разворачивающийся вокруг вопросов развития российской промышленности, национального производства, цифровых технологий, а также государственного участия в этих процессах, стратегического планирования и обеспечения безопасности.

Работы по цифровому суверенитету (623 аннотации) затрагивали чаще всего вопросы законодательства Европейского союза в цифровой сфере, управления информацией и данными, также безопасности и мировых трендов в этой области. Пусть и не первостепенную, но заметную роль в дискурсе о цифровом суверенитете играли технологии искусственного интеллекта. Данная тема, как и вопрос управления данными, упоминалась авторами и в работах о технологическом суверенитете, но там ей было уделено значительно меньше внимания.

Публикации по экономическому суверенитету (867 аннотаций) были посвящены более общим процессам национальной и международной политики в меняющемся мире и проблемам безопасности, прежде всего финансовой.

Обобщая описанные наблюдения, можно построить иерархию типов суверенитета, в которой экономический суверенитет располагается на самом верхнем уровне и включает в себя технологический и цифровой суверенитеты (рис. 1). В свою очередь, эти два типа суверенитета представляют собой различные категории, пересекающиеся в сфере информационных технологий.

По статистике, собранной из «OpenAlex» за 2001–2024 гг. (рис. 2), 2022 г. был отмечен резким ростом числа публикаций о технологическом суверенитете, и далее этот тренд сохранялся. Для проверки этой тенденции была собрана статистика также по базам данных «ScienceDirect»² (рис. 3) и «SpringerLink»³ (рис. 4). Из этих данных также заметно, что с 2022 г. наблюдался резкий рост числа работ по технологическому суверенитету; это наблюдение свидетельствует об интересе к тематике со стороны зарубежных авторов.

¹ OpenAlex: Научная электронная библиотека. URL: <https://openalex.org/> (дата обращения: 05.06.2025).

² ScienceDirect. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 05.06.2025).

³ Springer Nature Link. URL: <https://link.springer.com/> (дата обращения: 05.06.2025).

Рис. 1. Соотношение понятий «технологический суверенитет», «цифровой суверенитет» и «экономический суверенитет» на основе публикаций из «OpenAlex» за 2001–2025 гг.
 Источник: составлено автором на основе данных «OpenAlex».

При выполнении запросов ко всем перечисленным базам данных были учтены все формы словосочетаний «технологический суверенитет», «цифровой суверенитет», «экономический суверенитет» на русском языке и добавлены термины «technological sovereignty», «digital sovereignty» и «economic sovereignty», т.е. эквивалентные им, в неизменной форме на английском языке. Все термины были заключены в кавычки для точного совпадения с фрагментами текстов, т.е. во избежание дробления словосочетаний и полного соответствия искомым терминам, и перечислены через логический оператор «OR» («ИЛИ»). 2025 г. был исключён из подсчёта из-за неполноты данных. Результаты выполнения запросов были подсчитаны по состоянию на 5 июня 2025 г.

Термин «технологический суверенитет» неотделим от субъектов, которые оперируют им, ведь они вкладывают в него определённый смысл. В свете того, что технологический

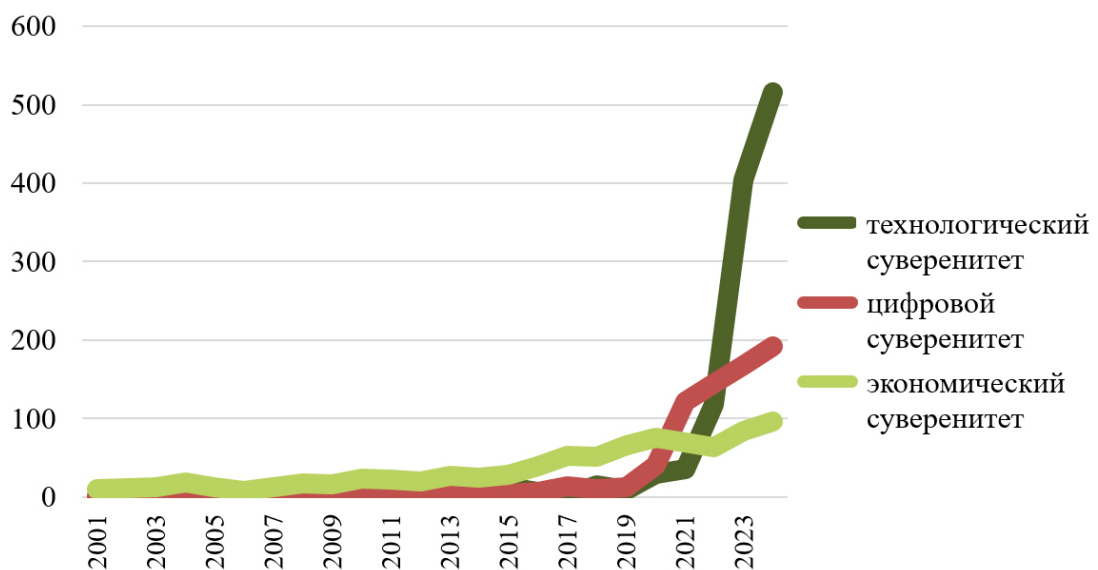

Рис. 2. Число публикаций о технологическом, цифровом и экономическом суверенитетах из «OpenAlex», 2001–2024 гг.

Источник: составлено автором на основе данных «OpenAlex».

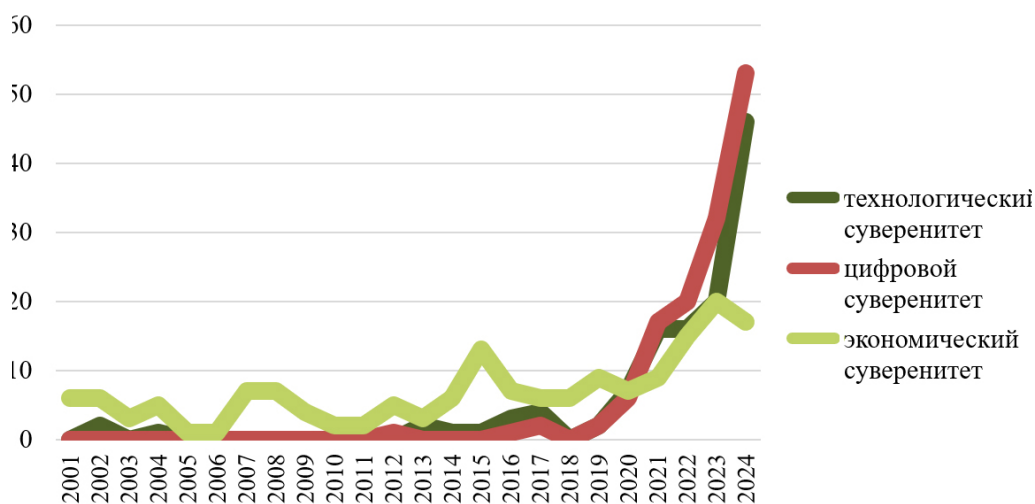

Рис. 3. Число публикаций о технологическом, цифровом и экономическом суверенитетах из «ScienceDirect», 2001–2024 гг.

Источник: составлено автором на основе «ScienceDirect».

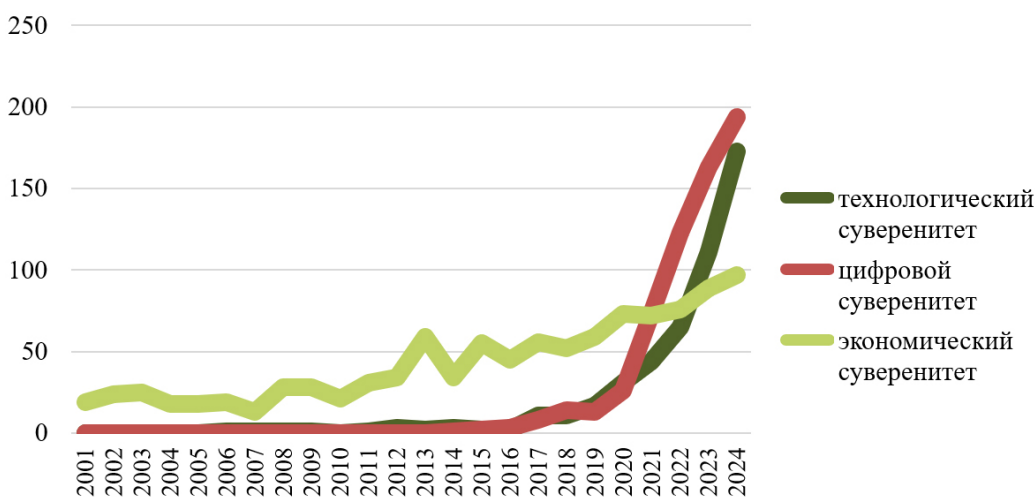

Рис. 4. Число публикаций о технологическом, цифровом и экономическом суверенитетах из «SpringerLink», 2001–2024 гг.

Источник: составлено автором на основе «SpringerLink».

суверенитет — это новая и бурно развивающаяся тематика, эти смыслы могут существенно отличаться между собой. Различные категории субъектов могут по-разному определять технологический суверенитет и приоритеты, связанные с его достижением. Участников дискуссии о технологическом суверенитете в широком смысле возможно условно разделить на три группы: представители органов государственной власти, представители научного сообщества и представители бизнеса.

Данная работа преследует следующую цель: определить основные трактовки понятия «технологический суверенитет» представителями современного российского научного сообщества, государства и бизнеса.

Технологический суверенитет в понимании российской науки

Рассмотрим определения технологического суверенитета со стороны российских учёных. При составлении данного раздела были взяты работы А.А. Афанасьева [Афанасьев, 2022; Афанасьев, 2023а; Афанасьев, 2023b]; В.К. Фальцмана [Фальцман, 2018]; В.Е. Дементьева [Дементьев, 2023]; Т.Р. Гареева [Гареев, 2023]; Е.А. Капогузова, А.М. Пахалова [Капогузов,

Пахалов, 2024]; Д.Ю. Файкова, Д.Ю. Байдарова [Файков, Байдаров, 2023], А.В. Полосина [Байдаров, Полосин, Файков, 2023]; И.В. Данилина, Е.А. Сидоровой [Данилин, Сидорова, 2024]; Е.Б. Ленчук [Ленчук, 2024]; Е.Н. Дуненковой, С.И. Онищенко [Дуненкова, Онищенко, 2023]; С.В. Ештокина [Ештокин, 2022]; М.Н. Петрова, Я.С. Филиппова [Петров, Филиппов, 2023]; Е.В. Потапцевой, В. В. Акбердиной [Потапцева, Акбердина, 2023], А.О. Пономаревой [Потапцева, Акбердина, Пономарева, 2024]; И.И. Приходько [Приходько, 2022]; Т.Д. Степановой [Степанова, 2022]; Д.А. Черноусова [Черноусов, 2025].

В 2018 г. в статье «Технологические суверенитеты России: статистические измерения» В.К. Фальцман предложил методику расчёта показателя технологического суверенитета как величины, зависящей от значений экспорта и импорта продукции отрасли [Фальцман, 2018]. В 2022 г. А.А. Афанасьев в работе «Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания» построил иерархию видов суверенитетов, где самый верхний уровень принадлежит национальному суверенитету, уровнем ниже следует экономический суверенитет и ещё ниже уровнем стоит технологический суверенитет [Афанасьев, 2022].

Различные исследователи посвящали свои статьи анализу различных определений технологического суверенитета, выявлению ключевых черт авторских трактовок, поиску их преимуществ и недостатков. Так, в 2022 г. И.И. Приходько [Приходько, 2022] выделил 7 определений технологического суверенитета, а в 2023 г. Е.В. Потапцева и В.В. Акбердина — уже 11 [Потапцева, Акбердина, 2023].

В 2022 г. И.И. Приходько отметил, что сформулированные на тот момент определения технологического суверенитета часто строились вокруг какой-то одной сферы, например информационных технологий; они не учитывали фактор участия в международном научно-технологическом сотрудничестве и критерии достижения необходимого состояния экономики [Приходько, 2022].

Е.В. Потапцева, В.В. Акбердина [Потапцева, Акбердина, 2023] обращают внимание на наличие в определениях позиции, согласно которой достижение технологического суверенитета может привести к изоляции страны и ограничению доступа к новым технологиям, повлиять на её конкурентоспособность, так как приводит к отказу от использования передовых технологий в пользу менее эффективных отечественных аналогов. Важно отметить практически единодушное несогласие с подобной позицией исследователей, чьи работы были проанализированы. В частности, А.А. Афанасьев [Афанасьев, 2023а], С.В. Ештокин [Ештокин, 2022], Т.Д. Степанова [Степанова, 2022], В.К. Фальцман [Фальцман, 2018] и непосредственно Е.В. Потапцева и В.В. Акбердина прямо пишут, что обеспечение технологического суверенитета не подразумевает автаркию или изоляцию. В.Е. Дементьев акцентирует внимание на спектре компетенций в сфере перспективных технологий: чем большим спектром будет обладать Россия, тем выше будут её шансы получать нужные ей технологии от других стран без односторонней структурной зависимости [Дементьев, 2023]. И.В. Данилин и Е.А. Сидорова описывают формирование «открытой модели технологического суверенитета», подразумевающей гарантированный доступ к востребованным технологиям за счёт баланса внутренних ресурсов страны и комплекса внешних экономико-технологических партнёрств [Данилин, Сидорова, 2024].

Важно отметить, что подходы к определению технологического суверенитета в научной литературе динамичны. В 2023 г. А.А. Афанасьев предложил уточнённую версию концепции и выделил 6 аспектов, среди которых присутствует и критериально-оценочный (отсылающий к идее В.К. Фальцмана). При этом Афанасьев подчёркивает, что разработка количественных показателей технологического суверенитета сдерживается объективными ограничениями — в частности, отсутствием чётких критериев оценки и доступных данных [Афанасьев, 2023а; Афанасьев, 2023б].

В целом устоявшегося определения термина «технологический суверенитет» пока не существует [Ленчук, 2024; Капогузов, Пахалов, 2024]: в научном сообществе присутствует многообразие его трактовок. Тем не менее все они схожи. Помимо обозначенных подходов и уточнений формулировки технологического суверенитета, свои определения предлагали Т.Р. Гареев [Гареев, 2023], Д.Ю. Файков и Д.Ю. Байдаров [Файков, Байдаров, 2023], Е.Б. Ленчук [Ленчук, 2024]. На этом фоне целесообразно сопоставить непосредственные определения технологического суверенитета из рассмотренных работ в одной общей таблице (см. табл. 1).

Взгляды на достижение технологического суверенитета со временем изменялись и приобретали более точные очертания. В 2024 г. Е.В. Потапцева, В.В. Акбердина и А.О. Пономарева отметили, что «понимание технологического суверенитета в России эволюционирует от общего набора мер и направленности на использование отечественных ресурсов к более структурированному и целенаправленному подходу, акцентирующему внимание на национальном контроле в сфере критических и сквозных технологий» [Потапцева, Акбердина, Пономарева, 2024. С. 829]. Была отмечена также новая тенденция — курс на достижение «технологического лидерства» — категории, которая будет рассмотрена подробнее далее.

В целом для понимания технологического суверенитета российским научным сообществом характерны самостоятельное выведение понятия из связанных с ним терминов «технология» и «суверенитет», многообразие схожих между собой трактовок. Не подвергается сомнению ключевая роль государства в обеспечении технологического суверенитета; делается акцент на важной роли инноваций, НИОКР, развития институтов. В контексте обсуждения технологического суверенитета, речь идёт о ключевых, критических технологиях с акцентом на высокотехнологичные технологии, инновации [Петров, Филиппов, 2023; Потапцева, Акбердина, Пономарева, 2024; Черноусов, 2025], а также на цифровизацию как частное их проявление [Ештокин, 2022], из чего следует сужение понимания технологического суверенитета. В своих работах учёные дают рекомендации по достижению Россией технологического суверенитета, но, как правило, в общем методическом виде без чётких критериев, количественных показателей и расчётных методик, за исключением В.К. Фальцмана.

Таким образом, проявляется определённая двойственность: одни авторы понимают технологический суверенитет как набор исчислимых экономических показателей, другие — как общую нормативную установку на достижение самостоятельности страны в определённых областях.

Технологический суверенитет в понимании органов государственной власти РФ

Для интерпретации понимания технологического суверенитета представителями органов государственной власти Российской Федерации необходимо опираться в первую очередь на российские нормативные правовые акты: Указы Президента, Постановления Правительства или палат Совета Федерации, федеральные законы. Перед рассмотрением конкретных характеристик определения технологического суверенитета, следующих из перечисленных типов нормативных правовых актов, нужно вновь подчеркнуть динамичность развития данной концепции в России. Так же, как и в случае с видением технологического суверенитета научным сообществом, органы власти РФ развивали свои подходы и уточняли формулировки со временем. Поэтому подходы представителей государственной власти РФ к трактовке технологического суверенитета рассмотрены в хронологическом порядке. Это позволяет отразить эволюцию взглядов и представить их наиболее полным образом (рис. 5, 6, 7).

Первое официальное определение технологического суверенитета, которое предлагалось включить в российское законодательство, относится к концу 2022 г. Тогда Минпромторг России предложил проект поправок для внесения в ФЗ от 31.12.2014 г.

Таблица 1

Трактовки технологического суверенитета различными авторами в анализируемых научных публикациях

Автор	Трактовка технологического суверенитета	Преимущества трактовки	Недостатки трактовки
Фальцман, 2018	Технологический суверенитет — это «способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества, пусть даже частично за счет её импортных поставок, но при обязательном условии возмещения импортных затрат за счёт поступлений от реализации собственного экспорта»... «Для измерения научно-технологического суверенитета отрасли (вида экономической деятельности) можно использовать следующий индикатор: $\alpha = 100(\text{Э} - \text{И}) / (\text{Э} + \text{И})$ » [С. 85], где: α — показатель технологического суверенитета отрасли в %; Э — экспорт продукции отрасли; И — импорт продукции отрасли	Наличие конкретной методики измерения показателя технологического суверенитета	Фокус внимания исключительно на сфере внешней торговли без явного учёта внутреннего потребления в стране
Приходько, 2022	Технологический суверенитет — это «достигнутая степень локализации мирового процесса создания технологий, обеспечивающая такое влияние на технологический процесс стран-партнёров международного технологического обмена и кооперации, которое бы делало неприемлемыми для данных стран издержки ограничения свободы использования иностранных технологий отечественными компаниями» [С. 94]	Подчёркивается глобальный характер технологического обмена и кооперации. Упоминается некая степень локализации, что является шагом в сторону формализации определения технологического суверенитета	Неопределённый или абстрактный отраслевой перечень технологий. Отсутствие чётких показателей достижения технологического суверенитета
Афанасьев, 2023а	Технологический суверенитет — это «достигнутый уровень реальной независимости страны в области науки, техники и технологий, чем обеспечивается беспрепятственная реализация национальных интересов в техносфере с учётом существующих и перспективных угроз» [С. 147]	Упоминается некий уровень независимости, что является шагом в сторону формализации определения технологического суверенитета	Неопределённый или абстрактный отраслевой перечень технологий. Отсутствие чётких показателей достижения технологического суверенитета
Потапцева, Акбердина, 2023	Технологический суверенитет — это «способность государства или промышленного комплекса разрабатывать, внедрять и использовать свои технологические решения без зависимости от технологий, поставляемых извне» [С. 9]	Рассматривается не только уровень всего государства, но и отдельного промышленного комплекса — фокус на отраслевом развитии	Отсутствие чётких показателей достижения технологического суверенитета

Гареев, 2023	«Мы утверждаем, что на микроуровне технологический суверенитет складывается из технологической независимости конечного набора технически сложных решений (продуктов), которые отвечают за обеспечение жизнедеятельности» [С. 47]	Рассматривается не только уровень всего государства, но и отдельных продуктов — фокус на отраслевом развитии. Относительно конкретный отраслевой перечень технологий	Специфичность ключевых технологических элементов для каждой отрасли осложняет выработку общего заключения о достижении технологического суверенитета
Файков, Байдаров, 2023	Технологический суверенитет — это «возможность и способность страны независимо от внешних воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать, продвигать технологии, которые обеспечивают геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии» [С. 76]	Подчёркивается глобальный характер технологического обмена и кооперации. Отмечается необходимость долгосрочного прогнозирования, проведения исследований и разработок для обеспечения технологического суверенитета, что подтверждает важность составления конкретной перечней технологий	Отсутствие явно измеримых показателей достижения технологического суверенитета
Ленчук, 2024	Технологический суверенитет — это «способность национальной экономики и научно-технологического комплекса относительно самостоятельно создавать в стране критические и сквозные технологии и производить продукцию на их основе, обеспечивающую устойчивое развитие экономики и достижение стратегических национальных целей развития» [С. 234]	Технологический суверенитет увязывается с конкретными целями. Рассматривается не только уровень всего государства, но и отдельного научно-технологического комплекса — фокус на отраслевом развитии	Ставится вопрос не о достижении конкретного конечного состояния экономики, а о постоянном движении к технологическому суверенитету — следовательно, нельзя установить, является ли страна технологически суверенной в определённый момент. Неопределённый или абстрактный отраслевой перечень технологий

Источник: составлено автором.

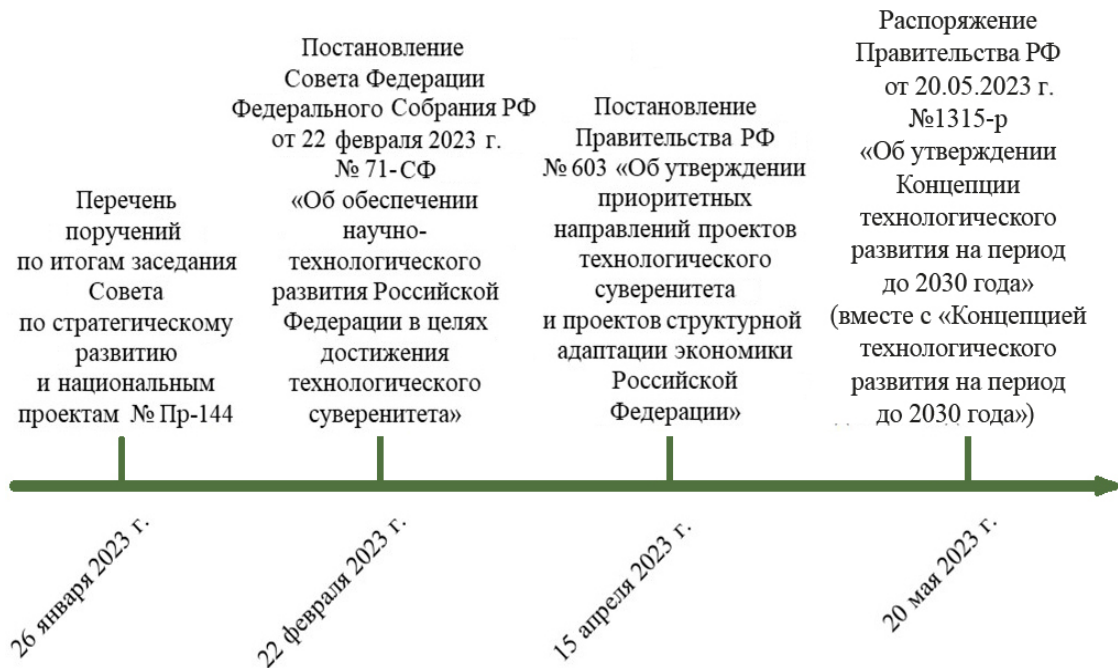

Рис. 5. Нормативные правовые акты РФ, характеризующие понятие технологического суверенитета, в хронологическом порядке, часть 1

Источник: составлено автором на основе законодательства РФ, по состоянию на 07.08.2025 г.

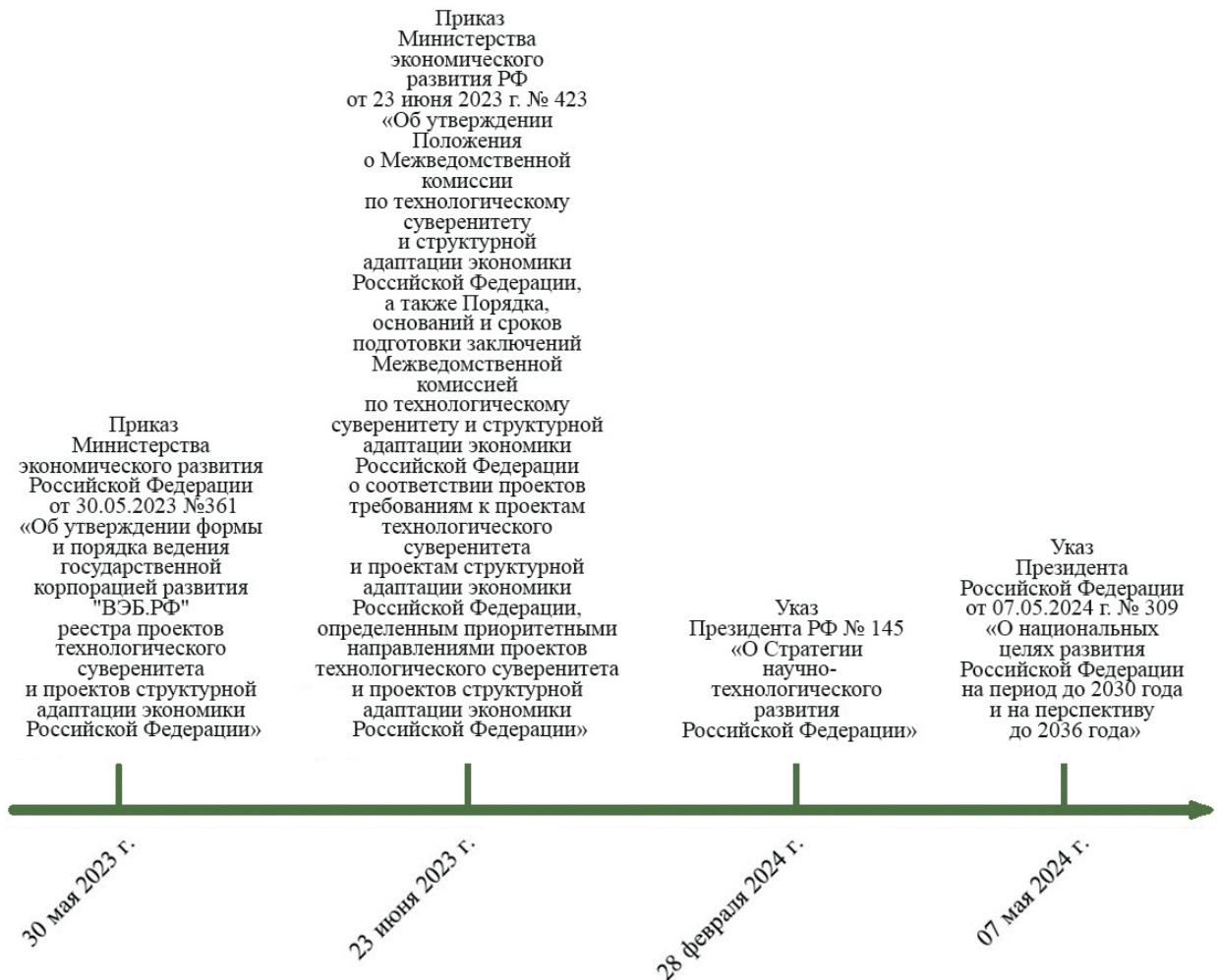

Рис. 6. Нормативные правовые акты РФ, характеризующие понятие технологического суверенитета, в хронологическом порядке, часть 2

Источник: составлено автором на основе законодательства РФ, по состоянию на 07.08.2025 г.

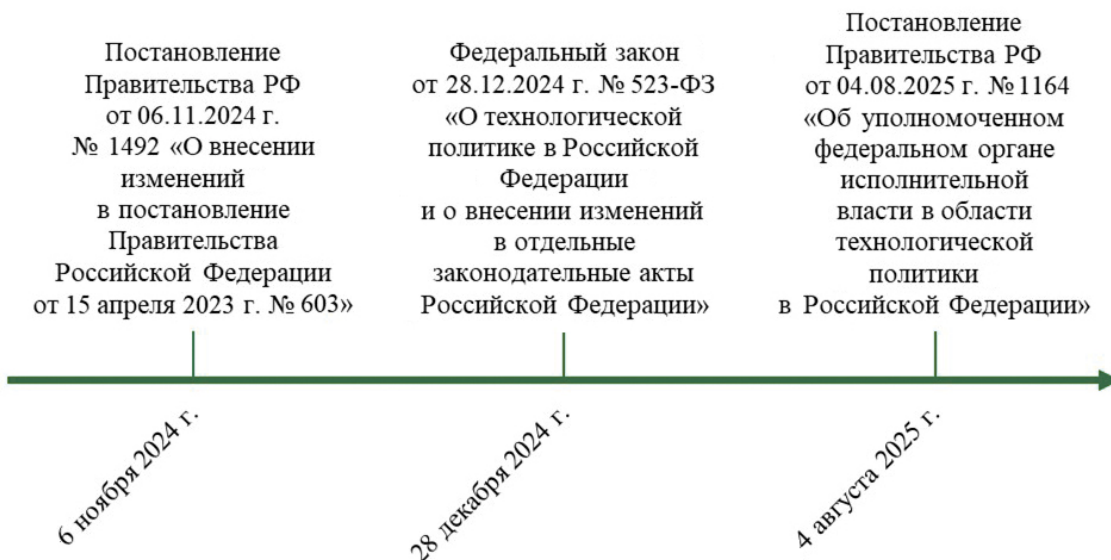

Рис. 7. Нормативные правовые акты РФ, характеризующие понятие технологического суверенитета, в хронологическом порядке, часть 3

Источник: составлено автором на основе законодательства РФ, по состоянию на 07.08.2025 г.

№ 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», в котором содержалось определение технологического суверенитета как комплекса мер, нацеленных на обеспечение, развитие и удержание внутри России кадрового, финансового, технологического и материального потенциала развития российской промышленности [Гринкевич, Кинякина, Бойко, Сидоркова, 2022]. Однако это понятие не было закреплено в законе и в настоящий момент, по состоянию на начало августа 2025 г., отсутствует в нём.

В середине апреля 2023 г. было принято Постановление Правительства РФ № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации»⁴. В связи с ним Минэкономразвития 30 мая 2023 г. издало Приказ № 361 «Об утверждении формы и порядка ведения государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ» реестра проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации»⁵, а 23 июня 2023 г. — Приказ № 423 «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по технологическому суверенитету и структурной адаптации экономики Российской Федерации»⁶.

Особое место в понимании сути технологического суверенитета принадлежит Критериям проектов технологического суверенитета (таксономия проектов технологического суверенитета), перечисленных в Приложении 1 к Постановлению Правительства РФ № 603. По самым крупным группам, в таксономии указаны 13 пунктов, позволяющих судить об отраслевом аспекте реализации проектов технологического суверенитета:

⁴ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации: Постановление от 15 апреля 2023 г. № 603. Правительство Российской Федерации. Дата публикации: 15.04.2023. URL: <http://government.ru/docs/all/147043/> (дата обращения: 09.08.2025).

⁵ Об утверждении формы и порядка ведения государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ» реестра проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации: Приказ от 30 мая 2023 г. № 361. Министерство экономического развития Российской Федерации. Дата публикации: 15.06.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306150004> (дата обращения: 09.08.2025).

⁶ Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по технологическому суверенитету и структурной адаптации экономики Российской Федерации: Приказ от 23 июня 2023 г. № 423. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&prevDoc=605442337&backlink=1&nd=605991763&rdk=> (дата обращения: 09.08.2025).

- 1) авиационная промышленность;
- 2) автомобилестроение;
- 3) железнодорожное машиностроение;
- 4) медицинская промышленность;
- 5) нефтегазовое машиностроение;
- 6) сельскохозяйственное машиностроение;
- 7) специализированное машиностроение;
- 8) станкоинструментальная промышленность и тяжёлое машиностроение;
- 9) судостроение;
- 10) фармацевтическая промышленность;
- 11) химическая промышленность и композитные материалы;
- 12) электронная и электротехническая промышленность;
- 13) энергетическая промышленность.

Несмотря на то, что в нормативных правовых актах Российской Федерации уже были обозначены цели по достижению технологического суверенитета и критерии проектов в этой области, на тот момент в законодательстве ещё отсутствовало чёткое определение самого понятия «технологический суверенитет». Оно было введено 20 мая 2023 г. в «Концепции технологического развития на период до 2030 года», изданной вместе с Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р⁷. В Концепции технологический суверенитет был определён как «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы». Было отмечено, что технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах — исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях. Кроме того, в Концепции было подчёркнуто, что технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами.

Таким образом, ключевая характеристика технологического суверенитета, следующая из изложенного в Концепции описания — это наличие технологий и условий, необходимых для реализации национальных интересов. Уточнённое определение технологического суверенитета было приведено в Указе Президента РФ №145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», изданном 28 февраля 2024 г.⁸ В Указе под суверенитетом Российской Федерации в технологической сфере (технологическим суверенитетом) понималась способность государства создавать и применять наукоёмкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовывать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства. В этом определении речь шла уже не просто об абстрактном наличии технологий, а о возможности их конкретно создавать и применять; также подробнее была раскрыта часть, описывающая национальные интересы России.

⁷ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: Распоряжение от 20 мая 2023 г. № 1315-р. Правительство Российской Федерации. Дата публикации: 25.05.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050> (дата обращения: 09.08.2025).

⁸ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145. Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 09.08.2025).

В мае 2024 г. был издан Указ Президента № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁹. В нём одной из национальных целей развития РФ было обозначено «технологическое лидерство» — термин, ранее не применявшийся в документах. Указ также обозначает задачи и показатели, характеризующие достижение цели, обозначенной как «Технологическое лидерство». Ключевой из задач является «обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков по таким направлениям, как биоэкономика, сбережение здоровья граждан, продовольственная безопасность, беспилотные авиационные системы, средства производства и автоматизации, транспортная мобильность (включая автономные транспортные средства), экономика данных и цифровая трансформация, искусственный интеллект, новые материалы и химия, перспективные космические технологии и сервисы, новые энергетические технологии (в том числе атомные)». При сравнении формулировки данной задачи с определением технологического суверенитета из Указа Президента РФ №145 легко заметить преемственность концепции технологического лидерства по отношению к технологическому суверенитету — оба термина подразумевают комплекс действий, направленных на обеспечение независимости Российской Федерации в определённых сферах деятельности. Однако термин «технологическое лидерство», а точнее, определение его характеристик, заметно подробнее и конкретнее, чем формулировки понятия «технологический суверенитет» — оно включает более узкий перечень наукоёмких, высокотехнологичных отраслей.

Необходимо сделать акцент на ещё одной национальной цели развития, указанной в подпункте «д» пункта 1 Указа — «Устойчивая и динамичная экономика» — и одной из определяющих её задач из подпункта «с» пункта 6 — «формирование сети устойчивых партнёрств с иностранными государствами и создание необходимой инфраструктуры для внешнеэкономической деятельности, технологической и промышленной кооперации и освоения новых рынков». Не напрямую, но органично, эта задача дополняет цель по обеспечению технологического лидерства — формирование новых рынков в смысле развития новых технологий, что можно сопоставить с освоением новых рынков в плане расширения внешнеэкономической деятельности. Эти созвучные характеристики переносят вопрос о кооперации РФ с иностранными государствами в сфере развития технологий в отдельную область от задачи обеспечения независимости, но в то же время оставляют потенциал для взаимодействия и развития. Иными словами, достижение технологической независимости России рассматривается государством при осуществлении международного сотрудничества.

Конец 2024 г. был отмечен принятием двух значимых нормативных правовых актов, относящихся к определению технологического суверенитета. Было издано Постановление Правительства РФ от 06.11.2024 г. № 1492¹⁰, в котором были уточнены некоторые позиции таксономии и расширен перечень проектов технологического суверенитета. Далее, 28 декабря 2024 г., был принят Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 523-ФЗ¹¹, который был призван внести ясность в отношения между субъектами, осуществляющими формирование технологической политики в Российской Федерации, и лицами, осуществляющими содействие развитию технологий. Кроме того, в этом законе было определено понятие технологического лидерства

⁹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309. Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 09.08.2025).

¹⁰ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603: Постановление от 6 ноября 2024 г. № 1492. Правительство Российской Федерации. Дата публикации: 06.11.2024. URL: <http://government.ru/docs/all/156088/> (дата обращения: 09.08.2025).

¹¹ О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ. Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500> (дата обращения: 09.08.2025).

России — «технологическая независимость Российской Федерации, выражающаяся в разработке отечественных технологий и создании продукции с использованием таких технологий с сохранением национального контроля над критическими и сквозными технологиями на основе собственных линий разработки технологий в целях экспорта конкурентоспособной высокотехнологичной продукции и (или) замещения ею на внутреннем рынке продукции, создаваемой на базе устаревших и (или) иностранных технологий, а также превосходство таких технологий и продукции над зарубежными аналогами». Обозначенные ранее тезисы об инновационном характере технологического лидерства по отношению к технологическому суверенитету в общем смысле и о допустимости международной кооперации находят тут подтверждение и дополняются важным уточнением — сохранением национального контроля РФ над критическими и сквозными технологиями.

Подводя итоги раздела, необходимо обозначить основные свойства технологического суверенитета в видении представителей органов российской государственной власти. Принятие новых нормативных правовых актов и внесение изменений в уже существующие придают концепции технологического суверенитета осязаемую форму, создают упорядоченную систему связанных с его достижением отношений между органами власти, а также представителями государства и бизнеса. С позиции институтов, ответственное за практическое достижение технологического суверенитета ведомство — Министерство экономического развития, а ведение реестра проектов технологического суверенитета возложено на государственную корпорацию развития «ВЭБ.РФ». Для проектов технологического суверенитета, включённых в реестр, могут применяться меры стимулирующего регулирования Банка России¹².

Главная цель достижения технологического суверенитета — обеспечение независимости и конкурентоспособности России в стратегически значимых сферах деятельности. В отраслевом разрезе технологический суверенитет охватывает сферы транспорта, медицины, добывающей промышленности, машиностроения, химической и электронной промышленности. Технологический суверенитет подразумевает, как и в случае с его трактовкой представителями научного сообщества, два измерения. Однако в этом случае они разделяются не по критерию качественное-количественное, а по специфике производственных процессов: исследования, разработка, внедрение технологий и производство высокотехнологичной продукции с опорой на указанные технологии.

Важно также отметить, что реализация мер по достижению технологического суверенитета предполагается во взаимодействии с иностранными государствами-партнёрами. Технологический суверенитет в сфере инноваций переходит в новую понятийную категорию — технологическое лидерство.

Технологический суверенитет в понимании российского бизнеса

Выступая 16 октября 2024 г. на конференции «BRICS Vision Conference 2024: Technological Sovereignty» в Москве А.Л. Силинг, исполнительный директор АНО «Платформа Национальной технологической инициативы» («Платформа НТИ»), выразил мнение [Силинг, 2024], что понимание сути технологического суверенитета важно, однако современные аналитические модели не дают ответа на этот вопрос, потому что строятся преимущественно на инвестиционной логике; фактор влияния технологий на суверенитет, на способность страны вести самостоятельную политику, как будто бы не существует в публичном обсуждении; нет методик, нет устоявшегося языка. Он также отметил, что «Платформа НТИ»¹³ ведёт работу по созданию категориального аппарата, который бы позволил ввести терминологию обеспечения технологического суверенитета

¹² Технологический суверенитет. ВЭБ.РФ. URL: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/tekhnologicheskii-suverenitet/> (дата обращения: 16.07.2027).

¹³ Платформа НТИ. АНО «Платформа НТИ». URL: <https://platform.nti.work/> (дата обращения: 28.07.2025).

в поле бизнес-решений. С этой целью «Платформой НТИ», а также «Агентством стратегических инициатив» и «Фондом НТИ» разработана инициатива «Платформа суверенного технологического развития»¹⁴, на которой приводятся различные модели, например «Модель потребностей человека и задачи государства» и «Модель технического суверенитета». Отсюда исходят два заключения. Во-первых, у государства и бизнеса, по состоянию на октябрь 2024 г., не было выработано общего понимания потребностей по обеспечению технологического суверенитета. Во-вторых, понятие технологического суверенитета, несмотря на закрепление в «Концепции технологического развития на период до 2030 года» и Указе Президента РФ от 28 февраля 2024 г., всё ещё требовало уточнений.

Перечисленные наблюдения обусловили потребность обобщить взгляды на определение технологического суверенитета со стороны различных представителей российского бизнеса. Данная категория неоднородна, поскольку термин «бизнес» объединяет компании разного размера из разных отраслей. Однако у них есть общая точка соприкосновения, которая могла бы дать представление о том, какими терминами оперирует бизнес в целом, когда речь идёт о технологическом суверенитете — это деловые СМИ, освещающие релевантную для компаний информацию.

В качестве таких СМИ были взяты «Ведомости»¹⁵, «РБК»¹⁶, «Forbes Россия»¹⁷, «Коммерсантъ»¹⁸, «Секрет Фирмы»¹⁹, «Монокль»²⁰, «Т—Ж»²¹ и «BFM.RU»²². Первые четыре издания из списка — одни из крупнейших деловых СМИ по охвату аудитории в России, а «Секрет Фирмы», «Монокль», «Т—Ж» и «BFM.RU» позволили бы оценить степень освещения технологического суверенитета в менее крупных медиа.

¹⁴ Платформа суверенного технологического развития. АНО «Платформа НТИ». URL: <https://ts.nti2035.ru/> (дата обращения: 28.07.2025).

¹⁵ Запрос «технологический суверенитет». Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/search?query=%22%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%22&sort=date&doc_types=press_releases,materials&search_sources=vedomosti,newspaper&material_types=news,articles (дата обращения: 28.07.2025).

¹⁶ Запрос «технологический суверенитет». РБК. URL: <https://www.rbc.ru/search/?query=%22%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%22&project=rbccompanies%7Cindustries> (дата обращения: 28.07.2025).

¹⁷ Запрос «технологический суверенитет». Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/> (дата обращения: 28.07.2025).

¹⁸ Запрос «технологический суверенитет». Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/search/results?search_query=%22%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%22&sort_type=0&search_full=2&places=1&places=86%2C284%2C286&time_range=1&dateStart=1991-01-01&dateEnd=2025-07-14&stamp=638881254884567733&page=1 (дата обращения: 28.07.2025).

¹⁹ Запрос «технологический суверенитет». Секрет Фирмы. URL: <https://secretmag.ru/search?page=1&query=%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82> (дата обращения: 28.07.2025).

²⁰ Запрос «технологический суверенитет». Монокль. URL: <https://monocle.ru/search/?q=%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%22#gsc.tab=0&gsc.q=%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%22&gsc.page=1> (дата обращения: 28.07.2025).

²¹ Запрос «технологический суверенитет». Т—Ж. URL: <https://t-j.ru/search/?q=%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82> (дата обращения: 28.07.2025).

²² Запрос «технологический суверенитет». BFM.RU. URL: <https://www.bfm.ru/search/SearchPageForm%5Bquery%5D/%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82/yt0//searchPage/1> (дата обращения: 28.07.2025).

В настоящее время все крупные СМИ представлены не только собственными сайтами, но и каналами, сообществами в социальных сетях. Для сбора данных были взяты только публикации с собственных сайтов изданий по причине их полноты (нет ограничений на число символов в одной публикации в социальной сети), охвата (в социальных сетях часто выкладываются только самые яркие новости, много новостей по тематике размещаются лишь на оригинальном сайте) и во избежание дублирования публикаций между социальными сетями и сайтами.

Для каждого сайта был введён поисковый запрос «технологический суверенитет», заключённый в кавычки для точного нахождения полного словосочетания, а не отдельных слов, в тексте. При этом результаты поисковой выдачи учитывали все формы словосочетания. Для всех источников, кроме «РБК», не был установлен фильтр по времени публикации новостей. Особенности алгоритмов поисковой выдачи «РБК» — после ввода запроса высвечиваются 2000 публикаций, в разной степени связанные с запросом; независимо от уточнения запроса максимальное число результатов всегда 2000 при прокрутке в конец выдачи — обусловили отбор только первых 250 результатов поиска, все из которых опубликованы в 2025 г. При наличии фильтров на сайте поисковая выдача была ограничена наиболее подходящими целям исследования разделами, как, например, «РБК Отрасли» и «РБК Компании». Сбор был осуществлён при помощи плагина «Web Scraper» для браузера «Google Chrome»; плагин поддерживается Институтом системного программирования им. В.П. Иванникова Российской академии наук. В данном подсчёте и сборе данных неполный 2025 г. не был исключён, так как ценность анализа СМИ заключается в отражении текущих тенденций. Всего по итогам сбора был получен массив текстов, состоящий из 1600 публикаций.

Анализ обобщённых результатов сбора (рис. 8) показывает, что интерес к технологическому суверенитету существовал в российских деловых СМИ ещё в 2000 г. — это видно на примере издания «Ведомости». С 2009 г. публикации про технологический суверенитет начали появляться в «BFM.RU», а с 2014 г. интерес к тематике начал проявлять и «Коммерсантъ». Однако числа публикаций в год в этих СМИ по заданной теме не превышали 11 в каждом издании и, как правило, находились в районе одной — пяти новостей за год. По-настоящему широко о технологическом суверенитете в российских деловых СМИ начали писать с 2022 г. Лидером по числу публикаций стали «Ведомости», за ними последовал «Коммерсантъ», а на третьем месте находился источник «BFM.RU». Можно также отнести к лидерам по числу

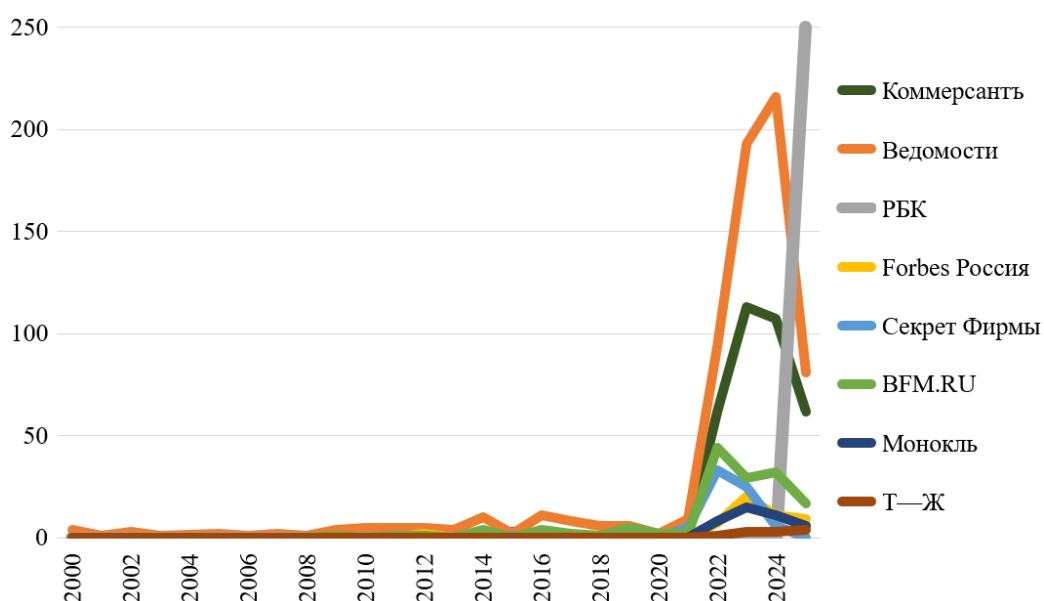

Рис. 8. Число публикаций о технологическом суверенитете в российских бизнес-СМИ, 2000–2025 гг.

Источник: составлено автором на основе собранных данных.

говорят частые упоминания слов «компания», «рынок», «экономика», «предприятие». Достижение технологического суверенитета ассоциировалось с разработкой определённых технологий в целях развития производства, промышленности, цифровых технологий, достижения экономической безопасности и выполнения целей импортозамещения. В этой связи подчёркивалась важная роль науки, о чём свидетельствует отображение слов «научный» и «наука», пусть и не на первых местах, но всё же среди 75 самых часто употребляемых слов. Одно из ключевых наблюдений — то, что бизнес и деловые СМИ, обсуждая технологический суверенитет, в основном уделяют внимание политике российских органов государственной власти и мерам оказываемой ими поддержки. Об этом свидетельствует частое упоминание слов «президент», «Путин», «премьер», «Мишустин», «поддержка», «правительство», «политика», «бюджет», «власть», «государство», «нацпроект», «Госдума», «Минэкономразвития», «Минпромторг». Из результатов проведённого анализа следует, что, говоря о технологическом суверенитете, российский бизнес в первую очередь ориентируется на позицию органов государственной власти и описывает приоритеты, которые ставит государственная власть России, а также меры поддержки для бизнеса, которые действуют в данной области. Возвращаясь к позиции А.Л. Силинга, указавшего в октябре 2024 г. на проблему отсутствия в публичном обсуждении понимания технологического суверенитета и фактора влияния технологий на суверенитет из-за недостатка устоявшейся терминологии, то по итогам проведения контент-анализа можно частично поддержать её. Бизнес зачастую повторяет позицию государства, цитирует её — это, с одной стороны, свидетельствует о наличии некоторого «общего языка», но, с другой — не позволяет однозначно утверждать, что бизнес понимает потребности страны: ведь анализ исходящих от него текстов — только лишь повтор того, что мы встречаем в государственных документах. Вопрос международного обмена технологиями представителями бизнеса не освещается.

Заключение

Подводя итоги, необходимо обозначить, что для дискурса о технологическом суверенитете характерны сохраняющийся рост интереса к теме со стороны представителей научного сообщества и государства, сопровождающийся осознанием необходимости обеспечения технологического суверенитета России. Со стороны представителей бизнеса на основании результатов анализа набора публикаций из деловых СМИ можно утверждать об охлаждении интереса к теме.

Вместе с тем в научных публикациях наблюдается многообразие трактовок понятия технологического суверенитета, преобладание авторских подходов, тем не менее схожих в общем понимании термина «технологический суверенитет».

И наука, и бизнес сходятся во мнении о первостепенной роли государственной власти в обеспечении технологического суверенитета России — только государство может реализовать все инициативы, необходимые для достижения этой цели. Все без исключения исследователи и практики при перечислении таких инициатив делают акцент на важной роли инноваций, НИОКР, развитии институтов (как в научном, так и в широком общественном смысле). Притом различные авторы фокусируются на рекомендациях и нормативных утверждениях о мерах, необходимых для достижения этой цели, а компании ориентируются на существующие меры государственной поддержки. Представители как научного сообщества, так и деловых кругов, подчёркивают важность возможности страны разрабатывать и внедрять ключевые технологии для обеспечения её экономической безопасности; в то же время обе категории субъектов зачастую фокусируются на цифровизации. При этом представители органов государственной власти понимают технологический суверенитет значительно шире: в таксономии проектов технологического суверенитета в Приложении 1 к Постановлению Правительства РФ

№ 603 перечислены 13 отраслей экономики, притом «электронная и электротехническая промышленность» — лишь одна из них. Инновации и высокотехнологичные отрасли, в том числе цифровые технологии и искусственный интеллект, отнесены государством к категории «технологического лидерства» — более конкретной, чем «технологический суверенитет» и не противоречащей ему.

И государство, и наука допускают возможность использования международного обмена технологиями и сотрудничества с иностранными государствами для обеспечения технологического суверенитета. Российский бизнес не рассматривает этот вопрос среди ключевых.

Важно отметить дуализм понимания технологического суверенитета каждой из рассматриваемых групп. Позиции учёных позволяют рассматривать его, с одной стороны, как концепцию, стратегию развития страны, а с другой — как исчисляемый показатель. А в «Концепции технологического развития на период до 2030 года» технологический суверенитет также разделяется на два проявления: в первую очередь — исследования, разработку, внедрение технологий; во вторую очередь — производство высокотехнологичной продукции с опорой на указанные технологии. В трактовке технологического суверенитета деловыми кругами также возможно указать на определённую двойственность: термин чаще всего обсуждается, с одной стороны, в контексте обеспечения экономической безопасности страны и импортозамещения, а с другой — в рамках выделения проектов, реализация которых поддерживается государством.

Из описанных сопоставлений следуют несколько выводов. Во-первых, в дискурсе о технологическом суверенитете в России наблюдается преобладание позиции государства, обозначающей рамки обсуждения для научного сообщества и бизнеса. Это закономерно, так как все категории субъектов признают первостепенную роль государства в данном контексте. Во-вторых, отсутствуют чёткие количественные показатели и методики оценки степени достижения технологического суверенитета. В-третьих, представители российского бизнеса, от которых непосредственно зависит достижение страной технологического суверенитета, в значительной мере воспроизводят государственную риторику, не демонстрируя собственного глубокого понимания потребностей страны в этой сфере.

Эти наблюдения указывают на необходимость совершенствования понятийного аппарата, разработки конкретных критериев и показателей для оценки степени технологической суверенности отраслей экономики, а также на установление более эффективного диалога между государством, наукой и бизнесом для формирования более согласованной и действенной стратегии достижения технологического суверенитета.

Однако общее описание технологического суверенитета как желаемого состояния экономики уже законодательно закреплено и ещё будет совершенствоваться. Можно попытаться извлечь большее значение из каждого отдельного словосочетания и слова трактовки технологического суверенитета властью и теоретизировать на этой основе, но вряд ли это будет способствовать реальному приближению к точности определения. Напротив, каждая собственная теоретическая трактовка будет лишь множить его толкования и запутывать тех, кто решит дать себе ответ на вопрос: «Что же такое технологический суверенитет?» Вероятно, ответить одновременно и универсально, и в то же время достаточно подробно на то, что такое технологический суверенитет, нельзя. Реально ли в паре предложений однозначно описать, какой должна стать экономика страны, чтобы её можно было охарактеризовать как технологически независимую? Признание многообразия формулировок определений технологического суверенитета может стать следующим шагом на пути к его более глубокому пониманию. Это сделает возможным рассмотрение плюрализма понятия и поиск вариантов объединения фрагментов [Ореховский, Разумов, 2025]. В таком случае разумно отталкиваться от отдельных отраслевых показателей и обобщать их, насколько возможно, до общей трактовки.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А.А. (2022). Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания // *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 12. № 9. С. 2377–2394. DOI: 10.18334/err.12.9.116243.
- Афанасьев А.А. (2023а). *Промышленная политика России по достижению технологического суверенитета: теоретико-методологические основы и практические аспекты*. — М.: Первое экономическое издательство.
- Афанасьев А.А. (2023б). Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 13. №2. С. 689–706. DOI: 10.18334/vines.13.2.117375.
- Байдаров Д.Ю., Полосин А.В., Файков Д.Ю. (2023). Формирование новой модели отечественной экономики в контексте технологического суверенитета: принципы и механизмы // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 13. №2. С. 669–688. DOI: 10.18334/vines.13.2.117949.
- Гареев Т.Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации // *Terra Economicus*. Т. 21. № 4. С. 38–54. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54.
- Гринкевич Д., Кинякина Е., Бойко А., Сидоркова И. (2022). Минпромторг предложил способ достичь технологического суверенитета // *Ведомости*. 3 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/03/948680-minpromtorg-predlozhit-sposob-dostich-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 15.08.2025).
- Данилин И.В., Сидорова Е.А. (2024). Концепция технологического суверенитета в меняющемся мире // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024. №3(64). С. 238–243. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_238-243.
- Дементьев В.Е. (2023). Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // *Terra Economicus*. Т. 21. № 1. С. 6–18. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18.
- Дуненкова Е.Н., Онищенко С.И. (2023). Технологический суверенитет России: инновационное развитие отраслей // *Инновации и инвестиции*. № 4. С. 15–18.
- Ештокин С.В. (2022). Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // *Вопросы инновационной экономики*. Т.12. №3. С. 1301–1314. DOI: 10.18334/vines.12.3.116193.
- Капелюшников Р.И. (2025). *Искусственный интеллект и проблема сингулярности в экономике*. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. URL: https://wp.hse.ru/data/2025/01/23/1974857211/WP3_2025_01____.pdf (дата обращения: 20.08.2025).
- Капогузов Е.А., Пахалов А.М. (2024). Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3(64). С. 244–250. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_244-250.
- Ленчук Е.Б. (2024). Технологический суверенитет — новый вектор научно-технологической политики России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3(64). С. 232–237. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_232-237.
- Ореховский П.А., Разумов В.И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром // *AlterEconomics*. Т. 22. № 1. С. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4.
- Петров М.Н., Филиппов Я.С. (2023). Технологический суверенитет: основные принципы концепции национальной научно-технологической безопасности // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 13. № 3. С. 1185–1198. DOI: 10.18334/vines.13.3.118646.
- Потапцева Е.В., Акбердина В.В. (2023). Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации // *Вестник ВолГУ. Экономика*. №3. С. 5–16.
- Потапцева Е.В., Акбердина В.В., Пономарева А.О. (2024). Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России // *AlterEconomics*. Т. 21. № 4. С. 818–842. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9.
- Приходько И.И. (2022). Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление*. № 8 (4). С. 88–96.
- Силинг А.Л. (2024). Новая технологическая платформа БРИКС. Международная стратегическая инициатива // *Видеохостинг VKvideo*. URL: https://vkvideo.ru/video-164984229_456239901?ref_domain=ts.nti2035.ru (дата обращения: 28.07.2025).
- Степанова Т.Д. (2022). Технологический суверенитет России как элемент экономической безопасности // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. Т. 12. № 9А. С. 567–577. <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2022-9/d25-stepanova.pdf>. DOI: 10.34670/AR.2022.19.76.044.
- Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. (2023). На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения // *Экономическое возрождение России*. №1(75). С. 67–82.
- Фальцман В.К. (2018). Технологические суверенитеты России: статистические измерения // *Современная Европа*. №3(82). С. 83–91.
- Черноусов Д.А. (2025). Технологический суверенитет как стратегический приоритет развития России: анализ и перспективы // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 15. № 1. С. 39–56. DOI: 10.18334/vines.15.1.122564.

REFERENCES

- Afanasev A.A. (2022). Technological Sovereignty as a Scientific Category in the Contemporary Knowledge System // *Economy, Entrepreneurship, and Law*. Vol. 12. No. 9. Pp. 2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243 (In Russ.).
- Afanasev A.A. (2023a). *Industrial Policy of Russia to Achieve Technological Sovereignty: Theoretical and Methodological Foundations and Practical Aspects*. — M.: Pervoye ekonomicheskoye izdatel'stvo. (In Russ.).
- Afanasev A.A. (2023b). Technological Sovereignty: Variant Approaches // *Issues of Innovative Economics*. Vol. 13. No. 2. Pp. 689–706. DOI: 10.18334/vinec.13.2.117375 (In Russ.).
- Baydarov D.Yu., Polosin A.V., Faykov D.Yu. (2023). Formation of a New Model of the Domestic Economy in the Context of Technological Sovereignty: Principles and Mechanisms // *Issues of Innovative Economics*. Vol. 13. No. 2. Pp. 669–688. DOI: 10.18334/vinec.13.2.117949 (In Russ.).
- Chernousov D.A. (2025). Technological Sovereignty as a Strategic Priority of Russia's Development: Analysis and Prospects // *Issues of Innovative Economics*. Vol. 15. No. 1. Pp. 39–56. DOI: 10.18334/vinec.15.1.122564 (In Russ.).
- Danilin I.V., Sidorova E.A. (2024). The Concept of Technological Sovereignty in the Transforming World // *Journal of the New Economic Association*. No.3 (64). Pp. 238–243. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_238-243 (In Russ.).
- Dementiev V.E. (2023). Technological Sovereignty and Priorities of Localization of Production // *Terra Economicus*. Vol. 21. No. 1. Pp. 6–18. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18 (In Russ.).
- Dunenikova E.N., Onishchenko S.I. (2023). Technological Sovereignty of Russia: Innovative Development of Industries // *Innovations and Investments*. No. 4. Pp. 15–18. (In Russ.).
- Eshtokin S.V. (2022). End-To-End Technologies of the Digital Economy as a Factor in Shaping a Country's Technological Sovereignty // *Issues of Innovative Economics*. Vol. 12. No. 3. Pp. 1301–1314. DOI: 10.18334/vinec.12.3.116193 (In Russ.).
- Faltsman V.K. (2018). Statistical Measurements of Russia's Technological Sovereignty // *Contemporary Europe*. No. 3(82). Pp. 83–91. (In Russ.).
- Faykov D.Yu., Baydarov D.Yu. (2023). Towards Technological Sovereignty: Theoretical Approaches, Practice, and Proposals // *Economic Revival of Russia*. No.1(75). Pp. 67–82. (In Russ.).
- Gareev T.R. (2023). Technological Sovereignty: from Conceptual Contradiction to Practical Implementation // *Terra Economicus*. Vol. 21. No. 4. Pp. 38–54. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54 (In Russ.).
- Grinkevich D., Kinyakina E., Boyko A., Sidorkova I. (2022). Ministry of Industry and Trade Proposed a Way to Achieve Technological Sovereignty // *Vedomosti*. November 3. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/03/948680-minpromtorg-predlozhit-sposob-dostich-tehnologicheskogo-suvereniteta> (access date: 15.08.2025). (In Russ.).
- Kapeliushnikov R.I. (2025). *Artificial intelligence and the problem of singularity in economics*. — M.: Publishing House of the Higher School of Economics. URL: https://wp.hse.ru/data/2025/01/23/1974857211/WP3_2025_01____.pdf (access date: 20.08.2025). (In Russ.).
- Kapoguzov E.A., Pakhalov A.M. (2024). Technological Sovereignty: Conceptual Approaches and Perceptions by the Russian Academic Experts // *Journal of the New Economic Association*. No. 3(64). Pp. 244–250. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_244-250 (In Russ.).
- Lenchuk E.B. (2024). Technological Sovereignty — a New Trend in Russian Scientific and Technological Policy // *Journal of the New Economic Association*. No. 3(64). Pp. 232–237. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_232-237 (In Russ.).
- Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. (2025). Economic Theory of the «Classboard»: Between Reality and Simulacrum // *AlterEconomics*. Vol. 22. No. 1. Pp. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4 (In Russ.).
- Petrov M.N., Filippov Ya.S. (2023). Technological Sovereignty: Basic Principles of the Concept of National Scientific and Technological Security // *Issues of Innovative Economics*. Vol. 13. No. 3. Pp. 1185–1198. DOI: 10.18334/vinec.13.3.118646 (In Russ.).
- Potaptsheva E.V., Akberdina V.V. (2023). Technological Sovereignty: Concept, Content, and Forms of Implementation // *Bulletin of VolSU. Economy*. No. 3. Pp. 5–16. (In Russ.).
- Potaptsheva E.V., Akberdina V.V., Ponomareva A.O. (2024). The Concept of Technological Sovereignty in the State Policy of Contemporary Russia // *AlterEconomics*. Vol. 21. No.4. Pp. 818–842. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9 (In Russ.).
- Prikhodko I.I. (2022). Theoretical Aspects of the Concept of Technological Sovereignty // *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and Management*. No. 8(4). Pp. 88–96. (In Russ.).
- Siling A.L. (2024). New BRICS Technology Platform. International Strategic Initiative // *Video hosting VKvideo*. URL: https://vkvideo.ru/video-164984229_456239901?ref_domain=ts.nti2035.ru (access date: 28/07/2025). (In Russ.).
- Stepanova T.D. (2022). Technological Sovereignty of Russia as an Element of Economic Security // *Economy: Yesterday, Today, Tomorrow*. Vol. 12. Is. 9A. Pp. 567–577. DOI: 10.34670/AR.2022.19.76.044 (In Russ.).

Бондарев Иван Михайлович

ORCID: 0009-0009-5346-8348

i.bondarev@inno.mgimo.ru

Ivan Bondarev

Lecturer, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ORCID: 0009-0009-5346-8348

i.bondarev@inno.mgimo.ru

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AS A CONSENSUS OF RUSSIAN SCIENCE, STATE AND BUSINESS: THEORETICAL ASPECTS

Abstract. The article presents a comparative analysis of the views on the concept of technological sovereignty of three groups of subjects: the scientific community of Russia, representatives of government bodies of the Russian Federation and business circles. Scientific works served as sources for the study of the position of Russian scientists, legal acts of the Russian Federation for the point of view of government bodies, and the position of business — by means of content analysis of 1600 publications from business media. The results revealed both common features and significant differences in the interpretations of technological sovereignty. All groups of subjects emphasize the primary role of the state in achieving technological sovereignty, underlining the importance of developing science and high-tech industries. However, the scientific community and business often narrow technological sovereignty to the development of innovative technologies and the organization of production based on them; the most common example is digitalization. The state understands technological sovereignty more broadly and singles out innovative industries in a separate category — technological leadership. In addition, both the state and science agree that technological sovereignty does not imply the country's refusal of international partnership in technological terms; business does not bring this issue to the forefront. The interpretation of technological sovereignty by all groups of subjects implies a certain duality of this concept: an economic development strategy or a quantifiable indicator from the scientific community's point of view; the development of technologies or production based on them by the state; import substitution projects or projects supported by the state, as understood by the business circles. Based on the analysis of the research results, the author focuses on the need to improve the conceptual apparatus associated with defining goals for achieving technological sovereignty of the Russian Federation, developing specific criteria and indicators for assessing the degree of technological sovereignty of economic sectors, as well as establishing a more effective dialogue between the state, science and business to form a more coordinated and effective strategy for achieving technological sovereignty.

Keywords: *Russia, technological sovereignty, open data, science, business, state.*

JEL: B40, D29, K20, L52, O38.

Н.М. Розанова

*д.э.н, проф., Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России*

ФИЛОСОФИЯ ЭКОСИСТЕМЫ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В РАБОТАХ С.Н. БУЛГАКОВА

Аннотация. Хотя термин «экосистема» применительно к экономике появился в конце XX в., концепция гармоничного взаимодействия человека и природы привлекала многих исследователей. Одним из наиболее важных вкладов в развитие данной концепции являются произведения российского экономиста, философа и теолога С.Н. Булгакова. В статье анализируются положения работ С.Н. Булгакова с точки зрения возникновения и развития теоретического представления о новом явлении в экономической жизни людей, экосистемы человека и природы. Концепция экосистемы позволяет правильно расставить приоритеты в деятельности компаний и государства, повысить эффективность управленческого труда и увеличить удовлетворённость индивида от своей деятельности. Ключевыми элементами экосистемы в представлении С.Н. Булгакова являются: хозяйство как трансцендентная реальность, выходящая за рамки видимых хозяйственных процессов; уникальное пространство единого человечества, охватывающее сверхприродные свойства людей; креативный характер свободного труда. Гармония человека и природы в технократическом мире, согласно Булгакову, возможна на глубокой духовной основе, когда практическая хозяйственная деятельность подчинена более высоким духовным целям, объединённым в идее софийности. Для того чтобы реализовать экосистему, необходимо выработать правильное мировоззрение у всех участников экономического процесса, синхронизировать ценностные ориентиры людей на всех уровнях управленческой иерархии, от простого работника до высшего менеджера и далее вплоть до высшего государственного поста. Устойчивое развитие человека и природы преодолевает технологические, административные, временные, социальные и прочие ограничения, накладываемые как природным компонентом хозяйства, так и общественными нормами. Понимание противоречивого характера экономической активности и экономического прогресса, как считает Булгаков, позволяет вести поиски общего духовного начала в хозяйственной организации человеческой деятельности. Таким началом, по мысли Булгакова, является София, Премудрость Божия. Ориентация человека на духовную основу жизни (как бы мы её ни называли сегодня) повышает его ответственность за свои решения и их последствия, что делает индивида подлинным хозяином окружающего мира.

Ключевые слова: *гносеология экономики, онтология экономики, аксиология экономики, философия хозяйства, управление, управленческое знание, экономика и социальные ценности; экономика устойчивого развития.*

JEL: A13, B19, B30, B49, M14, O10

УДК: 330.87

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_135_145

© Н.М. Розанова, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Розанова Н.М. Философия экосистемы человека и природы в работах С.Н. Булгакова // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 135–145. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_135_145.*

FOR CITATION: *Rožanova N. Ecosystem Philosophy of Nature and Human Beings in the Works of Sergei Bulgakov // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 135–145. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_135_145.*

Введение

В 2025 г. отмечалось 270-летие Московского университета, юридический факультет которого в 1894 г. закончил Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944), где он по рекомендации А.И. Чупрова был оставлен для подготовки докторской диссертации. В 1895 г. Булгаков начинает преподавать в Московском коммерческом училище. Представленная диссертация не была оценена в Московском университете как докторская и была защищена как магистерская, докторская диссертация «Философия хозяйства» была защищена С.Н. Булгаковым только в 1913 г. и тогда же он был избран ординарным профессором. В июле 2026 г. наступает 155 лет со дня рождения С.Н. Булгакова (16/28 июля 1871 г.) и 82 года со дня его ухода (13 июля 1944 г.). Гносеологические, онтологические и аксиологические аспекты экономической мысли Булгакова, разработанные в его фундаментальной работе «Философия хозяйства» и некоторых других материалах, актуальны сегодня как никогда ранее.

Потребность ориентироваться в усложнившейся хозяйственной жизни заставляет обратиться к философским традициям прошлого. «Мы живём в эпоху обострённой экономической рефлексии..., когда вопросы экономического бытия властно заняли в мысли и чувстве одно из первых мест» [Булгаков, 1990. С. 251]. И здесь важную роль играют идеи философа, экономиста и богослова С.Н. Булгакова, которые помогают углубить предметное поле экономической науки, достичь большего понимания современных экономических процессов, вывести экономическую теорию на новый уровень мышления.

Экономико-философское наследие Булгакова по-прежнему привлекает современных исследователей, хотя и трактовка его идей, и отношение к его концепции весьма противоречивы. С одной стороны, работы Булгакова служат теоретической основой для развития таких перспективных направлений, как философия экономики [Евтухова, 2021; Осипов, 2005; *Ренессанс философии...*, 2011; Самсин, 2005; Талонов, Корягина, 2016], методология экономического анализа [Королев, 2017; Осипов, 2004; Самсин, Скрипникова, 2013], право и экономика [Козлачков, 2013; Кудрявцев, 2014], креативная экономика труда [Попов, 2017; Хориэ 2016а; Назарова, Панамарчук, 2014; Александров, 2015], экономическая аксиология [Элоян, 2004; Сушенцова 2011; Гельфонд, Мищук, Мирошина, 2018; Алехина, Копосов, Глинский, 2018], духовная культура и экономика [Хориэ, 2016б; Беляев, Микульская, Рязанова, 2018; Александров, 2015; Сомин, 2007; София. Сто лет..., 2012; Хачатрян, 2018]. С другой стороны, хозяйственные воззрения Булгакова подвергаются критике как идеалистическая версия политической экономии, не отражающая всех сложностей экономической реальности и уводящая учёных в дебри метафизики [Мамедов, 2012; Мьёр, 2020; Океанская, 2009; Ильин, 2021], превращая экономическую науку в разновидность мифологической онтологии [Давыдов, 2011; Цыганков, Оболевич, 2016].

В этой связи целесообразно обратиться непосредственно к работам С.Н. Булгакова, систематический анализ которых с позиции онтологии, гносеологии и аксиологии позволит по-новому оценить вклад Булгакова в дизайн эффективных институтов XXI в.

Хозяйство как особая система жизнедеятельности человека

Системный подход С.Н. Булгакова к анализу экономической деятельности позволяет выделить фундаментальные свойства хозяйства. Человеческая деятельность по преобразованию природы, по преображению времени и пространства — это больше, чем просто экономика. Хозяйство — это не просто мир, в котором мы живём, это место, время и обстоятельства, которые обладают более глубоким смыслом, чем внешние социальные формы. Видимые хозяйственные процессы скрывают трансцендентную реальность взаимодействия человека и природы, с одной стороны, и взаимоотношения людей между собой — с другой. Само предназначение человека задаётся концептуальным пространством

хозяйства, в котором хозяйство может трактоваться как любая творческая деятельность человека. Хотя хозяйство и является внешним ограничивающим фактором для человеческой активности, оно одновременно содержит и скрытый потенциал к совершенствованию. Нравственное содержание жизни общества находит своё выражение в хозяйственной системе [Булгаков, 2018].

Системность хозяйства, по Булгакову, — это выражение и отражение системности самого человека и всего человечества: «Если бы можно было изнутри взглянуть на семью, на род, нацию, человечество, то всё это представлялось бы как единое, многоликое, многоочитое существо. Подобным образом, говорят, можно увидеть и всю жизнь, протяжённую во времени как слитный, вневременной, единый акт, или синтез времени» [Булгаков, 2021. С. 373].

Здесь следует обратить внимание на критику Булгаковым традиционной теории общественного прогресса, когда прогресс понимается как линейный поступательный рост знаний и материального богатства общества. Прогресс хозяйства и в хозяйстве не может быть достигнут автоматически, просто на основе развития технических достижений человечества. Прогресс — это прежде всего вопрос социальной метафизики, углубление знаний человека о себе самом, в том числе о себе как ключевом субъекте хозяйственной деятельности.

Булгаков выступает против механистического понимания мира и его законов как основы хозяйственной деятельности человека. Мир, по мнению Булгакова, — это развивающаяся иерархическая органическая система, и высший аспект этой системности мира находит выражение в теологии, понимаемой как духовность человека, взаимосвязь человека с абсолютными вечными ценностями. Научные открытия, законы природы, в понимании Булгакова, не более чем вспомогательные орудия познания мира, рабочие гипотезы для периферии бытия, мира явлений, отражающие в себе более глубокие фундаментальные основы жизнедеятельности.

Переосмыслению с позиции духовности подвергаются ключевые характеристики хозяйства — время и пространство. Хозяйственный мир — это единство абсолютного и относительного, времени и вечности, исторического процесса и вневременных ценностных начал. Булгаков подчёркивает важность осознанного восприятия хозяйственной (и не только) деятельности, значимость своевременного выполнения намеченных дел [Булгаков, 2021. С. 325].

Системный подход к хозяйству не означает детерминированности человеческой деятельности. «Не существует предустановленности в ходе мирового процесса и в судьбах людей, ибо время реально, и то, что в нём совершается, творится во времени и в этой оригинальности своей не может быть заранее предопределено в какой-либо одной точке прошлого: все моменты времени онтологически равноценны и равнореальны» [Булгаков, 2021. С. 335]. Подобный подход накладывает особые обязательства на человека как управляющего этим огромным хозяйством. Выбор способа и направления действия ведёт к благополучию или страданию.

Хозяйство с позиции системного подхода выступает как «борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином» [Булгаков, 1990. С. 39]. Хозяйство, по Булгакову, рождается как форма выражения взаимодействия двух метафизических начал — свободы и необходимости, механизма и организма. И в этой борьбе прогресс достигается тогда, когда организация побеждает дезорганизующие силы. Борьба за существование — это борьба организма с механизмом. «Жизнь есть начало свободы и организма, т.е. свободной целесообразности, в противоположность механизму с его железной необходимостью. (...) Можно сказать, что весь мировой и исторический процесс вытекает из противоречия между механизмом, или вещьностью, и организмом, или жизнью...» [Булгаков, 1990. С. 38].

Человек искушается ловушкой бытия, поскольку человек зависит от удовлетворения своих низших материальных потребностей.

Хозяйство как земная активность человека противопоставляется райскому творческому началу, которое носит «вдохновенный характер любовно-творческого отношения к миру» [Булгаков, 2021. С. 564]. Булгаков отмечает противоречивый характер человеческой деятельности: «Хозяйство есть творчество и не может не быть им, как всякое человеческое делание. Но хозяйство в то же время есть рабство необходимости, нужде и корысти, несовместимое с творчеством и вдохновением. (...) Противоречивая природа хозяйства, от которой зависит роковая его ограниченность, хорошо раскрывается при сопоставлении хозяйства и искусства в их основных устремлениях. (...) Искусство не имеет дела с утилитарными оценками этого мира, ибо оно зачаровано красотой иного, горнего мира и стремится сделать её ощутимой. (...) Всё хозяйственное в грубом или тонком смысле утилитарно, преследует практическую цель, ограничивающуюся интересами земного бытия» [Булгаков, 2021. С. 564–565].

Касаясь производства, Булгаков отмечает, что «производство есть такое активное воздействие субъекта на объект, или человека на природу, при котором хозяйствующий субъект впечатлевает, осуществляет в предмете своего хозяйственного воздействия свою идею, объективирует свои цели» [Булгаков, 1990. С. 76]. Взаимосвязь объекта и субъекта осуществляется через труд, поэтому хозяйство может быть охарактеризовано как субъект-объектный процесс, а хозяйственный труд — как новая сила природы, сознательный процесс космического развития, новый мирообразующий фактор человечества [Булгаков, 1990. С. 89].

Булгаков указывает на необходимость преодоления двух крайностей в восприятии хозяйства и хозяйственной жизни: полного пренебрежения, барства, игнорирования и презрения к труду, с одной стороны, и абсолютизации экономики и экономического человека как единственной, главной и решающей основы жизни — с другой. Хозяйство, по мысли Булгакова, включает в себя любую деятельность человека, посредством которой он преобразует мир, в котором живёт. «В хозяйстве разрешаются две задачи, ведётся двоякая борьба: с бедностью естественной и общественной, экономической и социальной» [Булгаков, 2021. С. 573]. Важная роль в этом хозяйственном процессе принадлежит человеку.

Человек как хозяин в экономическом мире

С.Н. Булгаков определяет фундаментальные ценности экономического мира — это человек, его развитие и саморазвитие, а экономика, хозяйство, может рассматриваться исключительно в качестве способа осуществления цели человеческой жизни, материальных рамок, обеспечивающих его жизнедеятельность.

Булгаков выделяет двойственность человека как природного и сверхприродного существа. Дуализм человека отражается прежде всего в его внутреннем мире: «...две бездны в душе человека: глухое ничто, адское подполье, и Божье небо, запечатлевшее образ Господень» [Булгаков, 2021. С. 295]. Человек может подняться над своей природной сущностью как самостоятельного обособленного индивида в область социального и космического творения. Человек — это многомерное и многогранное создание, призванное к высшему служению в качестве хозяина пространства своей жизни и своей деятельности. Человек — это со-творец, со-работник, со-участник божественного преобразования окружающего мира природы. И в этом заключено его эсхатологическое призвание, как считает Булгаков. «Жизнь не трансцендентна для живого существа в его целостном жизненном опыте, но она трансцендентна для него как для познающего, рефлектирующего, мыслящего» [Булгаков, 1990. С. 25]. Поскольку хозяйство есть творческая деятельность человека над природой,

человек «...создаёт как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, — он творит культуру...» [Булгаков, 1990. С. 110].

Поскольку творчество присуще человеку по природе, «задачей человеческого творчества является в конце концов найти свой подлинный, вечносущий лик, себя выявить» [Булгаков, 2021. С. 392]. Творчество противостоит хаосу; хозяйство, основанное на творчестве, противопоставляется первозданной энтропии как высокое низкому отношению к миру. «Именно эта потенциальная абсолютность человеческого творчества, которая не становится актуальной, и порождает его трагедию, которой человек не испытывает, только погружаясь в самодовольство и духовную лень» [Булгаков, 2021. С. 449].

Эффективное управление национальным хозяйством требует новых подходов, свежих идей и энергичных людей. Как пишет С. Булгаков, «Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной — для осуществления “реформ”, экономической — для поднятия народного хозяйства, культурной — для работы на пользу русского просвещения, церковной — для поднятия сил учащей церкви, её клира и иерархии» [Булгаков, 2008. С. 94].

Технический прогресс формирует мир как механизм, что на самом деле приводит к хаосу, а не к порядку в отличие от того, что утверждают многие деятели науки. Чрезмерная научность, оторванная от духовной жизни и духовных ценностей, приносит вред, и «научный человек» оказывается ничем не лучше человека экономического. Человек же по своей природе стремится к чему-то высшему, большему чем он сам, к осмыслению своей жизни с позиции высшей цели. «Высшие миры, которых достигать учит духовное знание, строго говоря, есть наш же собственный мир, воспринимаемый лишь более широко и глубоко...» [Булгаков, 2021. С. 42].

Экономическая взаимопомощь, экономическая деятельность может быть основана на принципах себялюбия и холодного расчёта. Булгаков предупреждает против того, чтобы всякого рода утилитарную годность принимать за моральную ценность [Булгаков, 2021. С. 89]. Человек не должен смешивать свободу со своеволием, поскольку свобода «... достигается именно победой над своеволием» [Булгаков, 2021. С. 97]. Истинная свобода хозяйственного человека заключается в соотношении своей деятельности с целым, с природой.

Многогранность человека создаёт ему и дополнительные возможности для духовного роста и новые проблемы. «Несоответствие образа и подобия в человеке или, точнее, его потенциальности и актуальности, наличности и заданности именно и составляет своеобразие человека, который ипостасною своею свободою осуществляет в себе свой собственный идеальный образ, погружённый в некую меональность или неопределённость. (...) Даже и тело человека было поставлено ему как задача творческого подвига и усилия, связанного с подвигом его духа» [Булгаков, 2021. С. 495].

Булгаков разрабатывает концепцию целостного миропонимания человека и природы. Борьба за выживание с природой не должна служить мотивом организации правильного хозяйства, ибо такая борьба отражает эгоизм человека, принижает его творческие способности. Поэтому человек постоянно ищет гармонию между чувством и разумом, свободой и волей. Выступая против абсолютизации разума, Булгаков даёт широкую панораму всего спектра предназначений человека и его эсхатологического призвания. Человек предназначен для соучастия в преобразовании природы, гармонизации мира природного и мира духовного [Булгаков, 2008].

Поскольку хозяйство есть общественный процесс, то изначально оно — акт коллективный, а не индивидуальный, хозяйственная жизнь человека нуждается в организованных формах, в иерархии подчинённости и власти. Важность и значимость управленческого труда заключается в том, чтобы создавать и поддерживать такую общественную организацию, при которой торжествовала бы солидарность и был бы нейтрализован эгоизм [Булгаков, 2021, С. 639]. Философское ощущение цели деятельности человека помогает

правильно распределить приоритеты между духовным и материальным, между краткосрочными и долгосрочными интересами, выявить фундаментальные ценности, которые деятель создаёт для своих партнёров, клиентов и сотрудников в едином пространстве экосистемы предпринимательства.

Природа и человек: основы взаимодействия

Первоначально стихия хозяйственности, хозяйственное как насильственное отношение человека к миру, вызывает негативное восприятие природы со стороны человека. «Природа предстаёт ему как враждебная сила, вооружённая голодом и смертью, и вся жизнь человеческая получает привкус хозяйственности, пленяется суете стихий пустых и немощных» [Булгаков, 2021. С. 563]. Проблема человека в мире хозяйства, по мнению Булгакова, состоит в том, что «он из царя природы становится её невольником и из художника или садовника в раю Божиим хозяином и земледельцем. Человек обрекается на хозяйство, возникает “труд в поте лица”, всё становится хозяйственным и трудовым» [Булгаков, 2021. С. 507].

Однако не следует забывать о том, что именно человек является основополагающим элементом хозяйственной системы. «Хозяйственное, то есть активно-трудовое, воздействие человека на природу основано на центральном его положении в мироздании...» [Булгаков, 2021. С. 564]. Противопоставление хозяйства как подневольного насильственного труда и искусства как свободного творчества означает, что «сам по себе даже и напряжённый хозяйственный труд ещё не способен породить произведения искусства, и никакое напряжение воли и труда не может создать художника» [Булгаков, 2021, С. 566]. Поэтому человек ощущает себя в этом мире прежде всего как экономический субъект, актер, создающий богатство. В то же время хозяйство по своей природе взаимосвязано с творческим началом в человеке.

Булгаков выдвигает концепцию связности мира, в основе которой лежит единая сила хозяйственной организации бытия, которая «отражается и преломляется различно, через разные призмы: феноменально она многолика, пребывая субстанциально единой» [Булгаков, 2021. С. 363]. Понимание связности мира сегодня может восприниматься как основа экосистемного взгляда на мир и экономику, возможности гармоничного управления миром как хозяйством. Задача человека в мире природы заключается в том, чтобы переосмыслить окружающий микро- и макрокосмос и своё место в хозяйственной реальности.

Булгаков по-новому воспринимает концепцию взаимоотношения субъекта и объекта хозяйственной жизни. Восприятие Булгаковым места человека в природе помогает расширить рамки нашего понимания того, как функционирует природа под действием человеческой активности. В этом плане Булгакова можно рассматривать как основоположника теории устойчивого развития национальной экономики. Булгаков делает акцент и выявляет такие аспекты системы «человек — природа», которые ранее не принимались во внимание. Можно согласиться с мнением Е. Евтуховой, современного исследователя творчества Булгакова, о том, что в работах Булгакова жизнь оценивается как непрерывный творческий процесс, в котором правила не устанавливаются раз и навсегда, а сообразуются с текущими обстоятельствами и актуальными убеждениями людей [Евтухова, 2021. С. 37].

Согласно Евтуховой, метафизическое понимание сущностной зависимости человека от природы проявилось уже в первых теоретических работах Булгакова, в том числе, например, в работе «Капитализм и земледелие» (1900 г.). В ней Булгаков проводит мысль о том, что некоторые хозяйственные вопросы не могут быть решены методами политэкономии [Евтухова, 2021. С. 65]. Недостаточность эмпирического подхода и слабая теоретическая база при обилии несистематизированных данных требуют переоценки философских принципов анализа экономической жизни с учётом этического выбора человека. «Один и тот

же мир предстаёт пред нами то как механизм, чудовищный в своей дурной бесконечности, глухо молчащий о своём смысле, то как откровение тайн Божества, или источник богопознания» [Булгаков, 2021. С. 45].

Булгаков ориентирует человека на функцию хозяина, на новое понимание оптимальности в мире природы: отказ от механического линейного прогресса за счёт ущемления «прав» природы в пользу разумного органического и ограничительного поведения, такого поведения, которое сегодня мы называем ESG-рациональностью, экономическим ростом без ущерба для экологии, разумным ограничивающим потреблением и производством. Умеренность и баланс, равновесие между материальным благосостоянием и нематериальными ценностями — эти ключевые идеи восходят к трудам Булгакова. Экология, кадры, государство — принципы сегодняшнего социально ориентированного бизнеса — берут методологическое начало в экономико-философской концепции Булгакова.

Поскольку частные эгоистичные интересы могут противоречить экологической безопасности человечества, необходимо нацеливать людей на более глубокое и всестороннее, многогранное понимание хозяйственной деятельности как элемента творческого единения, а не конфликта с природой. Растущие экологические нагрузки сегодняшнего мира Булгаков предвидел ещё в начале XX в. Природа действует механически, не считаясь с желаниями человека. Но если человек не считается с желаниями природы, это и приводит в итоге к глобальным экологическим проблемам.

Ценностная сторона хозяйственной деятельности

Правильное понимание места и роли человека в мире природы, правильные ценностные ориентиры хозяйственной деятельности, правильная трудовая этика — таковы ключевые факторы успешного взаимодействия хозяина и окружающего мира. Указывая на ограниченность экономического материализма, Булгаков разрабатывает концепцию целостного понимания духовных и материальных аспектов хозяйственной экосистемы.

Булгаков подводит читателей к мысли о том, что правильное сознание, основанное и приверженное истинным ценностям, способствует достижению гармонии человека и окружающего мира. Хаос или гармония — это вопрос сознания, мировоззрения, а не бытия как такового. Булгаков призывает к расширению сознания, к более глубокому взгляду на мир. «Хозяйство как процесс между совокупным человечеством и природой, софийный в своих основах и имеющий космологический смысл и значение, конечно, не вмещается в обособленное сознание отдельных деятелей хозяйства в их практической жизни» [Булгаков, 1990. С. 213]. Булгаков призывает к расширению сознания, к более глубокому взгляду на мир: «...если я выхожу из скорлупы своей субъективности и соприкасаюсь с чем-то неизмеримо огромным, то, очевидно, соприкасаюсь я не тем, что во мне индивидуально и особно, но с тем, что универсально, всеобщее, кафолично» [Булгаков, 2021, С. 95].

Универсальность человеческой духовной жизни как хозяина экосистемы находит выражение в концепции софиологии. Булгаковская идея Софии, Премудрости Божией, отражает внутренний смысл и глубину хозяйственной деятельности, в которой каждый человек учитывает интересы других людей и права природы. Софийность как этос радостного труда противоположна выгоранию как процессу истощения смысла собственной деятельности под тяжестью экономического материализма.

Ограниченность мира побеждается софийностью. Софийность как духовное начало в жизни человека способствует преодолению хозяйственного плена человека, преодолению разрыва между хозяйством как подневольным рабским трудом и хозяйством как искусством и творческой деятельностью. Через софийность процесс хозяйствования обретает глубокий смысл, отдельные элементы множества разнообразных хозяйственных актов

интегрируются в пространственно-временном континууме, который выходит за пределы простой борьбы за существование.

Духовность трудовой этики, особой формой которой у Булгакова и выступает софийность хозяйства, лежит в основе формирования нового хозяина, который обладает более глубоким, фундаментальным пониманием хозяйственной деятельности. Дух и настроение хозяина, его мотивация определяют, будут ли трудовые усилия порождением механического рабства или свободным творчеством. Поскольку труд является мостом, связывающим человека с внешним миром природы, тот концепт труда, который возникает в сознании человека, играет существенную роль в динамике взаимодействия человечества с материальным миром.

Основные выводы

Новые смыслы, которые могут быть извлечены из нового прочтения и более глубокого осмысления работ С.Н. Булгакова, позволяют значительно расширить трактовку экономической жизни общества и места человека в национальном хозяйстве как управленца и хозяина экономического мира в целом. Булгаков всесторонне обосновывает онтологическую обусловленность двойственности человека в мире хозяйства — как господина и как невольника экономики, выдвигая новую гносеологическую концепцию софийности как идеального духовного начала в жизнедеятельности человека, без которого невозможно (и нежелательно) гармоничное функционирование природы, общества и экономики в глобальном масштабе.

Работы Булгакова позволяют оценивать хозяйственную деятельность человека и его творческий потенциал с точки зрения системного комплексного подхода, что помогает выбрать правильные направления и правильные инструменты преобразования природы на началах сотворчества и сотрудничества. Нравственные наставления и духовные рассуждения Булгакова не только описывают хозяйственную ситуацию в человеческом мире, но и предписывают индивидам определённые паттерны этического поведения в соответствии с глобальной целью хозяйства, которая лежит за пределами непосредственного практического опыта.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров В.Б. (2015). Русская религиозная философия о духовных основаниях хозяйственной деятельности // *Управленческое консультирование*. №5. С. 176–186.
- Алехина Е.В., Копосов Л.Ф., Глинский А.В. (2018). Экономика как нравственная категория в русской религиозной философии // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. № 3. С. 78–94.
- Беляев Д.А., Микульская А.А., Рязанова М.А. (2018). Содержание и телеология хозяйственной культуры в философии С.Н. Булгакова // *Манускрипт*. № 6 (92). С. 66–69.
- Булгаков С.Н. (1990). *Философия хозяйства*. — М: Наука.
- Булгаков С.Н. (2008). *Два Града. Исследования о природе общественных идеалов*. — М.: Изд-во Олега Абышко.
- Булгаков С.Н. (2018). *На пиру богов*. — М.: Рипол Классик.
- Булгаков С.Н. (2021). *Свет не вечерний: созерцания и умозрения*. — СПб.: Азбука.
- Гельфонд М.Л., Мищук О.Н., Мирошина Е.Ю. (2018). Этико-философская критика экономического идеала (по работам С.Н. Булгакова) // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. №1. С. 116–124.
- Давыдов Ю.Н. (2011). С. Булгаков и М. Вебер // *Экономика образования*. №3. С. 191–196.
- Евтухова Е. (2021). *Серп и крест. Сергей Булгаков и судьбы русской религиозной философии (1890–1920)*. — СПб., Бостон: Библиороссика, Academic Studies Press.
- Ильин И.Ю. (2021). На пути к религиозной метафизике: преодоление ницшеанского нигилизма в философии С.Н. Булгакова // *Вопросы философии*. №10. С. 130–137.
- Козлачков А.А. (2013). Государство и церковь как проблема религиозной философии права // *Государство и право*. №9. С. 58–66.

- Королев В.К. (2017). «Диатрибическая» традиция в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова: методологический потенциал // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.* №3 (252). Вып. 39. С. 193–195.
- Кудрявцев В.А. (2014). Духовно-ценностные проблемы власти и правосознания в России // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* №1. С. 62–74.
- Мамедов О.Ю. (2012). «Философизм» против «экономизма», или Как «философия хозяйства» уже более ста лет пытается тягаться с «политической экономией», соблазняя малых мира сего // *Terra Econotomicus.* Т. 10. №3. С. 63–68.
- Мьёр К.Й. (2020). Русская религиозная философия в секулярный век // *Историко-философский ежегодник.* Т. х35. С. 263–282.
- Назарова Г.Ф., Панамарчук Д.К. (2014). Философия хозяйства по С.Н. Булгакову: антропологический аспект // *Учёные записки Орловского государственного университета.* №5 (61). С. 129–134.
- Океанская Ж.Л. (2009). Ранний Булгаков о метафизике хозяйства // *Вестник Читинского государственного университета.* № 5 (56) С. 156–159.
- Осипов И.Д. (2004). Философия хозяйства С.Н. Булгакова: по ту сторону утилитаризма и аскетизма // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения.* Вып. 2. С. 36–41.
- Осипов Ю.М. (2005). *Курс философии хозяйства.* — М.: Экономика.
- Попов А.Н. (2017). Философское осмысление роли труда в хозяйственной деятельности прихода в работах протоиерея Сергия Булгакова // *Общество: философия, история, культура.* №10. С. 31–37.
- Ренессанс философии хозяйства* (2011): Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова (ред.) — М.: ТЕИС.
- Самсин А.И. (2005). Философия хозяйства С. Н. Булгакова: постулаты и уроки // *Свободная мысль — XXI.* №8. С. 170–178.
- Самсин А.И., Скрипникова М.И. (2013). Философско-экономические воззрения С.Н. Булгакова и проблемы современности // *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.* №4. С. 47–53.
- Сомин Н.В. (2007). С.Н. Булгаков: логика развития социально-экономической мысли // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение.* Вып. 3 (19). С. 57–70.
- София. Сто лет русской философии хозяйства* (2012). Ю.М. Осипов, А.И. Агеев, Е.С. Зотова (ред.). — М.: ТЕИС.
- Сушенцова М.С. (2011). Проблема ценностей в философии хозяйства С.Н. Булгакова и её актуализация в современной экономической методологии // *Экономика образования.* №3. С. 183–187.
- Талонов А.В., Корягина И.А. (2016). С.Н. Булгаков: русский путь в экономике // *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.* №6 (90). С. 168–173.
- Хачатрян М.В. (2018). София Премудрость Божия как совокупность и полнота всех Божественных и тварных эйдосов // *Соловьевские исследования.* Вып. 3 (59). С. 128–142.
- Хориз Х. (2016а). Амбивалентность «первобытной материи» и генезис человеческой свободы в «Философии хозяйства» о. Сергия Булгакова // *Вестник Московского университета. Серия 07. Философия.* №3. С. 3–21.
- Хориз Х. (2016б). Был ли «социализм» идеалом священника Сергия Булгакова в первом десятилетии XX века? // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение.* № 2(64). С. 57–72.
- Цыганков А.С., Оболевич Т. (2016). Социальная философия Сергея Булгакова в современных немецкоязычных исследованиях (на примере работ К. Брекнер) // *История философии.* Т. 21. № 1. С. 108–115.
- Элоян М.Р. (2004). *С.Н. Булгаков: православие и капитализм (философия хозяйства).* — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та.

REFERENCES

- Alekhina E.V., Kuposov L.F., Glinski A.V. (2018). Economics as a Moral Category in Russian Religious Philosophy // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy.* No. 3. Pp. 78–94. (In Russ.)
- Aleksandrov V.B. (2015). Russian Religious Philosophy about the Spiritual Bases of Economic Activity // *Administrative Consulting.* No. 5. Pp. 176–186. (In Russ.)
- Belyaev D.A., Mikulskaia A.A., Rayzanova M.A. (2018). Content and Teleology of Economic Culture in S.N. Bulgakov's Philosophy // *Manuscript.* Vol. 92. No. 6. Pp. 66–69. (In Russ.)
- Bulgakov S.N. (1990). *Philosophy of the Economy.* — М.: Nauka. (In Russ.)
- Bulgakov S.N. (2008). *Two Grads. Investigation on the Nature of the Social Ideals.* — М.: Abyshko Printing House. (In Russ.)
- Bulgakov S.N. (2018). *At the Feast of the Gods.* — М.: Ripol Klassik. (In Russ.)
- Bulgakov S.N. (2021). *The Light of the Evening: Contemplation and Speculation.* — St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)
- Davydov Yu.N. (2011). S. Bulgakov and M. Weber // *Economics of Education.* No. 3. Pp. 191–196. (In Russ.)

- Eloyan M.R. (2004). *Bulgakov: Orthodoxy and Capitalism (Philosophy of the Economy)*. — Rostov-on-Don: Rostov University Press. (In Russ.).
- Evtuhova C. (2021). *The Cross and the Sicle. Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy (1890–1920)*. — Boston, St. Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossika (Russian translation). (In Russ.).
- Gelfond M.L., Mishchuk O.N., Miroshina E.Yu. (2018). Ethical and Philosophical Criticism of Economic Ideal (On the Material of S. N. Bulgakov's Works) // *Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*. No. 1. Pp. 116–124. (In Russ.).
- Horie H. (2016a). The Ambivalence of «Primitive Matter» and Genesis of Human Freedom in Sergiy Bulgakov's «Philosophy of Economy» // *Bulletin of Moscow University. Series 07. Philosophy*. No. 3. Pp. 3–21. (In Russ.).
- Horie H. (2016b). Socialism as the Ideal of Priest Sergiy Bulgakov in the First Decade of the 20th Century? // *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. Vol. 64. No. 2. Pp. 57–72. (In Russ.).
- Ilin I.Yu. (2021). Towards Religious Metaphysics: Overcoming Nietzschean Nihilism in Sergei Bulgakov's Philosophy // *Voprosy Filosofii*. No. 10. Pp. 130–137. (In Russ.).
- Khachatryan M.V. (2018). Sophia the Wisdom of God as The Wholeness and Fullness of All Divine and Creaturely Eidoses // *Solovyov Studies*. Is. 3 (59). Pp. 128–142. (In Russ.).
- Korolev V.K. (2017). «Diatribе» Tradition at S.N. Bulgakov's Philosophy of Economy»: Methodological Potential // *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*. No. 3 (252). Is. 39 Pp. 193–195. (In Russ.).
- Kozlachkov A.A. (2013). The State and the Church as a Problem of the Religious Philosophy of Law // *State and Law*. No. 9. Pp. 58–66. (In Russ.).
- Kudryavtsev V.A. (2014). Spiritually-Value Problems of Power and Justice in Russia // *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Politics*. No. 1. Pp. 62–74. (In Russ.).
- Mamedov O.Yu. (2012). «Filosofizm» Against «Economism» // *Terra Economicus*. Vol. 10. No. 3. Pp. 63–68. (In Russ.).
- Mjor K.J. (2020). Russian Religious Philosophy in a Secular Age // *The History of Philosophy Yearbook*. Vol. 35. Pp. 263–282. (In Russ.).
- Nazarova G.F., Panamarchuk D.K. (2014). Philosophy of Economy According to S.N. Bulgakov: Anthropological Aspect // *Scientific Notes of Orel State University*. No. 5 (61). Pp. 129–134. (In Russ.).
- Okeanskaya Zh.L. (2009). Bulgakov Speaking on the Metaphysics of the Economy in His Early Research // *The Transbaikalian State University Journal*. No. 5 (56). Pp. 156–159. (In Russ.).
- Osipov I.D. (2004). S.N. Bulgakov's Philosophy of Economy: Beyond Utilitarianism and Asketism // *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy. Cultural studies. Political science. Law. International Relations*. No. 2. Pp. 36–41. (In Russ.).
- Osipov Yu.M. (2005). *Philosophy of Economics: A Textbook*. — M.: Ekonomika. (In Russ.).
- Popov A.N. (2017). Philosophical Comprehension of the Labour Role in the Economic Activities of the Parish in the Works of Archpriest Sergius Bulgakov // *Society: Philosophy, History, Culture*. No. 10. Pp. 31–37. (In Russ.).
- Renaissance of the philosophy of economy* (2011): Yu.M. Osipov, E.S. Zotova (Eds.). — M.: TEIS. (In Russ.).
- Samsin A.I. (2005). Philosophy of Economics by S.N. Bulgakov: Postulates and Lessons // *Free Thought — XXI*. No. 8. Pp. 170–178. (In Russ.).
- Samsin A.I., Skripnikova M.I. (2013). Philosophical and Economic Thoughts of S.N. Bulgakov and Problems of Modern Life // *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. No. 4. Pp. 47–53. (In Russ.).
- Sophia. A Hundred Years of Russian Philosophy of Economics* (2012). Yu.M. Osipov, A.I. Ageev, E.S. Zotova (Eds.). — M.: TEIS. (In Russ.).
- Somin N.V. (2007). S.N. Bulgakov: the Logic of Development of His Social and Economical Thought // *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. Is. 3 (19). Pp. 57–70. (In Russ.).
- Sushentsova M.S. (2011). The Problem of Values in the Philosophy of Economics by S. N. Bulgakov and its Actualization in Contemporary Economic Methodology // *Economy of Education*. No. 3. Pp. 183–187. (In Russ.).
- Talonov A.V., Koryagina I.A. (2016). S.N. Bulgakov: The Russian Way in Economy // *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. No. 6 (90). Pp. 168–173. (In Russ.).
- Tsygonkov A.S., Obolevich T. (2016). The Social Philosophy of Sergei Bulgakov in the Contemporary German-speaking Investigations (on the Example of the Works of K. Brechner) // *History of Philosophy*. Vol. 21. No. 1. Pp. 108–115. (In Russ.).

Розанова Надежда Михайловна

ORCID: 0000-0003-3660-0625

happyeconomics@list.ru

Nadezhda Rozanova

Doctor of Science in Economics, Professor, professor of The Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University, professor of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (Moscow).

ORCID: 0000-0003-3660-0625

happyeconomics@list.ru

ECOSYSTEM PHILOSOPHY OF NATURE AND HUMAN BEINGS IN THE WORKS OF SERGEI BULGAKOV

Abstract. Although the term “ecosystem” was introduced in Economics only at the end of the XX century, the concept of harmonic relations between human-beings and the nature had been attracted to many researchers long time before. One of the most important contributions in developing this concept was done by a Russian economist, philosopher and theologian Sergei Bulgakov. The article analyses the key aspects of Bulgakov’s theoretical works from their first elaboration and then deeper investigation of the viewpoint that deals with a new economic phenomenon, that is of ecosystem as a special type of economic structure and economic relationships between individuals and the nature. The concept of ecosystem allows decision-makers to correctly prioritize aims and goals in company and government activity, to increase the efficiency of managerial jobs and enhance the individual satisfaction from their everyday operations. The main elements of an ecosystem as they are elaborated in Bulgakov’s works are as follows: economy as a special transcendental reality behind the explicit economic processes; a unique area of the united humanity over supernatural human characteristics; creative aspects of a free labour. According to Bulgakov’s thought, the future harmony of individuals and the nature in our technocratic world would be possible on the basis of a deep spiritual understanding when practical economic activity should be undertaken with high spiritual goals under the supervision of the Wisdom of God (sophiology in terms of Bulgakov). In order to realise this ecosystem as a spiritual and even mystic framework, it is necessary to elaborate and develop a correct ecological world outlook that would dominate within the thinking of all the economic participants and to synchronize individual value perceptions at all levels of managerial hierarchy starting from a blue colour worker to top-managers and then to the highest government positions. Sustainable development of individuals and the nature would overcome technological, administrative, intertemporal, social and other constraints that have been set by both natural framework of production and social norms. Bulgakov believes that if we could understand the contradictory character of economic activity and economic progress, we would make a search for the most general spiritual source in economic organization of human activity. In Bulgakov’s view, such spiritual source would be presented in the Wisdom of God, Sofia, as he called it. And whatever we would call this spiritual life basis now, having this goal in mind would increase the responsibility of human-beings for their decisions and their consequences. And it is this process that would transform a separate individual into the true master of the world.

Keywords: *epistemology of economics; ontology of economics; axiology of economics; philosophy of economics; management; managerial knowledge; economics and social values; sustainable economy.*

JEL: A13, B19, B30, B49, M14, O10.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д. филос. н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ДОБРОДЕТЕЛЬ И ПОРОК: ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ МАРГИНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ЧАСТЬ 2)

Аннотация. Принято считать, что в основе социальной и правовой стабильности любого общества лежит консенсус в отношении добродетели — фундаментальных ценностей должного поведения, способах их поддержания и воспроизводства. И наоборот, разрушение этого консенсуса — признак утраты стабильности и расхождения позиций социальных институтов, групп и профессиональных сообществ в понимании и применении норм и санкций за их нарушение. Данное схематичное представление плохо объясняет параметры морального кризиса эпохи глобализации: причины утраты смысла понятия добродетели как основы нравственной вселенной человечества; отказа от универсальных нравственных стандартов, ранее поддерживавшихся религией или идеологией, растущего конфликта их интерпретаций в разных культурах, конфессиональных и этнических сообществах, противостояние ценностных иерархий внутри национальных культур и отдельных групп, а главное — отсутствие общих нравственных ориентиров того, к чему следует стремиться. В этих условиях доминирующим мировым трендом стало обращение к кодификации норм так называемой «прагматической этики» — выработке разнообразных кодексов должного поведения для отдельных социальных и профессиональных групп, которые таким образом стремятся выразить свою идентичность, функции и место в динамике изменений социальной иерархии. Эта всеобщая мода на создание этических кодексов захватила и постсоветскую Россию и рассматривается едва ли не как панацея от моральных искажений и основа эффективного социального регулирования. Между тем кодификация этических стандартов всех без исключения социальных субкультур означает молчаливое признание как их неустраняемых противоречий, так и той их части, которая не разделяет конвенциональных стандартов добродетели или однозначно восстаёт против них. На этой основе возникает явление моральной аномии (т. е. разрушения всей нормативной системы) и обоснования неконформистского и аморального поведения. Каковы должны быть параметры и пределы его принятия в демократическом обществе, а главное — кто их устанавливает? Этот круг проблем впервые становится предметом анализа в данной статье на основе всего корпуса новейших этических кодексов маргинальных сообществ современной России.

Ключевые слова: *добродетель, порок, вера и разум, этические кодексы, конформистское, девиантное и преступное поведение, нигилизм, аморализм, моральная мизофобия, нравственное помешательство, маргинальные сообщества России.*

JEL: K14, K15, L84, Z00

УДК: 172, 177, 34.096, 392, 393.05

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_146_164

© А.Н. Медушевский, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Медушевский А.Н.* Добродетель и порок: этические кодексы маргинальных сообществ современной России. Часть 2 // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 146–164. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_146_164.

FOR CITATION: *Medushevskiy A.* Virtue and Vice: Ethical Codes of Marginal Communities in Modern Russia. Part 2 // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* 2026. No. 2. Pp. 146–164. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_146_164.

Введение

Импульс к размыванию традиционных границ нравственности находит выражение в дифференциации этических установок общества на уровне социальной стратификации — публичных институтов, сообществ, социальных и профессиональных групп, а также различных маргинальных субкультур. Систематизация этих установок в этических кодексах фиксируется как на межгрупповом уровне, так и на уровне внутригрупповой иерархии, вплоть до самоизоляции отдельных субкультур. Результатом становится появление новых (конкурирующих между собой) иерархий моральных установок, закрепляемых этическими кодексами посредством введения специальных норм, ритуалов и правил поведения.

Этические кодексы маргинальных субкультур особенно интересны в этом отношении. Они, как показано в первой части данной статьи [Медушевский, 2026], отражают их ценности, отношение к праву и конвенциональным моральным принципам, формируют особый тип идентичности (социальной, гендерной, профессиональной), фиксируют сложные ситуации морального выбора и формируют установки в отношении общества и государственной власти, становящиеся реальными основами социального поведения. Соотношение понятий конформного и маргинального поведения определяется доминирующими в обществе ценностями и моральными стандартами, трансформируясь вместе с ними [Адлер, 2023]¹. Общая иерархия нравственных ценностей общества определяет понятие нормы и девиации, неприемлемого и приемлемого поведения — преступления и наказания, системы кар и наград, которые с изменением ценностей способны приобретать другие интерпретации и различную интенсивность применения [Сорокин, 1999]. Эти установки и правила могут быть противоположны для разных эпох и сообществ, но имеют в кодексах общие формальные параметры, фиксируя особые системы ценностей (социальная миссия), ограничений и запретов (профессиональная тайна), поощрений (продвижение по иерархической лестнице), кар за неисполнение (моральных, дисциплинарных и юридических), а также вводят специальные ритуалы (в эзотерических сообществах или клубах), направленные на отделение представителей данного сообщества от массы. Они способны выступать основой системы индикаторов для регулярного мониторинга «высокой и низкой степени морального состояния, социальной сплочённости или социального раскола» [Мертон, 2006. С. 225].

Цели кодификации этических норм могут быть как декларированными, так и недеklarированными, но подразумеваемыми составителями кодексов. Они могут быть далеки от установления абстрактных моральных ценностей, но связаны с решением определённых практических задач: манифестацией приоритетов в публичном пространстве, продвижением новых идей, моральной индоктринацией или задач ограничения общих правовых принципов на уровне практики (соблюдение корпоративных требований), обеспечения лояльности руководству (обязанность информировать его), легитимации устойчивых, в том числе девиантных, практик и даже с формой социальной терапии (преодоление психологических комплексов) [Медушевский, 2025]. В этой перспективе актуально выявление формальных и неформальных (недекларированных), а также скрытых (латентных) функций кодексов. Императивное воздействие предписаний этических кодексов может оказаться очень велико, отражая стандарты конформного, девиантного и делинквентного поведения. Ряд таких кодексов был рассмотрен в первой части статьи. Здесь мы продолжаем их рассмотрение.

¹ Адлер называл это «социальным чувством»: любые правила, обеспечивающие выживание человечества (кодексы законов, тотемы и табу, суеверия и образование), по его словам, «должны определяться понятиями данного общества и соответствовать им». Исходя из этого, критерии, по которым мы судим о личности или группе, определяются их ценностью для человечества в целом [Адлер, 2023. С. 37].

Договор с Богом или дьяволом: этические кодексы эзотерических сообществ

Отдельную сферу общественных запросов, трудно уловимую с позиций правового регулирования, представляет эзотерика — всё, что связано с оккультизмом в разных формах — магией, астрологией, колдовскими ритуалами, а также появлением соответствующих сообществ и их этических кодексов. Увлечение магией в современном обществе связано, по-видимому, с ростом социальной и психологической неопределённости, а также возрастанием рисков². *Кодексы эзотерических сообществ* заслуживают специального внимания не только с позиций культурной антропологии (как формы социализации), но и с позиций их влияния на общество, которое может быть нейтральным или деструктивным с юридической точки зрения.

В России обращение к оккультизму получило широкое распространение, побуждая СМИ разъяснять «опасную сущность» чёрной магии³. Обращение к магии не является предметом правового регулирования до тех пор, пока оно не вступает в противоречие с нормами уголовного права (например, в случае с ритуальными убийствами сатанистов^{*4}). УК РФ (ст. 159), создаёт основу для квалификации подобной деятельности (гадалок, колдунов, магов, астрологов, шаманов и прочих представителей эзотерических профессий) как мошенничество. В то же время обсуждается предложение дополнить УК РФ отдельной статьёй, запрещающей эту деятельность как таковую, на чём настаивают некоторые представители РПЦ. Данный вид деятельности систематизируется в разнообразных кодексах, регулирующих деятельность магов — поддержании тайны ритуалов, установлении критериев продвижения, наград и кар за их неисполнение, в том числе связанных с воспроизводством исторических традиций данной деятельности⁵. Часть соответствующих практик магии признаётся сегодня социально опасной на международном уровне. Это особенно актуально в отношении традиционных обществ, где вера в магию оказывает непосредственное влияние на социальные отношения и приводит к совершению уголовных преступлений⁶. В некоторых регионах мира чёрная магия продолжает быть элементом процесса принятия политических решений и их юридической квалификации⁷, оставаясь в других частях неформальной политической культуры элитных групп (распространение подобных ритуалов «посвящения» в члены масонских лож или закрытых клубов).

В России эта тема становится особенно актуальной в контексте появления мигрантов из традиционалистских общин, распространения религиозных сект и их этических учений.

² Один из создателей теории магии, Б.Малиновский, считал, что магические верования вообще служат для того, чтобы компенсировать неопределённость в практических устремлениях человека, связаны с ощущением утраты контроля над ситуацией, опасности, случайности и риска [Малиновский, 1998].

³ По данным СМИ даже работодатели крупных компаний пользуются услугами тарологов, нумерологов и колдунов. См.: Алексеев А. Чёрная магия и её опасная сущность. Экспресс-Новости. 17.03.20. URL: <https://express-novosti.ru/interesting/2147499246-chernaya-magiya-i-ee-opasnaya-sushchnost.html> (дата обращения: 17.01.2026).

⁴ «Международное движение сатанизма» решением Верховного суда РФ от 23.06.2025 признано экстремистским и запрещено.

⁵ См., например: Магический регламент (кодекс чести мага). ВКонтакте. URL: https://vk.com/@occultclub_jjk-magicheskii-reglament-kodeks-chesti-maga (дата обращения: 17.01.2026).

⁶ Эти практики стали предметом регулирования ООН в документах Верховного комиссара по правам человека, осуждающих внесудебные убийства на почве магии в ЦАР и других странах Африки (Камерун, Мали и др.). См.: Колдовство в современную эпоху: расколотые сообщества и устойчивая стигма. Организация объединённых наций. 10.12.2015. URL: <https://www.ohchr.org/ru/stories/2015/12/witchcraft-modern-age-broken-communities-and-recalcitrant-stigma> (дата обращения: 17.01.2026).

⁷ Новейший актуальный пример: На Мальдивах министра арестовали за чёрную магию против президента // Российская газета. 27.06.2024. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/na-maldivah-ministra-arestovali-za-ispolzovani-chnoj-magii-protiv-prezidenta.html> (дата обращения: 17.01.2026).

Как показывает литература о сектах (например, саентологах⁸), некоторые из них имеют вполне разработанные этические кодексы, но на практике способны оказывать деструктивное воздействие на социальное поведение и, в частности, на механизмы принятия решений носителями этих представлений во властных структурах⁹. В текущей повестке в качестве наиболее опасного рассматривается международное движение сатанизма¹⁰, признанное Верховным Судом РФ экстремистской деятельностью и поставленное вне закона в РФ как несущее (по оценке российских законодателей) угрозу традиционным моральным ценностям и единству государства, несмотря на отсутствие единых чётко сформулированных установок поведения¹¹. Этические принципы подобных формирований (более или менее формализованные) — важный объект исследования психологов и криминалистов, в частности, такой специализированной области, как «сектоведение», объектом внимания которого стал ряд этических установок и ценностей экзотических сект постсоветского времени¹².

Но этические кодексы эзотерических сообществ могут иметь вполне нейтральный характер с правовой точки зрения и даже вписываться в представления конвенционального характера. Наиболее разработанными в России выглядят кодексы астрологов, принятые их профессиональным сообществом¹³. Представлены этические кодексы астрологов, составленные отдельными представителями данного цеха¹⁴. Один из новейших кодексов астролога (2023), составленный преподавателем Школы астрологии, вызвавший активное обсуждение в соцсетях, говорит о необходимости нейтрального отношения к клиенту — он не должен вызывать эмоций астролога, ибо это может исказить результат интерпретации данных. Поэтому, в частности, нецелесообразно оценивать судьбу близких, предлагая почти медицинский подход¹⁵.

Вера в тайное знание не является негативным фактором сама по себе, поскольку может выступать основой социального альтруизма. Особый тип кодексов такого типа — *кодексы тайных масонских организаций*, закрепляющих ценности, ритуалы, построенных по иерархическому принципу и регламентирующих как нормы поведения, так и ритуальную сторону деятельности сообщества [Масонство..., 1991]. Русское масонство было

⁸ * World Institute of Scientology Enterprises International, WISE Int., «Всемирный Институт Саентологических Предприятий») (США) признана нежелательной организацией в России).

⁹ Наиболее разработанным признается «Кодекс чести», написанный Р. Хаббардом в 1954 г., но он видел в нём не столько обязательный к исполнению моральный кодекс, сколько систему рекомендаций для ориентирования поведения членов новой религии — саентологов* (нежелательная организация в России). Главными принципами этики выступали стремление к раскрытию неограниченных духовных способностей человека, верность религиозному учению и последовательность в достижении цели, а упор делался на методах достижения этого путем разнообразных тренингов (см., например: Хаббард Л. Рон. Кодекс чести).

¹⁰ * Экстремистская организация, запрещённая в России.

¹¹ Мухаметшина Е. В Госдуме начали борьбу с сатанизмом*. Ведомости. 8.04.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/04/08/1103137-borbu-s-satanizmom> (дата обращения: 17.01.2026).

*«Международное движение сатанизма» решением Верховного суда РФ от 23.06.2025 признано экстремистским и запрещено.

¹² Такие повороты к ретрадиционализации сознания случались и ранее: «Впечатление такое, словно за какой-то десяток лет мы откатились ко временам каменного века. Вдруг ожили человеческие типы, казалось бы, вымершие давным-давно: пляшущий дервиш, и разбойничий атаман, и Великий Инквизитор, — причём сегодня они отнюдь не пациенты психиатрической лечебницы, а властители мира. Видимо, нельзя жить, полагаясь исключительно на могущество машин и на обобществлённую экономику» [Оруэлл, 2003. С. 121].

¹³ Этический кодекс союза профессиональных астрологов. Форум. 2009. ВКонтакте. URL: Этический кодекс астролога [ISAR] — Программа AstroZET. https://vk.com/topic-211242276_48378406 (дата обращения: 17.01.2026).

¹⁴ Этический кодекс астролога (Д. Ци) // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall423583466_45?w=wall-77098787_2137 (дата обращения: 17.01.2026).

¹⁵ Кодекс астролога (автор: Д. Карпов — преподаватель Школы астрологии) // ВКонтакте. 16.02.2023. URL: <https://vk.com/@astropattaya-kodeks-astrologa> (дата обращения: 17.01.2026).

построено на основе «прозрачной этической системы», опирающейся на идеалы английского масонства и христианской этики, отстаивало идеи естественного права, либерализма, равенства индивидуальной свободы и прав человека [Назарова, 2012]. Этические начала масонства не уникальны, они составляют часть других нравственных учений. Их своеобразие состоит в проведении в жизнь этих философских доктрин путём воплощения в целый ряд символов и обрядов, фиксируемых в конституции — учредительной грамоте, выдававшейся ложам от высшего правления и означавшей также законоположения, масонские статуты и ограничительную власть (подробнее см. [Соколовская, 1991]).

Примером может служить Моральный кодекс или «Заповеди масонов» Ордена Вольных Каменщиков¹⁶, которые парадоксально в чём-то сходны с этическими кодексами госслужащих¹⁷. Эти принципы отражены в актуальной «Конституции Великой Ложы России» (6 июля 2024)¹⁸, где масонство определяется как «свободное сообщество независимых людей, безотносительно к их вероисповеданию, стремящееся к осуществлению идеалов мира, любви и братства», а своими целями ставит «нравственное усовершенствование своих членов, и в конечном счёте, всего человечества в целом, а также осуществление истинной благотворительности», соглашаясь видеть своими членами только «людей добрых нравов и безупречной репутации, лояльных к светским властям» и готовых работать «в соответствии с Обрядом, уложениями и принципами Конституции и Общего регламента послушания», прежде всего — «блюсти масонскую тайну во имя процветания Ордена».

Общая предпосылка этического регулирования эзотерических сообществ — представление о возможности непосредственного или опосредованного взаимодействия человека со сверхъестественными силами для получения определённых знаний или преимуществ. В первом случае (непосредственного взаимодействия) — это возможность установления прямых отношений с этими силами путём фиксации договорных отношений с ними и оценки релевантности их (договоров) положений для сторон контракта. Классическая фаустовская дилемма такого этического выбора — возможность заключения договора индивида с Богом или дьяволом и условий его выполнения.

В Интернете фигурируют варианты этого типа договоров, включающие различные условия и гарантии сторон сделки. Представленные варианты Договора с Богом исходят из презумпции рационального регулирования отношений с ним с целью достижения определённых преимуществ не столько в этой жизни, сколько в будущей, а цена вопроса — спасение бессмертной души¹⁹. Договор с дьяволом, напротив, предполагает заключение сделки, позволяющей добиться преимуществ в земной жизни за счёт продажи собственной бессмертной души. Договор с дьяволом, признававшийся ранее (например, в известном

¹⁶ Заповеди масонов. Живой журнал. URL: <https://moralnyi-kodeks.livejournal.com/8964.html> (дата обращения: 17.01.2026).

¹⁷ В этих Заповедях провозглашаются такие ценности, как подчинение «требованиям нравственного Закона» и повиновение законам соответствующей страны; отказ от участия в незаконных союзах, соглашениях и заговорах, а также уважение к гражданским властям страны; фиксируется обязанность «действовать во имя общественного блага» и «продвижения «общественной добродетели»; обязанность поддерживать иерархию — быть верным своей Ложке, соблюдать её законы и правила, подчиняться решениям её общего собрания, когда они «находятся в соответствии с Конституциями Ордена»; «почитать Великого Мастера на весь срок пребывания его на этом посту, и его Офицеров, должным образом облечённых властью», «неукоснительно повиноваться всем распоряжениям Великой Ложы», соблюдать чистоту принципов и ритуалов, особенно, тайну собраний.

¹⁸ Конституция Великой Ложы России. Принята Ассамблеей Великой Ложы 6 июля 6013 года (6.07.2024 г.) Истинного Света на Востоке г. Москвы. Великая ложа России. URL: <https://russianmasonry.ru/konstitucija-velikoj-lozhi-rossii/> (дата обращения: 17.01.2026).

¹⁹ «Договор с Богом» или Завет (Covenant), упоминаемый в Библии, означает соглашение между Богом и людьми (например, народом Израиля) и включает взаимные обязательства сторон — защиту со стороны Бога и обязательство соблюдения законов со стороны людей или отдельного человека.

трактате по демонологии — «Молот ведьм») вполне реальным, сегодня объявляется некоторыми авторами юридически ничтожным, исходя из предположения о том, что дьявол является злым духом и в силу этого, предположительно, не обладает волей [Казанцев, 2006]. Это не мешает, однако, данному типу договоров получить широкое распространение в современной России²⁰ и влиять на социальное поведение соответствующих индивидов в публично-правовом пространстве²¹. Подобный тип договоров, будучи принят подписавшей его группой индивидов, очевидно, влияет на их социальное поведение, определяя в том числе их отношение к доминирующим моральным ценностям общества или его отдельных групп.

В поисках социальной исключительности: этические кодексы клубов и модных салонов

Кодексы клубов бизнес-сообщества более ориентированы на стандарты делового поведения и его стиль²². Кодекс делового сообщества CLUBFIRST²³ фиксирует возможность противоречивых ориентаций участников. Ставя своей целью «объединение лидеров бизнеса по всему миру», он стремится выработать общие правила для участников путём достижения компромисса между ними, декларируя «недопустимость навязчивой и неэтичной коммуникации», которая определяется как такой «стиль общения, при котором человек слишком настойчиво и часто пытается установить или поддерживать контакт, даже если другая сторона в данный момент не готова поддерживать диалог». Правила Клуба включают нейтралитет в отношении политики и религии, приверженность его членов ценностям «взаимного доверия» и ответственность за предоставление личной и деловой информации, а разрешение возможных конфликтов осуществляется путём посредничества Медиационным советом Клуба. Этический кодекс члена Гильдии Маркетологов²⁴ требует от него «сопричастности», т. е. готовности оппонировать «публичному поношению деятельности Гильдии» или «агрессивным высказываниям и действиям» в отношении неё. Создание таких клубов, имеющих давние традиции на Западе, по-видимому, отражает стремление формирующейся российской буржуазии использовать этот опыт.

Другая разновидность этих институтов — *модные клубы* — могут быть как открытыми, так и закрытыми, претендуя на особый порядок доступа в них и устанавливая определённые более или менее чёткие критерии соответствия членов. Их странная атмосфера может быть понятна только в контексте целей формирования данного

²⁰ В интернете фигурирует значительное число признаний о заключении подобных договоров с описанием их условий, ритуалов и цены вопроса (иногда смехотворно низкой). См., например: Лоевская А. Во славу Сатаны, конечно: как и зачем россияне заключают сделки с темными силами. Афиша Daily. 11.04.2025. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/29095-vo-slavu-satany-konechno-kak-i-zachem-rossiyane-zaklyuchayut-sdelki-s-temnymi-silami/> (дата обращения: 17.01.2026).

²¹ Вопрос о том, может ли дух обладать волей, конечно, решается принципиально различным образом с позиций теологии (средневековая, как известно, принимала её существование как неоспоримое) и современной юриспруденции (признающей подобные сделки ничтожными). Этим аргументам противостоит известный тезис психологической школы права (Л.И. Петражицкого): если человек верит в существование дьявола и заключает с ним договор, подписанный кровью, то данный договор имеет правовой характер (т.е. имеет для него юридически обязывающее значение) [Петражицкий, 2010].

²² Традиции клубной культуры аристократии, элиты и бизнес-сообщества сформировались преимущественно в англо-саксонском мире и воспроизводятся в клубах различного типа и уровней, символизируя распределение статуса, престижа и благосостояния. Принадлежность к клубам высшего уровня, по мнению ряда исследователей, может отражать статус в неформальной иерархии и степень влияния в экономике и политике [Ландберг, 1971].

²³ Кодекс делового сообщества. CLUBFIRST. URL: <https://clubfirst.ru/codex/> (дата обращения: 17.01.2026).

²⁴ Этический кодекс члена Гильдии Маркетологов. Утверждён Советом Гильдии Маркетологов. Гильдия Маркетологов. 1.03.2010. URL: <https://www.marketologi.ru/vstupit/documenty/eticheskie-pravila-chlena-gildii/> (дата обращения: 17.01.2026).

сообщества — создать зону для общения, формирующего особый стиль жизни. Его участники — представители культуры, спорта, политики, бизнес-элиты, люди разных занятий (студенты, клерки, художники) — «тусовщики» разного возраста, уровня доходов и узнаваемости, взглядов и занятий. Особую субкультуру представляют так называемые «фрики»²⁵. В этом сообществе выделяется такая категория, как упомянутые ранее «светские львицы» [Старвумен, Грей, 2004], демонстрирующие моды и свободно тратящие деньги богатых ухажёров. Этические стандарты модных клубов, как следует из новейших исследований НИУ-ВШЭ, находятся на стадии формирования, а часто уступают место прагматическим рекламным целям, позволяя «на основе изучения гламурных 2000-х в России выделить методы и инструменты для создания коллекции одежды»²⁶.

Московский городской Гольф Клуб²⁷, напротив, позиционирует себя как «закрытый клуб для избранных с охраняемой территорией»: «Сюда не попадают случайные люди: каждый, кто так или иначе причастен к жизни Клуба, является человеком высокого уровня достатка, носителем этического кодекса и особой европейской эстетики». Клуб «Soho Rooms» представляет себя как «эксклюзивное место» «встречи знаменитых и успешных людей, эпицентр клубной жизни», «сочетание утончённого вкуса и столичного пафоса», место, для посещения которого «необходимо быть занесённым в списки и пройти жёсткий фейс-контроль»²⁸. Вполне реальной, но малоизученной областью остаются различные клубные кодексы, составляемые по мере распространения данного явления в постсоветский период. Прежде всего это касается игорных клубов, где правила азартных игр, помимо учёта правовых норм, регулируются, скорее, неписаными нормами поведения (главная из них — обязанность возвращения «карточного долга»). Эта сфера деятельности казино включает правила игорного дома, регулируя, в частности, отношения игрока и крупье, а также требования к нему²⁹. Самостоятельным направлением этического регламентирования становятся правила клубов, объединяющих людей определённых интересов, или *кодексы любительских сообществ по интересам*. Это, например, «Этический кодекс поведения контекстмена»³⁰ или порядки клубов по разведению животных, которые, по мнению организаторов, требует внедрения этических кодексов³¹.

²⁵ Фрики (от англ. Freak — ненормальный или сильно помешанный на чём-либо — лица, для которых характерен отказ от социальных стереотипов путём демонстрации неординарного мировоззрения или поведения.

²⁶ Описание московских клубов см.: HSEUNIVERSITY. URL: <https://hsedesign.ru/books/project/7c603d0a5c1948bb9dd3a9af800388c5> (дата обращения: 17.01.2026).

²⁷ Московский городской Гольф Клуб. 100 Наилучших площадок. URL: https://top100awards.ru/moskovskij_gorodskoj_golf_club (дата обращения: 17.01.2026).

²⁸ К этой группе кодексов, вероятно, можно отнести моральные предписания других молодёжных девиантных групп разного времени — от хиппи до байкеров, реперов и т.п., а также иных «неформалов». Одной из таких групп следует признать представителей современной «золотой молодёжи», или так называемых «мажоров», поведение которых характеризуется стремлением к престижному потреблению и демонстративному нарушению правил административного (но не уголовного) кодекса.

²⁹ Правила этикета и поведения в казино. 9.03.2021. URL: <https://newsforgambling.com/pravila-etiketa-i-povedeniya-v-kazino/> (дата обращения: 17.01.2026).

³⁰ Данный кодекс, разработанный Союзом радилюбителей России, постулирует приверженность национальным правилам любительского радио и готовность выполнять их. Он основан на принципах альтруизма — отказе от создания помех другим участникам, готовности уступить свою радиочастоту для любой связи в чрезвычайных ситуациях, а также принятии определённой формы разрешения конфликтов — согласия с решением судейской коллегии контекста как окончательным. См.: Этический кодекс поведения контекстмена. Союз радилюбителей России. URL: <https://srr.ru/eticheskij-kodeks-povedeniya-kontestmena/> (дата обращения: 17.01.2026).

³¹ В проектах таких кодексов предусматривается регулирование отношений клуба, заводчиков, судей и владельцев собак. См.: Поливанов М. Нужна корпоративная структура собаководов, разработка и внедрение этических кодексов. Клуб кинологов «Элита» и Общество Любителей Породистых Собак «Глория». URL: <https://www.nkk-elite.ru/biblioteka/stati-i-intervyu-specialistov/mstislav-polivanov-nuzhna-korporativnaya-struktura-sobakovodov-razrabotka-i-vnedrenie-eticheskikh-kodeksov/> (дата обращения: 17.01.2026).

Этические кодексы в сфере объединений искусства и эстетики затрагивают вопрос об определении красоты как социальной ценности. Эстетические представления общества и основанные на них услуги, безусловно, стали рыночной ценностью и предметом извлечения коммерческой выгоды. Но можно ли регулировать представления о красоте? Люди искусства руководствуются больше эмоциями, чем логикой или нравственными принципами³². Сама претензия на определение правил, регулирующих творчество, спорна ввиду того, что эстетика — представления о прекрасном и безобразном — является сферой субъективного восприятия и едва ли может быть сведена к неким обязательным нормам [Эко, 2025]. Вопрос о моральности эстетики решается, поэтому принципиально различным образом — от утверждения о моральности прекрасного до тезиса о том, что морали нет, а есть только красота (или тезис, что только красота — моральна, а уродство — аморально).

Понятие профессиональной этики вводится в сфере эстетических услуг и салонах красоты. В «Кодексе профессиональной этики участников арт-рынка»³³ эти требования определяются традиционными злоупотреблениями. «Этический кодекс специалистов в сфере арт-терапии», принятый их Ассоциацией³⁴, интересен учётом ряда специфических норм. Этот вид деятельности предполагает использование методов психологической, психотерапевтической, психообразовательной помощи на основе занятий изобразительным искусством. Этика услуг эстетического характера, однако, не может быть стабильна с учётом его растущей коммерциализации. В салонах красоты имеется в виду список проблемных и щекотливых тем, которые не рекомендуется обсуждать с клиентами во избежание конфликта — от религии и гражданских прав до стиля моды и секса³⁵. В некоторых рекомендациях разработана этика поведения и общения с клиентами в таких салонах: представлена типология клиентов с учётом разных типов психологического восприятия, которые предлагается учитывать в работе с ними³⁶.

Этические требования к индустрии красоты охватывают не только эстетику, но и иные гражданские добродетели. Интерес представляет дискуссия о создании этического

³² В идеале это, как сказано в «Манифесте сюрреализма» А.Бретона еще в 1924 г.: «Чистый психический автоматизм, имеющий целью выразить, или устно, или письменно, или другим способом, реальное функционирование мысли. Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных соображений» (Сайт о современных художниках. URL: http://contemporary-artists.ru/Surrealist_Manifestos.html (дата обращения: 17.01.2026)).

³³ Кодекс профессиональной этики участников арт-рынка. Ассоциация галерей. URL: <https://agarussia.art/ethics> (дата обращения: 17.01.2026). Предлагается «сознательно не продавать и не выставлять произведения искусства, которые не являются подлинными работами представляемого художника. Сознательно не продавать и не выставлять украденные произведения искусства, сотрудничать с правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, обнаружению и возвращению украденных произведений», а также намеренно не скрывать «дефекты в произведениях искусства, предназначенных для продажи».

³⁴ Этический кодекс специалистов в сфере арт-терапии. Академия искусств Игоря Бурганова. URL: <https://artterapiamos.ru/kodeks> (дата обращения: 17.01.2026). Вводится понятие «психотерапевтического контракта» с клиентом (пациентом) или его доверенными лицами, фиксирующее нормы поддержания конфиденциальности и приватности, согласие клиента при экспонировании, тиражировании и фотографировании его работ. Подробно оговаривается этическая неприемлемость «двойного отношения» с подчинёнными и наблюдаемыми, в частности, контактов для «получения какой-либо выгоды» или сексуальных контактов — вплоть до заключения брака. А под сексуальными домогательствами понимаются «намеренные осознанные или неосознанные замечания, жесты или прикосновения сексуальной природы». Кодекс выдвигает требования к технике диагностики и оценивания, валидности и надёжности инструментария, а также определяет нормы поведения в информационной среде. Это означает, что на них распространяются этические нормы соответствующего характера: фиксируется ответственность арт-терапевтов за выбор тем, методов и результатов наблюдения с учётом возможных негативных последствий.

³⁵ Профессиональная этика в салонах красоты. Online-Krasota.ru. URL: <https://online-krasota.ru/blog/detail/professionalnaya-etika-v-salonakh-krasoty/> (дата обращения: 17.01.2026).

³⁶ Балутина А. Этика поведения и общения с клиентами в салоне красоты. Директор салона красоты — Интернет журнал об аналитике и практике красивого бизнеса. URL: <https://www.dirsalona.ru/article/1093-obshchenie-s-klientami> (дата обращения: 17.01.2026).

кодекса парикмахера, проект которого вызвал живое обсуждение в данной профессиональной среде. Этот проект направлен на формирование высоких стандартов профессионального поведения в индустрии красоты³⁷. Этика парикмахера предполагает не только профессиональные критерии, но и необходимость учитывать психологию клиента и даже его «расположение духа»³⁸. Преподаватели колледжа парикмахерского искусства идут ещё дальше. Преподаватель «руководствуется принципами гуманности, законности, взаимного уважения, демократичности, справедливости, профессионализма», должен занимать «активную жизненную позицию» и «обладать высоким уровнем гражданской культуры»³⁹. Должен ли парикмахер быть гуманистом и демократом или ему достаточно быть профессионалом? В чём может состоять его активная позиция? Всё это вопросы, явно выходящие за рамки профессионального кодекса поведения. Более последовательны поэтому те кодексы, которые требуют немногого, исходя из принципа «минимума нравственности». В некоторых центрах культуры и досуга⁴⁰ этические принципы сведены к простому алгоритму: они основаны на Конституции, исключают конфликт интересов, недопущение коррупции, предусматривая «беспристрастность», а главное — соблюдение трудовой дисциплины⁴¹.

Жизнь и игра: этические кодексы игровых сообществ

Следуя метафоре Шекспира — «вся наша жизнь игра и все мы в ней актёры», можно увидеть подвижность границ соотношения социальной реальности и её отображений в любой творческой деятельности.

В хозяйственной сфере данный образ представлен понятием о так называемой *моральной экономике*, попытками руководствоваться этическими принципами в *биржевой игре* и, исходя из этого, разграничить её честное и нечестное ведение. Эта сторона деятельности регулируется Глобальным кодексом валютных рынков, к которому Московская биржа присоединилась в 2018 г. Кодекс профессиональной этики Московской биржи различает добросовестные и недобросовестные практики биржевой игры, отстаивая принцип «честной конкурентной борьбы»⁴². Этический кодекс фондовой биржи, разработанный Московской биржей совместно с Центробанком и другими крупными банками, включает список запретов недобросовестных практик такой биржевой игры, среди которых фигурирует предварительный сговор её участников, в том числе через соцсети, создание ложного спроса и предложения, в частности с помощью роботов или недобросовестных действий

³⁷ Кодекс будет включать в себя основные качества, которые должны быть присущи парикмахеру, а также рекомендации для клиентов, способствующие созданию комфортной и продуктивной атмосферы. Основное внимание уделяется взаимному уважению и пониманию между парикмахером и клиентом, что является основой успешного взаимодействия. Кодекс, по мнению разработчиков, станет важным инструментом, который поможет профессионалам развивать свои навыки и улучшать качество обслуживания клиентов. (Этический кодекс парикмахера. Бегемот. URL: <https://begemot.ai/projects/2800173-eticeskii-kodeks-parikmahera> (дата обращения: 17.01.2026)).

³⁸ Профессиональная этика парикмахера. StudWood.net URL: https://studwood.net/587292/prochie_distipliny_professionalnaya_etika_parikmahera (дата обращения: 17.01.2026).

³⁹ Кодекс этики. Кодекс профессиональной этики преподавателя ЧПОУ «Владивостокский колледж парикмахерского искусства и дизайна». URL: <https://stylistu.info/teachers/the-code-of-ethics/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁴⁰ Кодекс этики и служебного поведения СПб ГБУ «Центр культуры и досуга «Кировец». Утверждён приказом директора от 20.06.2019. Центр культуры и досуга «Кировец». URL: <https://kirovecspb.ru/kodeks-etiki-i-sluzhebno-go-povedeniya-sotrudnikov-spb-gbu-ckd-kirovec> (дата обращения: 17.01.2026).

⁴¹ Понятие трудовой дисциплины, впрочем, включает некоторые правила этикета — требования к внешнему виду, одежде и вежливым манерам сотрудников, которые учитываются администрацией «при формировании кадрового резерва».

⁴² Кодекс профессиональной этики ПАО Московская биржа. Утверждён решением Наблюдательного совета ПАО Московская биржа 11.12.2024 (Протокол № 13). MOEX / Московская биржа. URL: <https://www.moex.com/ru/documents/14404> (дата обращения: 17.01.2026).

маркетмейкера⁴³. Сходным образом Кодекс Ассоциации профессиональных страховых брокеров требует от них уважать «правила добросовестной конкуренции и деловой практики», не используя «лживые и компрометирующие материалы о своих конкурентах»⁴⁴. Ранее принятый Кодекс профессиональной этики на страховом рынке РФ исходил из возможности совместить принципы социальной ответственности бизнеса и его эффективности, однако его идеологи сегодня вынуждены констатировать: «Многие положения этического Кодекса остаются актуальными, но многие компании забыли об этом документе, а новые менеджеры никогда о нём и не слышали»⁴⁵. Не менее показателен провал этического регулирования деятельности коллекторов (Кодекс НАПКА 2016 г.). Новый кодекс в этой сфере стремится ограничить их произвол, включая своеобразные нормы и правила этикета, которыми отныне должны руководствоваться ненавистные обществу «взыскатели» [Галагуза, 2020]. Принципиальный вопрос — способны ли этические кодексы экономической игры разрешить конфликт социальных обязательств бизнеса и его жажды наживы, может ли экономическая конкуренция быть «честной», а экономика «моральной» — далёк от разрешения⁴⁶. В целом моральные нормы финансовой игры трудно поддаются этическому регулированию, хотя осознание его необходимости, вероятно, присуще некоторым участникам заключения сделок (см., например: [Перкинс, 2014]).

Кодексы этики театрального и актёрского поведения отражают жизнь в её эмоционально-эстетическом восприятии. Они включают типичные *нормы театральной игры*, регулируя их с учётом особенностей творческих коллективов, эмоциональности и импульсивности людей искусства⁴⁷. Этика артиста определяется по К. Станиславскому как коллективная этика, главный профессиональный элемент которой — «самоотверженное подлинное сценическое действие в вымышленной художественной ситуации»⁴⁸. Исходя из этого кодексы профессиональной этики в данной сфере выстраивают баланс таких ценностей, как свобода и дисциплина, верность театру и публике, суровость и надёжность, совесть и ответственность — «способность учиться у жизни». Перечень этих дихотомий не случаен. Главная проблема этики актёра — различать реальность и вымысел, роли в жизни и театре. На практике их смешение может приводить к определённым моральным коллизиям, когда актёр перестаёт видеть эту грань и, например, переносит этические оценки своего героя на публику или предстаёт перед ней в образе и одежде одного из своих

⁴³ Пятин А. Московская биржа разработала этический кодекс фондового рынка. Forbes. 2.04.2021. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/425189-moskovskaya-birzha-razrabotala-eticheskiy-kodeks-fondovogo> (дата обращения: 17.01.2026).

⁴⁴ Профессиональный кодекс Ассоциации профессиональных страховых брокеров. Утверждён решением Совета от 7.12.2010. Ассоциация профессиональных страховых брокеров. URL: <https://insurancebroker.ru/kodeks> (дата обращения: 17.01.2026).

⁴⁵ Галагуза Н. Этический кодекс страхования. Современные страховые технологии. 6.12.2020. URL: <https://consult-cct.ru/eticheskij-kodeks-strahovaniya> (дата обращения: 17.01.2026).

⁴⁶ Крайняя позиция в этом споре — представление о том, что бизнес вообще не может быть моральным в силу своей природы и мотивации, а успешная биржевая игра ничем не отличается от мошенничества и, подобно игре в карты, знает только один критерий оценки — выигрыш или проигрыш. «Честная конкуренция» в этой сфере определяется исключительно жёсткостью дисциплинарных санкций за нарушение «правил игры» (исключение явного шулерства), но отнюдь не моральными приоритетами общества как таковыми.

⁴⁷ Они обращают внимание на «хороший тон» в коллективе, регулируют конфликты в труппе (например, между актёрами и режиссёром), возможности отклоняющегося поведения (выход на публику до начала спектакля в гриме, если это не предусмотрено режиссёрским замыслом) и прочее, доверяя разрешение этих дисциплинарных коллизий художественному совету.

⁴⁸ Этика артиста (правила поведения и работы в театре «111» имени П.М. Ершова). Театр 111. URL: <http://theater111.ru/etika-artista.php> (дата обращения: 17.01.2026).

персонажей, что категорически противоречит этическим стандартам театрального искусства⁴⁹. В этической регламентации театральной игры предусматривается и проявление негативных свойств творческой личности актёра, особенно — чувства зависти⁵⁰.

Другая сторона этой проблемы — восприятие самой игры как реальной жизни. Самостоятельная группа этических кодексов — *кодексы виртуальных сообществ*, формирующихся в Интернете. Одним из наиболее распространённых видов таких объединений становятся виртуальные сообщества, формирующиеся вокруг компьютерных игр самой различной направленности, участники которых перестают улавливать их отличие от внешнего мира и фактически «живут» в этой изобретённой реальности. Данный вид кодексов представляет интерес в силу двух обстоятельств: Интернет рассматривается как более нейтральная и открытая сфера; представление о том, что игра — это не настоящая жизнь, открывает большое поле для эксперимента, позволяя свободно принимать или отвергать этические нормы, существующие в реальной жизни. Поэтому этические основы интернет-игр охватывают весь спектр возможностей — от высоких представлений о морали до «аморальных сделок», основанных исключительно на калькуляции потенциальной прибыли или выигрыша, включая вполне безнравственные и преступные схемы.

Исходя из этого игровые этические кодексы могут быть разделены на три группы по линии отношения к правосознанию. Первый тип игровых кодексов — те, которые отстаивают «высокие» моральные идеалы, включают защиту закона и патриархальной добродетели. Этот тип представлен «кодексами рыцарской чести» или Кодексом Паладина (верность покровителю, галантность, честность, доблесть, честь, смиренность, щедрость)⁵¹. Паладин — исторический образ рыцаря, восходящий к Роланду и рыцарям короля Артура, затем — собирательный образ рыцаря, отстаивающего светлые идеалы, сейчас — персонаж жанра фэнтези⁵². В некоторых случаях это может быть обращение к реальным историческим кодексам, например, к кодексу самурая — «Бусидо»⁵³. Сама идея служения высшим ценностям исключает нормативный произвол.

Второй тип игровых кодексов — те, что нейтральны в отношении права или не апеллируют непосредственно к его положениям, хотя не исключают апологии девиантного поведения. Они объединены, в частности, темой авантюризма — поведения, смысл которого определяется приспособлением к обстоятельствам в целях обретения «удачи»⁵⁴.

⁴⁹ Данный феномен констатируется, в частности, в отношении некоторых политиков, ставших актёрами или актёров, ставших политиками. Его признаки отмечались ещё Светонием в отношении таких фигур, как, например, Нерон, последними словами которого перед смертью стали — «какой великий актёр умирает во мне». В новейшее время эта фраза становится ещё более актуальной в связи с тем, что многие актёры, став государственными деятелями, воспринимают политику с точки зрения театральной игры. Этот феномен, способный вести к настоящей моральной шизофрении, характерен, по мнению некоторых наблюдателей, для таких деятелей, как, например, В. Зеленский.

⁵⁰ Некоторые из них, по мнению Т. Львовой, настаивают: «Не вноси в театр житейской мерзости, сплетни, интриги, пересуды, клевету, зависть — это разрушает театр!» (ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-107867021_1614 (дата обращения: 17.01.2026)).

⁵¹ *Пушкарев И.* Кодекс Паладина. ВКонтакте. URL: https://vk.com/topic-363304_2980698 (дата обращения: 17.01.2026).

⁵² Мнение: Что такое Паладин. 3.01.2019. GoHa.Ru. URL: https://forums.goha.ru/showthread_84_0_t1265382

⁵³ Кодекс самурая. Бусидо. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%83%D1%81%D0%B8%D0%B4%D0%BE> (дата обращения: 17.01.2026).

⁵⁴ Авантюристы вообще — очень динамичная группа, оказавшая влияние на многие стороны международного обмена, но при этом выработавшая своё видение соотношения морального и аморального поведения. Данная категория (в виде, например, поведения авантюристов эпохи Просвещения) внесла определённый вклад в переход от устоявшихся религиозных норм традиционного сознания к их современной трактовке, допускающей ценностный релятивизм и открытый цинизм.

В современных интернет-играх эта тема фигурирует в кодексах «Лиги авантюристов»⁵⁵ или «Гильдии авантюристов»⁵⁶ — правил игры, предписывающих следование указаниям мастера и избегание вульгарности, но не исключаящих своеобразной управляемой девиации. «Гибкость моральных норм» — кредо этой категории, социальная адаптация которой предполагает маргинальность — балансирование на тонких границах противостоящих друг другу этических норм, сосуществующих в обществе⁵⁷.

Третий тип игровых кодексов моделирует ситуации выбора правового и антиправового поведения, апеллируя к возможностям нарушения закона для достижения преимуществ участников игры. В них представлены криминальные субкультуры прошлого и современности, выработавшие особые кодексы чести, — пираты, наёмники, грабители и убийцы (например, «кодекс отравителя»). Тема пиратских кодексов получила развитие в современных условиях из-за феномена интернет-пиратства. Традиционное и современное пиратство имеет сходные цели: предполагается, что слово «пиратство» происходит от древнегреческого *peirai* — совершать нападение, однако их этические представления существенно различны: в первом случае используется жёсткое моральное регулирование сообщества и оно отсутствует во втором⁵⁸. В Интернет-ресурсах проводится реконструкция исторического возникновения пиратских кодексов⁵⁹, их аутентичного содержания⁶⁰, а также программы интернет-пиратства⁶¹, моральным обоснованием которого служит представление о различии этичного и неэтичного хакерства. В играх, моделирующих, например, ограбление, ключевой мотив — так называемый «большой куш» (возможность единовременного захвата суммы, которой хватит на всю оставшуюся жизнь для комфортного существования). Сходным примером в играх выступает «Бойцовский клуб», где разработан «Кодекс наёмника», отличающийся моральным релятивизмом⁶².

Специальная сторона интернет-игр — установление договорных отношений сторон и правил их соблюдения — то, что определяется как «этика переговорных игр»⁶³. Констатируется, что популярная онлайн-игра (такая, как Dota 2) может стать площадкой

⁵⁵ Кодекс поведения в Лиге авантюристов. D&D Лига Авантюристов. URL: <https://adventurersleague.wordpress.com/2018/03/13/%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%B2-%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B5-%D0%B0-%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁵⁶ Гильдия авантюристов «Ночной рейд». NOBLEGARDEN. 4.10.2020. URL: <https://noblegarden.net/guild/13528> (дата обращения: 17.01.2026).

⁵⁷ Данный тип кодексов может быть выражением определённого социального опыта или систематизации технологий его применения в сомнительных моральных целях, например опыта мошенничества, пранкерства, соблазнения женщин, шулерства и т.д.

⁵⁸ Традиционные пиратские кодексы чести — пиратские уставы — детально разрабатывали нормы распределения добычи, гордились честностью по отношению к товарищам, требуя клятвы на Библии, за нарушение которой полагалось изгнание с корабля или смерть [см.: Григорян, Дмитриев, 2004. С. 16–17].

⁵⁹ Пиратский кодекс. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81 (дата обращения: 17.01.2026).

⁶⁰ Пиратский кодекс (изложение основных принципов). Fandom. URL: https://pirat.fandom.com/ru/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81 (дата обращения: 17.01.2026).

⁶¹ Пиратство в Интернете. n`RIS / Сервисы и услуги. 22.01.2021. URL: <https://nr.is.ru/blog/piratstvo-v-internete/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁶² Этот кодекс избавляет наёмника от всяких моральных обязательств: «...наёмники не несут ответственности за свои действия. Они рискуют собственной жизнью, убивают и могут быть убитыми, во время выполнения контрактов, но обвинять их в этом нельзя». «Наёмник не даёт никаких гарантий, т.е. если гарантии не обсуждались, то их нет». Поэтому «гарантии на победу со стороны наёмника — личное дело самого наёмника, в данном случае он поступает так, как ему выгоднее» (Кодекс наёмника. Narod.ru. URL: <https://devilsantishak.narod.ru/> (дата обращения: 17.01.2026)).

⁶³ Этика переговорных игр. Тесера. URL: <https://tesera.ru/article/2354108/> (дата обращения: 17.01.2026).

«токсичности и конфликтов», преодолеть которые способно принятие этического кодекса поведения участников данной игры — их предварительное согласие на запрет оскорблений, дискриминации и сквернословия⁶⁴. Информативен анализ компьютерных игр с точки зрения правил о заключении договоров и возможности их нарушения⁶⁵. Участники обсуждения этой темы согласились с тем, что переговоры в играх — не просто переговоры, но отражают некоторые общие стандарты восприятия игрового сообщества⁶⁶. Следует ли из этого, что «игра без правил» — отражение современной политики?

Конформистское и неконформистское понимание гражданских добродетелей: кодексы патриотизма, эпатажного поведения и чёрного юмора

Очевидно, что гражданские добродетели — их существование или отсутствие — являются продуктом культуры и воспитания и едва ли поддаются регламентации в этических кодексах. В некоторых кодексах сделаны попытки навязать обществу известную общую версию этических стандартов, отказ от которой рассматривается как предельное моральное падение. Этот подход, характерный для фанатизма, имеет определённые психологические предпосылки — определяется, как правило, столкновением заниженной самооценки с завышенными моральными требованиями к обществу и в конечном счёте основан на чувствах вины и стыда. Данный феномен известен как «моральная мизофобия» — ритуалы и избегающее поведение, вызванное навязчивыми мыслями неприятного содержания, в основе которых лежит страх «загрязнения» от греха и вины, в котором пребывает большинство⁶⁷. Если мир лежит во грехе, его спасение — моральный императив личности такого типа. Его следствиями в истории часто становились моральные требования разрушения несправедливой цивилизации или апология террора во имя установления «истинной» нравственности — от «Катехизиса революционера» С. Нечаева до Манифеста Унабомбера⁶⁸. Результатом может стать нравственная аномия — полное отрицание моральных ценностей, психологическое состояние, лучше всего определяемое русским понятием «нигилизм».

Формула, что политика — это продолжение прежних социальных конфликтов в других формах не лишена смысла для современной России. Противопоставление максималистских «истинных» и «ложных» этических ценностей стало заметным трендом современного российского общества. Частью поисков по формированию новой этической программы стали кодексы патриотической направленности. Воззрения их авторов сходны с теми, которые К.Маркс саркастически определил как «истинный немецкий патриотизм». Обсуждение «морального кодекса патриота» (в том числе в Государственной думе) показало стремление части общества опираться на традицию, воспитание, даже изгнание

⁶⁴ Абдурахманова К. Движение «Россия Православная» предложило создать этический кодекс дотеров. СПОРТ-ЭКСПРЕСС. URL: <https://www.sport-express.ru/cybersport/esports/news/dvizhenie-rossiya-pravoslavnaya-predlozhilo-sozdat-eticheskij-kodeks-dlya-doterov-2312960/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁶⁵ В ряде известных игр («Монополия», «Игра престолов», «Коза ностра» и т.п.) моделируются ситуации современной политики — союзы государств, контр-союзы, элитные конфликты, отношения в которых описываются метафорами (например, «ведро с крабами», «мешок песка» и др.). Констатируется тренд изменения отношения участников игр к соблюдению договорных обязательств: если в старых играх («Дюна») договоры нельзя было нарушать, то в более новых — можно.

⁶⁶ Переговоры в играх — это не просто переговоры. BGG. URL: <https://boardgamegeek.com/thread/1224589/negotiation-in-games-not-about-negotiation> (дата обращения: 17.01.2026).

⁶⁷ Моральная мизофобия — один из распространённых типов обсессивно-компульсивного расстройства [Белова, Колюцкая, 2012. С. 13–17].

⁶⁸ Качински Т. Манифест Унабомбера. Индустриальное общество и его будущее.

иностранных слов⁶⁹. Проект «Кодекса патриота» (2024 г.) — документ, отстаивающий идею совмещения советских и постсоветских представлений о морали с позиций идеи общего дела — единства народа и правительства во всех сферах (гражданской, финансовой, политической, духовной) с целью эффективного противостояния внешним и внутренним врагам⁷⁰. «Патриотический катехизис» — другой вариант конструирования националистической повестки, исходящей из убеждения в том, что «враги России есть враги Бога и человечества, враги всего того, во что ты веришь и что ты любишь»⁷¹. Для них характерно стремление к восстановлению утраченного «морального единства» общества направленными усилиями государства.

Чем больше «моральное единство» общества, тем выше степень его инертности, конформизма и склонности к моральному релятивизму⁷². С позиций психологии, в крайнем выражении оно ведёт к фанатизму, вызванному внешним навязыванием, внушением или гипнозом, исключающим рациональный анализ поведения⁷³. Но может ли общество быть морально единым в принципе и требует ли истинный патриотизм закрепления в кодексе? Альтернативная позиция отражена в идее создать «Кодекс антипатриота», который, отвергая жёсткую националистическую трактовку патриотизма, делает осторожную попытку отказаться от крайности — отождествления либерализма и антипатриотизма⁷⁴, а также разделить истинный и мнимый патриотизм⁷⁵. Истинному патриотизму противостоит псевдопатриотизм, получивший ряд наименований — ложный, фальшивый и мнимый патриотизм, — наиболее экстремальный вариант ложного патриотизма, основной отличительной особенностью которого признаётся некритическое превознесение национального опыта с не менее жёстким отрицанием других его вариантов. Усилия по созданию кодексов с максималистскими этическими стандартами и включением нравоучительных сентенций сталкиваются с позицией этического нейтралитета, который, впрочем, может иметь разную природу, поощряя или отвергая нравственное самоопределение личности⁷⁶.

Реакция на избыточную морализацию, её избирательный характер или излишнюю формализацию требований не замедлила появиться. Негативные проявления этой этической самонастройки общества охватывают состояния, определяемые понятиями «аморализма» (сознательного отрицания общепринятых законов морали); «морального релятивизма» (подвижность критериев нравственности); «нравственного помешательства» (безразличия к морали при сохранении интеллектуальных способностей, когда нравственные установки перестают быть мотивом поведения); «морального уродства» (стремления

⁶⁹ Моральный кодекс патриота. Как изменится культурная политика России. Крымская газета. 1.02.2023. URL: <https://gazetacrimea.ru/news/moralnyu-kodeks-patriota-kak-izmenitsya-kulturnaya-politika-rossii/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁷⁰ Игин И.А. Кодекс патриота. Аргументы недели. 2.09.2024. URL: <https://argumenti.ru/opinion/2024/09/916654> (дата обращения: 17.01.2026).

⁷¹ Памятка патриоту: двенадцать тезисов патриотического катехизиса. Завтра. 6.12.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/pamyatka_patriotu_rossii (дата обращения: 17.01.2026).

⁷² На эту психологическую закономерность указывал еще К. Юнг: «Чем больше организация, тем неизбежнее её аморальность и слепая глупость». И наоборот: «Все высшие достижения добродетели, а также самые чёрные злодеяния индивидуальны» [Юнг, 2023. С. 56–58].

⁷³ Это состояние определялось даже как «психическая эпидемия» — инфекция, вызванная особым «психологическим микробом» [Бехтерев, 2021. С. 147].

⁷⁴ Идеология антипатриотизма, откуда она берётся? PIKABU. URL: https://pikabu.ru/story/ideologiya_antipatriotizma_otkuda_ona_beryotsya_10119805 (дата обращения: 17.01.2026).

⁷⁵ Мнимый патриотизм. Нация и народ. МЫ / Международный русский проект. 16.03.2021. URL: <https://wir.com.ru/news/mnimiyupatriotizm> (дата обращения: 17.01.2026).

⁷⁶ Это относится, например, к попыткам создать особую этику специалистов по «терапии поэзией», когда задача ментора сводится к отбору книг, их адаптации к сознанию слушателей, исключению тех или иных фразеологических оборотов и т.д. дабы «не вводить людей в заблуждение или приносить им вред», как будто поэзия — это вообще не царство иллюзий. — Этический кодекс специалиста по письменной терапии. Письменные практики. URL: <https://pismennyepraktiki.com/eticheskij-kodeks> (дата обращения: 17.01.2026).

к унижению других) и иные формы невротической реакции, обобщённые в виде так называемого «кодекса невротика»⁷⁷. Результатом может стать моральная шизофрения — особое психологическое состояние индивида, столкнувшегося с дилеммой: мы не можем действовать согласно нашим представлениям о морали потому, что сами не верим в те ценности, которые они декларируют⁷⁸. Важны, следовательно, не моральные предписания и мотивы, но готовность действовать согласно собственным представлениям.

Действительно, готовы ли мы действовать в соответствии с предписываемыми обществом (конвенциональными) моральными стандартами? Своеобразная самостоятельная разновидность этического протеста — *кодексы эпатажного поведения и чёрного юмора*. Составление эпатажных этических кодексов — известная форма выражения коллективного или индивидуального несогласия с доминирующими стандартами поведения, или, что также имеет место, декларация некоторых нонконформистских принципов. Данный тип этических кодексов может преследовать достижение вполне стандартных моральных целей, гротескно изображая опыт их нарушения, как, например, известный Каннибалистический манифест⁷⁹. Не исключено, что применение данной метафоры выражает сарказм по отношению к некоторым одиозным официальным стандартам. Примером в российской ситуации может служить «Кодекс людоеда», составленный, как утверждает его анонимный автор, «по аналогии с налоговым кодексом»⁸⁰. Принятым стандартам общественной морали противостоит этическая культура протестного поведения — эпатажной и нравственно экстравагантной эстетической деятельности, как это видно, например, в перформансах П. Павленского⁸¹. Требования высокого уровня гражданской культуры и активной жизненной позиции в сфере эстетики могут, следовательно, приобретать различную интерпретацию, включающую демонстративный вызов конвенциональной общественной нравственности.

Понятие «новой этики» отражает совокупность дилемм морального выбора эпохи информатизации, соцсетей, гендерного равенства и протестного политического участия. Этика корректного поведения в сфере информационного обмена и социальных сетях включает поиск рамок этой свободы через известные этические требования — не использовать неприемлемого контента, подкреплять новости доказательствами, не приводить личные данные третьих лиц; включает особые требования к политическому контенту⁸². Неопределённость этих критериев и, что особенно важно, трудность их обеспечения на технологическом уровне делает их малоубедительными для сторонников полной свободы

⁷⁷ Моральный кодекс невротика. Вестник психологии. 29.09.2018. URL: <https://psychologyjournal.ru/public/moralnyu-kodeks-nevrotika/> (дата обращения: 17.01.2026).

⁷⁸ Данная проблема впервые сформулирована в [Stocker, 1976].

⁷⁹ Известным примером выступает «Каннибалистический манифест» (порт. Manifesto Antropófago), составленный бразильским писателем Освалдом де Андраде, главной фигурой начала бразильского модернизма, основателем движения Антропофагии. Каннибализм выступает в нём как форма обретения национальной идентичности — в виде компромисса с господствующей европейской культурой. Каннибализм предстаёт как выражение восхищения индейцев перед европейскими мореплавателями — пожирая их плоть с использованием магических ритуалов, они рассчитывали обрести их выдающиеся свойства. В широком смысле — это метафора интеграции европейской культуры в национальное сознание традиционного общества.

⁸⁰ В этом кодексе «людоед всегда прав», «забота о людях» выступает «естественной» для него, а «съедение признаётся естественным и гуманным актом по отношению к любому съеденному». Исходя из этого «демократические принципы не противоречат людоедству», а «при прочих равных условиях людоед обязуется отдавать предпочтение избранным народа». Здесь присутствует и ирония в отношении официальной иерархии, системы кар и поощрений в виде орденов, повышений в должности и подарков, которые выступают как «усилители вкуса» и выдаются «от людоеда с любовью». См.: Кодекс людоеда. URL: <https://moralny-kodeks.livejournal.com/14125.html> (дата обращения: 17.01.2026).

⁸¹ О перформансах Павленского. Интерфакс. 16.10.2017. URL: <https://www.interfax.ru/photo/3597/37335> (дата обращения: 17.01.2026).

⁸² Кодекс пикабушника. PIKABU. URL: <https://pikabu.ru/information/codex> (дата обращения: 17.01.2026).

информационного обмена, выступающих с либертарианских позиций. Конвенциональным представлениям о защите информации и авторском праве противостоит этика хакерства — философия и набор моральных ценностей, распространённых в хакерской культуре. Приверженцы этики хакера считают, что обмен информацией и данными с другими людьми является естественным этическим императивом [Химанен, 2001]. В данном контексте представлены понятия «этичного» и «неэтичного» хакерства с учётом его целей, мотивации и используемых средств⁸³. Разведение этих понятий основано на балансе целей и средств — морально приемлемая цель (например, борьба с коррупцией) оправдывает применение неэтичных средств (например, разглашение персональных данных). То же — в отношении пранкерства. Его применение оправдывается достижением социально значимых целей. Но не ведёт ли это к воспроизведению известного морального принципа Игнатия Лойолы — «цель оправдывает средства»?

Выводы: инверсия моральных установок — следствие социальной трансформации без определённых целей?

Проведённый анализ корпуса российских этических кодексов, выпадающих из морального мейнстрима, демонстрирует ценностный синкретизм современного российского общества, разделённого в своём отношении к основным моральным ценностям — представлениям о добре и зле, а также их защите. Крушение морального кодекса коммунизма, составлявшего основу консолидации идеологизированного советского общества, не привело к созданию новой единой системы моральных норм, но, скорее, породило вакуум нравственных ориентиров, который постепенно заполнялся разными постулатами и представлениями о должном. Эта совокупность этических представлений отражает конфликт различных систем нравственного регулирования, часть которых укоренена в традиции (религиозной и позднее советской), часть привнесена (или заимствована) извне, а часть сформировалась в процессе конвульсивной трансформации общественных отношений постсоветского периода. Их жёсткое противостояние на начальном этапе этого периода полностью не исчезло, но сменилось выстраиванием определённого модуса автономного сосуществования — нравственным релятивизмом, который, возможно, свидетельствует о спаде социального напряжения, но не об обретении моральной консолидации.

Данная тема ставит следующий ряд вопросов социологии права: что имеет определяющее значение — должно ли право устанавливать определённый моральный кодекс или, напротив, моральный кодекс должен определять правовые принципы и нормы; в какой мере право должно включать моральные предписания — отражать максимум или минимум моральных норм; должно ли взаимодействие права и нравственности иметь прямой или опосредованный характер, ссылаясь на «традиционные ценности», нормы морали или добрую волю; каким образом принятый обществом моральный стандарт должен реагировать на разнообразие общественных норм, культурных и религиозных верований, политических практик, особенно в случае их противоречия универсальным моральным представлениям; должно ли государство вмешиваться в процесс конструирования моральных норм?

Доминирующим трендом постсоветского общества следует признать превалирующий конформизм, который А. де Токвиль считал неотъемлемой чертой демократии — отказ от морального ригоризма в пользу признания разнообразия этических стандартов поведения. Речь идёт о понимании фундаментальных моральных ценностей, определяющих судьбу и выбор человека в критических жизненных ситуациях — добродетель и порок, жизнь и смерть, война и мир, любовь и ненависть, власть и подчинение, свобода

⁸³ Этичный хакинг: Основы, Принципы и Перспективы. URL: <https://alistik.com/p/ed234ina> (дата обращения: 17.01.2026).

и ответственность. Дефицит добродетели, демонстрируемый авторами кодексов, компенсируется введением подвижной шкалы оценок моральных принципов, размывающей традиционные границы приемлемого и неприемлемого поведения. Результатом резкого изменения данной шкалы стала инверсия моральных принципов: прежние советские добродетели (труд, семья, отечество) утрачивают своё значение; пороки (например, жажда наживы, вожделиние, эгоцентризм) начинают рассматриваться как достоинства (эффективный бизнес); а достоинства (например, скромность) — как порок (подрыв солидарности). Это находит выражение в группе кодексов, стремящихся легитимировать аморальное поведение в качестве морального (например, проституцию, мошенничество и азартные игры). Моральный цинизм — часть этой эволюции, подкреплённой информационным плюрализмом и неограниченным обменом информацией. Побочным результатом становится обособление сегментов общества, выступающих за восстановление жёстких моральных критериев и подкрепление их формальными правовыми санкциями. Для них характерен эффект мизофобии — абсолютного неприятия морального релятивизма и стремления к восстановлению утраченного единства духовных ценностей, даже ценой утраты либеральных прав и свобод.

Можно предположить, что взаимодействие правовых норм и моральных убеждений отражает их перманентную конфронтацию в условиях непредсказуемой социальной трансформации, конечные цели которой не известны или допускают различные интерпретации. Правовые нормы в сознании индивида и социальных групп — только один из элементов когнитивного конструирования реальности и должны проделать навигацию в сознании индивида через море всех других моральных представлений. Если эти представления заставляют признать известный закон несправедливым, то на чём (помимо принуждения) может быть основана лояльность в отношении его предписаний? Иллюзия правового контроля сменяется иллюзорным этическим регулированием. С этих позиций не подтверждается известный тезис о склонности российского общества к правовому нигилизму. Скорее, имеет место обратное — нравственный релятивизм создаёт предпосылки нейтрального или избирательного отношения к правовым нормам — они принимаются постольку, поскольку не противоречат этическому кодексу определённых групп, а в случае необходимости эти правовые ограничения получают размытую и удобную для них трактовку, либо вовсе игнорируются. Решение проблемы лежит по линии осознанной социальной медиации этических конфликтов, принципы и механизмы которой ещё предстоит выработать.

ЛИТЕРАТУРА

- Адлер А. (2023). *Понять природу человека*. — М.: АСТ.
- Белова Н.А., Колюцкая Е.В. (2012). Феномен «моральной мизофобии» в клинике шизофрении // *Журнал неврологии и психиатрии*. № 6. С. 13–17.
- Бехтерев В.М. (2021). *Феномены мозга*. — М.: АСТ.
- Галагуза Н. (2020). Этический кодекс страхования // *Современные страховые технологии*. № 6 (83). С. 46–49.
- Григорян В.Л., Дмитриев В.И. (2004). *Пиратство, разбой и терроризм на море*. — М.: Академкнига.
- Казанцев М.Ф. (2006). Договор с дьяволом: миф или реальность (попытка дискурсивно юридического анализа) // *Дискурс современных мифологий*. Вып.6: Научно-практический альманах. — Екатеринбург: Институт философии и права Уральского отделения РАН. С. 123–127.
- Ландберг Ф. (1971). *Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях США*. — М.: Прогресс.
- Малиновский Б. (1998). *Магия, наука и религия*. — М.: Рефл-бук.
- Масонство в его прошлом и настоящем* (1991): В 2-х т. — М.: СП «ИКПА».
- Медушевский А.Н. (2025). Право и нравственность: этические кодексы как инструмент публично-правовой политики России // *Сравнительное конституционное обозрение*. Т. 34. № 4 (165). С. 135–166.
- Медушевский А.Н. (2026). Добродетель и порок: этические кодексы маргинальных сообществ современной России. Часть 1 // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 144–157. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_144_157.

- Мертон Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. — М.: Хранитель.
- Назарова Ю. В. (2012). Этика русского масонства // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. Вып. 2. — Тула: Изд-во ТулГУ. С. 44–52.
- Оруэлл Дж. (2003). *Памяти Каталонии: Эссе*. — М.: Ермак.
- Перкинс Дж. (2014). *Исповедь экономического убийцы*. — М.: Pretext.
- Петражицкий Л.И. (2010). *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. — М.: РОССПЭН.
- Соколовская Т. (1991). Масонские системы // *Масонство в его прошлом и настоящем*: В 2 т. Т. 2. — М.: СП «ИКПА». С. 54–55.
- Сорокин П. (1999). *Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали*. — СПб.: РХГИ.
- Старвумен А., Грей Д. (2004). *Светская львица, или, как стать девушкой из высшего общества*. — М.: Феникс.
- Химанен П. (2001). *Хакерская этика и дух информационализма*. — М.: АСТ.
- Эко У. (2025). *История уродства*. — М.: Слово.
- Юнг К.Г. (2023). *Отношение между эго и бессознательным*. — М.: АСТ.
- Stocker M. (1976). The Schizophrenia of Modern Ethical Theories // *The Journal of Philosophy*. Vol. 73. No. 14. Pp. 453–466.

REFERENCES

- Adler A. (2023). *Understanding human nature*. — М.: AST. (In Russ.).
- Bekhterev V.M. (2021). *Phenomena of the brain*. — М.: AST. (In Russ.).
- Belova N.A., Kolyutskaya E.V. (2012). The Phenomenon of «Moral Mysophobia» in the Clinic of Schizophrenia // *Journal of Neurology and Psychiatry*. No. 6. Pp. 13–17. (In Russ.).
- Eco U. (2025). *The story of ugliness*. — М.: Slovo (In Russ.).
- Freemasonry in its Past and Present (1991): In 2 vols. — М.: JV “ИКПА”. (In Russ.).
- Galaguz N. (2020). Ethical code of insurers // *Sovremennyye strakhovyye tekhnologii (Modern insurance technologies)*. No. 6 (83). Pp. 46–49. (In Russ.).
- Grigoryan V.L., Dmitriev V.I. (2004). *Piracy, Robbery and Terrorism at Sea*. — М.: Akademkniga. (In Russ.).
- Kazantsev M.F. (2006). A Pact with the Devil: Myth or Reality (An Attempt at Discursive-Legal Analysis) // *Discourse of Modern Mythologies*. Issue 6: Scientific and Practical Almanac. — Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Pp. 123–127. (In Russ.).
- Khimanen P. (2001). *Hacker Ethics and the Spirit of Informationalism*. — М.: AST. (In Russ.).
- Landberg F. (1971). *The Rich and the Super-Rich. About the Real Rulers of the USA*. — М.: Progress. (In Russ.).
- Malinowski B. (1998). *Magic, Science and Religion*. — М.: Pefl-book. (In Russ.).
- Medushevsky A. (2025). Law and morality: ethical codes as an instrument of public legal policy of Russia // *Comparative constitutional review*. Vol. 34. No. 4. Pp. 135–166. (In Russ.).
- Medushevsky A.N. (2026). Virtue and vice: ethical codes of marginal communities of modern Russia. Part 1 // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki (Issues of Economic Theory)*. No. 1. Pp. 144–157. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_144_157. (In Russ.).
- Merton R. (2006). *Social theory and social structure*. — М.: Hranitel. (In Russ.).
- Nazarova YU. V. (2012). Ethics of Russian Freemasonry // *Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki*. Vyp. 2. — Tula: Izd-vo TulGU. Pp. 44–52. (In Russ.).
- Orwell J. (2003). *In memory of Catalonia*. Essay. — М.: Ermak. (In Russ.).
- Perkins J. (2014). *Confessions of Economic Hit Man*. — М.: Pretext. (In Russ.).
- Petrazhitsky L.I. (2010). *Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality*. — М.: ROSSPEN. (In Russ.).
- Sokolovskaya T. (1991). *Masonic systems // Freemasonry in its past and present*: In 2 vols. Vol. 2. — М.: SP “ИКПА”. Pp. 54–55. (In Russ.).
- Sorokin P. (1999). *Crime and punishment, feat and reward. A sociological study on the basic forms of social behavior and morality*. — SPb.: RHGI. (In Russ.).
- Starwoman A., Gray D. (2004). *Socialite, or How to Become a Girl from High Society*. — М.: Phoenix. (In Russ.).
- Stocker M. (1976). The Schizophrenia of Modern Ethical Theories // *The Journal of Philosophy*. Vol. 73. No. 14. Pp. 453–466.
- Jung K.G. (2023). *The Relationship between the Ego and the Unconscious*. — М.: AST. (In Russ.).

Медушевский Андрей Николаевич

ORCID: 0000-0002-4314-662X

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

Doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0000-0002-4314-662X

amedushevsky@mail.ru

VIRTUE AND VICE: ETHICAL CODES OF MARGINAL COMMUNITIES IN MODERN RUSSIA (PART 2)

Abstract. It is generally accepted that the basis of social and legal stability in any society is a consensus on virtue — the fundamental values of proper behavior, ways of maintaining and reproducing them. And, conversely, the destruction of this consensus is a sign of the loss of stability and divergence of positions of social institutions, groups and professional communities in understanding and applying norms and sanctions for their violation. This schematic representation poorly explains the parameters of the moral crisis of the era of globalization: the reasons for the loss of the meaning of the concept of virtue as the basis of the moral universe of humanity; the rejection of universal moral standards previously supported by religion or ideology, the growing conflict of their interpretations in different cultures, confessional and ethnic communities, the confrontation of value hierarchies within national cultures and individual groups, and most importantly — the lack of common moral guidelines of what to strive for.

In these conditions, the dominant global trend has become the appeal to the codification of norms of so-called “pragmatic ethics” — the development of various codes of proper behavior for individual social and professional groups, which in this way seek to express their identity, functions and place in the dynamics of changes in the social hierarchy. This general fashion for the creation of ethical codes has captured post-Soviet Russia and is considered almost a panacea for moral distortions and the basis for effective social regulation. Meanwhile, the codification of ethical standards of all social subcultures without exception means a tacit recognition of both their insurmountable contradictions and that part of them that does not share conventional standards of virtue or clearly rebels against them.

On this basis, the phenomenon of moral anomie (that is, the destruction of the entire normative system) and the justification of non-conformist and immoral behavior arises. What should be the parameters and limits of its acceptance in a democratic society, and most importantly — who sets them? This range of problems becomes the subject of analysis for the first time in this article, based on the entire corpus of the latest ethical codes of marginal communities in modern Russia.

Keywords: *virtue, vice, faith and reason, ethical codes, conformist, deviant and criminal behavior, nihilism, amorality, moral mysophobia, moral insanity, marginal communities of Russia.*

JEL: K14, K15, L84, Z00.

С.А. Васильев

*д.э.н., проф., Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара
(Москва)*

ПОПЫТКИ СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В 1993–1998 гг.: ПЯТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВИКТОРА ЧЕРНОМЫРДИНА

Аннотация. Статья посвящена анализу попыток финансовой стабилизации экономики России в период 1993–1998 гг. После периода весьма высокой инфляции 1992 г. в 1993–1994 гг. правительству удалось начать её снижение, а при реализации стабилизационной программы 1995 г. добиться существенного понижения уровня инфляции. Однако весь описываемый период протекал в условиях несбалансированного бюджета. Это провоцировало большие масштабы краткосрочных дорогостоящих заимствований. Такая практика в итоге привела к тяжёлому финансовому кризису 1998 г. Двойной экономический шок либерализации цен 1992 г. и дефолта 1998 г. имел долгосрочные негативные социальные последствия, которые были исчерпаны только в конце 2000-х гг. Высокая политическая и экономическая турбулентность в это время препятствовала также проведению структурных реформ. Таким образом, задачи полноценной финансовой стабилизации и реализации структурных реформ были отодвинуты в начало нулевых годов.

Ключевые слова: *экономические реформы 1990-х гг., финансовая стабилизация в России, правительства Виктора Черномырдина.*

JEL: N14, O52, P31

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_165_193

© С.А. Васильев, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Васильев С.А. Попытки стабилизации российской экономики в 1993–1998 гг.: пять правительств Виктора Черномырдина // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 165–193. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_165_193.*

FOR CITATION: *Vasiliev S. Attempts to Stabilize the Russian Economy in 1993–1998: Viktor Chernomyrdin's Five Governments // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 165–193. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_165_193.*

Введение

Предлагаемая статья — третья из цикла статей автора, посвящённых экономическим реформам 1990–2000-х гг. в России. В первых двух статьях анализировались процессы формирования идеологии реформ, подготовки программ, и события 1992 г. — первого года реформ [Васильев 2025; Васильев, 2026]. В настоящей статье исследуются процессы экономической трансформации в России в середине 1990-х гг.

В своей работе автор опирался на ряд источников, в которых приведено систематическое описание экономических процессов, происходивших в России в середине 1990-х гг. Прежде всего это коллективная монография «Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991–1997 гг.» [Экономика...,

1998], монография «Сравнительный анализ стабилизационных программ 90-х годов», [Сравнительный..., 2003] и книга М. Гилмана [Gilman, 2010].

Следует отметить, что система сбора экономических и социальных показателей в 1990-е гг. находилась в процессе становления, не существовало единой методологии их обработки, так что в экономической литературе мы сталкиваемся с различными версиями одних и тех же показателей. В Приложении 1 описаны альтернативные подходы к оценке экономических показателей и обоснован выбор конкретной системы показателей для данной работы.

Так случилось, что именно в 1993–1998 гг. автор статьи работал в различных правительственных структурах и был вовлечён в процесс обсуждения многих ключевых экономических решений. Поэтому мой взгляд на проблемы экономического развития России середины 1990-х гг. достаточно субъективен. В то же время нельзя не видеть, что вся история страны складывается из субъективных оценок участников событий и их сторонних наблюдателей, и только совокупность этих оценок открывает возможность для приближения к исторической правде».

Общая характеристика экономической политики периода 1993–1998 гг.

За не совсем удачным стартом российских экономических реформ в 1992 г. последовал длительный период экономической и политической нестабильности, высокой инфляции и дезорганизации хозяйственной жизни, эпизодически сопровождавшийся финансовыми кризисами («чёрный вторник» 1994 г., дефолт по государственным обязательствам 1998 г.). Лишь в 1999 г. в стране восстановился экономический рост¹, что стало предвестником оживления экономики в начале 2000-х гг. Большую часть этого времени Правительство Российской Федерации возглавлял Виктор Степанович Черномырдин.

Можно говорить о пяти правительствах Черномырдина, функционировавших при весьма различных политических обстоятельствах. Первое было сформировано в конце 1992 г. Оно действовало до начала 1994 г. в условиях большой политической турбулентности, связанной с противостоянием Президента РФ и Съезда народных депутатов. Второе правительство появилось в начале 1994 г. после принятия в конце 1993 г. новой российской Конституции и выборов в Государственную думу. Третье правительство сменило второе в октябре 1994 г. после «чёрного вторника». Это правительство фактически доработало до президентских выборов 1996 г.

После президентских выборов в августе 1996 г. В. Черномырдин был переутверждён Государственной Думой в должности премьера и сформировал своё четвёртое правительство. Пятое правительство Черномырдина было фактически конституировано в марте 1997 г. после назначения первыми вице-премьерами правительства Б. Немцова и А. Чубайса.

Принятие новой Конституции России и выборы в Государственную думу в 1993 г. стали важным фактором стабилизации общественно-политической ситуации в стране. Следует подчеркнуть, что среди депутатов Думы консерваторы составляли очевидное меньшинство: представители двух левых партий — коммунисты и аграрии — имели 100 депутатских мандатов, в то время как представители проправительственных партий (Выбор России и ПРЕС) имели 106 мандатов.

Однако уже на выборах в Думу в 1995 г. ситуация радикально изменилась: в новой думе три левые фракции: КПРФ, «Народовластие» и Аграрная партия имели относительное большинство голосов — 205 из 450, в то время как проправительственная партия «Наш

¹ Надо также напомнить, что первые, пусть и минимальные, признаки стабилизации и небольшого экономического роста были зафиксированы ещё в 1997 г. Однако этот позитивный процесс не получил своего развития из-за дефолта 1998 г.

дом — Россия» получила только 65 мандатов. Новая партийная конфигурация в парламенте сильно осложнила проведение стабилизационной политики.

После выборов 1993 г. существенно обновилась и Администрация Президента. В течение большей части рассматриваемого периода её возглавляли политические деятели реформистского направления (Сергей Филатов, Анатолий Чубайс, Валентин Юмашев); также в это время здесь работали несколько известных либеральных политиков: Георгий Сатаров, Михаил Краснов, Юрий Батулин, Александр Лифшиц — так что в этот период поддержка экономических реформ со стороны администрации президента была существенной.

Крайне важным фактором, обеспечивающим преемственность курса реформ, было наличие у реформаторов большого резерва потенциальных руководителей экономического блока правительства. После ухода из правительства Егора Гайдара вице-премьером и министром финансов стал Борис Федоров — квалифицированный и харизматичный политик. Во втором правительстве Виктора Черномырдина роль «экономического царя» играл Александр Шохин, до 1994 г. возглавлявший социальный блок. В третьем правительстве Виктора Черномырдина экономический блок возглавил Анатолий Чубайс, в этом же качестве он присутствовал и в пятом правительстве Черномырдина.

В 1993–1998 гг. важную роль в формировании экономической политики России играли международные финансовые организации (МФО), в большей степени — Международный валютный фонд (МВФ), в меньшей степени — Всемирный Банк (ВБ). Именно в этот период были реализованы масштабные программы финансовой поддержки России со стороны МФО, в частности программы поддержки системной трансформации (STF), резервного кредитования (Stand-by) и расширенного резервного кредитования (EFF). Предоставление этих достаточно льготных кредитов было обусловлено реализацией правительством мер, направленных в первую очередь на обеспечение финансовой стабилизации и борьбу с инфляцией, но также и мер структурной политики, связанных с либерализацией внешней торговли и проведением широкого круга рыночных реформ.

Экономическая ситуация в России в начале 1993 г. сильно отличалась от той, с которой команда реформаторов столкнулась в конце 1991 г. С одной стороны, в 1992 г. были проведены важные реформы: либерализация цен, налоговая реформа, создание валютного рынка, запуск программы приватизации. С другой стороны, неудача попытки быстрой стабилизации цен (шоковой терапии)² крайне осложнила условия для последующих усилий по финансовой стабилизации. Во-первых, возникла инерция высокой инфляции (около 20 % в месяц), во-вторых, существенно снизилось отношение денежной массы к ВВП, что сократило возможности правительства влиять на инфляцию чисто монетарными методами. В-третьих, несмотря на относительный успех правительства в преодолении кризиса неплатежей во второй половине 1992 г., высокая инфляция стимулировала воспроизводство этого кризиса на всём протяжении рассматриваемого периода. Наконец, несмотря на проведение налоговой реформы и высокий уровень доходов бюджета в 1992 г. (40% ВВП), в дальнейшем происходило устойчивое снижение налоговых поступлений, связанное с общей дезорганизацией хозяйственных процессов в условиях высокой инфляции.

Цена, которую заплатила Россия за неудачу первоначальных попыток финансовой стабилизации, хорошо видна в табл. 1. В ней сравниваются показатели инфляции

² Само выражение «шоковая терапия» пришло в отечественную публицистику (а также в труды некоторых экономистов — противников радикальных реформ) в связи с описанием польских преобразований, начавшихся после победы реформаторских сил на выборах 1989 г. Однако суть этих реформ, требовавших в качестве необходимого условия жёсткого соблюдения кредитно-финансовой политики, была слишком тяжела (и, по сути, так и не была реализована в России — об этом, в частности см.: [Васильев, 2025]). Тем не менее само выражение «шоковая терапия» по отношению к российским реформам 1990-х гг. прочно вошло в научно-публицистический дискурс. Хотя именно отказ, а нередко и невозможность проведения такой политики в итоге привели к затягиванию реформ вместе с тяжёлыми социально-экономическими последствиями для населения.

Таблица 1

Темпы роста инфляции и ВВП в Польше и России 1990–1999 гг., %

Годы	Показатель	Инфляция		ВВП	
		Польша	Россия	Польша	Россия
1990/1992		685,8	2608,8	-11,7	-14,5
1991/1993		170,3	939,9	-7,0	-8,7
1992/1994		143,0	315,1	2,5	-12,7
1993/1995		135,3	231,3	3,7	-4,1
1994/1996		132,2	121,2	5,3	-3,6
1995/1997		127,9	111,0	7,0	1,4
1996/1998		119,9	184,4	6,1	-5,3
1997/1999		114,9	136,5	6,4	6,4
Итого за 8 лет		52 раза	6000 раз	+23 %	-36 %

Источники: Росстат. <https://finiversity.ru/data/country/PL/>

и экономического роста в Польше и России в первые 8 лет от начала программ финансовой стабилизации³.

В Польше высокая инфляция наблюдалась только в первый год реализации программы реформ, в 1991–1997 гг. инфляция плавно снижалась от 70% до 15% в год. В первые два года реформ мы видим здесь существенный экономический спад (18%), затем восстанавливается экономический рост, который в 1995–1997 гг. составляет 6–7% в год.

В России высокая (трёхзначная) инфляция зафиксирована в первые четыре года реформ, затем наступает период временной стабилизации цен в 1996–1997 гг. (21 и 11%) в год. После экономического кризиса 1998 г. темпы инфляции снова выросли. Экономический рост в России начался только на восьмой год реформ, в 1999 г. Цены в Польше за первые 8 лет реформ выросли в 50 раз, в России — в 6 000 раз. ВВП в Польше за 8 лет реформ вырос на 23%, в России — упал на 36%.

В целом экономическая политика 1993–1999 гг. может быть разделена на три подпериода: подготовка к финансовой стабилизации (1993–1994 гг.), реализация программы финансовой стабилизации (1995 г.), новый финансовый кризис (1996–1998 гг.).

Подготовка к финансовой стабилизации (1993–1994 гг.): первое и второе правительства Виктора Черномырдина

Первое правительство Виктора Черномырдина приняло экономику в тяжёлом состоянии: инфляция устойчиво держалась на уровне 20% в месяц, дефицит бюджета на 1993 г. по прогнозным оценкам должен был составить 17% ВВП. Дефицит федерального бюджета покрывался в основном за счёт кредитов Центрального банка, также Центральный банк активно кредитовал экономику напрямую и по субсидируемым ставкам процента. Импортные субсидии к концу 1992 г. достигли 12% ВВП.

В совершенно хаотическом состоянии находилась система внешней торговли. В дополнение к институту спецэкспортёров стратегических товаров практиковалась

³ Необходимо отметить, что либерализацию цен в Польше осуществило ещё коммунистическое правительство, тогда как Кабинет министров и Политбюро КПСС на это так и не решились.

система регистрации экспортных контрактов по этим товарам. С 1 января 1993 г. была введена в широких масштабах система централизованного экспорта (так называемый экспорт для государственных нужд), охватывавшая до 25% сырьевого экспорта. При этой системе уполномоченные государством внешнеторговые организации закупали продукцию по внутренним ценам, а продавали на внешнем рынке по мировым ценам. При этом поставки на экспорт для государственных нужд были освобождены от уплаты экспортных пошлин. Введение этой системы ещё в большей степени способствовало развитию коррупции в системе внешней торговли.

Все ограничительные меры в этой сфере оказывали депрессивное воздействие на оборот внешней торговли и негативно влияли на процесс формирования рыночного курса валюты. Оборот внешней торговли России в 1992–1993 гг. упал вдвое по сравнению с 1990 г., объём экспорта сократился почти в два раза, а объём импорта в 1993 г. — в три раза.

Таким образом, главными задачами макроэкономической политики в 1993–1994 гг. стали наведение минимального порядка в сфере финансов и возобновление либерализации внешнеторговой деятельности. Экономическая программа правительства на 1993 г., поддержанная МВФ в рамках программы системной трансформации (STF), предусматривала снижение дефицита расширенного правительства с 17% по исходному прогнозу до 10% ВВП путём пропорционального сокращения расходов по всем статьям (4%), сокращения угольных, импортных и зерновых субсидий (3%), введения акциза на газ и увеличения акцизов на нефть.

Несмотря на сохранение целевых субсидируемых кредитов, предполагалось регламентировать их выдачу таким образом, чтобы все заявки проходили через правительственную комиссию по кредитной политике. В заявлении правительства и Центрального банка об экономической политике от 24 мая 1993 г. ставилась задача постепенного отказа от целевых кредитов и перехода к субсидированию процентной ставки через бюджет.

В сфере внешней торговли предполагалось снижение экспортных пошлин, отмена квот на неэнергетические товары, увеличение квот на энергетические товары и снижение на две трети объёмов централизованного экспорта.

Самым существенным моментом в реализации программы 1993 г. стало значительное повышение ставки рефинансирования Центрального банка с 80% в I квартале 1993 г. до 210% в IV квартале. Это вывело её в область, близкую к реально положительным значениям.

Другим достижением этого периода стало прекращение с мая 1993 г. технического кредитования Центральным банком стран СНГ и переход на выдачу межгосударственных кредитов из федерального бюджета [Экономика..., 1998. С. 204].

Существенный рост валютных резервов за счёт транша программы системной трансформации в 1,5 млрд долл. позволил стабилизировать валютный курс на несколько месяцев в середине 1993 г. При высокой инфляции это привело к росту реального курса рубля. Это позволило снизить масштабы субсидирования импорта и полностью отменить импортные субсидии с 1 января 1994 г.

Одновременно рост реального курса рубля вынудил правительство отказаться от ряда экспортных квот и пошлин. В дальнейшем в течение 1994 г. были отменены институт спецэкспортёров, квотирование экспорта и большинство экспортных пошлин за исключением нефти, нефтепродуктов и газа.

В целом программа правительства была достаточно успешно реализована, дефицит государственного бюджета составил 8% от ВВП, т. е. был ниже прогнозируемого уровня. В то же время в 1993 г. наметилась тенденция к эрозии налоговой базы (налоговые поступления в течение года снизились на 3% ВВП). Не удалось добиться снижения инфляции до уровня ниже 10% в месяц, что было связано чрезмерным накоплением валютных резервов в середине года и ростом расходов федерального бюджета в III квартале. Другим фактором,

препятствовавшим снижению инфляции, стал рост скорости денежного обращения в течение 1993 г. Этот факт отражал снижение у населения и предприятий реального спроса на деньги вследствие их приспособления к высокой инфляции. В итоге темп инфляции упал ниже уровня 10% только в феврале–марте 1994 г.

Программа экономической политики правительства в 1994 г., также поддержанная очередным траншем финансирования со стороны МВФ, в принципе предполагала продолжение политики 1993 г. Однако расстановка сил в правительстве в 1994 г. резко изменилась. После неудачных для реформаторов итогов выборов в Государственную думу 12 декабря 1993 г. в январе 1994 г. из правительства были вытеснены ведущие реформаторы: Б. Федоров и Е. Гайдар, который вернулся в правительство на должность первого вице-премьера в сентябре 1993 г. на пике противостояния Президента и Верховного Совета. Оставшиеся во втором правительстве Черномырдина реформаторы не имели необходимого политического веса для реализации жёсткой финансовой политики.

А. Шохин (назначенный министром экономики) был поначалу даже лишён вице-премьерского поста, С. Дубинин был назначен министром финансов с приставкой «исполняющий обязанности», мандат А. Чубайса был ограничен сферой приватизации. Ведущую роль в правительстве стали играть лоббисты промышленных и аграрных кругов, такие как О. Сосковец и А. Заверюха.

Завершение острого политического кризиса в стране и существенное снижение темпов инфляции в середине 1994 г. (до 5–7 % в месяц) создали в правительстве ложное чувство самоуспокоенности. В результате уже в III-м квартале 1994 г. под сильным давлением аграрных и «северных» лоббистов текущий бюджетный дефицит превысил 12%, а кредитование правительства Центральным банком вдвое превысило квартальные лимиты.

Инфляция при этом некоторое время сдерживалась за счёт потери Центральным банком валютных резервов. Однако в конце сентября инфляция резко пошла вверх, что спровоцировало известные события «чёрного вторника» (11 октября 1994 г.), когда произошло обвальное падение курса рубля. «Чёрный вторник» и последующие за ним перестановки в экономическом блоке правительства и Центральном банке означали, по сути, исчерпание парадигмы постепенной стабилизации и вынудили правительство перейти к обсуждению программы радикальных мер, реализованных уже в 1995 г. третьим правительством Виктора Черномырдина.

Несмотря на разочаровывающие макроэкономические результаты деятельности первого и второго правительств (сохранение высокой инфляции, значительный спад производства), общее направление политики можно признать правильным. После первоначальных успехов в либерализации цен и валютного регулирования основные усилия властей были сосредоточены в тех областях, где рыночные механизмы работали недостаточно хорошо. Так, к концу 1993 г. были либерализованы цены на нефть, уголь и зерно, что позволило существенно сократить финансовую поддержку угольной промышленности и сельского хозяйства.

В 1993 г. ставка рефинансирования приблизилась к реально положительным значениям, а в течение 1993–1994 гг. удалось полностью отказаться от централизованных субсидируемых кредитов. Несмотря на постоянные попытки рецентрализации, к концу 1994 г. внешняя торговля была существенно либерализована. Были отменены импортные субсидии, экспортные квоты и институт спецэкспортёров, а также экспортные пошлины на все товары, кроме нефтепродуктов.

Благодаря налоговой реформе 1991 г. и авансовому методу уплаты удалось избежать налогового кризиса, характерного для периода высокой инфляции (табл.2). В то же время собираемость налогов со второй половины 1993 г. начала сокращаться. Этот процесс продолжался и в последующие годы, особенно в 1994–1996 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Доходы и дефицит консолидированного бюджета РФ в 1993–1997 гг., % ВВП

Показатель \ Год	1993	1994	1995	1996	1997
Доходы	40,6	36,3	34,2	34,4	34,9
В том числе налоговые	38,0	33,7	30,9	29,2	29,1
Дефицит консолидированного бюджета	8,0	11,2	5,1	7,5	8,9

Источник: Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997 / Рук. авт. кол. Е. Гайдар. — М.: Ин-т экономических проблем переходного периода, 1998. С. 233–236; 264–266; 319–323; 352–353.

Кризис неплатежей и бюджетная несбалансированность

Одной из главных особенностей экономической трансформации России в 1990-е гг. стал кризис неплатежей. Поначалу он разворачивался в сфере горизонтальных связей между предприятиями. Однако впоследствии этот кризис стал одним из основных факторов снижения налоговых поступлений и кризиса государственного бюджета. В свою очередь, государство своей бюджетной политикой способствовало дальнейшему обострению кризиса неплатежей.

Кризис неплатежей в своём развитии прошёл несколько стадий. Первый этап начался в 1992 г. Тогда основными факторами были дефицит оборотных средств предприятий после либерализации цен и неспособность отделений Центробанка обработать быстро растущий объём бумажных платёжных требований. Эта ситуация была успешно преодолена с помощью специальных кредитных линий Центробанка, что, вопреки ожиданиям, не привело к дополнительному росту инфляции. Однако сама по себе операция по разрешению кризиса неплатежей создала у участников рынка ожидания дальнейшего вмешательства государства в процесс урегулирования взаимной задолженности предприятий.

Новый этап развития кризиса неплатежей начался в 1993 г., когда образовалась устойчивая инфляционная инерция (темпы инфляции 20% в месяц). В этих условиях задержка платежей поставщикам и налоговых платежей государству стала весьма рациональным способом поведения для директората. Свободные средства предприятий находились на их счетах в коммерческих банках и могли быть легко конвертируемы в иностранную валюту, курс которой устойчиво рос. Впоследствии, после стабилизации валютного курса, деньги могли быть размещены на срочных депозитах под высокие рублёвые ставки или использованы для покупки ГКО. Для маскировки таких операций использовались фирмы-посредники, на счета которых поступала значительная часть выручки, получаемая от потребителей продукции.

Возникает вопрос, почему предприятия-поставщики продолжали поставки продукции, не получая за неё полноценной оплаты? Это в значительной степени объяснялось исторически ригидным характером технологических связей между предприятиями, трудностями, связанными с поиском новых потребителей продукции, долгосрочными личными отношениями между руководителями.

Важную роль в развёртывании кризиса неплатежей играли региональные руководители. С одной стороны, недостаток средств на счетах предприятий потенциально создавал социальные проблемы — несвоевременные выплаты заработной платы, сокращения персонала и протестную активность населения. Поэтому региональные администрации оказывали давление на местные налоговые органы, чтобы масштабы налоговых изъятий не угрожали фонду оплаты труда. С другой стороны, возникавший в ситуации общих

неплатежей недобор средств в региональные бюджеты позволял требовать от Центра увеличения региональных трансфертов.

Наконец, не стоит исключать коррупционную составляющую (в широком смысле этого слова). И главы региональных администраций, и директора крупных предприятий, и руководители местных налоговых служб были выходцами из региональных партийно-хозяйственных элит и привыкли решать проблемы в узком кругу и «по понятиям». Трудно представить, что они не воспользовались очевидным источником получения ренты, связанным с неплатежами.

Поначалу проблемы недобора налогов в бюджет решались за счёт бюджетной рестрикции. Надо отметить, что проводимая в ограниченных масштабах бюджетная рестрикция не приводила к серьёзным дисфункциям в бюджетной сфере. Дело в том, что у бюджетополучателей существовал унаследованный от плановой экономики определённый резерв сокращения бюджетных расходов, который, по-видимому, был полностью «съеден» в 1993–1994 гг. После этого бюджетная рестрикция сама по себе стала генератором неплатежей. Получая недостаточно средств, бюджетополучатели направляли эти деньги в первую очередь на выплату заработной платы и недоплачивали за поставки электроэнергии, тепла, коммунальных услуг. Уже заключённые договора на поставку продукции для государственных нужд также не оплачивались.

В этой ситуации Министерство финансов прибегло в 1994 г. для частичного закрытия разрыва между доходами и расходами к эмиссии квазиденежных инструментов, которые ежегодно меняли свои названия (казначейские обязательства, налоговые освобождения, налоговые зачёты) и могли использоваться для уплаты налогов. Внедрение этих квазиденег в ещё большей степени способствовало эрозии налоговой базы. В 1995–1998 гг. неденежные налоговые поступления составили в среднем 20% всех налоговых поступлений, достигнув пика в 1996 г. — 27% [*Сравнительный...*, 2003. С. 225].

Предпосылки такого поведения Минфина были двоякими: с одной стороны, недобор налогов и рестрикция бюджетных расходов создавали огромное политическое давление на министерство, но с другой — квазиденежные инструменты позволяли как-то снизить это давление, а само распределение квазиденежных инструментов находилось в руках Минфина. Это создавало возможности дискреционных решений и служило источником коррупции уже в самом Минфине.

Программа финансовой стабилизации 1995 года. Третье правительство Виктора Черномырдина

Валютный кризис октября 1994 г. вызвал новую волну инфляции — в последнем квартале 1994 г. её среднемесячные темпы составили 15%. В последующем за «чёрным вторником» острым политическим кризисе потеряли свои должности все руководители экономических ведомств: Александр Шохин, Виктор Геращенко и Сергей Дубинин.

Первым вице-премьером Правительства, отвечающим за финансовую политику, был назначен Анатолий Чубайс с чётким мандатом на осуществление финансовой стабилизации, министром экономики стал Евгений Ясин, министром финансов — Владимир Пансков, и.о. председателя Центрального банка — Татьяна Парамонова. Для текущей внутриправительственной координации реализации программы стабилизации была создана правительственная Комиссия по экономической реформе, председателем которой также стал Анатолий Чубайс, а ответственным секретарём — Максим Бойко. Заседания Комиссии проводились еженедельно по субботам. Был также организован еженедельный мониторинг выполнения программы стабилизации.

Справедливости ради стоит отметить, что основные идеи стабилизационной программы были выработаны предыдущей командой (Сергеем Дубининым и Александром

Шохиным) в конце лета — начале осени 1994 г. и одобрены Виктором Черномырдиным буквально накануне кризиса (9 октября 1994 г.). Тем не менее почти полная смена экономической команды создала для нового руководства значительное поле для манёвра. Оно смогло в полной мере использовать уже наработанные идеи, не неся в то же время ответственности за валютный кризис.

В стабилизационной программе 1995 г. была поставлена достаточно амбициозная цель — добиться в течение года снижения инфляции до 1% в месяц. Основным средством достижения данной цели должно было стать резкое ужесточение финансовой политики, причём в большей степени кредитной, чем бюджетной. Так, бюджетный дефицит федерального правительства предполагалось снизить с 11,8% в 1994 г. до 6% в 1995 г., в то время как темпы прироста денежной массы предполагалось уменьшить в три раза — со 195 до 65%.

Возможность сохранения значительного бюджетного дефицита при резком ужесточении денежной политики основывалась на переходе к так называемому неинфляционному финансированию бюджетного дефицита. Около трети дефицита предполагалось профинансировать за счёт заимствований на рынке государственных ценных бумаг и примерно столько же — за счёт резервного кредита МВФ (переговоры о предоставлении этого кредита начались в конце 1994 г.). При этом со II-го квартала 1995 г. предполагалось прекратить кредитование бюджета со стороны Центробанка. Предполагалось также заморозить на уровне конца 1994 г. лимиты чистого кредитования коммерческих банков. Вопрос о введении фиксированного курса рубля обсуждался, но эта идея не была реализована прежде всего вследствие низкого уровня резервов Центробанка.

Значительное снижение дефицита бюджета требовало соответствующих изменений в доходах и расходах. Из 5% сокращения дефицита примерно половина приходилась на рост доходов и половина — на сокращение расходов.

В отношении структурных мер основной упор в программе был сделан на либерализацию внешней торговли, особенно нефтяного экспорта. Было декларировано также намерение ускорить процесс денежной приватизации. Задачи реформирования социальной сферы включали введение индивидуальных пенсионных счетов, ваучерных схем в образовании, приватизацию медицинских и образовательных учреждений, выплату социальных пособий на основании критерия душевого дохода.

Реализация программы 1995 г. началась в тяжёлых политических условиях. В конце 1994 г. началась военная операция федеральных войск в Чечне. Доверие к программе правительства было минимальным, и в январе последовала очередная спекулятивная атака на валютные резервы Центрального банка. На пике атаки его валютные резервы снизились до 800 млн долл., но и рублёвые ресурсы коммерческих банков были исчерпаны.

С февраля Центробанк начал активно наращивать свои валютные резервы. При этом валютный курс продолжал расти довольно быстрыми темпами, никак не реагируя на ужесточение кредитно-денежной политики. В середине апреля резервы Центробанка достигли уровня, установленного в программе, и объём покупки им валюты на бирже резко сократился.

В середине мая после некоторой стабилизации курс доллара начал снижаться. В условиях весьма высоких номинальных рублёвых ставок это привело к резкому росту предложения долларов на рынке. В этих условиях у Центробанка был выбор: либо, ориентируясь на показатели денежной программы, проводить политику номинальной ревальвации рубля, либо фиксировать в той или иной форме курс рубля к доллару и допустить некоторое смягчение кредитно-денежной политики за счёт наращивания международных резервов.

Так как идея номинальной ревальвации была политически неприемлемой (она ставила в тяжёлое положение российских экспортёров), правительство выбрало решение о мягкой фиксации курса рубля к доллару в виде валютного коридора. Характерно, однако,

что во время консультаций с МВФ в конце июня 1995 г. заместитель директора-распорядителя МВФ Стэнли Фишер заявил представителям российского правительства, что МВФ не будет ни одобрять, ни не одобрять решение о введении валютного коридора и что решение о введении валютного коридора — это суверенное дело Российской Федерации.

Причины такого заявления понятны: действительно, валютный коридор сыграл неоднозначную роль. С одной стороны, он способствовал финансовой стабилизации, притоку инвестиций в экономику и возобновлению экономического роста. С другой стороны, в условиях продолжающейся слабой бюджетной политики он превратился в мину замедленного действия, в «священную корову», которая затем в условиях мирового экономического кризиса 1997–1998 гг. не позволила политикам провести плавную девальвацию рубля.

Несмотря на некоторое отклонение в динамике денежной массы от параметров программы, в течение года все её контролируемые показатели были выполнены. Дефицит федерального бюджета составил 4,7% ВВП. Золотовалютные резервы Центрального банка достигли беспрецедентно высокого уровня в 17 млрд долл., инфляция в декабре 1995 г. составила 3,2% в месяц, выйдя на месячный уровень в 1% в середине 1996 г.

В то же время серьёзное беспокойство вызывало состояние бюджета. Налоговые доходы федерального бюджета в 1995–1996 гг. составляли 11,1–11,2% ВВП, в то время как расходы федерального бюджета драматически упали от 24,5% в 1995 г. до 18,4% ВВП в 1996 г.

Помимо реальной компрессии расходов бюджета за счёт опережения роста инфляции, был осуществлён также и номинальный секвестр в объёме порядка 15% расходов. Расходы на оборону упали за год на 44%, на образование — на 47%, субсидии производителям сократились более чем вдвое⁴. В то же время такое существенное недофинансирование бюджетной сферы стало одним из факторов обострения кризиса неплатежей, поскольку оно не сопровождалось мерами по сокращению государственных обязательств.

Бюджетные проблемы в последующие годы только обострились, однако в конце 1995 г. они были не столь заметны на фоне успехов правительства в борьбе с инфляцией и стабилизации валютного курса. Этим успехам способствовал ряд политико-экономических факторов.

Прежде всего в преддверии выборов в Государственную думу все политики, включая Бориса Ельцина, были уверены, что сохранение высокой инфляции в 1995 г. приведёт к поражению пропрезидентских сил. Следовательно, среди властных структур существовал консенсус относительно целей экономической политики. Более того, большую поддержку правительству оказала первая Государственная дума, одоблив правительственный проект бюджета 1995 г. практически без поправок.

Во-вторых, в 1995 г. в связи с широким введением в обращение государственных краткосрочных обязательств (ГКО) изменились политико-экономические предпочтения финансовых структур. Если до 1994 г. они имели в пассивах обесценивающиеся рубли и дорожающую валюту и зарабатывали на высокой инфляции, то теперь у них появились в активах рублёвые инструменты с высокой номинальной доходностью, и они стали проявлять заинтересованность в низкой инфляции.

Наконец, немаловажен и субъективный фактор, а именно волевые качества руководителя стабилизационной программы 1995 г. Анатолия Чубайса и его способность решать нерешаемые задачи.

---

⁴ Данные меры внесли более существенный вклад в решение бюджетных проблем, нежели «залоговые аукционы», на которых обычно делается акцент при описаниях этого периода социально-экономических преобразований. Разумеется, какой-то вклад в решение проблем общего процесса попытки финансовой стабилизации они внесли, но не основной. Всё же важная причина принятия решения об их проведении лежала в политической, а не в экономической сфере, по сути выходящей за рамки данного анализа. Кроме того, как будет показано ниже, автором этих строк и рядом его коллег предлагались иные способы решения проблем сбалансированности федерального бюджета.

Бюджетный кризис 1996–1998 гг. Четвёртое и пятое правительства Виктора Черномырдина

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в 1995 г. в стабилизации российской экономики, осталась нерешённой одна из главных проблем — состояние государственных финансов. В 1995 г. продолжилась налоговая эрозия, а масштабы бюджетного секвестра стали политически неприемлемыми. Это, возможно, и стало одной из важных причин крупного поражения проправительственной партии «Наш дом Россия» (НДР) на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 г.

Победу на этих выборах одержала КПРФ, получив более трети мандатов в Думе. НДР достались всего 10% голосов, «Яблоку» — 7%, а партия Егора Гайдара «Демократический выбор России» с несколько большим, чем 4% голосов, тем не менее не преодолела необходимый для прохождения в Думу пятипроцентный барьер. Вполне реальной стала перспектива победы лидера компартии Геннадия Зюганова на президентских выборах в июне 1996 г.

Борис Ельцин сделал собственные выводы из результатов выборов в Государственную думу, заявив, что «во всем виноват Чубайс», который и был отправлен в отставку. Заменивший его на этом посту в роли вице-премьера по экономическим вопросам Владимир Каданников — бывший генеральный директор АвтоВАЗа, оказался совершенно неспособен руководить экономической политикой правительства в условиях высокой политической турбулентности. В четвёртом правительстве Виктора Черномырдина, сформированном после президентских выборов, также не было очевидного лидера экономического блока, и, по-видимому, руководство правительства не понимало всей тяжести экономической ситуации в стране. Таким образом, в течение всего 1996 г. эффективного руководства экономической политикой в стране не было. Между тем в начале 1996 г. было подписано новое трёхлетнее соглашение с Международным валютным фондом по программе расширенного резервного кредитования (EFF — extended fund facility), предполагавшее снижение дефицита бюджета федерального правительства в 1996 г. до 4% ВВП.

Реализация программы не заладилась с самого начала. Весь 1996 г. страна развивалась под знаком сначала президентской предвыборной кампании, а затем, после победы Ельцина на выборах, его тяжёлой болезни. Это не могло не сказаться на экономической ситуации. Уже в первом квартале дефицит бюджета составил 6%, и МВФ должен был произвести корректировку программы. Все это время МВФ находился под сильным давлением правительства США, требовавшем безусловного продолжения программы финансирования, и он был вынужден производить ежеквартальные корректировки своей программы, в результате полностью потеряв возможность влиять на российскую экономическую политику по крайней мере до момента начала глобального финансового кризиса 1997 г.

Важным фактором дальнейшей разбалансировки бюджета стали высокие ставки на рынках ГКО в предвыборный период, которые привели к резкому росту процентных расходов во 2-м полугодии. В результате расходы по обслуживанию госдолга в 1996 г. составили 5,6 по сравнению с 2,3% в 1995 г. В результате по итогам 1996 г. расходы федерального бюджета составили 19,6% ВВП, в том числе непроцентные расходы — 14%. Доходы федерального бюджета — 12,4%, в том числе налоги — 9,7%. Дефицит федерального бюджета — 7,2%, т. е. почти в два раза больше, чем в изначальной программе правительства. На основании сложившихся тенденций Экономическая экспертная группа Минфина под руководством Й. Вермута произвела в сентябре 1996 г. расчёты среднесрочной динамики федерального бюджета. Основным вывод из результатов проведённых расчётов состоял в неминуемом наступлении кризиса обслуживания внутреннего долга к концу 1998 г. Единственной альтернативой такому развитию событий могло быть резкое сокращение расходов бюджета и выход на значительный первичный профицит. В то же время простое механическое

секвестрирование расходов бюджета к 1997 г. перестало давать какие-либо положительные результаты и превратилось в деструктивный фактор.

В 1997 г. в структуре расходов и доходов бюджета произошли лишь незначительные изменения: расходы федерального бюджета составили 18,2% ВВП, в том числе непроцентные расходы — 13,8 % ВВП. Доходы федерального бюджета составили 12,1% ВВП, в том числе налоговые доходы — 9,1%. Дефицит федерального бюджета немного снизился: до 6,1% ВВП, прежде всего за счёт сокращения процентных расходов от 5,6 до 4,4% ВВП. Такое снижение процентных расходов стало возможно из-за значительного падения процентных ставок по займам в ГКО, прежде всего благодаря привлечению на рынок государственных ценных бумаг иностранных инвесторов. Средневзвешенная доходность по ГКО-ОФЗ, составлявшая в середине 1996 г. свыше 100% годовых, упала к середине 1997 г. до уровня 20% годовых.

В марте 1997 г. произошли значительные перестановки в федеральном правительстве: первыми вице-премьерами правительства были назначены Анатолий Чубайс и Борис Немцов (пятое правительство Виктора Черномырдина, часто называемое «правительством младореформаторов»). Новое правительство выступило с серьёзной программой структурных реформ (реформа естественных монополий, введение тендерных механизмов государственных закупок, реформа жилищно-коммунального хозяйства, реформы в социальном секторе). Однако в налогово-бюджетной сфере у правительства не было никаких новых идей.

«Медовый месяц» нового правительства закончился довольно скоро. Летом 1997 г. прошёл процесс приватизации крупнейшей телекоммуникационной компании России «Связьинвест», за блокирующий пакет которой правительство получило рекордную среди всех ранее проводимых аукционов по продаже крупных пакетов государственной собственности сумму в 1,875 млрд долл. Это стало разительным контрастом с приватизацией других больших государственных компаний в конце 1995 г. на так называемых «залоговых аукционах», когда эти компании передавались заранее определённым бизнес-структурам за значительно меньшие суммы.

Такое изменение «правил игры» вызвало раскол в бизнес-сообществе, усугубляемый и тем, что проигравшие к тому времени обладали контролем за наиболее мощными информационными ресурсами и включили их, отстаивая личные интересы. Это спровоцировало резкую критику правительства младореформаторов, инициируемую прежде всего теми средствами массовой информации, которые контролировались бизнес-структурами, неудовольственными результатами приватизации «Связьинвеста».

Тяжесть ситуации усугубило совпадение её с ещё одним кризисом — уже глобальным. Именно в это время начал разворачиваться финансовый кризис на рынках азиатских стран, который вскоре перекинулся и на Россию. Этот «объединённый» кризис выразился в первую очередь в оттоке валюты из страны. Некоторый отток был зафиксирован уже в начале сентября, но в полной мере он проявился в период обострения азиатского кризиса в последних числах октября. Поскольку одна из важнейших макроэкономических задач 1997 г. — поддержание низкого уровня процентных ставок, в течение ноября Центральный банк проводил активные операции на рынке ГКО и потерял при этом значительную часть валютных резервов.

В октябре 1997 г. МВФ приостановил финансирование программы расширенного резервного кредитования и потребовал разработки экстренной программы мер по финансовому оздоровлению. Выработанная программа, известная также как план Кудрина-Фишера, предусматривала следующие шаги:

- ▶ полную ликвидацию зачётных схем в налогообложении;
- ▶ принятие жёстких мер против предприятий-должников;

- ▶ улучшение управления бюджетными расходами и перевод всех ведомств на казначейскую систему исполнения бюджета;
- ▶ урегулирование накопленной налоговой задолженности;
- ▶ инвентаризацию сети бюджетополучателей.

В области кредитно-денежной политики МВФ потребовал остановить валютные интервенции, что немедленно привело к росту процентных ставок и возвращению доходности ГКО на уровень 40%. В конце 1997 г. МВФ возобновил финансирование программы, и острота ситуации на некоторое время была уменьшена. Тем не менее в феврале 1998 г. последовал новый всплеск роста процентных ставок, а мае их уровень достиг 100%.

Тем временем в марте 1998 г. политический кризис в России достиг кульминации. В отставку были отправлены одновременно и Виктор Черномырдин, и Анатолий Чубайс. Новым премьером был назначен Сергей Кириенко, который был утвержден Государственной думой только с третьей попытки в конце апреля, а новое правительство было сформировано лишь в начале мая. Именно в этот момент произошло обострение финансового кризиса в Индонезии, которое привело к резкому увеличению оттока портфельного капитала из России. В попытках восстановить доверие рынка к правительственной программе 26 мая 1998 г. был подписан президентский указ об основных направлениях программы сокращения бюджетных расходов, подготовленный в развитие плана Кудрина-Фишера (табл. 3).

Таблица 3

Основные положения программы сокращения бюджетных расходов 1998 г.

1.	Сокращение числа конечных бюджетополучателей с 139 до 99
2.	Сокращение численности госслужащих на 20 %
3.	Сокращение бюджетного финансирования вузов
4.	Сокращение территориальной сети бюджетных организаций
5.	Сокращение бюджетного финансирования науки и перевод НИИ и КБ на коммерческие источники
6.	Сокращение кадрового и вольнонаёмного персонала в неармейских силовых структурах
7.	Использование внутренних резервов силовых ведомств
8.	Установление лимитов потребления топлива и энергии по министерствам
9.	Замораживание строительства административных зданий

Источник: *Сравнительный анализ стабилизационных программ 90-х годов* / Под ред. С.А. Васильева. — М.: Гендальф, 2003. С. 230.

Из-за смены правительства соглашение с МВФ о финансировании программы в 1998 г. было заключено только в конце июня. Отсутствие соглашения в апреле-мае стало важным фактором неопределённости и неуверенности на рынках, а в июне это соглашение уже не оказало никакого влияния на текущую ситуацию. Поэтому немедленно после утверждения Президентом программы на 1998 г. начались переговоры о выделении МВФ и Всемирным банком пакета экстренной помощи в объеме 22,5 млрд долл. на 1998–1999 гг. Соглашение с МВФ и ВБ было подписано в середине июля. Однако большинство доходных мер не было утверждено Государственной думой и вводилось указами Президента, что существенно подрывало доверие к программе. В результате принятие программы практически не повлияло на отток капитала из страны. Весь первый транш экстренной помощи был израсходован на поддержку валютного курса в течение нескольких недель, а рефинансирование внутреннего долга почти полностью остановилось.

В целях блокировки дальнейшего развития кризиса 17 августа 1998 г. было принято беспрецедентно жёсткое решение об одновременной девальвации рубля, замораживании обслуживания и принудительной реструктуризации внутреннего долга и моратории на обслуживание внешних валютных долгов частных заёмщиков. Правительство и Центральный банк надеялись, что путём умеренной девальвации и замораживания внутреннего долга удастся стабилизировать валютную систему, а за счёт моратория предотвратить системный банковский кризис и дать банкам время для реструктуризации внешних долгов.

Эти надежды не оправдались. После отставки правительства 23 августа 1998 г. Центральный банк прекратил интервенции, и рубль подешевел в несколько раз. Массовое изъятие вкладов ускорило банкротство большинства крупных банков России, несмотря на объявленный мораторий.

Решение властей об одновременной девальвации и дефолте по внутреннему долгу подвергалось жёсткой критике. Основной содержательный аргумент критиков состоял в том, что девальвация действительно была необходима, а дефолт по внутреннему долгу нельзя объяснить никакими соображениями. Предполагалось, что власти всегда могут напечатать необходимое количество денег, а возникающая при эмиссии инфляция автоматически приведёт к обесценению накопленного внутреннего долга и облегчит его обслуживание.

С теоретической точки зрения такая позиция верна. Но в практическом отношении монетизация внутреннего долга привела бы к существенному смягчению кредитно-денежной политики и возникновению устойчивой инфляции. В этом случае пришлось бы приложить серьёзные и длительные усилия для её преодоления.

В реальности же имел место девальвационный шок, который сопровождался коротким всплеском инфляции (38% в сентябре 1998 г.) и снижением её уровня в октябрь-ноябре до 5–6% в месяц. При этом реальная денежная масса существенно сократилась, и Центральный банк получил возможность для проведения денежной эмиссии.

Основным фактором развития финансового кризиса стал фискальный дисбаланс, который вынудил министерство финансов прибегать к дорогим краткосрочным займам на финансовом рынке. Широкое участие иностранных инвесторов на рынке ценных бумаг помогло снизить стоимость заимствований, но заперло российскую экономическую политику в узком валютном коридоре. Дело в том, что переход к плавающему валютному курсу, совершенно необходимый для реализации антикризисной политики, мог вызвать массовый уход с рынка иностранных инвесторов и новый рост стоимости заимствований.

Другим фактором финансового кризиса стало ухудшение структуры активов Центрального банка. Несмотря на умеренные темпы роста денежной базы в 1996–1997 гг. (около 25% в год), её структура ухудшалась. Доля чистых международных резервов в составе денежной базы упала с 34% в начале 1995 г. до 14,5% в конце 1997 г. и до 6% в середине 1998 г. Опережающий рост чистых внутренних активов происходил исключительно за счёт кредитования федерального правительства. Прирост чистого кредита правительству составлял в 1996–1997 гг. около 40% в год, в то время как чистый кредит коммерческим банкам находился на устойчиво низком и стабильном уровне. Плохая структура чистых активов была следствием мягкой бюджетной политики, в связи с чем Центральный банк фактически кредитовал бюджет через покупки ГКО [Сравнительный..., 2003. С. 232].

Наконец, важную роль в развёртывании финансового кризиса сыграло падение мировых цен на нефть, последовавшее за началом азиатского финансового кризиса. Мировые цены на нефть упали от уровня 20 долл. за баррель в сентябре 1997 г. до 15 долл. за баррель к концу 1997 г. и 13 долл. за баррель в июне 1998 г. Некоторое увеличение экспорта нефти из России в 1-м полугодии 1998 г. (6%) не смогло перекрыть потери от снижения цен

на нефть (на 25%). Наметилось резкое ухудшение платёжного баланса страны, и одновременно росла уверенность инвесторов в неизбежной девальвации рубля.

Надо отметить также, что существовали серьёзные группы интересов, крайне заинтересованные в отсутствии управляемой девальвации: это иностранные держатели ГКО и крупные отечественные банки. Интересами иностранных инвесторов ещё можно было пренебречь, но российские банкиры в это время являлись одной из важнейших политических групп влияния.

Проблемы банков состояли в том, что к этому времени у них существенно изменилась структура активов и пассивов. Если в период до стабилизации курса рубля в их пассивах преобладали рубли, а в активах — быстрорастущие в цене доллары, то после введения валютного коридора банки стали активно набирать за рубежом валютные кредиты и вкладывать их в рубли в российскую экономику. Существуют разные оценки дисбаланса валютных активов и пассивов российских коммерческих банков к началу кризиса (от 7 до 20 млрд долл.), однако при любых цифрах даже управляемая девальвация наносила банкам огромный материальный ущерб, и они всячески держались за фиксированный валютный курс. В конечном итоге произошла обвальная девальвация рубля и большое число российских банков, в том числе и наиболее крупных, оказались банкротами. Чего, впрочем, нельзя сказать об их владельцах.

Альтернативы финансово-бюджетной политики

Посмотрев на то, как развивались события в 1995–1998 гг., резонно задать вопрос — можно ли было избежать кризиса 1998 г. и какими способами. Этот вопрос можно разбить на две части: во-первых, как можно было уменьшить дефицит бюджета и, во-вторых, как его можно было профинансировать без использования пирамиды ГКО.

Доходную базу бюджета увеличить в это время было очень непросто: уклонение от уплаты налогов приобрело системный характер, и никакие частные меры, регулярно предлагаемые Международным валютным фондом, не могли бы быстро изменить положение. Однако существовала одна очевидно недообложенная налогами сфера экономики — речь идёт о топливно-энергетическом комплексе (ТЭК). Средняя величина относительного налогового бремени в отраслях российского ТЭК, т.е. отношение налогов к ВВП, созданном в данном секторе в сопоставлении с этим показателем по экономике в целом, составляла всего 0,7, в то время как в сопоставимых по масштабам экономики нефтедобывающих странах эта величина составляла от 1 до 2,8 [*Запрос...*, 1996. С. 14]. Причём эта величина в середине 1990-х гг. уменьшалась в связи с поэтапным снижением экспортных пошлин на нефть.

Идея отмены экспортных пошлин на нефть, активно продвигаемая Международным валютным фондом, предполагала повышение внутренних цен на нефть практически до уровня мировых и перенос обложения на весь объём добываемой нефти и производимых нефтепродуктов. Эта идея впоследствии была признана ошибочной, в том числе и сотрудниками МВФ. Впоследствии экспортные пошлины на нефть были восстановлены.

Другие меры по повышению налогообложения ТЭК, рассматриваемые правительством в середине 1990-х гг., включали повышение акцизов на нефть и газ и борьбу с трансфертным ценообразованием в вертикально-интегрированных компаниях (трансфертное ценообразование позволяло резко снижать объёмы прибыли в нефтедобывающих компаниях и уводить денежные потоки в посреднические компании-однодневки). В конечном итоге проблема налогообложения сектора упиралась в возможность ограничения доступа к экспортным нефтепроводам для компаний, имеющих задолженность по налогам. Однако эта мера не была реализована ни правительством Черномырдина, ни даже правительством Сергея Кириенко в самый разгар финансового кризиса [*Gilman*, 2010. Pp. 155, 159].

С точки зрения сокращения расходов бюджета ключевая идея лежала на поверхности: необходимо было провести инвентаризацию бюджетополучателей и сократить сеть бюджетных учреждений. Странно, что эта идея была выдвинута лишь после начала азиатского финансового кризиса (в программе Кудрина–Фишера), а её практическая реализация началась только при подготовке бюджета на 1999 г.

Большую экономию также могло бы принести внедрение конкурсных процедур в систему государственных закупок. Однако эта идея встретила мощное сопротивление практически всех ведомств, вплоть до того, что на совещаниях в правительстве сотрудников министерства экономики, разрабатывавших механизмы закупок для государственных нужд, обвиняли в том, что они действуют в интересах потенциальных иностранных поставщиков. В результате соответствующий закон был принят только в 1999 г.

Совокупность этих налогово-бюджетных мер была реализована в 1998–1999 гг. Тогда она дала большой прирост налоговых поступлений и позволила существенно снизить государственные расходы (2,4% ВВП роста по доходам бюджета и 3,0% снижения по непроцентным расходам). [*Сравнительный...*, 2003. С. 225].

В Приложении 2 проведены контрфактические расчёты дефицита бюджета в 1995–1997 гг., исходящие из довольно консервативных предпосылок о том, что реализация вышеупомянутых доходных и расходных мероприятий даёт нарастающим итогом от 1 до 2% ВВП сокращения дефицита федерального бюджета. В результате контрфактический дефицит в 1995–1997 гг. составит, соответственно, 2,2, 4,3 и 2,0% ВВП (Приложение 2, табл. П1).

В принципе единственным крупным резервом для сокращения дефицита федерального бюджета могла стать масштабная приватизация оставшихся в руках государства пакетов акций крупных предприятий и корпораций. Предполагая, что, хотя бы половина этого остаточного дефицита могла быть покрыта за счёт денежной приватизации, получаем расчётный объём дополнительных доходов от приватизации в сумме 16 млрд долл. за три года (Приложение 2, табл. П1).

Эта сумма была вполне достаточной для решения бюджетных проблем, поскольку при реализации этого сценария радикально снижается величина государственного долга, размещённого в государственных облигациях (6,6% от ВВП по сравнению с 16,3% по факту). При этом существенно сокращаются и расходы на обслуживание долга, а федеральный бюджет уже в 1997 г. сводится с профицитом в 1% ВВП (Приложение 2, табл. П2).

Насколько реалистичной могла выглядеть цель получения 16 млрд долл. от приватизации федерального имущества в 1995–1997 гг.? Известно, что подобные программы денежной приватизации были в 1990-е гг. успешно реализованы в странах Латинской Америки, сходных по масштабу экономики с Россией. В частности, программа массовой приватизации в Мексике в 1990–1992 гг. принесла в бюджет 21,3 млрд долл., а бразильская программа приватизации 1997–1998 гг. — 51,7 млрд долл. (хотя некоторая часть этих доходов пошла не в федеральный бюджет, а в бюджеты штатов) [*Сравнительный...*, 2003. С. 361].

С точки зрения российских реалий можно указать на три крупных проекта денежной приватизации 1996–1997 гг. Это приватизация миноритарного пакета (8,5 %) РАО ЕЭС в 1996 г., приватизация 40% пакета акций Тюменской нефтяной компании (ТНК) и блокирующего пакета акций компании Связьинвест в 1997 г. На 1998 г. были запланированы аукционы по продаже 75% акций компании Роснефть и 5% акций Газпрома. Аукцион по продаже Роснефти не состоялся из-за финансового кризиса августа 1998 г., а 2,5% акций Газпрома всё-таки были проданы в конце 1998 г.

Теперь о финансовой стороне дела. Пакет акций РАО ЕЭС был продан за 350 млн долл., что было в 4 раза ниже рыночной стоимости такого пакета в середине 1997 г. По всей видимости аукцион был специально сконструирован таким образом, чтобы этот пакет оказался под контролем Газпрома, номинальным представителем которого был консорциум

во главе с Национальным резервным банком, тесно сотрудничавшим с Газпромом и лично с Черномырдиным [Лебедев, 2017. С. 208].

Пакет акций ГНК был выкуплен за вполне серьёзную сумму в 810 млн долл., а сделка по Связьинвесту принесла в бюджет рекордную сумму в 1 875 млн долл. [История..., 2011. С. 470].

Первоначальные оценки пакетов акций Роснефти и Газпрома также были довольно высокими: пакет акций Роснефти был оценён в 1,6 млрд долл., а пакет акций Газпрома — в 1,65 млрд долл. В итоге 2,5% акций Газпрома были проданы за 660 млн долл. [История..., 2011. С. 375, 467].

Рассматривая сумму в 1,5 млрд долл. как среднюю стоимость одного приватизационного проекта, можно предположить, что вся программа денежной приватизации могла быть осуществлена путём реализации 10–12 крупных проектов (дополнительно к тем, которые были реализованы). По всей видимости, для реализации столь амбициозной программы было необходимо продать не только находившиеся в государственной собственности пакеты акций нефтяных компаний, но также и миноритарные пакеты акций крупных российских госбанков: Сбербанка и Внешторгбанка. В этой альтернативной реальности не было места для залоговых аукционов: пакеты акций крупных государственных компаний должны были быть проданы на конкурентных основаниях.

Эффективная программа денежной приватизации позволила бы в полном объёме финансировать расходы бюджета, не прибегая к эмиссии квазиденежных инструментов, и способствовала бы быстрой ремонетизации экономики. В то же время резкое сокращение заимствований на рынке ГКО лишило бы хозяйствующих субъектов высокодоходных инструментов для размещения неуплаченных в бюджет денежных средств. Эмиссия в этих условиях происходит путём покупки Центральным банком у Минфина долларов, полученных от приватизации, при этом в структуре активов Центрального банка существенно растёт доля валютных резервов. В этих условиях Центральный банк в любой момент после президентских выборов 1996 г. мог отказаться от валютного коридора и перейти к плавающему курсу рубля. Заметим, что именно масштабная денежная приватизация в Бразилии в 1997–1998 гг., проведённая на фоне мирового финансового кризиса, позволила этой стране провести плавную девальвацию национальной валюты и избежать дефолта.

Подумаем о том, какой могла бы быть конфигурация масштабных проектов денежной приватизации. Вспомним, что в тот период, с одной стороны, российские инвесторы проявляли большой интерес к подобного рода проектам, но не имели в распоряжении достаточных средств. С другой стороны, потенциальные иностранные инвесторы имели необходимые средства, но плохо понимали российские реалии. Поэтому наиболее распространённым вариантом денежной приватизации мог бы стать вариант с участием консорциумов, включающих российских и международных инвесторов. Однако привлечение иностранных инвесторов в условиях большой экономической неопределённости середины 1990-х требовало больших усилий от правительства, целенаправленной работы не только с инвесторами, но, возможно, и с правительствами ведущих развитых стран.

Такая работа практически не велась. В правительстве не существовало ни вице-премьера, ни министра, ни даже заместителя министра, ответственного за привлечение иностранных инвестиций. Созданный в январе 1992 г. Комитет по иностранным инвестициям при Министерстве экономики был уже в августе того же года ликвидирован, а его функции переданы Российскому агентству по международному сотрудничеству и развитию. Но оно исторически было ориентировано на развитие международных гуманитарных связей и не имело ни достаточного статуса для работы с иностранными инвесторами, ни кадрового потенциала для этого. Созданному в конце 1992 г. российскому Центру приватизации удалось привлечь к своей работе весьма квалифицированные отечественные и зарубежные

кадры и даже подготовить ряд предложений по крупным проектам с участием иностранных инвесторов. Но в силу общественно-государственного статуса Центра он не имел достаточного аппаратного веса для продвижения своих инициатив.

В целом можно констатировать, что проблема привлечения иностранных инвестиций вообще и вовлечения иностранных инвесторов в программу денежной приватизации в частности, находилась на периферии сознания правительства. Эти темы практически не обсуждались ни в средствах массовой информации, ни на заседаниях правительства, ни даже во внутреннем кругу российских реформаторов, например на заседаниях Комиссии по экономической реформе.

Социальная цена отложенной стабилизации

1990-е гг. были очень непростым временем для граждан России. При значительном и длительном падении ВВП (к 1998 г. на 40% к уровню 1991 г.) ещё более быстрыми темпами снижались реальные доходы населения, достигнув минимума в 1999 г.: 47% от уровня 1991 г. В наиболее тяжёлом положении оказались пенсионеры и работники бюджетной сферы, поскольку бюджетный кризис не позволял своевременно индексировать их пенсии и заработные платы. Для старших поколений российского населения ситуация усугублялась практически полным обесценением вкладов в Сбербанке, причём это обесценение в 1990-е гг. компенсировать было даже технически невозможно. Традиционно эти негативные явления трактуются как «социальная цена реформ». Мне думается, что это не вполне правильный термин. Сами по себе реформы не имели никаких негативных социальных последствий: либерализация цен позволила сбалансировать потребительский рынок, дерегулирование внешнеэкономической деятельности открыло доступ российским гражданам и предприятиям к поставкам продукции мирового рынка, приватизация способствовала повышению эффективности бывших госпредприятий. Высокие уровни безработицы (пик 13% в 1999 г.) в первую очередь были вызваны общим глубоким падением производства.

Резкий ценовой шок при либерализации цен в январе 1992 г. был связан не с реформами как таковыми, а с последовательно безответственной финансовой политикой советских правительств и постоянным откладыванием необходимых преобразований «на потом». Что касается сбережений населения в Сбербанке, то они даже формально к началу реформ просто отсутствовали: в конце 1990 г. они были направлены по решению Верховного Совета СССР на погашение дефицита государственного бюджета.

О чём следовало бы сказать, так это о том, какую цену заплатило общество за отложенную стабилизацию и длительный период дезорганизации общественных и частных финансов (бюджетный кризис и взаимные неплатежи предприятий). Если мы посмотрим на динамику реальных располагаемых доходов населения (табл. 4), то на ней мы видим два минимума: 1992 и 1999 гг. После 1992 г. произошла некоторая компенсация падения доходов населения и в течение 1993–1997 гг. они находились в среднем на уровне 60% от уровня 1991 г. Отметим, что на этот уровень они вернулись только в 2002 г.

В связи с этим можно говорить о «двойном шоке», связанном с событиями как 1992 г. (либерализация цен), так и 1998 г. (финансовый кризис и дефолт). Для описания этого шока придётся раздвинуть временные рамки анализа социальных показателей, поскольку их динамика в 1990-е гг., с одной стороны, во многом была обусловлена динамикой предшествующего периода, а с другой — социальными последствиями экономического неблагополучия 1990-х гг., которые прослеживаются на всём протяжении нулевых.

Начнём с показателя средней ожидаемой продолжительности жизни (табл. 5), причём здесь представлены данные только по мужчинам, поскольку у мужчин этот показатель более волатилен, чем у женщин.

Таблица 4

Реальные располагаемые доходы населения России, 1991 г. = 100%

Годы	%	Годы	%
1991	100	1999	47
1992	52	2000	52
1993	60	2001	57
1994	67	2002	63
1995	59	2003	73
1996	60	2004	79
1997	63	2005	89
1998	53	2006	100

Источник: Росстат.

Таблица 5

Средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин в России, 1970–2011 гг.

Годы	Лет	Годы	Лет	Годы	Лет
1970	63,08	1992	62,00	2002	58,68
1975	62,48	1993	58,97	2003	58,56
1980	61,39	1994	57,55	2004	58,91
1985	62,73	1995	58,12	2005	58,92
1986	64,78	1996	59,62	2006	60,43
1987	64,84	1997	60,85	2007	61,46
1988	64,64	1998	61,22	2008	61,92
1989	64,24	1999	59,87	2009	62,87
1990	63,73	2000	59,03	2010	63,09
1991	63,45	2001	58,98	2011	64,04

Источник: Росстат.

Ситуация в этой сфере начала ухудшаться примерно с 1975 г. До этого в течение целого десятилетия показатель средней ожидаемой продолжительности жизни у мужчин был стабилен и находился на уровне свыше 63 лет. Но к 1980 г. он упал до 61,4 года. Во время перестройки и антиалкогольной кампании показатель резко вырос и превзошёл уровень 64 года, достигнув абсолютного максимума для советского времени. В современной России этот уровень был достигнут только в 2011 г. В период проведения реформ первый минимум средней продолжительности жизни мужчин (ниже 59 лет) наблюдался в 1993–1995 гг., а второй — в 2001–2005 гг. Напомню и общеизвестный факт: 1990-е гг. были годами резкого падения рождаемости, что также является красноречивым свидетельством социального неблагополучия населения.

Таблица 6
Среднедушевое потребление алкоголя в России, 1980–2012 гг.

Годы	Литры	Годы	Литры	Годы	Литры
1980	14,4	1991	12,1	2002	16,2
1981	13,2	1992	14,0	2003	16,3
1982	13,8	1993	16,5	2004	16,0
1983	15,8	1994	18,0	2005	15,4
1984	14,2	1995	16,1	2006	14,2
1985	13,4	1996	14,8	2007	13,1
1986	11,4	1997	13,6	2008	12,4
1987	10,2	1998	13,3	2009	12,5
1988	10,5	1999	13,9	2010	12,1
1989	11,7	2000	15,1	2011	11,7
1990	12,4	2001	15,7	2012	11,5

Источник: Немцов А.В., Шельгин К.В. Потребление алкоголя в России: 1956–2012 гг. // *Вопросы наркологии*, 2014. №5. С. 7.

Сходную ситуацию мы наблюдаем и с потреблением алкоголя (табл. 6). Здесь абсолютные минимумы потребления зафиксированы в 1986–1989 гг. (менее 12 л на душу населения) и также присутствуют два максимума потребления: 1993–1995 гг. и 2002–2004 гг. (свыше 16 л). Отметим, что в 1997–1999 гг. эти показатели были в пределах позднесоветской нормы — (13–14 л). На уровень 1986–1989 гг. показатели потребления алкоголя на душу населения вышли в начале 2010-х гг. и впоследствии продолжали снижаться в течение всей декады.

Очень важный индикатор социального неблагополучия — преступность. В табл. 7 представлены данные о насильственных преступлениях в России в период 1980–2007 гг. Картина здесь практически идентична с предыдущими таблицами. Абсолютные минимумы зафиксированы в 1986–1987 гг., и также присутствуют два максимума: в 1993–1995 гг. и 2001–2006 гг. (свыше 140 тыс.), причём пик насильственной преступности — свыше 160 тыс. преступлений — приходится на 2005 г.

Ещё один характерный пример социального неблагополучия касается количества разводов (табл. 8). По данным демографов, опирающихся на государственную статистику, количество разводов в начале 1990-х гг. выросло незначительно: от 560 тыс. в 1990 г., до 680 тыс. в 1994 г., а затем началось падение их числа, и рекордный минимум был достигнут в 1998 г. (500 тыс.). Это стало индикатором завершения адаптации к первому шоку. Зато в 2001–2003 гг. число разводов достигло исторических максимумов — 853 тыс. разводов в 2002 г.: ни до, ни после такие уровни (свыше 5 разводов на 1 000 человек населения) не наблюдались.

Как интерпретировать эти показатели? Представляется, что первый шок 1992 г. в отношении снижения уровня жизни был несколько компенсирован повышением реальных доходов населения в 1993–1997 гг. Однако сопровождавшая события 1990-х гг. социальная напряжённость нашла своё выражение в снижении продолжительности жизни, в росте потребления алкоголя и насильственной преступности в 1993–1995 гг.

Таблица 7

Количество насильственных преступлений в России, 1980–2007 гг.

Годы	Тыс.	Годы	Тыс.	Годы	Тыс.
1980	69,2	1990	88,1	2000	129,3
1981	67,7	1991	90,0	2001	142,3
1982	66,6	1992	120,9	2002	146,0
1983	71,8	1993	150,7	2003	145,5
1984	71,8	1994	151,9	2004	153,1
1985	61,7	1995	143,6	2005	161,6
1986	48,8	1996	128,3	2006	147,5
1987	45,9	1997	119,0	2007	121,9
1988	56,9	1998	122,3		
1989	79,6	1999	128,3		

Источник: Скифский И.С. *Техника построения трендовых моделей насильственной преступности* // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 103. С. 140.

Таблица 8

Количество разводов в России, 1990–2007 гг.

Годы	Тыс.	Годы	Тыс.
1990	559,9	1999	532,5
1991	597,9	2000	627,7
1992	634,2	2001	768,5
1993	663,3	2002	853,6
1994	680,5	2003	798,8
1995	665,9	2004	635,8
1996	562,4	2005	604,9
1997	555,2	2006	640,8
1998	501,7	2007	685,9

Источник: demoscope.ru; weckly/knigi/ns.09/acrobat/glava2.pdf. P. 91 (дата обращения: 12.03.2026).

Затем, очевидно, наступает первый период адаптации общества к изменению экономической ситуации. Потому в 1997–1999 гг. растёт средняя продолжительность жизни, сокращается количество разводов, падает потребление алкоголя и снижается преступность. Однако второй экономический шок (1998 г.), хотя и с некоторым лагом, приводит к обострению социальной ситуации, причём на более длительный период. Так, средняя продолжительность ожидаемой жизни мужчин в течение 2001–2005 гг. держится ниже уровня 59 лет, количество разводов в 2002 г. достигает абсолютного максимума за всю историю России, душевое потребление алкоголя в этот период составляет свыше 15 л (превышая максимумы советского времени), а насильственная преступность держится на высоком уровне целых шесть лет (2001–2006 гг.), достигая абсолютного максимума в 2005 г.

Социальная адаптация после второго шока заняла существенно больше времени, видимо, в связи с накоплением значительной социальной усталости. Как бы ни интерпретировать эти показатели, очевидно одно: несмотря на возобновление экономического роста и повышение доходов населения, общество длительное время в начале нулевых годов находилось в состоянии сильного стресса. Некоторым совпадением видимо является то, что последним годом адаптации по всем показателям является 2006 г., и в том же году реальные располагаемые доходы населения достигли уровня 1991 г.

Персоналии экономических реформ 1990-х гг.

Эволюция команды реформ

Уже в первой половине 1990-х гг. команда реформ понесла серьёзные кадровые потери: министр топлива и энергетики Владимир Лопухин под давлением нефтегазового лобби был уволен со своего поста в мае 1992 г., в декабре вместе с Гайдаром ушёл из правительства Пётр Авен. В марте 1993 г. Андрея Нечаева в Министерстве экономики заменил Олег Лобов, в феврале 1995 г. Владимир Машиц был освобождён от должности Министра по делам СНГ.

По стечению ряда обстоятельств, начиная с 1994 г., основные силы реформаторов оказались сосредоточены в Министерстве экономики, особенно после назначения министром экономики в ноябре 1994 г. Евгения Ясина. В его команде ведущую роль играли первый заместитель министра Яков Уринсон, заместители министра Сергей Игнатъев, курировавший финансовые вопросы, Андрей Свинарченко, который, в частности, занимался закупками для государственных нужд, и Иван Стариков, курировавший сельское хозяйство. Впоследствии заместителями министра стали Андрей Шаронов и Эльвира Набиуллина.

Ведущую роль в продвижении политики реформ Министерство экономики играло до весны 1997 г., когда с созданием так называемого «правительства младореформаторов» были существенно усилены и другие министерства. Анатолий Чубайс стал министром финансов, а его первыми заместителями были назначены Сергей Игнатъев и Алексей Кудрин. Свои позиции заместителей министров сохранили Олег Вьюгин (макроэкономическая политика) и Сергей Шаталов (налоговая политика). Михаил Дмитриев стал первым заместителем министра труда и социального развития, Владимир Цапелик, возглавлявший до этого международный исследовательский проект по реформе естественных монополий, был назначен первым заместителем председателя Государственного комитета по антимонопольной политике, а главный разработчик жилищно-коммунальной реформы Анвар Шамузафаров — первым заместителем председателя Госстроя. К этому времени произошло также существенное обновление аппарата правительства и министерств, так что к 1997 г. первоначальный кризис кадров в правительстве был в основных чертах преодолен.

Надо также отметить, что к 1997 г. были сформированы чёткие концепции необходимых долгосрочных структурных реформ: естественных монополий (В. Цапелик), накопительной пенсионной реформы (М. Дмитриев), реструктуризации сети бюджетополучателей (А. Кудрин), налоговой реформы (С. Шаталов), реформы системы государственных закупок (А. Свинарченко), реформы жилищно-коммунального хозяйства (А. Шамузафаров). В это же время усилиями первого заместителя министра образования Александра Тихонова и ректора ВШЭ Ярослава Кузьмина был запущен проект по разработке Единого Государственного Экзамена (ЕГЭ). Экономическая и политическая турбулентность конца 1990-х гг. помешала тому, чтобы реализация этих концепций началась незамедлительно. Однако в начале 2000-х гг. все эти проекты были достаточно последовательно реализованы.

Личность премьер-министра

В исторической перспективе Виктор Степанович Черномырдин выглядит весьма противоречивой личностью. Он был достаточно обучаем и гибок, умел прислушиваться к аргументам оппонентов. Но в общем он был плоть от плоти, кровь от крови советской системы и хорошо находил общий язык с «красными директорами». А это было немало важно при продвижении нужных для правительства реформаторских решений либо решений, являющихся важным шагом к нужному результату. Я полагаю, что его «народный» стиль общения был близок и Борису Ельцину. Однако, глядя из XXI в., в одном человеке мы видим двух премьеров: одного до августа 1996 г., второго — после. Первый премьер реально уделял много внимания проведению экономических реформ и финансовой стабилизации, прислушивался к аргументам своих министров и советников и имел вполне рабочие отношения с вице-премьерами, отвечавшими за экономику, — Б. Федоровым, А. Шохиним и А. Чубайсом.

А вот второй премьер, возникший после инаугурации Б.Н. Ельцина и своего утверждения Государственной думой в августе 1996 г., по-видимому, ощутил на своих плечах президентские погоняи и совершенно перестал заниматься экономикой, а вместо этого начал плести интриги. Радикальным образом отношения в правительстве напряглись в 1997 г. после назначения в правительство первыми вице-премьерами Б. Немцова и А. Чубайса. Немцов как вице-премьер, ответственный за энергетику и пытавшийся навести порядок, в частности, в Газпроме, был особо нелюбезен Виктору Степановичу. Однако Немцов был в фаворе у президента и напрямую атаковать его было достаточно сложно. Поэтому Черномырдин все свои усилия сосредоточил на Чубайсе, который поддерживал политику Немцова.

Ссора с Чубайсом не принесла премьеру лавров. Наоборот, его президентские амбиции стали известны Ельцину, и в скором времени Черномырдин был отправлен в отставку, а его президентские перспективы окончательно исчезли в сентябре 1998 г., когда Государственная дума дважды отказалась одобрить новое назначение Виктора Степановича на должность премьера. Итогом этого процесса стали выборы в Государственную думу 1999 г., где его партия (Наш дом — Россия) набрала чуть больше одного процента голосов по партийным спискам и, соответственно, в Думу не прошла.

Большой проблемой пребывания Черномырдина на посту премьер-министра было то, что он полностью сохранил своё влияние и бизнес-интересы в Газпроме, где Рэм Вяхирев (председатель правления) был по факту «зтитц-председателем». Все важные вопросы решал лично Виктор Степанович. И интересы Газпрома были для него, как мне кажется, выше интересов страны. Ему была близка формула «что хорошо для Газпрома — то хорошо и для России». Газпром не то что был вне критики, но вне досягаемости всех контрольных органов. Масштабы вывода активов из корпорации при этом достигали весьма значительных объёмов.

Так, летом 1995 г. Министерство экономики проводило неформальный аудит отчётности Газпрома, в котором участвовал и автор этих строк, и по недосмотру одного из заместителей председателя правления Газпрома в министерство была представлена отчётность, составленная как по кассовому методу, так и по методу начислений. Сравнение этих двух массивов цифр выявило в Газпроме огромную дебиторскую задолженность, причём не со стороны потребителей газа (что было бы, по крайней мере, понятно в условиях кризиса неплатежей), а со стороны поставщиков оборудования, комплектующих и материалов. Эта задолженность в начале 1995 г. составила 6 млрд долл., т.е. 15% годовой выручки компании, и в точности соответствовала величине стабилизационного кредита, предоставленного в том же году России Международным валютным фондом.

Поскольку налогообложение Газпрома велось по кассовому методу, то значительная дебиторская задолженность поставщиков уменьшала размеры облагаемой налогом

прибыли. То есть, с одной стороны, активы выводились из компании, с другой — на эту же сумму уменьшалась величина налогооблагаемой прибыли. В любом случае совмещение постов премьер-министра и de-facto руководителя крупнейшей компании страны было совершенно ненормальным явлением и создавало большие моральные риски в государственном управлении.

Зарубежные эксперты и международные финансовые организации

В перечне действующих лиц, активно участвовавших в российских экономических реформах, необходимо упомянуть также зарубежных экспертов, тесно сотрудничавших с российским правительством в середине 1990-х гг. Надо отметить, что именно сложность проведения реформ в России обусловила привлечение сюда наиболее выдающихся экономистов Европы и Америки. Почти все они известны как авторы классических учебников по макро- и микроэкономике. Некоторые из них приезжали в Россию всего несколько раз, в основном для того, чтобы непосредственно ознакомиться с экономической ситуацией в стране и ходом реформ. Другие активно и регулярно консультировали российское правительство и в известной степени способствовали повышению экономической квалификации членов команды реформаторов.

На первом этапе реформ 1992–1994 гг. ведущую роль в консультировании правительства играл профессор Лондонской школы экономики (ЛШЭ) Ричард Лэйард, который стал инициатором выпуска первого полноценного статистического двуязычного бюллетеня «Russian Economic Trends», а также смог привлечь к работе в России нескольких выдающихся молодых экономистов из ЛШЭ.

В 1995 г. при реализации первой стабилизационной программы главным консультантом правительства по макроэкономике был Шарль Выплош из Школы INSEAD. Совершенно неоценимой была помощь двух выдающихся американских экономистов — Стэнли Фишера и Дэвида Липтона, которые тогда занимали ведущие позиции в МВФ и американском казначействе. Как официальные лица они не могли выражать публично свои личные соображения по поводу тех или иных аспектов российских реформ, но в личных беседах с российскими реформаторами могли весьма откровенно высказываться о проблемах, возникающих в ходе реформ и об ошибках, допущенных при их проведении.

Другую группу экспертов составляли сотрудники МВФ и Всемирного Банка, также активно консультировавшие российское правительство. Причём группа консультантов Всемирного Банка была более многочисленной и разносторонней, благодаря тому, что его сотрудники имели широкий опыт проведения секторальных реформ в других странах (в сферах межбюджетных отношений, реструктуризации промышленных предприятий, реформы образования). Все они с большой симпатией относились к России и к проводимым в России преобразованиям (те, кто не симпатизировали России, обычно выбирали для своей работы другие страны).

Если говорить о результатах сотрудничества России с Международными финансовыми организациями в 1990-е гг., то они в целом были положительными. Во-первых, МФО и в первую очередь МВФ предоставили России значительные объёмы долгосрочного и дешёвого кредитования. Во-вторых, соглашения с МВФ позволили на достаточно выгодных для России условиях реструктурировать в 1997 г. старые советские долги.

В-третьих, займы Всемирного Банка позволили решить ряд структурных проблем российской экономики, в частности провести реструктуризацию угольной промышленности Кузбасса. В-четвёртых, технические специалисты Всемирного Банка смогли компенсировать недостаток знания и опыта у отечественных специалистов и существенно помогли повысить их квалификацию.

Наконец, важным стечением обстоятельств было то, что в период проведения экономических реформ в России и МВФ, и Всемирный Банк возглавляли высокообразованные

и харизматичные лидеры пророссийской направленности: Мишель Камдессю и Джеймс Вулфенсон. Хорошо известны, например, эпизоды совместной охоты Черномырдина и Камдессю в Завидово, где директор-распорядитель МВФ проявил себя как отменный стрелок. Менее известен интерес Камдессю к идеям православия и его тесное общение с патриархом Алексием, которого он посещал во время всех своих визитов в Москву. Джеймс Вулфенсон, неплохой виолончелист, тесно общался с Валерием Гергиевым и был большим другом Мариинского театра. В общем и целом они делали для России больше того, что им было положено по должности и в связи с этим иногда даже входили в конфликт со странами стейкхолдерами Фонда и Банка [Gilman, 2010. P. 75].

Заключение

За неудачей первой попытки стабилизации российской экономики в 1992 г. последовал длительный период дезорганизации отечественной экономики, связанный с сохранением высокой инфляции, значительным дефицитом государственного бюджета и хроническим кризисом неплатежей. Попытка стабилизации экономики в 1995 г. увенчалась лишь частичным успехом: существенным снижением инфляции и остановкой экономического спада. Однако этот успех был куплен дорогой ценой: правительство не сумело обеспечить достаточную собираемость налогов и системное сокращение бюджетных обязательств и было вынуждено финансировать значительные дефициты бюджета за счёт выпуска краткосрочных ценных бумаг в объёмах, несовместимых с поддержанием долгосрочной финансовой стабильности.

В результате при развёртывании мирового кризиса развивающихся рынков 1997–1998 гг. российское правительство не смогло рефинансировать построенную им пирамиду краткосрочных финансовых обязательств и было вынуждено в 1998 г. объявить дефолт по внутреннему государственному долгу и по внешним долгам коммерческих банков, а также в несколько раз девальвировать национальную валюту. Между тем расчёты автора показывают, что такого развития событий можно было избежать путём комплексного манёвра, включающего повышение налогообложения топливно-энергетического сектора, существенного сокращения бюджетных обязательств, а также проведения массовой денежной приватизации пакетов акций крупных государственных компаний на открытых аукционах и конкурсах.

Результатом двойного шока (либерализации цен в 1992 г. и дефолта в 1998 г.) стал длительный период социального неблагополучия, характеризующийся резким падением доходов населения, снижением продолжительности жизни, высоким потреблением алкоголя и ростом насильственной преступности, а также высоким уровнем разводов. Все эти негативные явления были преодолены лишь к 2006 г., когда уровень среднедушевых доходов населения достиг уровня 1991 г.

Период значительной экономической и финансовой турбулентности был неблагоприятным временем для проведения структурных реформ. Из успешных реформ этого периода можно упомянуть лишь ваучерную приватизацию и либерализацию внешней торговли. В других сферах широкое развёртывание реформ происходило уже в начале нулевых годов, хотя концепции их реализации были разработаны ещё в конце 1990-х гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Использованные статистические показатели

При анализе стабилизационных программ обычно используются статистические данные Международного валютного фонда, которые в наибольшей степени соответствуют международным стандартам учёта и позволяют сравнивать процессы финансовой стабилизации в разных странах. Однако при анализе процессов финансовой стабилизации в России данные МВФ приходится применять с большой осторожностью. Дело в том, что при подготовке программы резервного кредитования на 1995 г. сотрудники фонда пересчитали ВВП России в сторону повышения, мотивируя это необходимостью учесть теневой сектор. На самом деле такой пересчёт понадобился для того, чтобы уменьшить размер бюджетного дефицита в процентах к ВВП: именно это обеспечивало утверждение программы в совете директоров Фонда. Впоследствии данные по ВВП были снова пересчитаны в сторону уменьшения. Именно по этой причине в статье используются временные ряды из монографии «Экономика переходного периода...» [Экономика..., 1998], где максимально учтены расходы и доходы бюджетов Российской Федерации в 1993–1997 гг.

В статье, в частности, использованы данные реконструкции бюджетов Российской Федерации за 1994–1997 гг., находящиеся на страницах 233–236 (1994 г.), 264–266 (1995 г.), 319–323 (1996 г.) и 352–353 (1997 г.). Некоторые данные по экономической ситуации 1993–1998 гг. были ранее опубликованы в книге «Сравнительный анализ стабилизационных программ» [Сравнительный..., 2003]. Эти данные, по большей части, опираются на расчёты МВФ.

В разделе 7 ряд по реальным располагаемым доходам населения (см. табл. 4) взят из таблиц Росстата. Однако надо иметь в виду, что показатель 1991 г. существенно завышен, поскольку доходы у населения были, но реальный уровень потребления определялся не доходами, а наличием товаров в свободной продаже. Что касается среднедушевого потребления алкоголя (см. табл. 7), эти данные основаны, в том числе, на оценках нелегального производства и импорта алкоголя.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О возможность обеспечения бюджетной сбалансированности в 1995–1997 гг. без широкого использования краткосрочных внутренних заимствований можно судить по контрфактическим расчётам.

Таблица П1

Контрфактический расчёт дефицита федерального бюджета при реализации комплекса мер бюджетной политики, 1995–1997 гг., % ВВП

№ п/п	Показатели	1995 г.	1996 г.	1997 г.
1	Фондирование за счет ПО-ОФЗ	3,2	5,8	4,2
2	Меры по снижению дефицита федерального бюджета	1	1,5	2,0
3	Контрфактический дефицит	2,2	4,3	2,0
4	Доходы от приватизации	1,1	2,2	1,0
5	Непокрытая доля дефицита	1,1	2,1	1,0

Источник: расчёты автора.

В своих расчётах мы исходим из того, что меры по сокращению дефицита бюджета, изложенные в разделе «Альтернативы финансово-бюджетной политики», могли бы дать нарастающий эффект от 1 до 2% ВВП в период 1995–1997 гг. (строка 2 табл. П1). Тогда потребность в финансировании дефицита за счёт эмиссии ценных бумаг сократится до показателей, приведённых в строке 3 той же таблицы. Предполагая, что доходы от приватизации могли бы закрыть примерно половину оставшейся величины (строка 4), мы получаем итоговую контрфактическую сумму остаточного дефицита финансирования.

Однако следует иметь в виду, что существенное снижение потребностей в финансировании дефицита бюджета за счёт эмиссии краткосрочных ценных бумаг само по себе снижает величину внутреннего государственного долга и, соответственно, стоимость его обслуживания. В табл. П2 приведены фактические и контрфактические показатели внутреннего госдолга в ценных бумагах за 1994–1997 гг.

Таблица П2

Динамика госдолга РФ, размещённого в ценных бумагах, его фондирование и обслуживание (факт и контрфакт, 1994–1997 гг., % ВВП)

№ п/п	Показатели	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
1	Госдолг в ценных бумагах	3,0	4,9	10,7	16,3
2	Прирост госдолга в ценных бумагах		1,9	4,8	5,6
3	Фондирование дефицита за счёт эмиссии ценных бумаг, факт		3,2	5,8	4,2
4	Фондирование дефицита за счёт эмиссии ценных бумаг, контрфакт		1,1	2,1	1,0
5	Прирост госдолга, контрфакт		0,6	1,7	1,3
6	Госдолг в ценных бумагах, контрфакт	3,0	3,6	5,3	6,6
7	Расходы по обслуживанию госдолга, факт		1,7	4,1	3,3
8	Расходы по обслуживанию госдолга, контрфакт		1,2	2,0	1,3
9	Снижение расходов по обслуживанию госдолга, контрфакт		0,5	2,1	2,0
10	Непокрытая доля дефицита бюджета (табл. П1, стр. 5)		1,1	2,0	1,0
11	Дефицит бюджета с учётом снижения расходов на обслуживание госдолга		0,6	-0,1	-1,0

Источник: расчёты автора.

Строка 4 табл. П2 соответствует строке 5 табл. П1. Для перехода к оценкам контрфактической величины госдолга я определяю потенциальные приросты госдолга по годам делением строки 4 на строку 3 и умножением на строку 2. Соответственно, в строке 6 имеем контрфактическую величину госдолга и корректируем величину расходов на обслуживание госдолга делением строки 7 на строку 1 и умножением на строку 6. В строке 9 зафиксирована разница между фактической и контрфактической стоимостью обслуживания госдолга, а в строке 10 определяем контрфактическую величину дефицита федерального бюджета.

В результате мы видим, что бюджет уже в 1996 г. сводится с нулевым балансом, а в 1997 г. его профицит составляет 1% ВВП, что означает сокращение государственного долга, размещённого в краткосрочных ценных бумагах.

Эти расчёты не учитывают и не могут учитывать потенциальное снижение процентных ставок по государственным ценным бумагам, неизбежное в условиях масштабного сокращения заимствований. Таким образом, эти расчеты являются весьма консервативными.

Теперь о том, какие масштабы должна была иметь приватизация государственных активов в этой модели. В табл. ПЗ приведены расчёты необходимых доходов от приватизации. Эта цифра за три года составляет 16 млрд долл.

Таблица ПЗ

Необходимые доходы от приватизации 1995–1997 гг.

№ п/п	Показатели	1995 г.	1996 г.	1997 г.
1	Доходы от приватизации, % ВВП	1,1	2,1	1,0
2	Объём ВВП, трлн руб.	1 428	2 087	2 347
3	Доходы от приватизации, трлн руб.	15,7	44,1	23,4
4	Курс доллара в среднем за год, руб.	4 558	5 121	5 785
5	Доходы от приватизации, млрд долл.	3,44	8,62	4,04
	Итого:			16,1

Источник: расчёты автора.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев С.А. (2025). Экономические реформы в России 90-х гг.: формирование команды и идеологии реформаторов // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 158–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179.
- Васильев С.А. (2026). Программы реформирования экономики и запуск экономических реформ в России // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 190–215. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_190_215.
- Запрос о расширенном кредите* (1996). / Международный валютный фонд. Российская Федерация. 12 марта 1996 г. (из архива автора).
- История новой России* (2011). Очерки, интервью: в 3 т. / Под общ. ред. П.С. Филиппова. Т. 2. — СПб.: Норма.
- Лебедев А.Е. (2017). *Охота на банкира: (о коррупционных скандалах, крупных аферах и заказных убийствах)*. — М.: Издательство «Э».
- Немцов А.В., Шелыгин К.В. (2014). Потребление алкоголя в России: 1956–2012 гг. // *Вопросы наркологии*. №5. С. 3–12.
- Скифский И.С. (2009). Техника построения трендовых моделей насильственной преступности // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. Вып. 103. С. 139–145.
- Сравнительный анализ стабилизационных программ 90-х годов* (2003). / Под ред. С.А. Васильева. — М.: Гендальф.
- Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997*. (1998) / Рук. авт. кол. Е. Гайдар. — М.: Ин-т экономических проблем переходного периода.
- Gilman M. (2010) *No precedent, no plan: inside Russia's 1998 default*. — Cambridge, Mass.: MIT Press.

REFERENCES

- Comparative analysis of stabilization programs of 90s*. (2003). / Ed. S.A. Vasiliev. — M.: Gendalf. (In Russ.).
- Economics of transition. Essays on economic policy of post-communist Russia, 1991-1997*. (1998). / E.T. Gaidar (ed.). — M.: Institute of economy in transition. (In Russ.).
- Gilman M. (2010) *No precedent, no plan: inside Russia's 1998 default*. — Cambridge, Mass. — L.: MIT Press.
- History of the new Russia*. (2011). Essays, interviews: in 3 vols. / P.S. Filippov (ed.). Vol. 2. — Saint-Petersburg: Norma. (In Russ.).
- Lebedev A. (2017). *Hunt for a banker: (about corruption scandals, major scams and contract killings)*. — M.: Publishing house «E». (In Russ.).
- Nemtsov A.V., Shelygin K.V. (2014). Alcohol consumption in Russia: 1956-2012 // *Voprosy narcologii*. No. 5. Pp. 3–12. (In Russ.).

- Request for extended credit* (1996) / International monetary fund. Russian Federation. March 12, 1996 (from the authors archive). (In Russ.).
- Skifskiy I.S. (2009) Technique for constructing trend models of violent crime // *Izvestia Rossiyskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. Is. 103. Pp. 139–145. (In Russ.).
- Vasiliev S. (2025). Economic Reforms in Russia in the 1990s: Forming a Team and Ideology of Reformers // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 158–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179. (In Russ.).
- Vasiliev S. (2026). Economic Reform Programs and the Launch of Economic Reform in Russia // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 190–215. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_190_215. (In Russ.).

Васильев Сергей Александрович

ORCID: 0009-0001-9807-5814

savasiliev.78@gmail.com

Sergey Vasilev

Doctor of Economics, professor, Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow)

ORCID: 0009-0001-9807-5814

savasiliev.78@gmail.com

ATTEMPTS TO STABILIZE THE RUSSIAN ECONOMY IN 1993–1998: VIKTOR CHERNOMYRDIN'S FIVE GOVERNMENTS

Abstract. The article contains the analysis of attempts to stabilize Russian economy during the middle of 90-s. After a period of high inflation in 1993-1994 the government managed to achieve a significant reduction of the inflation rate during the implementation of the 1995 stabilization program. However due to the continuing significant budgetary imbalance the government was forced to mobilize rather expensive short-term financing on a large scale, which led to severe financial crisis of 1998. The double shock of 1992 price liberalization and 1998 default had long-term negative social consequences that were overcome only by the end of 2000s. The high economic and political turbulence at that time also hindered the implementation of structural reforms. Thus the tasks of carrying out full-fledged financial stabilization and implementing structural reforms were moved to the beginning of 2000s.

Keywords: *economic reforms of 90s, financial stabilization in Russia, governments of Victor Chernomyrdin.*

JEL: N14, O52, P31.

М.А. Фельдман

д.ист.н., профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург)

ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В 1933–1937 гг.: МНОГОЛИКАЯ СУДЬБА

Аннотация. Статья посвящена оценке итогов выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Рассмотрена эволюция представлений о результатах выполнения второго пятилетнего плана. Сложность осмысления этой проблемы связана и сегодня с прочностью и длительностью существования мифологических характеристик советского Индустриального проекта, идеологизацией его достижений и сокрытия неудач. На основе сопоставления опубликованных и неопубликованных данных сделан вывод о том, что из 27 важнейших видов продукции пятилетние задания были выполнены только по трём (сталь, марганцевая руда и синтетический каучук). Систематизированы данные о масштабе ущерба от репрессий 1937 г. для экономики СССР. Проанализировано выполнение Второго пятилетнего плана по качественным показателям (ведение хозрасчётных отношений; повышение рентабельности промышленности и использование стоимостных рычагов; повышение качества промышленной продукции; уменьшение зависимости от импортных поставок машин и оборудования и т.д.). Раскрываются степень и значение влияния Всесоюзных Совещаний хозяйственников 1931, 1934, 1935, 1936 гг. на изменение содержания экономического курса государства: выработки относительно сбалансированной экономической политики 1933–1936 гг., способствовавшей достижению значительных позитивных результатов; выполнению основных производственных заданий второй пятилетки. Директорский корпус предприятий промышленности СССР рассматривается как главный субъект советского Индустриального проекта. Сделан обоснованный вывод о создании гигантского индустриального потенциала в СССР, сопоставимого с развитыми капиталистическими странами по многим количественным показателям. В наибольшей степени это относится к оборонному производству. Вместе с тем, репрессии 1937 г. не позволили решить комплекс проблем, связанных с качественными показателями.

Ключевые слова: СССР, вторая пятилетка, экономическая политика, пятилетние планы, индустриализация, государственное управление, социально-экономические преобразования, репрессии.

JEL: B24, N44

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_194_208

© М.А. Фельдман, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Фельдман М.А.* Второй пятилетний план и его реализация в 1933–1937 гг.: многоликая судьба // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 194–208. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_194_208.

FOR CITATION: *Feldman M.* The Second Five-Year Plan and its Implementation in 1933–1937: A Multifaceted Fate // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* 2026. No. 2. Pp. 194–208. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_194_208.

Историография проблемы

Оценка итогов выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР 1933–1937 гг. прозвучала в тезисах доклада секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП (б) (1–4 июня 1936 г.) о Конституции СССР¹. Тогда, 1 июня 1936 г., ещё трудно было говорить об итогах второй пятилетки, но вывод о достигнутой «победе социалистического способа производства в экономике»; «успешном процессе сближения всех слоёв советского общества в единый народ»; создании «передовой экономики»² уже прозвучал. Согласно сталинской логике, «громадные сдвиги к социализму» предполагали принятие соответствующей им Конституции, закрепляющей «завершение переходного этапа от капитализма к социализму».

Ряд тезисов доклада Сталина прочно вошёл и в фундаментальные идеологемы коммунистической идеологии (так называемого «научного коммунизма»), и в основополагающие понятия советской истории. Традиционными для советской идеологии стали тезисы и о наличии в СССР «самой передовой промышленности», и о «самом крупном в мире, механизированном, вооружённом новой техникой сельском хозяйстве в виде системы колхозов и совхозов», и о появлении в стране принципиально новых классов — «рабочего класса СССР, владеющего средствами производства и направляющего советское общество по пути к коммунизму» и «современного советского крестьянства, базирующего свою работу на коллективной собственности, на коллективном труде и современной технике».

Все эти положения были повторены в докладах Сталина и Молотова на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. По заявлению Сталина, «Советский Союз является единственной страной в мире, которая не знает кризисов, промышленность которой всё время идёт вверх. ... Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности» [XVIII..., 1939. С. 11, 18]. В то же время, подчеркнул генеральный секретарь, «мы всё ещё отстаём в экономическом отношении, т. е. в отношении размеров нашего промышленного производства на душу населения [Там же. С. 17].

Подводя итоги выполнения второго пятилетнего плана, Молотов объявил о «выполнении Второй пятилетки за четыре года и три месяца» и «успешном завершении технической реконструкции» народного хозяйства. По определению Молотова, «СССР вступил уже в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму» [XVIII..., 1939. С. 282, 284]. Оценка Сталина была более осторожной: завершение фазы социализма в СССР должно было наступить «только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов» [XVIII..., 1939. С. 18].

В этой связи показателен фрагмент «Итогов выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», воспроизводящий сталинскую оценку итогов второй пятилетки (1933–1937 гг.) в Отчётном докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г.: «Наиболее важным результатом в области развития народного хозяйства за отчётный период нужно признать завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой, современной техники... Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной» [Итоги..., 1939. С. 7].

¹ Российский государственный архив социально-политической информации (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 1194 Л. 3. — Л. 14.

² Там же. Л. 8.

О прочности и длительности существования сталинских умозаключений свидетельствует тот факт, что они фактически повторялись в более поздних «классических» трудах советской историографии индустриализации в СССР. Характерен пример официоза — «Истории советского рабочего класса» (1984 г.), где утверждалось, что «в годы Второй пятилетки процесс социалистической индустриализации был завершён», а «создание материально-технической базы социализма (оказалось) органически связано с решением коренной задачи социалистического строительства — достижением полной победы социалистических производственных отношений» [*История...*, 1984. С. 177, 183]. Только в середине 1970-х гг. появились научные труды, где высказывались предположительные корректировки сроков завершения социалистической индустриализации — отнесение их не к 1937 г., а к 1941 г. [*Лельчук*, 1975. С. 173, 177], но без изменения сущности сталинских выводов.

В постсоветской исторической литературе основной акцент был сделан на исследовании политических процессов в годы второй пятилетки [*Хлевнюк*, 2010]. Итоги выполнения второго пятилетнего плана затрагивались только в связи с достижением тех или иных количественных показателей. Общей чертой стало подчёркивание условности и недостоверности значения опубликованных статистических данных за 1937 г.

Определённым исключением является Р. Дэвис — известный британский историк, зачинатель и ведущий автор капитального семитомного труда «The Industrialisation of Soviet Russia», первый том которого вышел в 1980 г., а заключительный, седьмой, в 2018 г. (среди соавторов седьмого тома на титульном листе перечислены также М. Харрисон, С. Уиткрофт и российский историк О. Хлевнюк; Р. Дэвис — единственный автор 1–4 томов издания). В седьмом томе «Советская экономика и приближение войны, 1937–1939 гг.» Дэвис обратил внимание на снижение темпов роста экономики СССР в 1937 г., связав это с репрессиями и переводом части предприятий в сферу оборонной промышленности. О серьёзности возникших проблем свидетельствовала ситуация в чёрной металлургии, где «план по вводу новых металлургических мощностей в 1937 г. полностью провалился». Ещё одним проявлением низких показателей работы чёрной металлургии было снижение эффективности на заводах отрасли. Аналогичные причины вызвали и снижение качества выпускаемой продукции в ряде других отраслей тяжёлой и лёгкой промышленности [*The Industrialisation...*, 2018. Pp. 88–89]. Тем не менее аналитический разбор соотношения задач второго пятилетнего плана (далеко выходящих за пределы количественных показателей) и достигнутых результатов в научной литературе отсутствует.

Замечу, что публикация Институтом российской истории РАН в 1999 г. сборника документов «Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы» [*Индустриализация...*, 1999], с вводом в научный оборот ранее засекреченных сведений о работе промышленных отраслей и предприятий в 1937 г., позволяет расширить диапазон исследований.

Как известно, во второй пятилетний план были включены группы технико-экономических показателей качественного характера: применения наиболее совершенного оборудования и технологических процессов; механизации трудоёмких процессов; использования электроэнергии, топлива, сырья и материалов; качества продукции. Акцент на использование качественных показателей декларировался как отличительный признак второй пятилетки [*Второй...*, 1934. С. 89, 357, 359, 368], а задача «одновременно со снижением себестоимости добиться резкого улучшения качества и ассортимента продукции во всех отраслях народного хозяйства» [Там же. С. XIII, XXXV] рассматривалась как основная. Пятилетний план предполагал установление взаимозависимости и связи между отдельными отраслями, районами и экономикой страны в целом, а также внутри конкретной отрасли и района. Отраслевые программы и планы развития экономических районов становились составной частью стратегии второй пятилетки. В какой же степени удалось выполнить указанные выше задачи второго пятилетнего плана? Статья посвящена поиску ответа на данный вопрос.

Постановка проблемы

Круг вопросов, позволяющих приблизиться к оценке степени выполнения второго пятилетнего плана, на наш взгляд, должен включать в себя сравнение:

- ▶ плановых индикаторов; официально опубликованных показателей выполнения второго пятилетнего плана; реальных количественных показателей;
- ▶ аналогичное сравнение плановых, опубликованных и реальных качественных показателей;
- ▶ сравнение плановых, опубликованных и реальных качественных показателей развития оборонно-промышленного сектора;
- ▶ сравнение плановых, опубликованных и реальных качественных показателей развития производительных сил страны;
- ▶ сравнение основных характеристик производительных сил СССР и ведущих индустриальных держав;
- ▶ выявление ущерба от репрессий 1937 г. для социально-экономического развития СССР.

Итоги выполнения второго пятилетнего плана

Количественные показатели

Динамичный рост экономики СССР в 1933–1936 гг. был нарушен широкомасштабными репрессиями 1937 г. Однако о невыполнении заданий второй пятилетки не было ничего сказано ни в Отчётном докладе ЦК ВКП(б), который делал Сталин на XVIII съезде партии (март 1939 г.), ни в выступлении на съезде наркома тяжёлой промышленности Л.М. Кагановича.

Тем не менее глубину кризисных явлений в экономике в 1937 г. скрыть было невозможно, и в докладе председателя Совета народных комиссаров (СНК) СССР В.М. Молотова на XVIII съезде ВКП(б) в разделе «Итоги Второй пятилетки», было отмечено: «...по некоторым важным отраслям тяжёлой индустрии, как чугун, уголь, нефть, план оказался значительно недовыполненным». Однако это утверждение не было конкретизировано. Молотов ограничился указанием на то, что план по строительству электростанций выполнен только наполовину — на 55% и констатацией нехватки энергоресурсов в народном хозяйстве [XVIII..., 1939. С. 284, 293].

Между тем высшее руководство страны уже в конце января 1939 г. обладало полной информацией о реальных итогах второй пятилетки. Докладная записка члена Политбюро ЦК, секретаря ЦК ВКП(б), наркома тяжёлой промышленности СССР Кагановича председателю СНК СССР Молотову от 26 января 1939 г. содержала сведения по всем отраслям промышленности за 1937 г., не предназначенные для печати [*Индустриализация...*, 1999. С. 172–179]. В тексте Докладной записки были приведены конкретные данные по итогам выполнения второго пятилетнего плана: по каменному углю — 85,1%, нефти — 64,9, чугуна — 89,2, по цветным металлам (от 72 по меди до 20,0% по олову). На уровне 37,9 — 74,3% были выполнены задания по производству разных химических продуктов. План капитальных вложений был выполнен на 94%. При плане введения в эксплуатацию 178 каменноугольных шахт мощностью в 143 млн т — фактически было введено 145 новых шахт мощностью в 74,6 млн т.

Докладная записка Кагановича вносила уточнения в показатели производства ряда важнейших видов промышленной продукции в натуральном выражении. Так, в 1937 г., согласно опубликованной статистике, угля было добыто 128 млн т, а согласно записке наркома — 117,6 (т.е. меньше на 10,4 млн т); чугуна — 14,5 млн т и 14,0 млн т; стали — 17,7 млн т и 13,7 (т.е. фактически меньше на 4 млн т); проката чёрных металлов — 13,0 млн т и 10,65

(меньше на 2,35 млн т); цемента — 5,5 млн т и 4,856 млн т и т.д. [Индустриализация..., 1999, С. 172–173]. Сравнение плановых индикаторов на 1937 г. (по материалам Второго пятилетнего плана) и фактически достигнутых, приведённых в Докладной записке, показывает масштаб недостижения запланированных результатов.

Данный документ ценен тем, что в нём были приведены сведения не только о росте основных видов продукции тяжёлой промышленности СССР за 1933–1937 гг., но и объективные данные о выполнении заданий второй пятилетки по тем показателям, которые официальной статистикой прежде не публиковались. Из них следует, что из 27 важнейших видов продукции пятилетние задания были выполнены только по трём (сталь, марганцевая руда и синтетический каучук) [Индустриализация..., 1999, С. 179]. В силу этого очевидна несостоятельность утверждения Молотова на XVIII съезде ВКП(б) о «выполнении Второй пятилетки за четыре года и три месяца» [XVIII..., 1939, С. 284].

Косвенно об ущербе репрессий 1937 г. для экономики, сыгравших немалую роль в срыве выполнения заданий второй пятилетки, можно судить по динамике производства чёрных металлов в 1932–1937 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Производство чёрных металлов в СССР в 1932–1937 гг., млн т

Вид производства	1932 г.	1936 г.	1937 г. (плановый показатель по данным Докладной записки Кагановича)	1937 г. (плановый показатель по материалам 2-го 5-летнего плана)	1937 г. фактически
Сталь	6,2	16, 2	17,7	17	13,7
Чугун	5,9	14, 4	14	16	14
Прокат	4,4	12, 4	13	13	10, 65

Источник: *Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы.* Часть 2. — М.: ИРИ РАН, 1999. С. 172–173. *Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг.* — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 256, 259.

Даже если брать данные по одной отрасли — чёрной металлургии, видно, насколько дорого обошлись репрессии против директорского корпуса крупных предприятий промышленности СССР в 1937 г.: *снижение выпуска металлургической продукции в 1937 г. на 18–23 % означало срыв многих производственных программ.* Докладная записка Кагановича «деликатно» обходила вопрос о выполнении планов в отраслях машиностроения. Между тем и здесь (в ряде отраслей) 1937 г. стал годом «движения вниз» (табл. 2).

Таблица 2

Производство станков и тракторов в СССР в 1932–1937 гг., тыс. шт.

Вид производства	1932 г.	1936 г.	1937 г. плановый показатель по материалам 2-го 5-летнего плана	1937 г. фактически	% выполнения 2-го 5-летнего плана
Станки	19,7	44, 4	40	36	90
Трактора	52	176	167	80, 3	48

Источник: *Итоги выполнения Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР.* — М.: Госпланиздат, 1939. С. 19; *Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.).* В 2 т. Т. 1. — М.: Госпланиздат, 1934. С. 151.

Снижение выпуска станков на 18% в 1937 г. и тракторов на 52% в сравнении с 1936 г. наглядно показывает глубину расстройств социально-экономической жизни на предприятиях, лишившихся руководящего состава.

По подсчётам работников Госплана, потери валовой продукции промышленности только за счёт простоев и прогулов по неуважительным причинам исчислялись за годы Второй пятилетки в 3 млрд руб., в том числе за один лишь 1937 г. — 1,8 млрд руб. [Маркус, 1939. С. 162]. Простой подсчёт показывает: ежегодная цена простоев и прогулов по неуважительным причинам в 1937 г. (в сравнении с периодом 1933 — 1936 гг.) выросла в шесть раз!

О впечатлении, произведённом на Сталина текстом Докладной записки Кагановича, можно судить по тому, что он, будучи одним из самых близких и верных соратников Сталина, в конце января 1939 г. был лишён поста наркома тяжёлой промышленности СССР, а в марте 1939 г. — и должности секретаря ЦК ВКП(б).

Следует отметить тот факт, что к марту 1939 г. руководство СССР, наряду с пропагандистскими акциями, прославляющими достижения советской индустриализации, смогло более реалистично сравнивать уровень развития отечественной экономики. В документах третьего пятилетнего плана, подготовленных в марте 1939 г. для делегатов XVIII съезда ВКП(б), отмечалось: производство электроэнергии на душу населения в 1937 г. в СССР было в 5,4 раза меньше, чем в США, в 3,4 раза меньше, чем в Германии; выплавка чугуна на душу населения — в 3,4 раза меньше, чем в США, в 2,7 раза ниже, чем в Германии; выплавка стали — в 3,8 раза меньше, чем в США, 2,8 раза меньше, чем в Германии, в 2,7 раза меньше, чем в Англии и в 1,8 раза меньше, чем во Франции; производство бумаги — в 9,9 раза меньше, чем в США, в 8,6 раза меньше, чем в Германии [Третий..., 1939. С. 13–14]. Факт отставания в экономическом отношении от «главных капиталистических стран» был признан советскими лидерами столь же чётко, как и обоснование возможности догнать и перегнать США, Германию и иные западные державы.

Качественные показатели

Во всех партийно-государственных документах 1933–1937 гг., включая резолюции XVII съезда ВКП(б), декларировалась приоритетная задача — «развития хозяйственного расчёта во второй пятилетке». Отражением значимости этого фактора в указанный период стало соответствующее название отдельного раздела четвёртого тома «Истории социалистической экономики СССР» в семи томах [История..., 1978. С. 48–68]. Авторы раздела сообщали: «... в течение первых лет второй пятилетки объективных условий для снижения себестоимости не было», что объяснялось «сложностью реализации в период 1933–1936 гг. освоения новой техники». При этом, «по ориентировочному расчёту, разрыв между отпускной ценой и себестоимостью только по “убыточным отраслям” в НК тяжёлой промышленности в 1935 г. составлял 2,5 млрд руб.» [История..., 1978. С. 49–50]. Собственно говоря, приведённый выше показатель наглядно иллюстрировал, как невысокий уровень управленческой зрелости хозяйственных кадров; степень производственно-технической подготовки специалистов и рабочих, так и сохраняющийся приоритет количественных показателей для руководства СССР. Для понимания масштаба приведённого показателя (2,5 млрд руб.) приведём индикатор капитальных вложений в промышленность СССР за все годы Второй пятилетки — 6,377 млрд руб. [Капитальное..., 1961. С. 66].

Перелом в становлении хозрасчётных отношений, по мнению советских специалистов по экономической истории, был связан с принятием 1 апреля 1936 г. Постановления СНК СССР об отмене дотаций из государственного бюджета ряду отраслей тяжёлой промышленности [История..., 1978. С. 49]. Эта мера была ориентирована на «повышение рентабельности промышленности и использование стоимостных рычагов». Однако насколько реалистичным было заявление, что «отпали расчёты многих руководителей предприятий на государственный кошелёк», а «ответственность каждого предприятия за состояние

своего финансового хозяйства резко повысилась» [Там же. С. 63]? Произошёл ли переход предприятий к бездотационной, безубыточной работе?

Для ускорения процесса бездотационной работы предприятий в апреле 1936 г. был повышен уровень цен в отраслях тяжёлой промышленности, чтобы создать условия для рентабельной работы. В какой мере назрела необходимость в повышении уровня цен, показывает соотношение отпускной цены и себестоимости (до реформы цен в 1936 г.) на некоторые виды продукции: от 51,7% на каменный уголь до 75% на сталь [Там же. С. 50, 54–55]. Если отпускная цена легковой машины М-1 составляла 4 500 руб., то её себестоимость — 9 000 руб., а грузовика ЗИС-5, соответственно, 10 тыс. и 11 тыс. руб. [Поляк, 1940. С. 71].

Новые отпускные цены были построены на уровне средней себестоимости продукции в данной отрасли и с учётом запланированного снижения себестоимости на 1936 г., что должно было обеспечить безубыточную, рентабельную работу предприятий. При этом розничные цены не были повышены [История..., 1978. С. 53, 54]. В реальности это означало, что в апреле 1936 г. в ручном режиме была проведена *разовая акция*, не способная на длительный период связать себестоимость продукции с отпускными ценами. Перед нами две очевидные тенденции: во-первых, уравнивательная — искусственное выравнивание рентабельности «успешных» и «неуспешных» предприятий; во-вторых, ещё одно проявление директивных методов управления. Обе тенденции были весьма далеки от курса на декларируемое повсеместное внедрение хозрасчётных отношений.

Временный характер положительного воздействия такой акции виден из официальных статистических данных: при плане снижения себестоимости промышленной продукции на вторую пятилетку на 26% в действительности оно составило 10,3%. Судя по машиностроению, снижение себестоимости имело место в 1933–1935 гг., затем оно снизилось до 1,2% в 1936 г. и прекратилось в 1937 г. [История..., 1978. С. 146, 160].

Затруднительность бездотационной работы и внедрения хозрасчётных отношений была вызвана рядом причин, в том числе преобладанием в промышленности СССР произвольно назначенных отпускных цен. Так, на машиностроительных заводах они составляли 62% всех норм, на предприятиях сельскохозяйственного машиностроения — 70% [Советская..., 1978. С. 40].

Оторванность системы цен от экономических реалий не была секретом для специалистов. По замечанию историков экономики в «Истории социалистической экономики СССР», «пестрота в уровне рентабельности и отпускных цен сделала необходимым снизить высокие цены до уровня средней рентабельности и соответственно повысить убыточные цены. Пересмотр цен охватил прежде всего угольную промышленность, чёрную металлургию, машиностроение и текстильную промышленность» [История..., 1978. С. 35, 36].

Указанное явление (превышение показателя себестоимости продукции уровня отпускных цен) не ограничилось рамками второй пятилетки. Так, средняя себестоимость тонны угля в I-м квартале 1938 г. составляла 27 руб. 61 коп., а отпускная цена — 18 руб. 82 коп., что обусловило необходимость увеличить государственную дотацию предприятиям каменноугольной промышленности. Следует заметить, что подобное явление было характерно для последующих лет в ряде отраслей промышленности. В этой связи показателен новый прецедент цен, введённый решением Экономсовета при Совнаркомом СССР с января 1940 г. Он предусматривал снижение цен на одни виды продукции (до 30%) и повышение цен на другие группы изделий, чтобы «свести к минимуму число нерентабельных видов продукции» [История..., 1978. С. 38].

Бодрый вывод, что значительное улучшение качественных показателей за годы второй пятилетки «создало возможность прекращения государственной бюджетной дотации многим отраслям тяжёлой промышленности. За исключением отраслей добывающей промышленности (каменноугольная, рудная, торфяная) почти все отрасли тяжёлой промышленности в 1936 и 1937 гг. получали прибыль», не подтверждается какими-либо

статистическими данными. Настораживает и следующий за «фрагментом оптимизма» абзац: «вместо экономии, лесная промышленность допустила за годы Второй пятилетки перерасход государственных средств. Недовыполнение в целом по всей промышленности установленного Вторым пятилетним планом задания по размеру экономии от улучшения качественных показателей определялось, главным образом, перерасходом государственных средств» [Итоги..., 1939, С. 30–31].

Наконец, для учёных-экономистов предвоенной поры не был тайной искусственный характер подсчёта прибыли на советских предприятиях: «прибыль рассчитывалась условным методом и часто оказывалась неточной» [Поляк, 1940. С. 71]. Таким образом, декларируемая, как приоритетная, задача — *повсеместное* развитие хозяйственного расчёта во второй пятилетке и на этой основе переход к бездотационной работе предприятий — в условиях директивной экономики осталась на уровне пожеланий.

Во всех плановых документах второй пятилетки *проблема качества промышленной продукции* выдвигалась на первый план, как одна из важнейших в ходе «борьбы за совершенствование социалистического производства, за укрепление хозрасчёта». Правда, обращал на себя внимание такой факт: в отдельном разделе второго пятилетнего плана — «Себестоимость и качество продукции» — *на 25 страницах практически не упоминалась тема качества продукции* [Второй..., 1934, С. 355–380].

Периодически в открытом доступе появлялись отдельные сведения о потерях от брака, но в заниженных оценках. Так, в докладе заместителя председателя СНК СССР Н.А. Булганина на XVIII съезде ВКП(б) отмечалось: в 1937 г. потери от брака составили в целом по машиностроению 447 млн руб., или 1,6% от стоимости выпуска продукции машиностроения» [XVIII, 1939. С. 364, 365]. Однако потери от брака в отрасли были существенно выше: по данным журнала «Проблемы экономики» в 1937 г. «брак достигал 13% и выше от стоимости выпуска продукции машиностроения» [Федулов, 1939. С. 125].

Высокий уровень бракованной продукции превратился в перманентную черту довоенной экономической жизни. Судя по справке, составленной для высшего руководства СССР о ходе выполнения третьего пятилетнего плана, за 1938–1940 гг. потери от брака в промышленности составили 5,9 млрд руб., из них 4 млрд руб. — в машиностроении, включая оборонное производство. Каждая десятая тонна выплавленного чугуна была признана бракованной³. Всё это показывало, какие большие резервы экономии имелись в промышленности, насколько значительны были возможности снижения себестоимости продукции и увеличения накоплений.

Одним из наиболее существенных достижений советской экономики стало *уменьшение зависимости от импортных поставок* машин и оборудования, металлов и сырья. В результате успехов в развитии промышленности за годы второй пятилетки был прекращён импорт сельскохозяйственных машин и тракторов, паровозов, вагонов, врубных машин, многих других видов оборудования и сырья [Итоги..., 1939. С. 28–29]. Общий объём импорта снизился с 3 084 млн руб. в 1932 г. до 1 341 млн руб. в 1937 г. [Индустриализация..., 1999. С. 28–29]. В частности, импорт машин и оборудования за 1932–1937 гг. сократился с 435 тыс. т, до 113 тыс. т, в том числе, металлорежущего оборудования — с 106,1 тыс. т до 30,5 тыс. т [Внешняя..., 1960. С. 334, 368]. Характерная черта: если в 1932 г. на собственное производство приходилось 22% оборудования для оснащения строящихся заводов, остальное надо было закупать за рубежом, то в 1937 г. это соотношение изменилось кардинально: 91% — отечественного производства, 9% — импортное. К концу второй пятилетки в общем потреблении страны удельный вес импортной продукции не превышал 1% [Айзенштад, Чихачев, 1957, С. 216, 283]. Факт превращения СССР в экономически независимую державу неоспорим — и это достижение индустриального рывка в годы первых двух пятилеток.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 293. Л. 35.

Однако говорить о полном освобождении от импортных поставок было бы преждевременно, да и нецелесообразно. Доля ввезённых из-за границы станков в 1933–1937 гг. не превышала 14% от числа станков, поступивших на предприятия советской промышленности, но она включала наиболее сложные, специальные (тяжёлые) станки германского производства [Касьяненко, 1972. С. 196, 198]. Проблема заключалась не только в количестве: по оценке советских экономистов в 1937 г. в СССР выпускалось 300 типоразмеров станков, в том числе немало устарелых, тогда как в США — 3 000 [Сухаревский, 1940. С. 26].

При общей потребности в автомобильном листе в 1937 г. в 80 тыс. тонн, импортировалось 35 тыс. тонн, или 44%. Нехватка цветных металлов отрицательно сказывалась на производстве в электротехнической и оборонной промышленности. Импортная независимость была достигнута только по алюминию, цинку и магнию. Доля импорта в производственном потреблении СССР в 1937 г. составляла: олова — 88%, никеля — 70,5, меди — 24,6, свинца — 23,6% [Касьяненко, 1972. С. 200, 209].

Годы второй пятилетки стали временем превращения СССР в *развитую научную державу*. Следует отметить рост научных сил страны: количество научных сотрудников Академии наук СССР выросло с 871 в 1932 г. до 3 003 человек в 1937 г. [Комков, 1974. С. 326].

Если до 1932 г. научные учреждения были сосредоточены главным образом в Москве и Ленинграде, то в годы Второй пятилетки они были созданы и на периферии. Комплексными научно-исследовательскими институтами, группирующими вокруг себя местных научных работников и содействующими культурному строительству республик, стали филиалы и базы Академии наук СССР на местах. К 1936 г. Академия имела следующие филиалы: Уральский (Свердловск), Дальневосточный (Владивосток), Казахстанский (Алма-Ата) и базы в Таджикистане (Сталинабад), на Кольском полуострове (Кировск) и в Архангельске. При Президиуме Академии наук СССР был создан Комитет по заведению филиалами и базами, возглавляемый её вице-президентом В.Л. Комаровым. Это позволило провести ряд Всесоюзных конференций по проблемам, находящимся в эпицентре мировой науки: по атомному ядру (1933 и 1937 гг.); по автоматике и телемеханике (1935) и т.д. Всемирное признание получили труды советских математиков, физиков, химиков, биохимиков, физиологов [Комков, 1974. С. 320, 331].

Однако насколько быстро достижения науки внедрялись в производство? Проблема была столь острой, что о ней говорили и на официальных мероприятиях. Соотношение числа выданных патентов промышленного характера в СССР и в развитых капиталистических государствах за 1936–1939 гг.: в США — 50 тыс., в Германии — 16,5 тыс., а в СССР — 4 тыс.⁴ не свидетельствовало о превосходстве в этой сфере социалистического государства.

Сдвиг промышленности на Восток был весомой частью советского индустриального проекта. Согласно второму пятилетнему плану в районы Урала, Сибири, Дальневосточного края, Закавказья и Средней Азии в период 1933–1937 гг. планировалось направить 40% общих капитальных вложений в народное хозяйство [История..., 1978. С. 315]. Увеличение доли Восточных районов СССР в общесоюзном промышленном производстве было, на первый взгляд, не столь ощутимым: с 17% в 1932 г. до 21,7% в 1937 г.⁵, но оно фиксировало не столько позитивный сдвиг, сколько процесс создания индустриальной базы, потенциал которой раскрылся за пределами второй пятилетки.

Достижения и недостатки сдвига промышленности на Восток рассмотрим на примере гражданского машиностроения. Насколько были выполнены планы развития гражданского машиностроения за 1933–1937 гг.? Запуск заводов гигантов — Уралмаша, Уралвагонзавода, Челябинского тракторного, Пермского авиамоторного заводов и др. — свидетельствовал

⁴ Выступление Первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1938–1952 гг.) Н.А. Михайлова на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) // Правда. 1941. 22 февраля. С. 3.

⁵ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 132.

о создании новой крупной машиностроительной базы на Востоке страны, потенциал которой находился в процессе освоения.

За годы второй пятилетки удельный вес продукции машиностроительных заводов Урала и Западной Сибири поднялся с 6,46% в 1932 г. до 8,44% в 1936 г. [*Итоги...*, 1934. С. 45, 116], и потому говорить о глобальном сдвиге было бы преждевременно. Производство наиболее сложных машин и аппаратуры гражданского и особенно военного назначения по-прежнему концентрировалось в столичных регионах и на крупных предприятиях Украины. Если на долю Ленинграда в 1937 г. приходилось 20% отраслевой продукции машиностроения и металлообработки, то на всю Сибирь и Дальний Восток — только 2,4% [*Итоги...*, 1934. С. 115].

В эти годы изменилась типологизация машиностроения. Из так называемого производственного машиностроения выделились в самостоятельные отрасли станкостроение, дизелестроение, котлостроение, турбиностроение, химическое машиностроение, текстильное, кожевенно-обувное, пищевое и т.д. Транспортное машиностроение разделилось на составные части: паровозо- и вагоностроение, речное судостроение. Соответственно, машиностроительные заводы и предприятия металлообработки более отчётливо специализировались по типам выпускаемой продукции. Наметившаяся в годы первой пятилетки отраслевая специализация экономических районов углубилась. На Востоке страны, вблизи угольно-металлургических месторождений, строились главным образом предприятия с металлоёмким производством (паровозо-, вагоно-, тракторостроение, котлостроение). Так, например, перенос большей части выпуска тракторов в Сталинград, Харьков и Челябинск позволил Ленинграду, который изначально был одним из центров отечественного тракторостроения, сосредоточиться на выпуске менее металлоёмких, лёгких типов тракторов — для пропашных работ. В целом же машиностроительные предприятия обеих столиц фокусировались на выпуске более сложной наукоёмкой продукции (например, авиастроении, производстве станков-автоматов и полуавтоматов для лёгкой промышленности и пр.), что объяснялось наличием у них необходимых квалифицированных кадров [*Розенфельд, Клименко, 1961. С. 264, 311, 321*],

Развитие оборонно-промышленного комплекса в годы второй пятилетки следует оценить, как противоречивое. С одной стороны, государство прилагало титанические усилия по приоритетному развитию комплекса. Если в общем объёме капитальных вложений в промышленность в 1936 г. на долю Наркомата оборонной промышленности приходилось 25,2%, то в 1937 г. уже 52,5% [*Симонов, 1996. С. 98*]. Сама консолидация усилий по модернизации оборонно-промышленного комплекса способствовала созданию Народного Комиссариата обороной промышленности, образованного 8 декабря 1936 г.

С другой стороны, очевидны глубокие территориальные диспропорции в развитии оборонно-промышленного комплекса. К концу Второй пятилетки из 219 производственных предприятий, относившихся к Наркомату оборонной промышленности (по состоянию на 1 января 1938 г.) 68 (31 %) — дислоцировались в Москве и Московской области; 38 (17,3%) — в Ленинграде. В краях и областях Урала, Сибири и Дальнего Востока находились 30 предприятий (13,6 %), а на стратегически опасном юго-западном направлении (области Украины) — 26 оборонных предприятий (11,8 %) [*Симонов, 1996. С. 98*]. В работе Симонова не указано, где находились ещё 57 (26,3%) предприятий, подведомственных Наркомату оборонной промышленности. Это главным образом Поволжье, Северные районы СССР, Центральный чернозёмный округ, Казахстан, Республики Кавказа и Средней Азии.

С учётом близости Ленинграда к границе на Северо-Западе и концентрации военных заводов в Москве и Московской области схема расположения была далека от выполнения задач Советского правительства. Вывод ряда историков весьма категоричен — «размещение военной промышленности было крайне уязвимым в случае войны [*Великая...*, 2012. С. 507], и он подтвердился в 1941 г. Столь разительные региональные отличия (даже среди ведущих индустриальных центров) во многом объяснялись концентрацией в Московской

и Ленинградской областях предприятий военной промышленности, обладавшей передовыми технологиями [Там же. С. 597]; расположением в столицах большинства высших учебных заведений; традициями управленческой практики.

В опубликованных официальных источниках выборочно освещался вопрос о *механизации трудоёмких процессов*. Так, «Итоги выполнения Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», опубликованные в 1939 г., фактически информировали только о показателях механизации заготовки и доставки угля в каменноугольной отрасли, соответственно — 89,6 и 84,4%, работ на заготовках торфа — на 75%. В обтекаемой форме говорилось о «серьёзных недостатках в деле механизации труда в лесозаготовительной и рудной промышленности» [Итоги..., 1939. С. 21–22].

В то же самое время специалисты на страницах экономических журналов давали куда более критическую оценку состояния механизации в индустрии СССР. В частности, отмечался низкий уровень механизации трудоёмких процессов в чёрной металлургии, где «около 35% всего чугуна выплавляется в печах, в которых производятся вручную или частично механизированы основные трудоёмкие процессы (загрузка печей, доставка шихты)». Наиболее острой оставалась ситуация в лесной промышленности: механизированная вывозка составляла в 1937 г. всего 32,4% всей вывозки. «Здесь на малопродуктивной и тяжёлой работе была занята ежегодно более чем полумиллионная армия рабочих» [Сухаревский, 1940, С. 23–24].

Приведённая информация свидетельствовала о частичном выполнении задачи Второго пятилетнего плана — «к концу Второго пятилетия добиться завершения в основном механизации всех трудоёмких и тяжёлых процессов в промышленности (чёрная металлургия, каменноугольная промышленность, торфяная промышленность, строительство и добыча местных стройматериалов, лесозаготовки)» [Второй..., 1934. С. XXXIII].

Произошёл определённый сдвиг в механизации сельского хозяйства, но показатели механизации (посевных работ в 1937 г. — 51,1%, уборки зерновых культур комбайнами — 33,6% [Третий..., 1939. С. 222]) были в полтора — два раза ниже индикаторов, намеченных во втором пятилетнем плане на 1937 г., и говорили, скорее, о начальном этапе реконструкции сельской экономики. Показателен пример автомобилизации сельской экономики: в 1937 г. в сельском хозяйстве СССР работали 103 тыс. грузовых автомобилей, тогда как в США — 900 тыс. [Сухаревский, 1940, С. 23–24].

Специфическим было и освещение *электровооружённости труда*. По данным такого источника, как «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» электровооружённость труда в киловатт-часах на одного рабочего составила в 1937 г. 5 700 квт/ч при задании второго пятилетнего плана в 5 300 квт/ч. [Итоги..., 1934. С. 21]. Однако третий пятилетний план приводит совершенно иной показатель — 4 370 квт/ч на одного рабочего в 1937 г. [Третий..., 1939. С. 43], или 82% от запланированного показателя. В этом наглядно проявилась специфика советской плановой статистики: для демонстрации стремительного роста в предстоящий период, допускалась возможность сообщить («невзначай») правду о «дне вчерашнем».

Ни в одном официальном документе не было упоминания о «теневой экономике» в СССР. Между тем годы второй пятилетки стали временем дальнейшего слияния командной экономики с теневой, и задача сохранения видимости централизованного управления системой допускала поведение, в сущности, противоречившее ей [Мерль, 2017. С. 314]. Выяснилось, что командная экономика не может существовать без рынка, даже крайне искажённого. Он помогал ей выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы [Осокина, 2008, С. 13].

Вынужденное осмысление реальности заставило советское руководство, наряду с репрессивными мерами, сделать ставку на более рациональные методы управления. В отчётах об итогах выполнения второго пятилетнего плана ничего не говорилось о воздействии Всесоюзных Совещаний хозяйственников в 1931, 1934, 1935 и 1936 гг. на изменение содержания

экономического курса государства. Между тем на указанных Совещаниях хозяйственников была выработана относительно сбалансированная экономическая политика 1933–1936 гг., способствовавшая достижению значительных позитивных результатов: «размораживанию» строительных объектов, вводу в строй и освоению производственных мощностей, выполнению основных производственных заданий второй пятилетки [Фельдман, 2024].

Трагическая гибель практически всех участников Всесоюзных Совещаний хозяйственников, значительной части директорского корпуса — подлинных творцов индустриализации, так же как и представителей партийно-государственной номенклатуры в 1937 г., стала тяжёлым ударом по экономике страны, но не привела к сокрушительной катастрофе СССР.

Основные мысли представителей директорского корпуса, озвученные на Всесоюзных Совещаниях хозяйственников, были подхвачены учёными-экономистами в 1939–1940 гг. Выделим главные положения:

- ▶ о несовершенстве планового показателя (по объёму валовой продукции) и необходимости замены его показателем товарной продукции [Турецкий, 1940];
- ▶ о том, что «неизменные цены являются довольно несовершенным инструментом, так как не обеспечивают выявления ассортиментных особенностей выпускаемой продукции» [Поляк, 1940. С. 71];
- ▶ о главном принципе ценообразования (цена должна отталкиваться от величины себестоимости, прибыли, налога с оборота) [Поляк, 1940. С. 72];
- ▶ о порочности существующей банковской системы кредитов, поскольку «банк, по существу, механически восполняет за счёт кредита часть нормативов по незавершённому производству» (т.е. оплачивает и недопоставленную продукцию) [Ситкин, Симкин, 1940. С. 28];
- ▶ о невостребованности сверхплановой продукции («изготовленные сверх программы детали машин никому не нужны») [Федулов, 1939, С. 71].

Идеи могут переживать людей. Преемники директоров, не переживших 1937 г., впоследствии выиграют войну в тылу [Фельдман, 2025].

Заключение

У итогов выполнения второго пятилетнего плана многоликая, многоплановая судьба. Выделим её важнейшие характеристики. Она:

Величественная — колоссальный труд; огромные капиталовложения; научный и управленческий поиск; возможности централизованного управления — дали результат: создание гигантского индустриального потенциала в СССР. Первого в Европе, второго — в мире [Итоги..., 1939. С. 13].

Следует отметить, что по директивам второго пятилетнего плана в 1937 г. по уровню промышленного производства СССР должен был занять первое место в Европе, за исключением выпуска продукции в двух отраслях — угольной и автомобильной. В реальности в 1937 г. СССР уступал Германии по производству стали, чугуна, цемента, электроэнергии, алюминия, автомашин, добыче угля [Итоги..., 1939. С. 14]. Первенство Германии в Европе по названным видам продукции позволяет сделать вывод о близости индустриальных потенциалов в СССР и в Германии в 1937 г. Если брать количественные показатели, аналогичный вывод можно сделать и при сопоставлении рабочих социумов двух держав [Фельдман, 2009].

Следует согласиться с мнением авторов фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны: «состояние советской военной промышленности не выглядело предпочтительнее военно-экономического потенциала любой из индустриально развитых стран» [Великая..., 2012. С. 509]. В то же время, СССР обогнал Германию по уровню производства всех основных видов вооружения и военной техники кроме самолетов, боевых

кораблей и автоматического стрелкового оружия. Военно-технический потенциал СССР позволял противостоять агрессору — и это была заслуга народа и руководства страны.

Прерывистая — динамичное развитие экономики в 1933–1936 гг. сменялось кризисными явлениями в 1937 г.

Противоречивая — сдвиг промышленности на Восток сопровождался концентрацией там заводов с металлоёмким производством, а в столицах — предприятий, выпускающих более сложную наукоёмкую продукцию.

Признак великой державы — уменьшение зависимости от импортных поставок машин и оборудования, металлов и сырья, не избавил СССР от закупок за рубежом ряда технологически сложных изделий.

Декларируемая как приоритетная задача — повсеместное развитие хозяйственного расчёта во второй пятилетке и на этой основе переход к бездотационной работе предприятий — в условиях директивной экономики осталась на уровне пожеланий.

Мифологическая — выводы о завершении социалистической индустриализации к 1937 г., о создании в СССР материально-технической базы социализма были основаны на субъективном, идеологизированном толковании ряда количественных показателей.

Трагическая — репрессии 1937 г. стоили жизни значительной части директорского корпуса, как и многим представителям партийно-государственной номенклатуры, что привело к хаосу в экономической жизни.

Оптимистическая — корневая база управленческого корпуса в экономике оказалась сильнее репрессивного вала и вынесла наверх новую когорту «командиров производства». Освоенные в 1933–1936 гг. новые производственные мощности стали основой для укрепления индустриального потенциала страны в предвоенный период.

Невыполненные задачи второго пятилетнего плана, их осмысление учёными, специалистами и управленцами легли в основу новых плановых документов, прежде всего третьего пятилетнего плана. Оценка итогов выполнения Второго пятилетнего плана в выступлениях руководителей страны на XVIII съезде ВКП(б), наряду с мифологическими характеристиками, содержала и рациональные суждения. Последние открыли дорогу критическим обзорам различных сфер народного хозяйства СССР в статьях, публиковавшихся в экономических журналах 1939 — первой половины 1941 гг. В них нашли отражение и процессы созидания в годы второй пятилетки, и критическое осмысление ряда негативных факторов, что открывало пути поиска решения так и не выполненных задач.

ЛИТЕРАТУРА

- XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939. (1939). — М.: Партиздат.
- Айзенштадт Л.А., Чихачев С.А. (1957). *Очерки по истории станкостроения СССР*. — М.: Государственное научно-техническое издательство.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. *Происхождение и начало войны*. (2012). — М.: Кучково поле.
- Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). В 2 т. (1934). — М.: Госпланиздат.
- Индустриализация Советского Союза. *Новые документы. Новые факты. Новые подходы*. Ч. 2. (1999). — М.: ИРИ РАН. URL: https://IndustrializatsiaSovetskogo_Soyuza_II_1999.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
- История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 2. *Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 гг.* (1984). — М.: Наука.
- История социалистической экономики: в 7 т. Т. 4. *Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в России. 1933–1937 гг.* (1978). — М.: Наука.
- Итоги выполнения Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. (1939). — М.: Госпланиздат.
- Капитальное строительство в СССР. (1961). Стат. сб. — М.: Госстатиздат.
- Касьяненко В.И. (1972). *Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940)*. — М.: Политиздат.
- Комков Г.П. (1974). *Академия наук СССР. Кратк. исторический очерк*. — М.: Наука.
- Лельчук В.С. (1975). *Социалистическая индустриализация СССР и её освещение в советской историографии*. — М.: Наука.

- Маркус Б.Л. (1939). Узловые вопросы организации труда в третьей пятилетке // *Проблемы экономики*. № 3. С. 152–166.
- Мерль Ш. (2017). Советская экономика: современные оценки // *Экономическая история*. Ежегодник. — М.: ИРИ РАН. С. 303–343.
- Осокина Е.А. (2008). За фасадом «сталинского изобилия». *Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941*. — М.: РОССПЭН.
- Поляк Г. (1940). Баланс доходов и расходов народнохозяйственных организаций // *Плановое хозяйство*. № 7. С. 70–82.
- Розенфельд Я.С., Клименко К.И. (1961). *История машиностроения СССР*. — М.: Изд-во АН СССР.
- Симонов Н.С. (1996). *Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление*. — М.: РОССПЭН.
- Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг.* (1963). — М.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Ситкин В., Симкин З. (1940). Усилить контроль рублём в тяжёлой промышленности // *Плановое хозяйство*. №2. С. 21–32.
- Сухаревский Б. (1940). Машиностроение и основная экономическая задача СССР // *Плановое хозяйство*. № 6. С. 12–29.
- Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.)*. (1939). — М.: Госпланиздат.
- Турецкий Ш. (1940). Некоторые вопросы народнохозяйственного планирования. // *Проблемы экономики*. 1940. № 7. С. 65–81.
- Федулов В. (1940). О незавершённом производстве и борьбе с браком // *Плановое хозяйство*. №. 12. С. 120–133.
- Фельдман М.А. (2009). Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительные характеристики // *Российская история*. № 6. С. 79–93.
- Фельдман М.А. (2024) Секретное Совещание в ЦК ВКП (б) 22–23 июня 1931 г. — поиск нового экономического курса // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 197–214.
- Фельдман М.А. (2025). К вопросу о феномене Всесоюзных Совещаний хозяйственников в 1931–1936 гг. // *Экономическая история: Ежегодник. 2024/25*. — М.: ИРИ РАН. С. 342–365.
- Хлевнюк О.В. (2010). *Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. — М.: РОССПЭН.
- Хлевнюк О.В. (2016). *Сталин. Жизнь одного вождя*. — М.: РОССПЭН.
- The Industrialisation of Soviet Russia Vol. 7: The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939*. (2018). — L.: Лондон: Macmillan Publishers.

REFERENCES

- XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b). March 10–21, 1939*. (1939). — М.: Partizdat. (In Russ.)
- Capital Construction in the USSR*. (1961). Statistical Collection. — М.: Gosstatizdat. (In Russ.)
- Eisenstadt L. A., Chikhachev S. A. (1957). *Essays on the history of machine tool industry of the USSR*. — М.: State Scientific and Technical University published. (In Russ.)
- Fedulov V. (1940). On Unfinished Production and the Fight Against Defects // *Planned Economy. (Planovoe hozyajstvo)*. No. 12. Pp. 120–133. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2009). Workers in the USSR and Germany by June 1941: Comparative Characteristics // *Russian History. (Rossijskaya istoriya)*. No. 6. Pp. 79–93. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2024). Secret Meeting in the Central Committee of the CPSU (6) June 22–23, 1931 — search for a new economic course // *Issues of Economics Theory. (Voprosy teoreticheskoy ekonomiki)* No. 4. Pp. 197–214. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2025). On the Phenomenon of the All-Union Conferences of Businessmen in 1931–1936 // *Economic History: Yearbook*. 2024/25. — М.: IRI RAN. Pp. 342–365. (In Russ.)
- History of the Socialist Economy: In 7 vols. Vol. 4. The Completion of the Socialist Transformation of the Economy. The Victory of Socialism in Russia. 1933–1937* (1978). — М.: Nauka. (In Russ.)
- Industrialization of the Soviet Union. New Documents. New Facts. New Approaches*. Part 2. (1999). — М.: IRI RAN. (In Russ.)
- Kasyanenko V.I. (1972). *The Conquest of Economic Independence of the USSR (1917–1940)*. — М.: Politizdat. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. (2010). *The Owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship*. — М.: ROSSPAN. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. (2016). *Stalin. The Life of a Leader*. — М.: ROSSPEN. (In Russ.)
- Komkov G. (1974). *Academy of Sciences of the USSR: A brief historical sketch*. — М.: Nauka. (In Russ.)
- Lechuk V.S. (1975). *Socialist Industrialization of the USSR and Its Coverage in Soviet Historiography*. — М.: Nauka. (In Russ.)
- Marcus B. L. (1939). Key Issues in the Organization of Labor in the Third Five-Year Plan // *Problems of Economics. (Problemy ekonomiki)*. No. 3. Pp. 152–166. (In Russ.)
- Merle S. (2017). The Soviet Economy: Contemporary Assessments // *Economic History: Yearbook*. — М.: IRI RAN Pp. 303–343. (In Russ.)

- Osokina E. A. (2008). *Behind the Facade of Stalin's Abundance. Distribution and the Market in the Supply of the Population during the Years of Industrialization. 1927–1941.* — М.: ROSSPEN. (In Russ.)
- Polyak G. (1940). Balance of Incomes and Expenses of National Economic Organizations // *Planned Economy. (Planovoe hozyajstvo)*. No. 7. Pp. 70–82. (In Russ.)
- Results of the Second Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR.* (1939). — М.: Gosplanizdat. (In Russ.)
- Rosenfeld Ya. S., Klimenko K. I. (1961). *History of Mechanical Engineering in the USSR.* — М.: USSR Academy of Sciences Publishing House. (In Russ.)
- Simonov N. S. (1996). *The Military-Industrial Complex of the USSR in the 1920s–1950s: Economic Growth Rates, Structure, Production Organization, and Management.* — М.: ROSSPEN. (In Russ.)
- Sitkin V., Simkin Z. (1940). Strengthening Ruble Control in Heavy Industry // *Planned Economy. (Planovoe hozyajstvo)*. No. 2. Pp. 21–32. (In Russ.)
- Sukharevsky B. (1940). Mechanical Engineering and the Main Economic Task of the USSR // *Planned Economy. (Planovoe hozyajstvo)*. No. 6. Pp. 12–29. (In Russ.)
- The Great Patriotic War of 1941–1945.* In 12 vols. Vol. 2. *The origin and the beginning of the war.* (2012). — М.: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
- The History of the Soviet working class:* in 6 vols. Vol. 2. *The working class is the leading force in building a socialist society. 1921–1937* (1984). — М.: Nauka. (In Russ.)
- The Industrialisation of Soviet Russia.* Vol. 7. *The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939.* (2018). — London: Macmillan Publishers.
- The Second Five-Year Plan for the Development of the USSR National Economy (1933–1937),* In 2 vols. (1934). — М.: Gosplanizdat. (In Russ.)
- The Socialist National Economy of the USSR in 1933–1940* (1963) — Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
- The Third Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1938–1942).* (1939). — М.: Gosplanizdat. (In Russ.)
- Turetsky Sh. (1940). Some Issues of National Economic Planning. // *Problems of Economics. (Problemy ekonomiki)*. 1940. No. 7. Pp. 65–81. (In Russ.)

Фельдман Михаил Аркадьевич

ORCID: 0000-0001-9825-6650

feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of History, Professor, Ural Institute of Management — branch of RANEPА, (Yekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-9825-6650

feldman-mih@yandex.ru

THE SECOND FIVE-YEAR PLAN AND ITS IMPLEMENTATION IN 1933–1937: A MULTIFACETED FATE

Abstract. The article is devoted to the assessment of the results of the Second Five-Year Plan for the development of the USSR national economy in 1933–1937. The evolution of ideas about the results of the Second Five-Year Plan is considered. The complexity of understanding this issue is still related to the durability and longevity of the mythological characteristics of the Soviet Industrial Project, the ideologization of achievements, and the concealment of failures. Based on a comparison of published and unpublished data, it was concluded that of the 27 most important types of production, only three (steel, manganese ore, and synthetic rubber) met the five-year targets. The data on the scale of the damage caused by the 1937 repressions to the Soviet economy were systematized. The article analyzes the implementation of the Second Five-Year Plan in terms of quality indicators (the use of cost-accounting relations; increasing the profitability of industry and using cost levers; improving the quality of industrial products; reducing dependence on imported machinery and equipment, etc.). The article reveals the extent and significance of the impact of the All-Union Conferences of Businessmen in 1931, 1934, 1935, and 1936 on the change in the economic policy of the state: The article discusses the development of a relatively balanced economic policy in 1933–1936, which contributed to the achievement of significant positive results and the fulfillment of the main production targets of the Second Five-Year Plan. The directorate of industrial enterprises in the USSR is considered as the main subject of the Soviet Industrial Project. The article makes a well-founded conclusion about the creation of a gigantic industrial potential in the USSR, which is comparable to that of developed capitalist countries in many quantitative indicators.

Keywords: USSR, Second Five-Year Plan, economic policy, five-year plans, industrialization, state administration, socioeconomic transformations, and repressions.

JEL: B24, N44.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О.М. Самойлов

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), (Москва)

А.Н. Татарко

д.психол.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), (Москва)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Аннотация. Аннотация. В статье представлен теоретический обзор литературы за последние десять лет, посвящённый анализу социально-психологических факторов доверия искусственному интеллекту. Повсеместное внедрение автоматизированных ИИ-систем, связанное с ожидаемым экономическим ростом, снижением ресурсных затрат и оптимизацией ряда рабочих процессов, на практике зачастую сталкивается с недоверием пользователей к новым инструментам и отсутствием готовности трансформировать классические рабочие процессы. Совокупность факторов снижения доверия к искусственному интеллекту приводит к низкой экономической эффективности внедрения инноваций, несмотря на широкие технические возможности. Помимо важности учёта когнитивных и аффективных факторов доверия искусственному интеллекту, особую значимость приобретают социально-психологические аспекты, которые определяют этическую и ценностную приемлемость использования автоматизированных ИИ-систем. В рамках теоретического анализа было обнаружено, что индивидуализирующие моральные основания положительно связаны с доверием искусственному интеллекту в ситуациях, когда применение ИИ-систем приносит пользу обществу. Пользователи, отдающие приоритет спланированным моральным основаниям, проявляют большее недоверие к искусственному интеллекту и меньшую готовность делегировать часть задач автоматизированным ассистентам. Ценности «Открытости изменениям» и «Самопреодоления» в большей степени положительно связаны с доверием к ИИ и цифровым инновациям, исключая ситуации высокого риска для жизни или социальной несправедливости. Ценности «Самоутверждения» также положительно связаны с доверием ИИ-инструментам, но преимущественно в ситуациях, когда искусственный интеллект упрощает достижение целей пользователя или расширяет возможности человека для этого. Между ценностями «Сохранения» и доверием искусственному интеллекту наблюдается неоднородная структура связей, обусловленная культурными особенностями. Хотя необходимо отметить, что именно ценности «Сохранения» чаще всего рассматриваются в качестве предикторов недоверия автоматизированным ИИ-системам. Обсуждается важность рассмотрения ценностной конгруэнтности между пользователями и воспринимаемыми профилями нейросетей. Для разработчиков ИИ-систем обнаруживается необходимость уделять особое внимание возможностям адаптивной персонализированной настройки ценностных профилей генеративных моделей под пользователей, что приведёт к повышению эффективности взаимодействия системы человек-машина. Подчёркиваются перспективы исследований данной области в рамках разработки системной модели доверия искусственному интеллекту.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-52).

^{This} article is an output of a research project HSE-BR-2025-52 implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

Ключевые слова: доверие, искусственный интеллект, социально-психологические факторы, ценности, моральные основания.

JEL: O33, D83, M15, A13, Z13

УДК: 159.9, 316.6

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_209_228

© О.М. Самойлов, А.Н. Татарко, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Самойлов О.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы доверия искусственному интеллекту: состояние исследований // Вопросы теоретической экономики. 2026. №2. С. 209–228. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_209_228.

FOR CITATION: *Samoilov O., Tatarko A. Socio-Psychological Factors of Trust in Artificial Intelligence: State of Research // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 2. Pp. 209–228. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_209_228.*

Введение

С каждым годом инструменты искусственного интеллекта (ИИ) всё стремительнее находят применение в реальных практических задачах, значительно трансформируя экономические системы и социальное взаимодействие. Новые ИИ-инструменты становятся неотъемлемой частью повседневной жизни и профессиональной деятельности — от умных устройств и медиа-платформ до глобальных логистических систем [Stein et al., 2024]. Нейросетевые технологии позволяют изменять функционирование экономики на макроуровне, посредством автоматизации как рутинных процессов, так и сложных когнитивных задач [Aghion, Jones, Jones, 2017]. Несмотря на это, общество с осторожностью относится к активному внедрению ИИ. К наибольшим рискам при использовании нейросетей относят этические проблемы, связанные с конфиденциальностью данных, галлюцинациями, моральным статусом ИИ, ложным приписыванием авторства [Stein et al., 2024; Bai, Yang, 2025]. Экономическая эффективность внедрения инструментов ИИ в классические рабочие механизмы во многом зависит не только от технологической готовности и производительности, но и от моральной релевантности использования ИИ-инструментов в привычных социальных структурах [Panari Lorenzi, Mariani, 2021]¹. Несоответствие между существующим технологическим потенциалом и его восприятием подчёркивает значительную важность исследования социально-психологических факторов, влияющих на доверие к современным технологиям у представителей разных демографических групп.

Существующие прогностические исследования дают основания полагать, что применение ИИ может значительно ускорить производительность труда и снизить затраты [Макаров, 2020]. Особенно это касается сфер, которые характеризуются активной работой с данными, в том числе финансовых услуг, здравоохранения, профессиональных консультаций, аналитики и других информационно зависимых сфер. Однако недавно реализованные экономические исследования демонстрируют, что 95% проектов по внедрению ИИ крупными компаниями не привели к увеличению прибыли или снижению затрат, несмотря на полную технологическую оснащённость [Massachusetts Institute of Technology, 2025]. У таких результатов две основные причины. С одной стороны, существует пробел в обучении генеративных систем конкретным рабочим задачам и недостаток опыта у сотрудников по «обучению» ИИ-инструментов [Filippucci et al., 2024]. С другой стороны, обнаруживается проблема доверия к нейросетям не только у руководителей организаций, но и у работников, и обычных пользователей цифровых инструментов [Vuori, Burkhard, Pitkäranta, 2025; Zhang et al., 2025].

¹ В настоящей работе акцент сделан в целом на анализе социально-психологических факторов доверия к ИИ. Свои особенности имеет влияние доверия к ИИ на экономические процессы, но это тема специального исследования, которое во многом должно опираться на результаты, полученные при рассмотрении общих социально-психологических проблем, связанных с доверием людей к ИИ.

В контексте ИИ доверие рассматривается с точки зрения двух различных аналитических позиций: как доверие непосредственно к инструментам ИИ, так и к социальным институтам, которые разрабатывают и внедряют различные инновационные решения во взаимодействия с ИИ [Петрунин, Нуралиева, 2025]. Именно доверие является одним из ключевых механизмов снижения воспринимаемых рисков и угроз от ИИ, а также облегчает делегирование контроля чат-ботам и другим инструментам [Wen, Wang, Chen, 2025]. Однако восприятие рисков от ИИ имеет две противоположные стороны: чрезмерное доверие и недоверие. С одной стороны, чрезмерное доверие снижает осторожность людей и может приводить к совершенно разным негативным последствиям [Robinette et al., 2016]. С другой стороны, патологическое недоверие ИИ, к примеру, вызванное положительным отношением к конспирологическим теориям, искажает восприятие возможных рисков технологического поведения, что отрицательно отражается на готовности пользоваться различными ИИ-инструментами [Казун, Поринев, 2021; Stein et al., 2024]. С экономической точки зрения доверие к автоматизированным системам обуславливает поведенческие проявления готовности использовать технологию с последующей экономической выгодой, в то время как недоверие алгоритмам, напротив, связано с недостаточным использованием всего технического потенциала и низкой эффективностью [Dietvorst, Simmons, Massey, 2015].

Рассмотрение доверия к искусственному интеллекту в ситуациях экономических решений обнаруживает ряд важных результатов. Советы при принятии экономических решений от ИИ вызывают меньше доверия, чем рекомендации от человека [Винокуров, Садовская, 2023]. Хотя в принятии быстрых решений люди в большей степени склонны доверять ИИ, ориентируясь в первую очередь на критерий оперативности. Важно отметить, что согласно исследованиям, если человек и ИИ работают совместно, то такое партнёрство повышает их индивидуальную точность и улучшает совместный результат [Ulfert, Antoni, Ellwart, 2022]. В работе экономических систем совместная деятельность человека и ИИ позволяет снижать временные затраты на анализ данных, но при этом позволяет сохранять точность посредством адаптации человеком материала к контексту решения задачи, а также контроль соблюдения этики со стороны эксперта [Лукичев, 2024; Манахова, Маковская, 2025]. Но если партнёрство человек-ИИ подразумевает постоянную перепроверку друг друга, то это приводит к снижению общей результативности [Zhang, Lee, Carter, 2022].

Наиболее известные концепции доверия демонстрируют, что основания доверия технологиям и ИИ шире, чем ориентация только на их техническую точность и производительность (см., например, обзор эмпирических работ [Glikson, Woolley, 2020]). Зачастую техническая оценка дополняется социально-психологическими факторами, включающими морально-нормативную оценку ИИ и соответствие этой системы ценностным профилям пользователя. Это соотносится с классической моделью Р.С. Майера и его коллег, где доверие рассматривается не только через компонент способностей, но и через факторы благожелательности и честности [Mayer, Davis, Schoorman, 1995]. Следовательно, системное рассмотрение доверия к ИИ невозможно свести только к изучению его когнитивных аспектов, включающих восприятие полезности, точности, надёжности, ожидание производительности и другие факторы, широко представленные в ряде исследований [Xiong et al., 2023; Cheung, Ho, 2025; Kai, Ping, Xiaomin, 2026]. Если пользователи воспринимают автоматизированные системы как несправедливые или морально неправильные, то они не будут им доверять даже при широких возможностях их применения и их высокой технической точности [Bigman, Gray, 2018].

В структуре социально-психологических факторов доверия искусственному интеллекту выстраивается логика двух ключевых направлений: анализ ценностей и анализ моральных оснований. Исследования показывают устойчивую взаимосвязь между ценностями и доверием к цифровым инструментам, онлайн-сервисам, ИИ-технологиям [Morselli, Spini, Devos, 2012; Glikson, Woolley, 2020; You et al., 2022; Stanciu, Partsch, Lechner, 2024], в то время как экспериментальные данные демонстрируют высокую значимость конгруэнтности

ценностей пользователя и воспринимаемых ценностей ИИ-системы в повышении доверия к таким инструментам [Mehrotra, Jonker, Tielman, 2021]. Необходимо отметить, что ИИ не может обладать собственной субъективной системой ценностей, поэтому в ряде статей исследователи самостоятельно задают моделям ценностные приоритеты (посредством коэффициентов для каждой ценности). В свою очередь, конгруэнтность выражается в восприятии пользователями поведения ИИ-системы, сгенерированной на основании заданных ценностных приоритетов, и соотношении этого поведения с собственным ценностным профилем. Анализ моральных оснований определяет этическую допустимость использования нейросетей, а также доверие инструментам ИИ в социально чувствительных сферах, таких как здравоохранение, политика, управление, правосудие, образование [Awad et al, 2018; Jobin, Ienca, Vayena, 2019; Gerke, Minssen, Cohen, 2020]. Постоянное возрастание включённости ИИ в принятие социально значимых решений [Glikson, Woolley, 2020] повышает значимость ценностных и моральных оснований доверия пользователей к ИИ, которые модифицируют когнитивные оценки технических преимуществ автоматизированных систем.

В ряде исследований акцентируется внимание на возрастных различиях пользователей по доверию к нейросетям. Согласно некоторым эмпирическим данным, молодые люди, а также пользователи с более высоким уровнем образования демонстрируют более высокое доверие к ИИ-инструментам и готовность к их использованию. В то время как пожилые люди склонны к большему недоверию и скептицизму в отношении приватности и прозрачности алгоритмов работы ИИ [Horowitz, Kahn, 2021].

При этом в ряде работ, выполненных в другой исследовательской логике, нами были обнаружены позитивные установки пожилых людей по отношению к ИИ, к технологичным роботам [Gursoy et al., 2025], а также к цифровым технологиям в сфере здравоохранения [Anisha et al., 2025]. Необходимо подчеркнуть, что отмеченное нами, равно как и многими другими исследователями, дифференцированное отношение пожилых людей к современным технологиям обуславливается уровнем развития цифровой грамотности респондентов, принадлежащих к этой возрастной группе, и контекстом проводимых исследований [Li, Wei, 2025]. Поэтому пожилые люди демонстрируют высокие показатели доверия по отношению к нейросетевым инструментам, если, с их точки зрения, условия применения ИИ оптимальны: например, соблюдается условия простоты использования технологий, поддержки пользователей и безопасности.

Таким образом, доверие инструментам ИИ связано со скоростью внедрения технологий и готовностью делегировать ИИ часть решаемых ныне человеком задач. Это напрямую обуславливает экономическую целесообразность изучения данного феномена. Кроме того, уровень доверия связан с повышением эффективности выполнения поставленных ИИ задач и оптимизацией связанных с его применением затрат, а также точностью оценок рисков внедрения ИИ. Несмотря на значительный рост публикаций, связанных с развитием нейросетей, в том числе систематических обзоров, ныне большинство исследований сосредоточены на изучении когнитивных факторов доверия к ИИ. Основной акцент в таких работах смещён на восприятие и оценку технических характеристик ИИ-инструментов (их точности, простоте, компетентности, профессионализме, доступности, прозрачности, понятности). Однако социально-психологические характеристики, такие как ценности и моральные основания, анализируются фрагментарно. Рассмотренные теоретические предпосылки указывают на то, что моральная приемлемость использования нейросетей и ценностная конгруэнтность могут модерировать эффекты когнитивной оценки на доверие к ИИ-инструментам. Этот факт подчёркивает значимость анализа социально-психологических факторов (ценностей и моральных оснований) в структуре доверия к искусственному интеллекту и их прогностическую силу, в том числе в экономическом контексте. Поэтому целью данного теоретического исследования стало проанализировать роль ценностей и моральных оснований в структуре доверия искусственному интеллекту.

Материалы и методы исследования

Основным исследовательским методом был выбран сплошной теоретический обзор литературы, наточенный на целенаправленный поиск, отбор и анализ эмпирических работ, посвящённых изучению социально-психологических предикторов доверия ИИ. Данный обзор не включал в себя мета-анализ вследствие гетерогенности методологии исследований доверия к ИИ, а также невозможности сопоставлять количественные результаты опросных методов с экспериментальными данными и качественными интервью.

Поиск публикаций осуществлялся в ноябре–феврале 2025–2026 гг. в электронных библиографических базах Google Scholar, PubMed, а также РИНЦ. Поисковая стратегия заключалась в использовании комбинаций следующих ключевых слов: «социально-психологические предикторы OR socio-psychological predictors», «ценности OR personal values», «моральные основания OR moral foundations», «доверие к искусственному интеллекту OR AI trust», «искусственный интеллект OR ИИ OR artificial intelligence OR AI»². В итоговый аналитический корпус обзора вошли рецензируемые статьи, опубликованные в период 2018–2026 гг. В рамках критериев включения публикаций были выбраны следующие параметры: эмпирический характер работы, соответствие ключевым словам, английский или русский язык публикации, а также доступ к полному тексту или расширенной аннотации. Исключение составили источники, описывающие Теорию базовых человеческих ценностей Ш. Шварца и Теорию моральных оснований. После изучения аннотаций, удаления дубликатов и полнотекстового анализа работ, согласно обозначенным критериям, в итоговый обзор вошло 32 публикации.

Результаты

Ценности и доверие к искусственному интеллекту

Теория базовых человеческих ценностей была разработана Ш. Шварцем и впервые описана в 1992 г., представляя на данном этапе одну из наиболее популярных социально-психологических концепций ценностей. В рамках данной теории ценности рассматриваются как надситуативные цели, которые варьируются по важности и определяют поведение индивида или группы [Schwartz, 1992]. При изучении ценностей автор фокусировался на двух уровнях анализа: уровень культурных ценностей и уровень индивидуальных ценностей. Первоначально было идентифицировано 10 базовых ценностей, общепризнанных во всех изучаемых культурах — Универсализм, Благожелательность, Власть, Гедонизм, Достижения, Самостоятельность, Стимуляция, Безопасность, Конформность и Традиция. Позднее теория была дополнена до 19 ценностей, что обеспечило повышение прогностических возможностей, и получила широкое распространение в эмпирических исследованиях [Schwartz et al., 2012]. Все ценности организованы в циркулярную структуру, в которой противоположные полюса конфликтуют, а смежные ценности мотивационно совместимы. Ценности с высокими положительными связями между собой образуют ценности более высокого порядка, которые получили название «мета-ценности». На первом векторе мета-ценности «Открытости изменениям» (Самостоятельность, Стимуляция) противопоставлены ценностям «Сохранения» (Традиции, Конформность, Безопасность). Такая структура отражает мотивационный конфликт между стремлением к автономии, познанию нового, независимости и, напротив, ориентации на

² Так как материалом для анализа был значительный объём интернет-источников, то, естественно, при отборе данных в качестве вспомогательных использовались инструменты ИИ для ускорения процессов первичного поиска. Однако после проведения необходимых процедур верификации полученной информации инструменты ИИ не использовались для конечного обобщения научных результатов и создания текста статьи.

стабильность, следованию нормам, сохранении традиций. Вторую оппозицию представляют мета-ценности «Самоутверждения» (Власть, Достижение) и «Самопреодоления» (Благожелательность, Универсализм). Это измерение размещает ценности достижения личного успеха, доминирования, в противовес альтруистическим ориентирам, заботе о других людях, идеям общего равенства [Татарко, 2017]. При изучении поведения или влияния какого-либо внешнего фактора необходимо учитывать связь этих явлений не только с ценностями высшего порядка, но и с конкретными ценностями внутри каждого сектора. Теория базовых ценностей Ш. Шварца была многократно эмпирически валидирована в разных культурных контекстах и является надёжным конструктом с высокой прогностической силой в объяснении социально-психологических феноменов [Schwartz et al., 2012; Witte, Stanciu, Boehnke, 2020].

Кросс-культурное изучение связей личных ценностей исследователей из Китая и Германии и ИИ [Lammert et al., 2026] демонстрирует следующие взаимосвязи. Европейские респонденты проявляли большую осторожность по отношению к ИИ, а также отдавали приоритет ценностям Самопреодоления. Китайские исследователи продемонстрировали большее доверие к ИИ и ставили в приоритет ценности Самоутверждения и Сохранения. Стоит отметить, что наиболее значимыми оказались различия между немецкими и китайскими респондентами по вопросу «Я использую искусственный интеллект без каких-либо опасений» (у группы из Китая $M=3,2$, а у группы из Германии $M=2,3$). Помимо учёта культуральных особенностей, которые играют важнейшую роль в гетерогенности результатов данного исследования, можно предположить следующую интерпретацию полученных данных. Ценности Самоутверждения повышают доверие к нейросетевым инструментам как к средству достижения успеха, в то время как ценности Самопреодоления определяют больший скептицизм и недоверие по отношению к ИИ, так как ориентированы на анализ потенциальных социальных угроз и рисков.

В другом кросс-культурном исследовании подростков из 10 стран Юго-Восточной Европы ($N=10902$) изучались связи между ценностями, институциональным доверием и использованием цифровых услуг [Lep, Trunk, Babnik, 2022]. Хотя в представленном исследовании не рассматривается влияние ценностей на доверие к ИИ, однако обнаруживается опосредующая роль институционального доверия между ценностями у подростков (в частности, ценности Самопреодоления; ценности Самоутверждения) и использованием цифровых услуг. На основании эмпирических данных выстраивается следующая логика: ценности не имеют прямого влияния на использование цифровых услуг, однако они являются фактором, определяющим институциональное доверие. При этом доверие предсказывает готовность использовать технологии. Авторы отмечают нестабильность результатов и региональную вариативность регрессионных моделей, в частности, в тех странах, где интернет использовался реже, прогностическая сила доверия была менее значимой, чем в странах с более развитым использованием цифровых технологий.

Одна из наиболее перспективных областей повышения доверия к ИИ — адаптивная корректировка заданных ценностей ИИ ценностным профилям пользователей. В эмпирическом исследовании было показано, что доверительная расслабленность пользователей при взаимодействии с ИИ в большей степени связана с их личными ценностями [Tang, Ferronato, Bashir, 2023]. Стоит отметить, что наибольшую предсказательную силу в этом случае имели ценности Открытости изменениям, а также то, что ценности данного блока поддерживают сохранение доверия между человеком и автоматизированной системой в процессе дальнейшего взаимодействия. Интересно, что в другом исследовании ценности Открытости изменениям поддерживали доверие ИИ в работе со статьями о социальном взаимодействии и государственном секторе, в то время как этого эффекта не наблюдалось при работе ИИ со статьями по здравоохранению или образованию, где требовалось больше ответственных решений [Shen et al., 2025].

Сходство ценностей пользователей с воспринимаемыми ценностями моделей ИИ в литературе рассматривается как ключевой фактор формирования доверия к этим ИИ-инструментам. Такие выводы были получены в экспериментальном исследовании, где участники взаимодействовали с пятью нейросетями, обладающими различными ценностными профилями в ситуациях оценки рисков [Mehrotra, Jonker, Tielman, 2021]. ИИ-агенты, чьи ценности в большей степени совпадали с ценностными профилями пользователей, получали более высокие оценки по шкале доверия от респондентов. В другом исследовании авторы предложили модель адаптивной согласованности робота и человеческих ценностей в контексте доверия пользователя [Bhat et al., 2024]. Последующие эмпирические данные показали, что персонализированная настройка ценностного профиля робота в режиме реального времени связана с высоким доверием. Кроме того, адаптивное поведение робота на основании согласования ценностей приводит не только к повышению субъективного доверия, но и к возрастанию воспринимаемой полезности таких технологических решений.

Сходство ценностных профилей нейросетей и человека дополняются исследованиями, анализирующими ценностную согласованность ответов различных крупных языковых моделей (LLM) [Hadar-Shoval et al., 2024; Segerer, 2025; Shen et al., 2025]. В ответах всех изучаемых моделей наиболее высокую приоритезацию имели ценности Самопреодоления (такие, как Благожелательность, Универсализм). При этом в социально чувствительных областях ценности Самопреодоления связаны с повышением доверия к ИИ, если его применение не подвергает опасности жизнь и здоровье людей [Hadar-Shoval et al., 2024]. Если риск нарушения конфиденциальности воспринимается как следствие использования технологий, то повышается недоверие к таким системам. Различия были обнаружены по ценностям Самоутверждения, где DeepSeek преуменьшал ценности Власти и Достижений в сравнении с ChatGPT и Gemini. Такая особенность интерпретируется как коллективистская культурная тенденция, отличающаяся от этических систем западных моделей. Интересно, что ценностная согласованность между разными LLM-моделями определяет степень доверия ИИ-инструментов во взаимодействии друг с другом [Sakamoto, Uchida, Ishiguro, 2025]. Такие данные особенно важно рассматривать в контексте перспектив широкого внедрения ИИ, когда из взаимодействия будет полностью исключена модулирующая роль человека. Описанные исследования не направлены на изучение связи ценностей и доверия пользователей к ИИ. Однако становится очевидным, что рассмотрение содержания ценностных профилей конкретных нейросетевых инструментов (в том числе ценностная приоритезация, на основании которой происходит генерация ответов) необходима при оценке доверия пользователей к этим инструментам.

Ещё одна важнейшая цифровая область, наряду с ИИ, — сфера криптоинвестиций, представляющая большой экономический интерес для современного общества. При этом именно доверие и культурные ценности влияют на принятие криптовалют, а недоверие негативно связано с интересом к криптовалютам и готовностью их использовать [Jalan et al., 2023]. Кроме того, доверие укрепляет и усиливает связи между осведомлённостью о криптовалюте и готовностью использовать современные финансовые системы [Shahzad et al., 2024]. Исследования показывают, что ценности Открытости изменениям напрямую повышают осведомлённость о существовании криптовалют (вероятность выше в 3–13 раз), а ценности Самоутверждения повышают вероятность покупки на основании доверия к различным криптовалютам (вероятность выше 8–17 раз) [Stanciu, Partsch, Lechner, 2024]. В другом исследовании рассматривается связь между ценностями и стереотипами, связанными с банками и криптовалютами [Hobeika, Liew, Rajan, 2025]. Было показано, что ценности Самопреодоления (Гедонизм и Стимуляция), а также Безопасность влияют на стереотипы о цифровых финансовых технологиях и доверие к ним. При этом необходимо отметить, что в ряде исследований использование цифровых банковских услуг подразумевало взаимодействие с ИИ, что отчасти позволяет рассматривать такие результаты в контексте ИИ-систем.

Необходимо отметить, что существующие эмпирические работы, посвящённые изучению ценностей как факторов доверия к ИИ, носят фрагментарный характер. Более системный взгляд представлен в работах, посвящённых изучению совпадения ценностных профилей нейросетей и пользователей. Становится очевидным, что такое соотношение собственных ценностей и воспринимаемых ценностей ИИ вносит серьёзный вклад в формирование доверия к автоматизированным системам, позволяя в меньшей степени ориентироваться только на восприятие технических характеристик ИИ. В большинстве работ ценности рассматриваются как устойчивые предикторы доверия технологиям и принятия инноваций. При этом в контексте ИИ доверие зачастую рассматривается как модератор или медиатор связи ценностей в использовании нейросетей. Однако теоретические предпосылки, описанные выше, а также гипотетические обобщения и перспективы эмпирических исследований подчёркивают вклад базовых ценностей в развитие доверия ИИ. На этом основании формируется потребность в комплексных исследованиях ценностных ориентаций, прогнозирующих доверие к инструментам ИИ в разных сферах деятельности.

Моральные основания и доверие к ИИ

Теория моральных оснований (ТМО) была разработана Дж. Хайдтом с коллегами для изучения психологических факторов принятия политических решений в разных культурах, а также анализа социальных проблем [Graham et al., 2011]. Данная теория получила широкое развитие в последние несколько десятилетий, обобщив данные психологических, антропологических и когнитивных исследований механизмов нравственной оценки, а также структуры моральной сферы личности. Ключевым положением ТМО является отсутствие единого принципа, на который опираются моральные суждения. Предполагается, что моральные основания представляют собой условно независимые модули, сформированные в ходе эволюции как адаптивные решения коллективных задач в большинстве культур [Graham et al., 2013]. Именно эти механизмы обеспечивают первичную эмоционально-окрашенную оценку событий и поступков, которая в дальнейшем может обосновываться на когнитивном уровне, преимущественно в интересах межличностного взаимодействия. Первоначально теория обозначала пять базовых оснований морального выбора: забота, справедливость, лояльность группе, авторитет, чистота. Также в рамках ТМО подразумевались пять нарушений принципов, определённых каждым моральным основанием. Это — вред, несправедливость, предательство, подрыв авторитета, деградация. В более поздних редакциях теории было добавлено шестое основание — свобода/угнетение, отражающее чувствительное отношение к сохранению автономии [Graham et al., 2018]. Описанные моральные основания формируют две ключевые группы: индивидуализирующие и сплачивающие. Индивидуализирующие основания морального выбора = это забота и справедливость, которые характеризуются ориентацией на защиту прав личности, автономию и благополучие, а также подчёркивают идеи равенства и универсальности прав человека. К сплачивающим моральным основаниям относят лояльность к группе, авторитет и чистоту — т.е. те принципы, которые направлены на поддержание целостности группы, формирование групповой идентичности, уважение к иерархии власти и коллективным нормам. Таким образом, теория моральных оснований позволяет рассматривать мораль как многомерную, культурно-исторически сформированную, систему интуитивных оценок поведения, событий и социальных явлений, представляя один из наиболее перспективных современных подходов к изучению морально-нравственной сферы.

Повсеместное внедрение различных нейросетевых инструментов неизбежно актуализирует множество этических сложностей, в том числе прозрачность процессов генерации, приватность данных, академический обман, распознавание и использование продуктов взаимодействия с искусственным ИИ. Экономические исследования показывают, что этические проблемы (непрозрачность данных, справедливость, ответственность)

препятствуют широкому внедрению нейросетей, негативно влияют на экономический рост, снижают прибыль посредством ограничений моральной приемлемости, что в совокупности приводит к долгосрочному торможению роста ВВП, даже несмотря на оптимистичные сценарии роста производительности [Gondauri, 2025]. Перечисленные факторы, зачастую, становятся барьерами взаимодействия с ИИ у представителей различных социальных групп в силу их моральных убеждений. При этом приемлемость моральной оценки предопределяет степень доверия или недоверия пользователей к нейросетям. Теория моральных оснований позволяет прогнозировать вероятные реакции на этическое напряжение, возникающее из-за нравственной оценки действий и результатов работы ИИ, а также определять чувствительность человека к тому или иному этическому принципу.

Классическая теория моральных оснований часто рассматривается через содержательную характеристику нарушений каждого из принципов. В сфере ИИ особое внимание уделяется нарушению трёх базовых принципов — заботы, справедливости и чистоты. Теория моральных оснований описывает причинение вреда через разные виды насилия, к которым относятся физическое, эмоциональное, психологическое. В вопросах взаимодействия с ИИ причинение вреда проявляется в расистских или нецензурных ответах [Maninger, Shank, 2022], оценке действий военных [Malle, Magar, Scheutz, 2019], некорректном распределении медицинской [Bigman, Gray, 2018] или финансовой помощи [Eubanks, 2018]. Нарушение принципа справедливости цифровыми агентами обычно выражается в обмане и предоставлении ложной информации, алгоритмической предвзятости, основанной на несправедливом отборе людей или решений [Eubanks, 2018]. Обнаруженный факт предоставления ложной информации или несправедливых решений, исходящих от ИИ, значительно повышает недоверие к таким инструментам при дальнейшем взаимодействии. Наиболее характерные для нейросетей нарушения святости (чистоты) выражаются в продвижении сексуализированного контента [Shank, Gott, 2020], распространении и адаптации грубой, расистской, сексистской лексики, которую чат-боты могут перенимать у пользователей [Shank, DeSanti, 2018]. Однако необходимо отметить, что нарушение авторитета и лояльности в меньшей степени характерно для генеративных моделей. В первую очередь нужно учитывать, что каждый ИИ-инструмент действует под своим брендом, стараясь подчеркнуть свою лояльность к производителю, что обеспечивает ряд маркетинговых преимуществ перед конкурентами. Также важный фактор — низкая, на данном этапе, встроенность нейросетевых агентов в структуры власти, что не позволяет этим инструментам оказывать решающее влияние в ключевых вопросах [Maninger, Shank, 2022].

Тематика рассмотрения моральных основ доверия ИИ достаточно нова, однако она вызывает значительный интерес и у исследователей, и у экономических систем, готовых использовать ИИ-решения при выполнении своих задач и оптимизации рабочих процессов. Для изучения характера влияния двух моральных основ (восприятие вреда и восприятие несправедливости) была проведена серия эмпирических исследований [Sullivan, de Bourmont, Dunaway, 2022]. Основной целью этой работы было показать, каким образом формируется доверие между человеком и искусственными агентами. Было выявлено, что когнитивные оценки потенциального вреда и несправедливости с моральной точки зрения приводили к возрастанию тревоги и напрямую уменьшали доверие к системам искусственного интеллекта. Авторы подчёркивают, что нарушение значимых для человека моральных основ в цифровом взаимодействии с нейросетями (например, возможная предвзятость ИИ-инструментов или их ущерб) усиливает негативные эмоции и снижает доверие к таким системам.

Помимо изучения прямой взаимосвязи между моральными основаниями и доверием к ИИ в рамках данного обзора целесообразно также рассмотреть исследования моральных оснований как предикторов позитивного отношения и принятия цифровых технологий, что зачастую является следствием доверия к инновациям [Nagy, Hajdú, 2021;

Kauttonen, Rousi, Alamäki, 2025]. Так, в результате трёх масштабных исследований ($N=2209$) были обнаружены корреляции между политической идеологией/моральными основаниями и принятием технологических инноваций [*Claudy, Parkinson, Aquino, 2024*]. Для консерваторов были характерны сплывающие моральные основания (лояльность, чистота, авторитет) и низкое доверие к цифровым новшествам, тогда как для либералов — индивидуализирующие (забота и справедливость) и более высокое доверие к технологиям. Несмотря на это, в вопросах, связанных с инвестициями в криптовалюту, были обнаружены совершенно противоположные эффекты: наибольшее доверие к крипто-инвестициям были выявлены у респондентов с доминирующими связывающими моральными основаниями, такими как авторитет и лояльность [*Banker, Park, Chan, 2023*]. Следовательно, различия в структуре моральных оснований служат значимыми предикторами в содержании технологического поведения и доверия инновациям в цифровой среде.

Исследования в сфере здравоохранения показывают важнейшую роль доверия цифровым медицинским инструментам в контексте оценки этической приемлемости электронной медицины, что как следствие приводит к возрастанию готовности использовать эти нововведения [*Ruelas-Villavicencio et al., 2025*]. Нарушение приватности в данном контексте свидетельствует о девальвации моральных принципов свободы и справедливости и становится причиной снижения доверия пациентов цифровой медицине. Данные учёных из Финляндии демонстрируют, что наиболее высокие показатели доверия наблюдаются по отношению к неинвазивным инструментам мониторинга на основе ИИ [*Kauttonen, Rousi, Alamäki, 2025*], при использовании которых не возникает моральных дилемм, а ИИ не принимает никаких этических решений. Стоит также обратить внимание, что женщины демонстрировали большее недоверие и аккуратность по отношению к ИИ в системе здравоохранения. Этот эффект усиливался при рассмотрении таких модераторов, как уровень образования, установки к технологиям и условия использования.

В фокусе замены сотрудников, занятых в ключевых рабочих процессах, на ИИ-помощников также обнаруживается серия моральных дилемм. Качественное исследование включало в себя анализ интервью соискателей, которые взаимодействовали с нейросетевым HR-ассистентом [*Mirowska, Arsenyan, 2025*]. Обнаружено, что при процессе собеседования на новую должность нарушение всех шести моральных оснований косвенно приводило к снижению доверия ИИ-решениям (усиливались негативные реакции на ИИ, появлялось «ощущение неправильности»). При нарушении морального принципа «забота» ИИ воспринимался как «холодный, дегуманизированный», он общался с кандидатом как с числами, а при нарушении морального основания «справедливость» — снижалось доверие к честности процесса отбора. В ряде случаев респонденты отказывались участвовать в такого рода собеседованиях, аргументируя это нарушением авторитета человека.

Отдельный вопрос — доверие ИИ при решении этически сложных проблем. Согласно данным исследовательских отчётов, ключевое влияние на принятие решений при возникновении ситуаций необходимости решения моральных дилемм свою роль играют подсказки от автоматизированных систем [*Salatino et al., 2025*]. Кроме того, ответы чат-ботов влияют не только на преодоление спорных ситуаций, но и на смену ощущения ответственности за совершённые действия, в том числе размывают субъектную позицию пользователя. Широко изучаемая тема — сравнение моральных убеждений, вложенных в различные генеративные модели, и то, насколько эти нравственные принципы влияют на генерируемые ответы. Несмотря на общую аккуратность и осторожность генерируемых ответов, при их сопоставлении обнаруживаются элементы лицемерного и непоследовательного поведения абстрактных моральных представлений ИИ и конкретных ситуаций нравственного выбора [*Nunes et al., 2024*]. Такие проявления нарушений принципов справедливости и честности при ответах ИИ приводят к снижению к нему доверия, а также к готовности пользователей использовать конкретные

генеративные модели. Эмпирически подтверждено [Bajrai, Sameer, Fatima, 2025] и то, что на данном этапе развития технологий чат-боты не способны достичь присущего человеку уровня моральных рассуждений или комплексной оценки этически неочевидных дилемм. Хотя нельзя не учитывать, что рассмотрение данного тезиса подразумевает учёт переоценки людьми уникальности своего морального профиля, а это оказывается ключевым фактором недоверия к моральным оценкам ИИ [Purcell, Bonnefon, 2023], а также одним из факторов снижения доверия к инструментам ИИ в системе здравоохранения [Longoni, Bonezzi, Morewedge 2019].

Таким образом, существующие эмпирические работы показывают множество эмпирически подтверждённых взаимосвязей между моральными основаниями и доверием к ИИ. Совокупность индивидуализирующих и сплачивающих оснований морального выбора предсказывают доверие к различным нейросетевым инструментам. Тем не менее прогностичность развивающихся в этой сфере процессов во многом зависит от контекстуальных сценариев оценки действий ИИ, культурных и идеологических различий, а также методологических особенностей исследований. Основные предикторы доверия к ИИ в индивидуалистических культурах — моральные основания справедливости и заботы. Однако пренебрежение такими основаниями, как авторитет группы и святость (чистота) могут приводить к снижению доверия ИИ в консервативных сообществах. Становится очевидным, что влияние моральных оснований на оценку инструментов ИИ и доверие к ним необходимо рассматривать как многофакторный процесс, с учётом когнитивных представлений об ИИ-системах, ценностях, наличии установок на взаимодействие, а также сведений о контексте их применения. Отдельным дискуссионным вопросом остаётся этичность замены работников и оптимизация ряда процессов с помощью ИИ-ассистентов, а также моральная оценка и доверие сотрудников организации руководству, предпринимающему такие действия. Для разработчиков технологических

Таблица 1

Ценности и моральные основания как факторы доверия искусственному интеллекту

Социально-психологические факторы		Связь с доверием к ИИ	Характеристика связи
Ценности	Открытость изменениям (Openness to change)	Положительная	Ценности Открытости изменениям повышают доверие за счёт ориентации личности на новое, а также готовности к неопределённости. Искусственный интеллект рассматривается в качестве возможностей и инноваций
	Самоутверждение (Self-enhancement)	Положительная	Ценности данного блока повышают доверие в ситуациях использования искусственного интеллекта для расширения собственных возможностей, роста эффективности и достижения своих целей. Эффект усиливается при рассмотрении доверия к ИИ в профессиональных контекстах
	Самопреодоление (Self-transcendence)	Противоречивая	С одной стороны, эти ценности положительно связаны с повышением доверия в ситуациях, когда искусственный интеллект воспринимается в контексте социальной полезности обществу и характеризуется просоциальной направленностью. С другой стороны, наличие рисков причинения вреда или нарушения справедливости со стороны ИИ снижает доверие к нейросетям

Социально-психологические факторы		Связь с доверием к ИИ	Характеристика связи
Ценности	Сохранение (Conservation)	Отрицательная	Систематически снижает доверие из-за ориентации личности на стабильность, предсказуемость и соблюдение консервативных норм. Данные ценности связаны с восприятием искусственного интеллекта как источника угроз и неопределённости. При этом такая связь может модерироваться культурными особенностями
Моральные основания	Индивидуализирующие (Individualizing)	Противоречивая	Индивидуализирующие моральные основания (в особенности, забота и справедливость) формируют условное доверие, зависящее от оценки этичности ИИ: усиливают доверие при ожидании общественной пользы и справедливости, но резко снижают его при восприятии вреда или нарушения моральных норм
	Сплачивающие (binding)	Отрицательная	Сплачивающие моральные основания снижают доверие в ситуациях, когда использование ИИ нарушает групповую иерархию или подрывает авторитет, особенно в консервативных сообществах

Источник: составлено авторами на основании проведённого обзора литературы.

инноваций следует предусматривать механизмы адаптивной прозрачности, более чёткие алгоритмы конфиденциальности данных, а также возможности персонализации, снижающие этическое напряжение, которое может возникнуть между нейросетевым продуктом и моральными суждениями пользователей. Всё это повышает уровень доверия к используемым цифровым продуктам.

Результаты проведённого теоретического анализа современных исследований в контексте социально-психологических факторов доверия искусственному интеллекту обобщены в табл. 1.

Заключение

Таким образом, проведённый анализ литературы показывает, что социально-психологические факторы серьёзно влияют на формирование доверия к ИИ. Их необходимо учитывать наряду с когнитивными факторами, связанными с восприятием и оценкой нейросетей. В структуре социально-психологических факторов доверия к искусственному интеллекту наибольшую значимость имеют ценности и моральные основания.

При рассмотрении связи ценностей и доверия к искусственному интеллекту нами были обнаружены противоречивые результаты. С одной стороны, ценности Сохранения отрицательно связаны с доверием к нейросетевым инструментам. Отмечены значительная осторожность и скептицизм при взаимодействии с новыми технологиями. Ориентация на ценности Безопасность и Традиции сопрягается с возрастанием недоверия к ИИ и формированием негативных стереотипов о действиях автоматизированных систем. С другой стороны, такие взаимосвязи не всегда прогностичны, а их направление может модерироваться культурными особенностями. Например, на китайской выборке наблюдаются обратные тенденции, и приоритет ценностей Сохранения связан с высоким доверием ИИ. Ценности Открытости изменениям в большинстве случаев положительно связаны

с доверием к ИИ, за исключением ситуаций высоких рисков нарушения надёжности результатов работы, когда корреляция утрачивается, но не становится отрицательной. Ценности Самопреодоления также дают двойственный эффект при формировании доверия ИИ-технологиям. Если ИИ-инструменты направлены на достижение общественных благ и помощь людям в чувствительных областях, то пользователи склонны доверять таким технологиям. В то же время, если применение ИИ сопряжено с возрастанием рисков здоровью или конфиденциальности, то доверие снижается. Ценности Самоутверждения могут быть позитивно связаны с доверием ИИ в тех ситуациях, когда пользователи рассматривают ИИ-системы как эффективные инструменты достижения целей и расширения собственного потенциала.

Конгруэнтность между ценностями пользователей и воспринимаемыми ценностями ИИ — одна из наиболее изучаемых областей приложения ценностной теории Ш. Шварца к рассматриваемой сфере. Ценностная конгруэнтность выступает сильным положительным предиктором доверия к автоматизированным системам и значительно превосходит объяснительную силу воспринимаемых технологических предикторов. Следовательно, складывается тенденция высокой приоритезации адаптивной настройки LLM под ценностные профили пользователей при дальнейших разработках в сфере ИИ. Точечная корректировка ответов на основании ценностей пользователей значительно повышает доверие к таким инструментам, что приводит к снижению напряжения при внедрении инноваций и повышению экономической выгоды от использования ИИ-технологий.

В структуре моральных оснований обнаружены более устойчивые и однозначные связи индивидуализирующих и спланивающих принципов и доверия к ИИ-технологиям. Наиболее чувствительными моральными основаниями при формировании доверия ИИ выступают забота/вред и справедливость/несправедливость. Пользователи, которые ставят в приоритет индивидуализирующие моральные основания, склонны доверять искусственному интеллекту, если это связано с помощью людям и улучшением их благополучия, но нарушение этих принципов (несправедливость или причинение вреда) приводит к снижению доверия ИИ-системам. Пользователи, ориентированные на спланивающие моральные основания (авторитет, чистота, лояльность), в меньшей степени склонны доверять инструментам ИИ, особенно в социально-чувствительных сферах и личном использовании.

Перспективы исследований данной области обладают большим психологическим и экономическим потенциалом. Они должны быть сфокусированы вокруг создания динамической системной модели доверия ИИ, которая будет способна адаптироваться к стремительно меняющимся моральным и ценностным контекстам глобального цифрового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- Винокуров Ф.Н., Садовская Е.Д. (2023). Экспериментальное сравнение доверия искусственному интеллекту и человеку в экономических решениях // *Экспериментальная психология*. Т. 6. №2. С. 87–100. DOI: 10.17759/expsy.2023160206.
- Казун А.Д., Поршнев А.В. (2021). Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №6. С. 549–565. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1889.
- Лукичев П.М. (2024). Принятие решений в современной экономике: искусственный интеллект vs поведенческая экономика // *Вопросы инновационной экономики*. Т.14 №3. С. 649–666. DOI: 10.18334/vines.14.3.121070.
- Макаров М.Ю. (2020). Влияние искусственного интеллекта на производительность труда // *Экономика и управление*. Т. 26. №5. С. 479–486. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-5-479-486.
- Манахова И.В., Маковская А.М. (2025). Человек и искусственный интеллект в дискурсе поведенческой экономики // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. Т. 60. №3. С. 3–19. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-1.
- Петрунин Ю.Ю., Нуралиева Н.З. (2025). Доверие к технологиям генеративного искусственного интеллекта как зеркало доверия к институтам // *Государственное управление: электронный вестник*. №113. С. 22–30. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113-2025-22-30.

- Tatarco A.H. (2017). Взаимосвязь базовых человеческих ценностей и электорального поведения // *Социальная психология и общество*. Т. 8. №1. С. 17–37. DOI: 10.17759/sps.2017080102.
- Aghion P., Jones B.F., Jones C.I. (2017). Artificial Intelligence and Economic Growth // *NBER Working Papers*. No. 23928. DOI: 10.3386/w23928.
- Anisha S.A., Sen A., Ahmad B. et al. (2025). Exploring Acceptance of Digital Health Technologies for Managing Non-Communicable Diseases Among Older Adults: A Systematic Scoping Review // *Journal of Medical Systems*. Vol. 49. Article 35. DOI: 10.1007/s10916-025-02166-3.
- Awad E., Dsouza S., Kim R., Schulz J., Henrich J., Shariff A., Bonnefon J.F., Rahwan I. (2018). The Moral Machine experiment // *Nature*. Vol. 563. No. 7729. Pp. 59–64. DOI: 10.1038/s41586-018-0637-6.
- Bai X., Yang L. (2025). Research on the influencing factors of generative artificial intelligence usage intent in post-secondary education: An empirical analysis based on the AIDUA extended model // *Frontiers in Psychology*. Vol. 16. Article 1644209. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1644209.
- Bajpai S., Sameer A., Fatima R. (2025). Insights into Moral Reasoning of AI: A Comparative Study Between Humans and Large Language Models // *Journal of Media Ethics*. Pp. 1–15. DOI: 10.1080/23736992.2025.2553146.
- Banker S., Park J., Chan E.Y. (2023). The moral foundations of cryptocurrency: Evidence from Twitter and survey research // *Frontiers in Psychology*. Vol. 14. Article 1128575. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1128575.
- Bhat S. et al. (2024). Value alignment and trust in human-robot interaction: Insights from simulation and user study // *Discovering the frontiers of human-robot interaction: Insights and innovations in collaboration, communication, and control* / R. Vinjamuri (ed.). — Cham: Springer Nature Switzerland. Pp. 39–63. DOI: 10.1007/978-3-031-66656-8_3.
- Bigman Y.E., Gray K. (2018). People are averse to machines making moral decisions // *Cognition*. Vol. 181. Pp. 21–34. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.08.003.
- Cheung J.C., Ho S.S. (2025). The effectiveness of explainable AI on human factors in trust models // *Scientific Reports*. Vol. 15. Article 23337. DOI: 10.1038/s41598-025-04189-9.
- Claudy M.C., Parkinson M., Aquino K. (2024). Why should innovators care about morality? Political ideology, moral foundations, and the acceptance of technological innovations // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 203. Article 123384. DOI: 10.1016/j.techfore.2024.123384.
- Dietvorst B.J., Simmons J.P., Massey C. (2015). Algorithm aversion: people erroneously avoid algorithms after seeing them err // *Journal of experimental psychology. General*. Vol. 144. No. 1. Pp. 114–126. DOI: 10.1037/xge0000033.
- Eubanks V. (2018). *Automating inequality: How high-tech tools profile, police, and punish the poor*. — New York: St. Martin's Press.
- Filippucci F. et al. (2024). The impact of Artificial Intelligence on productivity, distribution and growth: Key mechanisms, initial evidence and policy challenges // *OECD Artificial Intelligence Papers*. No. 15 / OECD Publishing. — Paris. DOI: 10.1787/8d900037-en.
- Gerke S., Minssen T., Cohen G. (2020). Ethical and legal challenges of artificial intelligence-driven healthcare // *Artificial Intelligence in Healthcare* / A. Bohr, K. Memarzadeh (eds.). — Elsevier. Pp. 295–336. DOI: 10.1016/B978-0-12-818438-7.00012-5.
- Glikson E., Woolley A.W. (2020). Human Trust in Artificial Intelligence: Review of Empirical Research // *Academy of Management Annals*. Vol. 14. No. 2. Pp. 627–660. DOI: 10.5465/annals.2018.0057.
- Gondauri D. (2025). The impact of artificial intelligence on gross domestic product: A global analysis // arXiv preprint. ArXiv:2505.11989. DOI: 10.48550/arXiv.2505.11989.
- Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. (2011). Mapping the Moral Domain // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 101. No. 2. Pp. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847.
- Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S., Ditto P.H. (2013). Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 47. Pp. 55–130. DOI: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4.
- Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M. (2018). Moral Foundations Theory // *Atlas of Moral Psychology* / K. Gray, J. Graham (eds.). — New York, London: The Guilford Press. Pp. 211–222.
- Gursoy D., Della Corte V., del Gaudio G., Crisci A., Xu, Y. (2025). Factors influencing elderly adoption of artificial intelligence robots for aging-in-place: Motivators, barriers, and emotional impact // *Work, Aging and Retirement*. Article waaf016. DOI: 10.1093/workar/waaf016.
- Hadar-Shoval D., Asraf K., Mizrahi Y., Haber, Y., Elyoseph Z. (2024). Assessing the Alignment of Large Language Models With Human Values for Mental Health Integration: Cross-Sectional Study Using Schwartz's Theory of Basic Values // *JMIR Mental Health*. Vol. 11. Article e55988. DOI: 10.2196/55988.
- Hobeika J, Liew C.Y, Rajan M.E.S (2025). Are cryptocurrencies influenced by stereotypes and values? Evidence of the role of banker stereotypes and human values on cryptocurrency acceptance // *International Journal of Bank Marketing*. Vol. 43. No. 8. Pp. 1627–1661, DOI: 10.1108/IJBM-04-2024-0181.
- Horowitz M.C., Kahn L. (2021). What influences attitudes about artificial intelligence adoption: Evidence from U.S. local officials // *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 10. Article e0257732. DOI: 10.1371/journal.pone.0257732.

- Jalan A., Matkovskyy R., Urquhart A., Yarovaya L. (2023). The role of interpersonal trust in cryptocurrency adoption // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. Vol. 83. Article 101715. DOI: 10.1016/j.intfin.2022.101715.
- Jobin A., Ienca M., Vayena E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines // *Nature Machine Intelligence*. Vol. 1. Pp. 389–399. DOI: 10.1038/s42256-019-0088-2.
- Kai C., Ping W., Xiaomin J. (2026). AI anxiety and adoption intention in higher education based on an extended TAM-UTAUT and PLS-SEM analysis // *Scientific Reports*. Vol. 16. Article 3672. DOI: 10.1038/s41598-026-35823-9.
- Kauttonen J., Rousi R., Alamäki A. (2025). Trust and Acceptance Challenges in the Adoption of AI Applications in Health Care: Quantitative Survey Analysis // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 27. Article e65567. DOI: 10.2196/65567.
- Lammert D., Liu M., Betz S., Lammert J., Pfeffer J. (2026). Culturally-Aware Artificial Intelligence: Personal Values and Technology Acceptance among AI Researchers in China and Germany // *EAI Endorsed Transactions on Internet of Things*. Vol. 11. DOI: 10.4108/eetiot.10618.
- Lep Ž., Trunk A., Babnik K. (2022). Value Orientations and Institutional Trust as Contributors to the Adoption of Online Services in Youth: A Cross-Country Comparison // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Article 887587. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.887587.
- Li H., Wei X. (2025). Factors influencing older adults' adoption of AI voice assistants: Extending the UTAUT model // *Frontiers in Psychology*. Vol. 16. Article 1618689. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1618689.
- Longoni C., Bonezzi A., Morewedge C.K. (2019). Resistance to medical artificial intelligence // *Journal of Consumer Research*. Vol. 46. No. 4. Pp. 629–650. DOI: 10.1093/jcr/ucz013.
- Malle B.F., Magar S.T., Scheutz M. (2019). AI in the sky: How people morally evaluate human and machine decisions in a lethal strike dilemma // *Robotics and Well-Being. Intelligent Systems, Control and Automation: Science and Engineering* / A.M. Ferreira, S.J. Sequeira, S.G. Virk, M. Tokhi, E.E. Kadar (eds). — Vol. 95. — Cham: Springer International Publishing. Pp. 111–133. DOI: 10.1007/978-3-030-12524-0_11.
- Maninger T., Shank D.B. (2022). Perceptions of violations by artificial and human actors across moral foundations // *Computers in Human Behavior Reports*. Vol. 5. Article 100154. DOI: 10.1016/J.CHBR.2021.100154.
- Massachusetts Institute of Technology. (2025). *The GenAI divide: State of Business 2025*. URL: ai_report_2025.pdf (access date: 26.02.2026).
- Mayer R.C., Davis J.H., Schoorman F.D. (1995). An integrative model of organizational trust // *Academy of Management Review*. Vol. 20. No. 3. Pp. 709–734. DOI: 10.5465/amr.1995.9508080335.
- Mehrotra S., Jonker C.M., Tielman M.L. (2021). *More Similar Values, More Trust? — The Effect of Value Similarity on Trust in Human-Agent Interaction*. Proceedings of the 2021 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. Association for Computing Machinery. — New York. Pp. 777–783. DOI: 10.1145/3461702.3462576.
- Mirowska A., Arsenyan J. (2025). «It Feels Wrong»: Understanding Reactions to Artificial Intelligence as a Decision-Maker in Selection Through the Lens of Moral Foundations Theory // *International Journal of Selection and Assessment*. Vol. 34. Article e70039. DOI: 10.1111/ijsa.70039.
- Morselli D., Spini D., Devos T. (2012). Human Values and Trust in Institutions across Countries: A Multilevel Test of Schwartz's Hypothesis of Structural Equivalence // *Survey Research Methods*. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–60. DOI: 10.18148/srm/2012.v6i1.5090.
- Nagy S., Hajdú N. (2021). Consumer acceptance of the use of artificial intelligence in online shopping: Evidence from Hungary // *Amfiteatru Economic*. Vol. 23. No. 56. Pp. 155–173. DOI:10.24818/EA/2021/56/155.
- Nunes J.L. et al. (2024). Are large language models moral hypocrites? A study based on moral foundations // *Proceedings of the AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society*. Vol. 7. No. 1. Pp. 1074–1087. DOI: 10.48550/arXiv.2405.11100.
- Panari C., Lorenzi G., Mariani M.G. (2021). The Predictive Factors of New Technology Adoption, Workers' Well-Being and Absenteeism: The Case of a Public Maritime Company in Venice // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 8. No. 23. Article 12358. DOI: 10.3390/ijerph182312358.
- Purcell Z.A., Bonnefon J.F. (2023). Humans feel too special for machines to score their morals // *PNAS nexus*. Vol. 2. No. 6. Article pgad179. DOI: 10.1093/pnasnexus/pgad179.
- Robinette P. et al. (2016). Overtrust of robots in emergency evacuation scenarios // *11th ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction (HRI)*. — Christchurch, New Zealand. Pp. 101–108. DOI: 10.1109/HRI.2016.7451740.
- Ruelas-Villavicencio A.L., Contreras-Yáñez I., Gómez-Ruiz R.P., Zagaglia Del Valle M.C., Malagón-Liceaga A., Pascual-Ramos V. (2025). Digital health literacy is linked to attitudes regarding the ethical aspects of digital health among patients with dermatologic comorbidities // *PLOS ONE*. Vol. 20. No. 9. DOI: 10.1371/journal.pone.0330916.
- Sakamoto Y., Uchida T., Ishiguro H. (2025). Value-based large language model agent simulation for mutual evaluation of trust and interpersonal closeness // *Scientific Reports*. Vol. 15. Article 41653. DOI: 10.1038/s41598-025-25531-1.
- Salatino A., Prével A., Caspar E. et al. (2025). Influence of AI behavior on human moral decisions, agency, and responsibility // *Scientific Reports*. Vol. 15. Article 12329. DOI: 10.1038/s41598-025-95587-6.

- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. No. 1. Pp. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6.
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. (2012). Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 103. No. 4. Pp. 663–688. DOI: 10.1037/a0029393.
- Segerer R. (2025). Cultural value alignment in large language models: A prompt-based analysis of Schwartz values in Gemini, ChatGPT, and DeepSeek // *arXiv preprint*. ArXiv:2505.17112. DOI: 10.48550/arXiv.2505.17112.
- Shahzad M.F., Xu S., Lim W.M. et al. (2024). Cryptocurrency awareness, acceptance, and adoption: The role of trust as a cornerstone // *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 11. Article 4. DOI: 10.1057/s41599-023-02528-7.
- Shank D.B., DeSanti A. (2018). Attributions of morality and mind to artificial intelligence after real-world moral violations // *Computers in Human Behavior*. Vol. 86. Pp. 401–411. DOI: 10.1016/J.CHB.2018.05.014.
- Shank D.B., Gott A. (2020). Exposed by AIs! People personally witness artificial intelligence exposing personal information and exposing people to undesirable content // *International Journal of Human-Computer Interaction*. Vol. 36. No. 17. Pp. 1636–1645. DOI: 10.1080/10447318.2020.1768674.
- Shen H. et al. (2025). *ValueCompass: A framework for measuring contextual value alignment between human and LLMs* / Proceedings of the 9th Widening NLP Workshop. Pp. 75–86. DOI: 10.48550/arXiv.2409.09586.
- Stanciu A., Partsch M., Lechner C.M. (2024). Basic human values and the adoption of cryptocurrency // *Frontiers in Psychology*. Vol. 15. Article 1395674. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1395674
- Stein J.P., Messingschlager T., Gnambs T. et al. (2024). Attitudes towards AI: measurement and associations with personality // *Scientific Reports*. Vol. 14. Article 2909. DOI: 10.1038/s41598-024-53335-2.
- Sullivan Y., de Bourmont M., Dunaway M. (2022). Appraisals of harms and injustice trigger an eerie feeling that decreases trust in artificial intelligence systems // *Annals of Operations Research*. Vol. 308. Pp. 525–548. DOI: 10.1007/s10479-020-03702-9.
- Tang L., Ferronato P., Bashir M. (2023) Lecture Notes in Computer Science). Do Users' Values Influence Trust in Automation? // *Intelligent Human Computer Interaction. IHCI 2022. Lecture Notes in Computer Science.* / H. Zaynidinov, M. Singh, U.S. Tiwary, D. Singh (eds). — Cham: Springer. Vol. 13741. DOI: 10.1007/978-3-031-27199-1_30.
- Ulfert A.S., Antoni C.H., Ellwart T. (2022). The role of agent autonomy in using decision support systems at work // *Computers in Human Behavior*. Vol. 126. Article 106987. DOI:10.1016/j.chb.2021.106987.
- Vuori N., Burkhard B., Pitkäranta L. (2025). It's Amazing–But Terrifying!: Unveiling the Combined Effect of Emotional and Cognitive Trust on Organizational Member Behaviours, AI Performance, and Adoption // *Journal of Management Studies*. Vol. 63. No. 2. Pp. 473–514. DOI: 10.1111/joms.13177.
- Wen Y., Wang J., Chen X. (2025). Trust and AI weight: Human-AI collaboration in organizational management decision-making // *Frontiers in Organizational Psychology*. Vol. 3. Article 1419403. DOI: 10.3389/forfp.2025.1419403.
- Witte E.H., Stanciu A., Boehnke K. (2020). A New Empirical Approach to Intercultural Comparisons of Value Preferences Based on Schwartz's Theory // *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Article 1723. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01723.
- Xiong Y. et al. (2023). More trust or more risk? User acceptance of artificial intelligence virtual assistant // *Human Factors and Ergonomics In Manufacturing*. Vol. 34. No. 3. Pp. 190–205. DOI: 10.1002/hfm.21020.
- You Y., Hu Y., Yang W., Cao S. (2022). Research on the Influence Path of Online Consumers' Purchase Decision Based on Commitment and Trust Theory // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Article 916465. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.916465.
- Zhang Q., Lee M.L., Carter S. (2022). You complete me: Human-ai teams and complementary expertise // *CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. Article 114. Pp. 1–28. DOI: 10.1145/3491102.3517791.
- Zhang Q., Wang F., Liao G., Li M. (2025). How Does AI Trust Foster Innovative Performance Under Paternalistic Leadership? The Roles of AI Crafting and Leader's AI Opportunity Perception // *Behavioral Sciences*. Vol. 15. No. 8. Article 1064. DOI: 10.3390/bs15081064.

REFERENCES

- Aghion P., Jones B.F., Jones C.I. (2017). Artificial Intelligence and Economic Growth // *NBER Working Papers*. No. 23928. DOI: 10.3386/w23928.
- Anisha S.A., Sen A., Ahmad B. et al. (2025). Exploring Acceptance of Digital Health Technologies for Managing Non-Communicable Diseases Among Older Adults: A Systematic Scoping Review // *Journal of Medical Systems*. Vol. 49. Article 35. DOI: 10.1007/s10916-025-02166-3.
- Awad E., Dsouza S., Kim R., Schulz J., Henrich J., Shariff A., Bonnefon J.F., Rahwan I. (2018). The Moral Machine experiment // *Nature*. Vol. 563. No. 7729. Pp. 59–64. DOI: 10.1038/s41586-018-0637-6.
- Bai X., Yang L. (2025). Research on the influencing factors of generative artificial intelligence usage intent in post-secondary education: An empirical analysis based on the AIDUA extended model // *Frontiers in Psychology*. Vol. 16. Article 1644209. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1644209.

- Bajpai S., Sameer A., Fatima R. (2025). Insights into Moral Reasoning of AI: A Comparative Study Between Humans and Large Language Models // *Journal of Media Ethics*. Pp. 1–15. DOI: 10.1080/23736992.2025.2553146.
- Banker S., Park J., Chan E.Y. (2023). The moral foundations of cryptocurrency: Evidence from Twitter and survey research // *Frontiers in Psychology*. Vol. 14. Article 1128575. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1128575.
- Bhat S. et al. (2024). Value alignment and trust in human-robot interaction: Insights from simulation and user study // *Discovering the frontiers of human-robot interaction: Insights and innovations in collaboration, communication, and control* / R. Vinjamuri (ed.). — Cham: Springer Nature Switzerland. Pp. 39–63. DOI: 10.1007/978-3-031-66656-8_3.
- Bigman Y.E., Gray K. (2018). People are averse to machines making moral decisions // *Cognition*. Vol. 181. Pp. 21–34. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.08.003.
- Cheung J.C., Ho S.S. (2025). The effectiveness of explainable AI on human factors in trust models // *Scientific Reports*. Vol. 15. Article 23337. DOI: 10.1038/s41598-025-04189-9.
- Claudy M.C., Parkinson M., Aquino K. (2024). Why should innovators care about morality? Political ideology, moral foundations, and the acceptance of technological innovations // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 203. Article 123384. DOI: 10.1016/j.techfore.2024.123384.
- Dietvorst B.J., Simmons J.P., Massey C. (2015). Algorithm aversion: people erroneously avoid algorithms after seeing them err // *Journal of experimental psychology. General*. Vol. 144. No. 1. Pp. 114–126. DOI: 10.1037/xge0000033.
- Eubanks V. (2018). *Automating inequality: How high-tech tools profile, police, and punish the poor*. — New York: St. Martin's Press.
- Filippucci F. et al. (2024). The impact of Artificial Intelligence on productivity, distribution and growth: Key mechanisms, initial evidence and policy challenges // *Artificial Intelligence Papers*. No. 15. OECD Publishing. Paris. DOI: 10.1787/8d900037-en.
- Gerke S., Minssen T., Cohen G. (2020). Ethical and legal challenges of artificial intelligence-driven healthcare // *Artificial Intelligence in Healthcare* / A. Bohr, K. Memarzadeh (eds.). — Elsevier. Pp. 295–336. DOI: 10.1016/B978-0-12-818438-7.00012-5.
- Glikson E., Woolley A.W. (2020). Human Trust in Artificial Intelligence: Review of Empirical Research // *Academy of Management Annals*. Vol. 14. No. 2. Pp. 627–660. DOI: 10.5465/annals.2018.0057.
- Gondauri D. (2025). The impact of artificial intelligence on gross domestic product: A global analysis // *arXiv preprint*. ArXiv:2505.11989. DOI: 10.48550/arXiv.2505.11989.
- Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. (2011). Mapping the Moral Domain // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 101. No. 2. Pp. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847.
- Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S., Ditto P.H. (2013). Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 47. Pp. 55–130. DOI: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4.
- Graham J., Haidt J., Motyl M., Meindl P., Iskiwitch C., Mooijman M. (2018). Moral Foundations Theory // *Atlas of Moral Psychology* / K. Gray, J. Graham (eds.). — New York, London: The Guilford Press. Pp. 211–222.
- Gursoy D., Della Corte V., del Gaudio G., Crisci A., Xu, Y. (2025). Factors influencing elderly adoption of artificial intelligence robots for aging-in-place: Motivators, barriers, and emotional impact // *Work, Aging and Retirement*. Article waaf016. DOI: 10.1093/workar/waaf016.
- Hadar-Shoval D., Asraf K., Mizrahi Y., Haber, Y., Elyoseph Z. (2024). Assessing the Alignment of Large Language Models With Human Values for Mental Health Integration: Cross-Sectional Study Using Schwartz's Theory of Basic Values // *JMIR Mental Health*. Vol. 11. Article e55988. DOI: 10.2196/55988.
- Hobeika J, Liew C.Y, Rajan M.E.S (2025). Are cryptocurrencies influenced by stereotypes and values? Evidence of the role of banker stereotypes and human values on cryptocurrency acceptance // *International Journal of Bank Marketing*. Vol. 43. No. 8. Pp. 1627–1661. DOI: 10.1108/IJBM-04-2024-0181.
- Horowitz M.C., Kahn L. (2021). What influences attitudes about artificial intelligence adoption: Evidence from U.S. local officials // *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 10. Article e0257732. DOI: 10.1371/journal.pone.0257732.
- Jalan A., Matkovskyy R., Urquhart A., Yarovaya L. (2023). The role of interpersonal trust in cryptocurrency adoption // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. Vol. 83. Article 101715. DOI: 10.1016/j.intfin.2022.101715.
- Jobin A., Ienca M., Vayena E. (2019). The global landscape of AI ethics guidelines // *Nature Machine Intelligence*. Vol. 1. Pp. 389–399. DOI: 10.1038/s42256-019-0088-2.
- Kai C., Ping W., Xiaomin J. (2026). AI anxiety and adoption intention in higher education based on an extended TAM-UTAUT and PLS-SEM analysis // *Scientific Reports*. Vol. 16. Article 3672. DOI: 10.1038/s41598-026-35823-9.
- Kauttonen J., Rousi R., Alamäki A. (2025). Trust and Acceptance Challenges in the Adoption of AI Applications in Health Care: Quantitative Survey Analysis // *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 27. Article e65567. DOI: 10.2196/65567.
- Kazun A.D., Porshnev A.V. (2021). Who Believes in Conspiracy Theories? Factors Influencing Propensity for Conspiracy Thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. Pp. 549–565. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1889 (In Russ.).

- Lammert D., Liu M., Betz S., Lammert J., Pfeffer, J. (2026). Culturally-Aware Artificial Intelligence: Personal Values and Technology Acceptance among AI Researchers in China and Germany // *EAI Endorsed Transactions on Internet of Things*. Vol. 11. DOI: 10.4108/eetiot.10618
- Lep Ž., Trunk A., Babnik K. (2022). Value Orientations and Institutional Trust as Contributors to the Adoption of Online Services in Youth: A Cross-Country Comparison // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Article 887587. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.887587
- Li H., Wei X. (2025). Factors influencing older adults' adoption of AI voice assistants: Extending the UTAUT model // *Frontiers in Psychology*. Vol. 16. Article 1618689. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1618689.
- Longoni C., Bonezzi A., Morewedge C.K. (2019). Resistance to medical artificial intelligence // *Journal of Consumer Research*. Vol. 46. No. 4. Pp. 629–650. DOI: 10.1093/jcr/ucz013.
- Lukichev P.M. (2024). Decision-making in the modern economy: artificial intelligence vs. behavioral economics // *Issues of Innovation Economics*. Vol. 14. No. 3. Pp. 649–666. DOI: 10.18334/vinec.14.3.121070 (In Russ.).
- Makarov M.Yu. (2020). The Impact of Artificial Intelligence on Productivity // *Economics and Management*. Vol. 26. No. 5. Pp. 479–486. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-5-479-486 (In Russ.).
- Malle B.F., Magar S.T., Scheutz M. (2019). AI in the sky: How people morally evaluate human and machine decisions in a lethal strike dilemma // *Robotics and Well-Being. Intelligent Systems, Control and Automation: Science and Engineering* / A.M. Ferreira, S.J. Sequeira, S.G. Virk, M. Tokhi, E.E. Kadar (eds). Vol. 95. — Cham: Springer International Publishing. Pp. 111–133. DOI: 10.1007/978-3-030-12524-0_11.
- Manakhova I.V., Makovskaya A.M. (2025). Human and artificial intelligence in the discourse of behavioral economics // *Lomonosov Economics Journal*. Vol. 60. No. 3. Pp. 3–19. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-3-1 (In Russ.).
- Maninger T., Shank D.B. (2022). Perceptions of violations by artificial and human actors across moral foundations // *Computers in Human Behavior Reports*. Vol. 5. Article 100154. DOI: 10.1016/J.CHBR.2021.100154.
- Massachusetts Institute of Technology. (2025). *The GenAI divide: State of Business 2025*. URL: ai_report_2025.pdf (access date: 26.02.2026).
- Mayer R.C., Davis J.H., Schoorman F.D. (1995). An integrative model of organizational trust // *Academy of Management Review*. Vol. 20. No. 3. Pp. 709–734. DOI: 10.5465/amr.1995.9508080335.
- Mehrotra S., Jonker C.M., Tielman M.L. (2021). *More Similar Values, More Trust? — The Effect of Value Similarity on Trust in Human-Agent Interaction*. Proceedings of the 2021 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. Association for Computing Machinery. — New York. Pp. 777–783. DOI: 10.1145/3461702.3462576.
- Mirowska A., Arsenyan J. (2025). «It Feels Wrong»: Understanding Reactions to Artificial Intelligence as a Decision-Maker in Selection Through the Lens of Moral Foundations Theory // *International Journal of Selection and Assessment*. Vol. 34. Article e70039. DOI: 10.1111/ijsa.70039.
- Morselli D., Spini D., Devos T. (2012). Human Values and Trust in Institutions across Countries: A Multilevel Test of Schwartz's Hypothesis of Structural Equivalence // *Survey Research Methods*. Vol. 6. No. 1. Pp. 49–60. DOI: 10.18148/srm/2012.v6i1.5090.
- Nagy S., Hajdú N. (2021). Consumer acceptance of the use of artificial intelligence in online shopping: Evidence from Hungary // *Amfiteatru Economic*. Vol. 23. No. 56. Pp. 155–173. DOI:10.24818/EA/2021/56/155.
- Nunes J.L. et al. (2024). Are large language models moral hypocrites? A study based on moral foundations // *Proceedings of the AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society*. Vol. 7. No. 1. Pp. 1074–1087. DOI: 10.48550/arXiv.2405.11100.
- Panari C., Lorenzi G., Mariani M.G. (2021). The Predictive Factors of New Technology Adoption, Workers' Well-Being and Absenteeism: The Case of a Public Maritime Company in Venice // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 8. No. 23. Article 12358. DOI: 10.3390/ijerph182312358.
- Petrinin Y.Y., Nuralieva N.Z. (2025). Trust in Generative Artificial Intelligence as a Mirror of Institutional Trust // *Public Administration: E-journal*. Vol. 113. Pp. 22–30. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113-2025-22-30 (In Russ.).
- Purcell Z.A., Bonnefon J.F. (2023). Humans feel too special for machines to score their morals // *PNAS nexus*. Vol. 2. No. 6. Article pgad179. DOI: 10.1093/pnasnexus/pgad179.
- Robinette P. et al. (2016). *Overtrust of robots in emergency evacuation scenarios* // 11th ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction (HRI). — Christchurch, New Zealand. Pp. 101–108. DOI: 10.1109/HRI.2016.7451740.
- Ruelas-Villavicencio A.L., Contreras-Yáñez I., Gómez-Ruiz R.P., Zagaglia Del Valle M.C., Malagón-Liceaga A., Pascual-Ramos V. (2025). Digital health literacy is linked to attitudes regarding the ethical aspects of digital health among patients with dermatologic comorbidities // *PLOS ONE*. Vol. 20. No. 9. DOI: 10.1371/journal.pone.0330916.
- Sakamoto Y., Uchida T., Ishiguro H. (2025). Value-based large language model agent simulation for mutual evaluation of trust and interpersonal closeness // *Scientific Reports*. Vol. 15. Article 41653. DOI: 10.1038/s41598-025-25531-1.
- Salatino A., Prével A., Caspar E. et al. (2025). Influence of AI behavior on human moral decisions, agency, and responsibility // *Scientific Reports*. Vol. 15. Article 12329. DOI: 10.1038/s41598-025-95587-6.

- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. No. 1. Pp. 1–65. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6.
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. (2012). Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 103. No. 4. Pp. 663–688. DOI: 10.1037/a0029393.
- Segeber R. (2025). Cultural value alignment in large language models: A prompt-based analysis of Schwartz values in Gemini, ChatGPT, and DeepSeek // *arXiv preprint*. ArXiv:2505.17112. DOI: 10.48550/arXiv.2505.17112.
- Shahzad M.F., Xu S., Lim W.M. et al. (2024). Cryptocurrency awareness, acceptance, and adoption: The role of trust as a cornerstone // *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 11. Article 4. DOI: 10.1057/s41599-023-02528-7.
- Shank D.B., DeSanti A. (2018). Attributions of morality and mind to artificial intelligence after real-world moral violations // *Computers in Human Behavior*. Vol. 86. Pp. 401–411. DOI: 10.1016/j.chb.2018.05.014.
- Shank D.B., Gott A. (2020). Exposed by AIs! People personally witness artificial intelligence exposing personal information and exposing people to undesirable content // *International Journal of Human-Computer Interaction*. Vol. 36. No. 17. Pp. 1636–1645. DOI: 10.1080/10447318.2020.1768674.
- Shen H. et al. (2025). ValueCompass: A framework for measuring contextual value alignment between human and LLMs / Proceedings of the 9th Widening NLP Workshop. Pp. 75–86. DOI: 10.48550/arXiv.2409.09586.
- Stanciu A., Partsch M., Lechner C.M. (2024). Basic human values and the adoption of cryptocurrency // *Frontiers in Psychology*. Vol. 15. Article 1395674. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1395674.
- Stein J.P., Messingschlager T., Gnams T. et al. (2024). Attitudes towards AI: measurement and associations with personality // *Scientific Reports*. Vol. 14. Article 2909. DOI: 10.1038/s41598-024-53335-2.
- Sullivan Y., de Bourmont M., Dunaway M. (2022). Appraisals of harms and injustice trigger an eerie feeling that decreases trust in artificial intelligence systems // *Annals of Operations Research*. Vol. 308. Pp. 525–548. DOI: 10.1007/s10479-020-03702-9.
- Tang L., Ferronato P., Bashir M. (2023). Do Users' Values Influence Trust in Automation? // *Intelligent Human Computer Interaction. IHCI 2022. Lecture Notes in Computer Science* / H. Zaynidinov, M. Singh, U.S. Tiwary, D. Singh (eds). — Cham: Springer. Vol. 13741. DOI: 10.1007/978-3-031-27199-1_30.
- Tatarko A.N. (2017). The relationship of basic human values and voting behavior // *Social Psychology and Society*. Vol. 8. No. 1. Pp. 17–37. DOI: 10.17759/sps.2017080102 (In Russ.).
- Ulfert A.S., Antoni C.H., Ellwart T. (2022). The role of agent autonomy in using decision support systems at work // *Computers in Human Behavior*. Vol. 126. Article 106987. DOI:10.1016/j.chb.2021.106987.
- Vinokurov F.N., Sadovskaya E.D. (2023). Whom We Trust More: AI-driven vs. Human-driven Economic Decision-Making // *Experimental Psychology*. Vol. 16. No. 2. Pp. 87–100. DOI: 10.17759/exppsy.2023160206 (In Russ.).
- Vuori N., Burkhard B., Pitkäranta L. (2025). It's Amazing—But Terrifying!: Unveiling the Combined Effect of Emotional and Cognitive Trust on Organizational Member Behaviours, AI Performance, and Adoption // *Journal of Management Studies*. Vol. 63. No. 2. Pp. 473–514. DOI: 10.1111/joms.13177.
- Wen Y., Wang J., Chen X. (2025). Trust and AI weight: Human-AI collaboration in organizational management decision-making // *Frontiers in Organizational Psychology*. Vol. 3. Article 1419403. DOI: 10.3389/forgp.2025.1419403.
- Witte E.H., Stanciu A., Boehnke K. (2020). A New Empirical Approach to Intercultural Comparisons of Value Preferences Based on Schwartz's Theory // *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Article 1723. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01723.
- Xiong Y. et al. (2023). More trust or more risk? User acceptance of artificial intelligence virtual assistant // *Human Factors and Ergonomics In Manufacturing*. Vol. 34. No. 3. Pp. 190–205. DOI: 10.1002/hfm.21020.
- You Y., Hu Y., Yang W., Cao S. (2022). Research on the Influence Path of Online Consumers' Purchase Decision Based on Commitment and Trust Theory // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Article 916465. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.916465.
- Zhang Q., Lee M.L., Carter S. (2022). You complete me: Human-ai teams and complementary expertise // *CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. Article 114. Pp. 1–28. DOI: 10.1145/3491102.3517791.
- Zhang Q., Wang F., Liao G., Li M. (2025). How Does AI Trust Foster Innovative Performance Under Paternalistic Leadership? The Roles of AI Crafting and Leader's AI Opportunity Perception // *Behavioral Sciences*. Vol. 15. No. 8. Article 1064. DOI: 10.3390/bs15081064.

Самойлов Олег Михайлович

ORCID: 0009-0005-1509-7225

osamoilov1@gmail.com

Oleg Samoilov

PhD student, Research assistant, Center for Socio-Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0009-0005-1509-7225

osamoilov1@gmail.com

Татарко Александр Николаевич

ORCID: 0000-0001-7557-9107

tatatrko@yandex.ru

Alexander Tatarko

ORCID: 0000-0001-7557-9107

Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, Chief Researcher, Center for Socio-Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

tatatrko@yandex.ru

**SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF TRUST IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE:
STATE OF RESEARCH**

Abstract. The article presents a theoretical review of literature from the last ten years devoted to the analysis of socio-psychological factors of trust in artificial intelligence. The widespread adoption of automated artificial intelligence systems, which is associated with expected economic growth, reduced resource costs, and the optimization of various work processes, often faces user distrust in new tools and a reluctance to transform traditional work processes. The combination of factors that reduce trust in artificial intelligence leads to low economic efficiency in the implementation of innovations, despite the wide range of technical possibilities. In addition to the importance of considering cognitive and affective factors of trust in artificial intelligence, socio-psychological aspects that determine the ethical and value acceptability of using automated AI systems are of particular significance. Theoretical analysis revealed that individualizing moral foundations are positively associated with trust in artificial intelligence in situations where the use of AI systems benefits society. Users who prioritize binding moral foundations demonstrate greater distrust of artificial intelligence and are less willing to delegate some tasks to automated assistants. The values of Openness to Change and Self-transcendence are more positively associated with trust in AI and digital innovation, excluding situations of high risk to life or social injustice. The values of Self-Enhancement are also positively associated with trust in AI tools, but mainly in situations where artificial intelligence simplifies the achievement of the user's goals or expands human capabilities to do so. There is a heterogeneous structure of relationships between Conservation values and trust in artificial intelligence, due to cultural characteristics. However, it should be noted that Conservation values are most often considered predictors of distrust in automated AI systems. The importance of considering value congruence between users and perceived AI profiles is discussed. For AI system developers, there is a need to pay special attention to the possibilities of adaptive personalized adjustment of the value profiles of generative models to users, which will lead to more effective human-machine interaction. The article highlights the areas of future research in this field as part of the development of a systemic model of trust in artificial intelligence.

Keywords: *trust, artificial intelligence, socio-psychological factors, values, moral foundations.*

JEL: O33, D83, M15, A13, Z13.